

ООО «Наука и образование»

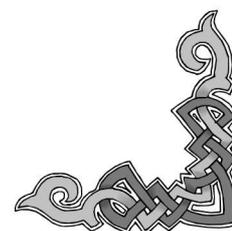
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 4
2019**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2019, № 4

**(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)**

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

**Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.**

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

**Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

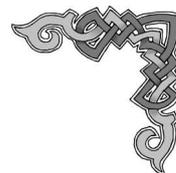
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по науке;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Karepova S. Gennadyevna, candidate of sociological sciences, the deputy director of Institute socially-political researches of the Russian Academy of Sciences on science;

Kleshchina E. Nikolaevna, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Konovalev S. Ivanovich, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Ph.D, Professor, Dean of the Faculty of Law in the Kuban State Agricultural University, Head of International Private and Business Law Department at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Markova-Murasheva S. Aleksandrovna, the doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

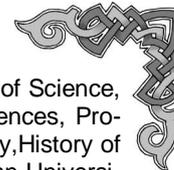
Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, Doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, Doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, the editor-in-chief «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

**Клещина Елена Николаевна,
Кузнецов Вячеслав Николаевич.**

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
--------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабинцев В.П., Конев И.В., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. Аналитическое моделирование современного города как социобиотехнической системы	15
Белевич А.А. Социологические аспекты проведения ротации государственных гражданских служащих в Европе (на примере Германии и Франции)	20
Бояринова И.В. Анализ современного состояния исследования геронтологического эйджизма как социальной проблемы	25
Гафиатулина Н.Х., Любецкий Н.П., Захарова Т.Ю. Социальное здоровье в условиях киберсоциализации российской молодежи: к вопросу обеспечения информационной безопасности молодежи	28
Кудинова О.Д. Влияние массовых открытых онлайн-курсов на социализацию студентов	32
Куршнева Е.Л. Глобализация и регионализация как ведущие процессы мирового развития	35
Лагутин Ю.В. Цифровые технологии как инструмент власти	39
Лядова А.В., Панич Н.А. Социальный градиент здоровья как отражение социального неравенства: теоретические подходы	42
Надуткина И.Э., Тарабаева В.Б., Иващенко С.А. Влияние виртуальной реальности на самореализацию студенческой молодежи	47
Пономарев И.Е., Ляшко Г.И. Спорт в среде студенческой молодежи как компонент физической культуры и фактор подготовки спортсменов	50
Скородумова О.Б. Новые формы социальной активности и творческой деятельности в сетевом обществе	54
Шеромов Л.А. Стратегия устойчивого развития общества	58

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анфиногенов В.А. Ценности осужденных и их значение в местах лишения свободы	69
Анфиногенов В.А. Отдельные проблемы соблюдения прав и законных интересов осужденных, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях	72
Анфиногенов В.А. Проблемные вопросы организации профессионального обучения лиц, содержащихся в условиях изоляции	75
Анфиногенов В.А. К вопросу об эффективности меры взыскания в виде водворения в штрафной изолятор в исправительных учреждениях	78
Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Ноздрин Д.А. Административно-территориальная политика Российской империи в Сибири	81
Бугаенко Ю.Ю. Факторы, стимулирующие криминализацию российского общества в период социальных трансформаций	85

Ватутина О.Ю. Проблемные вопросы допроса специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам	90
Вишневецкий К.В. Характеристика бродяжничества как социального явления	93
Германова С.Е., Самброс Н.Б., Петухов Н.В. Экологические правонарушения, обусловленные оборотом нефти и нефтепродуктов	98
Глебова Ю.Я., Река И.Ю. Место и роль судебной экспертизы в арбитражном процессе	101
Данилов Д.Б., Вишневецкий Д.К. Проблемы соотношения и разграничения гражданского и административного судопроизводства	105
Долина И.О. О трансформации подходов к исследованию понятия «право» в отечественной теоретико-правовой науке	109
Иваненко И.Н., Григорян А.А. Проблемные аспекты института финансовой ответственности	114
Иваненко И.Н., Очаковский В.А., Пастухов М.М. Институт рецидива налогового правонарушения в налоговом праве Российской Федерации	118
Каракай М.И. К вопросу о понятии и содержании термина «имущественный вред» в уголовном судопроизводстве	122
Карлеба В.А. Особенности легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем в Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв.	125
Карпов О.В., Семенов С.А., Баранова А.В. К вопросу о значимости практического взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества в сфере обеспечения общественного порядка	131
Лозовский Д.Н., Санкин А.И., Фефелов В.Н. Отдельные аспекты расследования преступлений в сфере незаконной банковской деятельности, совершенные в составе организованной группы	136
Нилова Л.А. Современные пути реализации права несовершеннолетних осужденных на психологическую помощь	139
Оспичев И.М. Аморальный поступок как основание прекращения трудовых отношений	142
Очаковский В.А., Крутова Я.А., Найдёнова М.Н. Особенности правового регулирования наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (на примере Краснодарского края)	146
Петренко Е.Г., Клец А.О. Институт современной медиации в зарубежных странах	150
Руденко А.В., Пятница Е.Ю. Об актуальности проблемы психологического воздействия на судью в арбитражном процессе	154
Савин А.А., Семенов С.А. Правовые коллизии осуществления защиты при рассмотрении вопроса о применении принудительных мер медицинского характера	157
Смирнов А.М. Малолетство как признак беспомощного состояния лица при изнасиловании: некоторые вопросы теории и квалификации	161
Тарькин В.К., Тулиёва В.В. Предупреждение побегов из мест лишения свободы	164
Умархаджиева С.Р. Место социальной работы в системе ювенальной юстиции	168
Фисун А.В. Некоторые аспекты становления оперативно-разыскной деятельности в России	171

Хоменко С.М., Карягина А.В., Борисова А.А. Социальные и правовые особенности коррупционных проявлений в России	174
Шаназарова Е.В., Зыков Д.А., Гудков А.И. Основные проблемы законодательного регулирования рекламной деятельности и пути их решения	178
Шульга А.К. Сравнительная характеристика банкротства граждан в Российской Федерации и зарубежных странах	181
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Азитов Р.Ш. О роли домохозяйств как скрытых участников рынка труда	187
Акопова Е.С., Попова Л.К., Пиливанова Е.К. Глобальная конкурентоспособность цифрового потенциала транспортной инфраструктуры	189
Альнакула Мажд, Флигинских Т.Н. Подходы к оценке и контролю деятельности коммерческих банков	193
Дементьев М.Р. Анализ используемого механизма оценки эффективности государственных учреждений	198
Идрисов Н.Р. Оценка и учет условных обязательств банковского сектора	200
Карепина О.И., Богославцева Л.В., Богданова О.Ю. Развитие государственного финансового контроля в контексте программно-проектного бюджетирования	204
Климовицкий С.В., Осипов Г.В. Влияние цифровизации экономики на рынок труда	212
Коновалова Т.В., Надирян С.Л., Кузьмина М.А. Методы снижения транспортно-логистических затрат предприятия торговли	217
Нестеренко М.А. Управление процессами интеграции бизнеса в контексте межотраслевого взаимодействия	221
Нестеренко М.А., Бережной А.В. Особенности государственной политики в экономической и социальной сферах: частные аспекты	224
Терещенко Л.В. Современные требования к внутренним и внешним коммуникациям в сфере страхования	227
Трещеткин Б.С. Основные проблемы кадрового обеспечения строительной отрасли	231
Туркина Д.Е., Зарецкий А.А. Три ключевых проблемы автоматизации бизнес-процессов в коммерческих банках	235

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Valentin P. Babintsev, Ivan V. Konev, Galina N. Gaidukova, Zhanna A. Shapoval Analytical modeling of the modern city as sociobiotechnical systems	15
Alexander A. Belevich Sociological aspects of the rotation of civil servants in Europe (for example, Germany and France)	20
Irina V. Boyarinova Analysis of the current state of research gerontological ageism as a social problem	25
Natalya K. Gafiatulina, Nikolay P. Lyubetsky, Tatyana Yu. Zakharova Social health in the conditions of cyber socialization of Russian youth: to the problem of information security of youth	28
Olga D. Kudinova Influence of massive open-online courses on socialization of students	32
Elena L. Kurshneva Globalization and regionalization as leading processes of world development	35
Yury V. Lagutin Digital technology as a tool of power	39
Anna V. Lyadova, Natalia A. Panich The social gradient as a reflection of health inequality: the theoretical approaches	42
Irina E. Nadutkina, Viktoria B. Tarabaeva, Svetlana A. Ivashchenko The impact of virtual reality on the self-realization of student youth	47
Igor E. Ponomarev, Gennady I. Lyashko Sport among student's youth as a component of physical culture and a factor in training athletes	50
Olga B. Skorodumova New forms of social activity and creative activities in the network society	54
Lev A. Sheromov Strategy for sustainable development of society	58
JURISPRUDENCE	
Vasily A. Anfinogenov The values of the convicted and their value in the places of detention	69
Vasily A. Anfinogenov Separate problems of compliance with the rights and legal interests of condemned, contained in medical correctional institutions	72
Vasily A. Anfinogenov Problem issues of the organization of professional education for persons contained	75
Vasily A. Anfinogenov To the question about the efficiency of measures of collection in the form of watering in the penalty insulator in the correction of criminals	78
Andrey I. Baksheev, Vladimir V. Filimonov, Dmitry A. Nozdrin Administrative-territorial policy of the Russian Empire in Siberia	81
Uliya Yu. Bugayenko Factors that encourage criminalization of Russian society in the period of social transformation	85
Oksana Yu. Vatutina Issues of examination of an expert in proceedings in criminal matters	90

Kirill V. Vishnevetskiy Characteristics of vagrancy as a social phenomenon	93
Svetlana E. Germanova, Nataliya B. Sambros, Nikolay V. Petukhov The ecological offences caused by turnover of oil and oil products	98
Yulia Ya. Glebova, Inessa Yu. Reka Place and role of forensic examination in the arbitration process	101
David B. Danilov, Daniil K. Vishnevetskiy The problem of correlation and distinction between civil and administrative proceedings	105
Ilya O. Dolina About transformation of approaches to the study of the concept of «law» in the domestic theoretical and legal science	109
Igor N. Ivanenko, Alina A. Grigoryan Problematic aspects of the institute's financial responsibility	114
Igor N. Ivanenko, Viktor A. Ochakovsky, Mikhail M. Pastukhov Institute for the record of tax offenses in the tax law of the Russian Federation	118
Marina I. Karaka To the question about the concept and content of the term «property damage» in the criminal proceedings	122
Vladimir A. Karleba Peculiarities of legalization (laundering) of funds and other property, obtained by criminal means in the russian federation at the end of XX – early XXI centuries	125
Oleg V. Karpov, Sergei A. Semenov, Anna V. Baranova On the importance of practical cooperation between law enforcement agencies and civil society in the field of public order	131
Denis N. Lozovsky, Alexey I. Sankin, Vasillii N. Fefelov Separate aspects of investigation of crimes in the sphere of illegal bank activity made as a part of organized group	136
Larisa A. Nilova Modern ways of implementation of the right of junior condemned for psychological help	139
Igor M. Ospichev Immoral conduct as a ground for termination of employment	142
Viktor A. Ochakovskii, Yana A. Krutova, Maria N. Naydenova Features of legal regulation of local self-government bodies with separate state powers (on the example of Krasnodar region)	146
Elena G. Petrenko, Anna O. Klets Institute of modern meditation in foreign countries	150
Alexander V. Rudenko, Elizaveta Yu. Pyatnitsa On the relevance of the problem of psychological impact on the judge in the arbitration process	154
Andrey A. Savin, Sergei A. Semenov The legal conflict in the implementation of protection when considering application of compulsory measures of a medical nature	157
Alexander M. Smirnov Smallery as a sign of a human state of a person when rapeing: some questions of theory and qualification	161
Vladimir K. Tarykin, Victoria V. Tulyyova Prevention of escapes from defense	164
Seda R. Umarchadzhieva Place of social work in the system of juval justice	168
Alina V. Fisun Some aspects of the formation of operational research activities in Russia	171
Svetlana M. Khomenko, Anzhelika V. Karyagina, Anna A. Borisova Social and legal characteristics of corruption in Russia	174
Elena V. Shanazarova, Daniil A. Zykov, Anatoliy I.Gudkov The main problems of legislative regulation of advertising activities and the ways of their solution	178

Antonina K. Shulga Comparative characteristics of bankruptcy of citizens in the Russian Federation and foreign countries	181
---	-----

ECONOMIC SCIENCES

Rustam Sh. Azitov About the role of households as hidden participants of labour market	187
Elena S. Akopova, Lyudmila K. Popova, Elena Ksh. Pilivanova Global competitiveness of the digital potential of the transport infrastructure	189
Alnakoula Majd, Tatiana N. Fliginskih Approaches to assessment and control of activity of commercial banks	193
Mark R. Dementev The analysis of the used mechanism of assessment of efficiency of public institutions	198
Nizam R. Idrisov Evaluation and accounting of contingent liabilities from banking sector	200
Oksana I. Karepina, Ludmila V. Bogoslavtseva, Oksana Y. Bogdanova Development of state financial control in the context of program-project budgeting	204
Sergey V. Klimovitskiy, Gennadii V. Osipov Impact of the digitization of the economy on the labour market	212
Tatyana V. Konovalova, Sofia L. Nadiryan, Marina Kuz'mina A. Methods of reducing transport and logistics costs of trade enterprises	217
Marina A. Nesterenko Management of processes of integration of business in the context of interindustry interaction	221
Marina A. Nesterenko, Andrey V. Berezhnoy Features of state policy in economic and social spheres: private aspects	224
Lyubov V. Tereschenko Modern requirements to internal and external communications in the sphere of insurance	227
Bogdan S. Treshetkin The main problems of staffing the construction industry	231
Diana E. Turkina, Alexey A. Zaretsky Three key issues in the automation of business processes in commercial banks	235

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабинцев Валентин Павлович

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
babintsev@bsu.edu.ru

Конев Иван Викторович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
babintsev@bsu.edu.ru

Гайдукова Галина Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Шаповал Жанна Александровна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
shapoval@bsu.edu.ru

**АНАЛИТИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ
СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА
КАК СОЦИОБИОТЕХНИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ**

Аннотация. В статье обосновывается социологический подход к моделированию современного города как социобиотехнической системы. В качестве базовых принципов построения аналитической содержательной модели города авторы предлагают использовать системность, ориентацию на процесс, фрактальность, функциональную ограниченность. Анализируются характеристики социобиотехнических кластеров (СБТ-кластеров), которые рассматриваются авторами в качестве исходного элемента города как социобиотехнической системы.

Valentin P. Babintsev

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Chair
of Social Technologies,
Belgorod State National
Research University
babintsev@bsu.edu.ru

Ivan V. Konev

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Chair
of Social Technologies,
Belgorod State National
Research University
babintsev@bsu.edu.ru

Galina N. Gaidukova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Chair
of Social Technologies,
Belgorod State National
Research University
g_gaidukova@bsu.edu.ru

Zhanna A. Shapoval

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Chair
of Social Technologies,
Belgorod State National
Research University
shapoval@bsu.edu.ru

**ANALYTICAL MODELING
OF THE MODERN CITY
AS SOCIOBIOTECHNICAL
SYSTEMS**

Annotation. Sociological approach to modeling of the modern city as sociobiotechnical system is proved in article. As the basic principles of city analytical informative model authors suggest to consider systemacity, orientation to process, fractality, functional limitation. Characteristics of the sociobiotechnical clusters (SBT-clusters) which are considered by authors as an initial element of the city as a sociobiotechnical system are analyzed.

Ключевые слова: город, система, моделирование, социобиотехническая система, городской метаболизм, кластер.

Keywords: city, system, modeling, sociobiotechnical system, city metabolism, cluster.

Современный город, представляющий собой крупный населенный пункт и характеризующийся повышенной концентрацией и плотностью населения, его занятостью несельскохозяйственными видами деятельности, специфическими видами застройки, особенностями образа жизни и культуры населения, является предметом исследования различных наук¹.

Социологический подход к изучению города традиционно ориентирован на исследование феномена городского сообщества, рассматриваемого как совокупность постоянно проживающих в пределах городской территории людей, которые имеют некоторое количество общих интересов, более или менее активно взаимодействуют в процессе их достижения, разделяя при этом сходные ценности и смыслы и придерживаясь некоторого набора единых норм поведения.

Осмысление процессов, характеризующих развитие современного города, целесообразно предварять построением аналитической модели объекта, представляющей собой его мыслимый аналог, формируемый посредством определения ключевых понятий, отражающих основные свойства объекта, установления связей и зависимостей между ними, и позволяющих выявить проблемные поля, требующие интерпретации с помощью теоретико-методологического аппарата и массива эмпирических данных. Аналитические модели могут носить как формальный, так и содержательный характер. В первом случае они описываются с помощью математических формул; во втором – предполагают вербальное (словесное) или вербально-визуальное (словесно-графическое) описание объекта исследования, выявление системы переменных и связей между ними [1, с. 109]. Содержательные модели носят концептуальный характер и, согласно Ю.М. Плотинскому, при их построении «используются теоретические концепты и конструкты данной предметной области знания» [2].

Таким образом, аналитическая содержательная модель города как социобиотехнической системы представляет собой вербальное и графическое описание объекта, в ходе которого определяются основные переменные, определяющие его развитие, устанавливаются взаимосвязи взаимозависимости между ними, что позволяет выявить проблемные поля и тенденции развития.

Любая аналитическая содержательная модель базируется на комплексе принципов, учитывающих как специфику объекта, так и внешний контекст его функционирования (внешнюю среду).

При этом выбор исходных принципов в значительной мере субъективен и определяется целями актора научного познания.

В основу построения аналитической модели города как социобиотехнической системы (СБТ) положены следующие принципы:

– системность, согласно которой город представляет собой единый организм, характеризующийся целостностью, наличием устойчивых связей между подсистемами и внутренними закономерностей, определяющих метаболизм городского пространства. Согласно концепции О.Н. Яницкого, «современный город – сетевой метаболический организм. Он в буквальном смысле слова «подвешен» на сетях, питающих его энергией и ресурсами, поступающими извне. Человек, создавший город и живущий в нём, не только конфликтует или договаривается, объединяется или дифференцируется» [3, с. 22]. При построении модели города как СБТ-системы учитываются ее необходимые свойства:

– ограниченность, выражающаяся в том, что, несмотря на интегрированность города в окружающую среду, между ними имеются достаточно точно фиксируемые границы; целостность, позволяющая утверждать, что свойства системы принципиально не сводятся к сумме свойств составляющих ее элементов; структурность, состоящая в том, что поведение системы детерминировано не столько особенностями ее отдельных элементов, сколько структурными свойствами; способность к самоорганизации бытия и становления [4, с. 197]; иерархичность, выражающаяся в соподчиненности элементов в системе; ориентация на процесс. Согласно данному принципу, функционирование современного города осуществляется по модели: «вход» (аккумуляирование «веществ», питающих город) – преобразование (разложение «веществ» на простые и одновременное образование и потребление сложных «веществ») – «выход» (отходы процессов жизнедеятельности выбрасываются в окружающую среду) – дальнейшая трансформация отходов с непредсказуемыми последствиями» [3, с. 21]. На каждой из стадий метаболического процесса интегрируются все городские подсистемы, прежде всего, – технико-технологическая, биологическая и социальная. Метаболизм выражается в обмене «веществами» между ними и одновременном преобразовании как естественной, так и искусственной природы, что при условии его комплементарности ведет к достижению синергетического эффекта;

– функциональная ограниченность. Поскольку город представляет собой многоуровневую, динамично развивающуюся СБТ-систему, при описании и интерпретации характеризующих его процессов можно построить практически неограниченное количество аналитических моделей,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» (№ 19-011-00345).

каждая из которых предполагает свой специфический набор переменных. Поэтому в ходе исследования приходится руководствоваться правилом разумного ограничения, которое требует, чтобы выстраиваемая содержательная модель воспроизводила, прежде всего, те свойства города, которые позволяют выявить причинно-следственные связи, возникающие в процессе метаболизации городской культуры;

– фрактальность, поскольку понятие «фрактал» характеризует свойство различных конфигураций воспроизводиться на разных уровнях социальных систем [5]. Согласно этому принципу СБТ-система рассматривается как множество взаимосвязанных и взаимодействующих СБТ-кластеров, характеристики которых тождественны характеристикам системы в целом.

Социобиотехнический кластер (СБТ-кластер) мы считаем возможным рассматривать в качестве исходного элемента города как социобиотехнической системы. Под СБТ-кластером мы понимаем созданное в результате целенаправленной деятельности людей объединение объектов городской технико-технологической, биохимической и социальной инфраструктуры, имеющее «предсистемный» характер, обеспечивающий устойчивое взаимодействие между ними.

Исходя из принятого определения, можно утверждать, что любому СБТ-кластеру присущи следующие характеристики:

– он всегда создается людьми либо для решения производственных задач, либо для обеспечения условий жизнедеятельности людей в сферах быта и досуга. При этом важно учитывать, что СБТ-кластеры могут быть как результатом добровольной самоорганизации, так и следствием «внешнего» (административного) давления. На различия между этими способами их выстраивания указывает О.Н. Яницкий. Если в первом случае городской метаболизм представляет собой процесс, осуществляемый в интересах городского сообщества, то во втором «городская механика работает, прежде всего, на себя, то есть, на ее создателей и пользователей, а не на население. Как говорил известный политик, «друзьям – все, остальным – по закону». Подобный «метаболизм» – результат не самоорганизации городского сообщества, а внешнего управления им. Власть устанавливает «правила метаболизма», что противоречит самому принципу самоорганизации [6];

– выступая в качестве основного элемента СБТ-системы города, кластер не является окончательной и неделимой структурой. Он, в свою очередь, объединяет в себе набор компонентов, имеющих различную природу, относящихся к разным сферам жизнедеятельности городского сообщества. Можно представить себе своего рода идеальный СБТ-кластер, характеризующийся полным набором составляющих, то есть в нем органически соединены технические, технологические, биохимические и социальные компоненты. Однако на практике приходится иметь дело с «частичными» кластерами, которые

включают в себя лишь некоторые из компонентов, например, технологии управления (технологический компонент), процессы здоровьесбережения (биохимический компонент), самореализации личности (социальный компонент). В результате такой интеграции, в городе, возникают, например, культурно-спортивные и спортивно-оздоровительные комплексы, превращающиеся в органическую часть городской инфраструктуры. При этом любой «частичный» СБТ-кластер в результате деятельности людей может быть в перспективе доведен до уровня «полного», что повышает стабильность его функционирования и создает благоприятные возможности для интеграции в СБТ-систему города;

– всякий СБТ-кластер представляет собой субъектно-объектное образование. «Объектность» его определяется включенность в состав кластера реально-функционирующих организаций, предприятий, учреждений и иных структур, обеспечивающих жизнедеятельность города. «Субъектность» заключается в том, что в рамках кластера формируются специфические институты, представляющие собой «конвенционально принятые людьми правила группового поведения, которые структурируют их социальные взаимодействия в социокультурной среде общества» [7, с. 83–84]. Это, как подчеркивал О.В. Иншаков, «мягкие» структуры, которые, «только «затвердевают» в социальных структурах организаций, передаются и сохраняются» [8, с. 10]. Таким образом, кроме всего прочего, СБТ-кластер – этот еще и особый образ группового действия причастных к нему людей;

– СБТ-кластер представляет собой относительно автономную подсистему, несмотря на то, что он всегда функционирует в условиях взаимосвязи с другими кластерами и – одновременно – с внешней по отношению к городу в целом средой. Внутренние и внешние системные связи кластера могут быть как сильными, так и относительно слабыми, но в любом случае СБТ-кластер представляет собой способ локальной концентрации социальной энергии, создаваемой людьми и используемой в их интересах. Очевидно, что любой СБТ-кластер имеет свои границы; при этом возможность зафиксировать их позволяет идентифицировать кластер как социальную реальность, но не только как продукт сознания исследователей. По нашему мнению, наличие СБТ-кластера фиксируется двумя путями:

а) статистическим, заключающимся в том, что устанавливаются устойчивые зависимости между отдельными компонентами. Для этого может быть использована формула определения связанности элементов кластера:

$$S = \sum_{i, j=1}^n P_i \cdot B_{ji} \cdot R_i,$$

где S – коэффициент связанности элементов кластера; P_i – потенциал i -го элемента системы; B_{ji} – коэффициент влияния элемента на элемент; R_i – коэффициент развитости элемента.

б) социологическим, состоящем в том, что выявляются единые поведенческие паттерны частных к функционированию данных компонентов людей;

– неоднородность компонентов СБТ-кластера с неизбежностью определяют противоречивость процессов его становления и развития. В сущности, функционирование кластера должно рассматриваться как сложная комбинация конкуренции и кооперации;

– СБТ-кластер – это форма сети, только более «компактная», локализованная. Отметим, что О.Н. Яницкий подчеркивает, что городской метаболизм – это сетевой процесс: «Сети (они же потоки вещества, энергии и информации), пересекаясь, создают узлы социального метаболизма» [3, с. 23]. Действительно, по мнению современных исследователей, значение сети как системы децентрализованного управления приобретает все большее значение. Принципы управления и саморегулирования в кластерах как сетевых децентрализованных структурах в настоящее время являются наиболее востребованными для формирования современной парадигмы управления иерархическими структурами [9, с. 91–95]. Более того, по мнению А.В. Сурина, сетевые организационные структуры и сетевые управленческие технологии рассматриваются в настоящее время как способ преодоления организационного и управленческого кризиса и могут быть использованы в государственном управлении как колоссальной совокупности разнообразных сетей, объединенных общей стратегией и общим проектом [10, с. 4–7]. По нашему мнению, СБТ-кластер, функционируя как сетевая структура, и выступает первоначальным узлом городского метаболизма.

Городская среда включает в себя СБТ-кластеры различных уровней, которые, в свою очередь, распределяются по городским подсистемам: экономической, управленческой, социальной, производственной, подсистемой городского хозяйства. При этом процесс кластеризации осуществляется по нескольким направлениям:

– во-первых, идет постоянное достраивание каждого отдельного кластера путем включения в него новых компонентов и – в перспективе – достижения полноты, обеспечивающейся «четырёхкомпонентным» набором;

– во-вторых, кластеры, относящиеся к нижним уровням, объединяются в комплексы более высокого уровня организации. Этот тренд определяет постепенное выстраивание единой городской социобиотехнической системы. Очевидно, в настоящее время следует говорить об этом как о тенденции, поскольку ни один российский город не является завершённой СБТ-системой;

– в-третьих, СБТ-кластеры функционируют по алгоритму метаболизма, в котором следует выделить несколько этапов:

1. «Кластерогенезис» на «входе» (аккумуляция «веществ», питающих город). На этом этапе формируются СБТ-кластеры, и осуществляется это двумя способами:

– «переносом» в городское пространство СБТ-кластеров из внешней среды. Современный город, как открытая система, включен в огромное число процессов, истоки многих из которых находятся за его пределами. О.Н. Яницкий пишет: «Все эти потоки, узлы, «окружающая среда» и внутренняя среда живого организма создают, в конечном счёте, непрерывность среды обитания любого обитателя города. Работа, отдых, общение, приём пищи, воспитание детей, обучение и лечение – все эти процессы совершаются в неразделимой среде обитания, которая начинается с катастрофы, подобной Чернобыльской или Фукусиме, и продолжают в тонких механизмах регуляции человеческого организма, от его зачатия и до кончины» [3, с. 23]. При этом, поскольку город находится в функциональной зависимости от продуцирующих данные потоки институтов, он с неизбежностью должен принимать формируемые ими СБТ-кластеры, даже если в ряде случаев они неадекватны городской реальности. Разумеется, часть неадекватных кластеров отсеивается в процессе селекции, осуществляемой структурами управления, но часть вынужденно и воспроизводится. И – тем более – переносятся заимствованные извне кластеры, которые доказывают свою эффективность;

– формированием собственных (органических) кластеров. Автономность города позволяет ему создавать собственные СБТ-кластеры. При этом они могут являться как результатом деятельности городской системы управления, так и следствием инициативы добровольных гражданских формирований.

2. Модификация кластеров в ходе преобразования (разложения «веществ» на простые при одновременном образовании и потреблении сложных «веществ»). Модификация осуществляется по нескольким направлениям:

– достраивание отдельных кластеров до состояния, характеризующегося полным набором элементов;

– объединение СБТ-кластеров в образования более широкого уровня, что в перспективе ведёт к превращению города с СБТ-систему;

– деградация СБТ-кластеров, заключающаяся в их распаде в случае, если кластер перестает выполнять свою функцию преобразования «веществ» и энергии в интересах городского сообщества или составляющих его отдельных групп.

3. Селекция на «выходе» (при аккумуляции кластерами отходов «процессов жизнедеятельности выбрасывание их в окружающую среду»). На этом этапе «отсекаются» нежизнеспособные, деградировавшие кластеры и их «останки» выбрасываются вместе «мусором».

Таким образом, процесс городского метаболизма захватывает все уровни города как социобиотехнической системы, ее связи с внешней средой. В то же время, метаболический процесс никогда не носит завершённого характера и представляет собой постоянное воспроизводство последовательных циклов, отражающих развитие современного города.

Литература:

1. *Данакин Н.С.* Теоретические и методические основы проектирования технологий социального управления. Белгород : Центр соц. технологий, 1996. 271 с.
2. *Плотинский Ю.М.* Модели социальных процессов : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям. М. : Логос, 2001. 293 с.
3. *Яницкий О.Н.* Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
4. *Буданов В.Г.* Синергетическая методология в образовании // Синергетическая парадигма: синергетика в образовании. М., 2007.
5. *Деменок С.Л.* Фрактал: между мифом и ремеслом. СПб. : ООО «Ринвол», Академия исследований культуры, 2011. 296 с.
6. *Яницкий О.Н.* Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. М. : Институт социологии РАН, 2009. URL : <http://moyuniver.net/socialnyj-metabolizm-goroda>
7. *Каменева Т.Н.* Трансформация семейно-брачных практик в российском обществе риска : дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2017. 435 с.
8. *Иншаков О.В.* Институты и институции в современной экономической теории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2007. № 11. С. 6–21.
9. *Володин В.М.* Формирование подхода современной парадигмы управления на основе практики кластерных образований / В.М. Володин, Е.М. Терешин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2010. № 2. С. 91–95.
10. *Сурин А.В.* Сетевые организационно-управленческие технологии: конъюнктура или требование времени? // Вестник Московского ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008. № 3. С. 4–7.

Literature:

1. *Danakin N.S.* Theoretical and methodical bases of design of social management technologies. Belgorod : Center soc. technologies, 1996. 271 p.
2. *Plotinsky Yu.M.* Models of social processes. M. : Lagos, 2001. 293 p.
3. *Yanitsky O.N.* Metabolic concept of the modern city // Sociological science and social practice. 2013. № 3. P. 16–32.
4. *Budanov V.G.* Synergetic methodology in education // Sociological science and social practice M., 2007.
5. *Demenok S.L.* Fractal: between the myth and craft. SPb. : LLC Rinvol, Academy of researches of culture, 2011. 296 p.
6. *Yanitsky O.N.* File of the invayronmentalist. Sketch of the intellectual biography. M. : Institute of sociology of RAS, 2009. URL : <http://moyuniver.net/socialnyj-metabolizm-goroda>
7. *Kameneva T.N.* Transformation family and marriage the practician in the Russian society of risk. Belgorod, 2017. 435 p.
8. *Inshakov O.V.* Institutes and institutions in the modern economic theory//the Bulletin of the Volgograd state university. Series 3: Economy. Ecology. 2007. № 11. P. 6–21.
9. *Volodin V.M.* Formation of approach of a modern paradigm of management on the basis of practice of cluster formations / V.M. Volodin, E.M. Tereshin // News of higher educational institutions. Volga region. 2010. № 2. P. 91–95.
10. *Surin A.V.* Network organizational and administrative technologies: environment or requirement of time? // Bulletin of Moscow university. 21. Management (state and society). 2008. № 3. P. 4–7.

Белевич Александр Александрович
аспирант,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Институт государственной службы
и управления
abel-1903@yandex.ru

Alexander A. Belevich
Graduate Student,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Institute of public service and management
abel-1903@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ РОТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В ЕВРОПЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ)

SOCIOLOGICAL ASPECTS OF THE ROTATION OF CIVIL SERVANTS IN EUROPE (FOR EXAMPLE, GERMANY AND FRANCE)

Аннотация. Статья посвящена проблеме ротации кадров в ведущих странах Европейского Союза: Германии и Франции. На примере систем ротации кадров на государственной службе стран автор статьи выявляет характер социальной мобильности внутри государственного бюрократического аппарата. Цель статьи: рассмотреть системы ротации кадров с точки зрения двух социологических аспектов: возможностей карьерного роста и социальной мобильности. Задачи статьи: выявить особенности статуса государственного служащего в Европе; рассмотреть систему ротации кадров в Германии; выявить специфику ротации кадров во Франции.

Annotation. The article is devoted to the problem of personnel rotation in the leading countries of the European Union: Germany and France. Using the example of personnel rotation systems to the civil service of these countries, the author of the article reveals the nature of social mobility within the state bureaucracy. The purpose of the article: to consider the system of personnel rotation in terms of two sociological aspects: career opportunities and social mobility. Objectives of the article: to identify the features of the status of a civil servant in Europe; consider the system of staff rotation in Germany; reveal the specifics of the rotation of personnel in France.

Ключевые слова: ротация кадров, система государственной службы, статус государственного служащего в странах ЕС.

Keywords: personnel rotation, civil service system, civil servant status in the EU countries.

Государственная бюрократия имеет непосредственное отношение к функционированию государства, а государственные служащие являются основным инструментом для реализации политики и имеют решающее значение для управления. Несмотря на важность бюрократии для политической системы, ее организация и эффективность заметно различаются в разных странах. С точки зрения социологии управления, государственный сектор в ведущих странах ЕС включает в себя целый ряд режимов занятости.

современных европейских странах заключается в том, что правовая основа трудоустройства (законы и нормативные акты, формирующие характер трудовых договоров) отличается от той, которая встречается в других областях экономики, как это определено общими принципами трудового права. Статус государственного служащего в бюрократическом аппарате также, как правило, отличается от того, который распространен в других сферах государственного сектора (например, здравоохранение, образование и государственные предприятия). Исторически сложилось так, что занятость на государственной службе была не формальным соглашением между двумя сторонами, а скорее определенной моделью ротации кадров.

К сожалению, не существует стандартного определения статуса гражданского служащего или государственной службы для всего Евросоюза, так как данный аспект является объектом регулирования внутреннего национального законодательства каждой страны – члена ЕС. Договоренности варьируются между странами, хотя, как правило, гражданская служба представляет собой штат сотрудников в государственном секторе. Суть статуса государственного служащего в

Сегодня занятость на государственной службе в Европе имеет тенденцию разделять некоторые особенности, которые типичны для добровольного соглашения между работодателем и работником в частном секторе. Тем не менее, не-

сколько критериев позволяют различать статус государственного служащего от других вариантов трудоустройства. Данные критерии можно обобщить следующим образом:

1. Государственные служащие «назначаются» по решению уполномоченного государственного органа в соответствии с гражданским законодательством. Решение представителя государства «назначить» государственного служащего должно соответствовать установленным правилам, которые структурируют процесс найма.

2. После назначения есть много ограничений, налагаемых на процедуру увольнения, поскольку государственные служащие (в частности, в Германии и Франции) не просто работники государства; они также играют роль гаранта конституционной стабильности как специфическая социальная группа населения. Цель законодательства о государственной службе, таким образом, в ведущих странах ЕС заключается в том, чтобы сбалансировать два вектора деятельности государственной службы: оперативную реакцию на

политическую повестку дня и сохранение лояльности политическому режиму в целом. В такой ситуации система ротации кадров является механизмом предотвращения краткосрочного политического давления на бюрократический аппарат, например, во время выборов политического руководства страны.

3. По сравнению с другими участниками рынка труда, социальный кластер, состоящий из государственных служащих, имеет более мощную систему ограничений деятельности из-за стратегической и конституционной роли государственных служащих. В частности, Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 151 от 27 июня 1978 г. «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе» (Конвенция вступила в силу 25 февраля 1981 г. Россия не ратифицировала Конвенцию) предоставляет подробную информацию об основных трудовых правах государственных служащих (право на организацию, участвовать в консультациях или переговорах относительно условий их работы и урегулирования споров) [1]. Статья 1 Конвенции, в частности, гласит, что ее положения распространяются на «всех лиц, работающих в государственном аппарате», но допускает исключения для «сотрудников высокого уровня, функции которых обычно рассматриваются как директивные или управленческие, или ... работники, чьи обязанности носят конфиденциальный характер» [1].

4. Гражданские служащие в гражданском центральном правительстве или субнациональном правительстве имеют конституционные ограничения на увольнение.

Необходимо отметить, что основная сфера применения законов о государственной службе варьируется в зависимости от страны. В некоторых случаях эти законы регулируют все вопросы,

связанные с трудоустройством; в других – только дополняют общее трудовое право. В некоторых странах институциональные меры по управлению государственной службой включены в закон о государственной службе.

Однако общей характеристикой для двух ведущих стран ЕС – Франции и Германии, является то, что центральный орган отвечает за общее управление, включая разработку законопроектов и меры мониторинга по управлению государственной службой на уровне министерств и ведомств.

Совокупный эффект от сферы применения законов о государственной службе приводит к двум различным типам государственных служб, примеры которых можно выявить во Франции и Германии: «карьерная система» и «позиционная система».

В «карьерной системе» цель состоит в том, чтобы обеспечить первоначальный доступ к государственной службе, такая система основана на знаниях кандидатов, как указано в соответствующей университетской степени или академических документах о профильном образовании. Последующая социальная мобильность и продвижение по службе позволяют перемещаться внутри государственной службы в рамках системы ротации кадров.

В «позиционной системе» особое внимание уделяется выбору наиболее подходящего кандидата для каждой занимаемой должности, будь то путем внешнего найма или посредством ротации.

С точки зрения социальной мобильности первый тип – закрытые «карьерные системы», характеризуется ротацией кадров внутри государственной службы и ограниченными возможностями для «входа», а также сильным акцентом на развитие карьеры. В отличие от них, «позиционные системы» имеют более открытый доступ извне, сочетая в себе открытый найм и внутреннюю ротацию кадров.

В обеих системах федеральные государственные служащие направляются на работу в региональные государственные аппараты на основе ротации, в основном – на самые высокие должности. Например, в Германии субнациональные гражданские службы выполняют центральные задачи в качестве агента центрального правительства (совместное управление), тем самым уступив часть своей независимости от центра.

Правовые традиции и системы стран Евросоюза различаются, но в Германии и Франции существует общее мнение о том, что правопорядок, техническая и управленческая компетентность, надежность, предсказуемость, подотчетность, прозрачность и гражданское участие – это принципы, которыми должно руководствоваться государственное управление [2].

В частности, основой практики ротации государственной службы в Германии являются положения, содержащиеся в п. 4.2 Директивы Федерального правительства о предотвращении кор-

рупции в федеральной администрации, которые сводятся к следующему: «продолжительность кадровых назначений на должности, особенно уязвимых для коррупции в принципе должна быть ограниченной; как правило, не должна превышать пятилетний срок. Если назначение должно быть продлено, по истечении пятилетнего срока причины продления работника в должности должны быть мотивированы и записаны в личное дело» [2].

Определение должностей, особенно уязвимых для коррупции, должно проводиться регулярно в соответствии с п. 2 данной Директивы и в соответствии с системой оценки коррупционного риска на федеральном уровне. На основании Директивы о предотвращении коррупции, а также в соответствии с рекомендациями по ее применению, каждое кадровое агентство должно оценить сферы деятельности агентства, которые особенно уязвимы для коррупции, и применить определенные меры для сотрудников в этих должностях. Ротация кадров, таким образом, превращается на государственном уровне в инструмент борьбы с коррупцией, причем для Германии и Франции особенно высокий потенциал коррупционного риска определен для должностей, связанных с государственными закупками [3, с. 5–6].

Согласно немецкой «Рекомендации по предотвращению коррупции в сферах деятельности, особенно уязвимых для коррупции», ротация кадров производится:

- после выявления особой уязвимости к коррупции в первый раз,
- после организационных или процедурных изменений,
- после изменения назначенных задач и компетенции служащего;
- после пятилетнего срока службы;
- по результатам анализа рисков [4, с. 6–7].

Директива федерального правительства содержит также ряд исключений, по которым сотрудники, размещенные на должностях, особенно уязвимых для коррупции, могут оставаться на одном и том же посту более пяти лет:

- сотрудники с конкретными знаниями, которые не могут быть заменены с должным учетом преемственности;
- сотрудники, которые очень скоро уйдут с активной службы;
- сотрудники, которые вскоре перейдут на другую должность;
- сотрудники, которым не может быть предоставлена соответствующая другая должность на том же уровне вознаграждения [4].

Таким образом, если в исключительных случаях ротация невозможна из-за характера операций или из-за соображений управления (персоналом)

(например, нехватки квалифицированного персонала), то вместо этого используются другие надлежащие и эффективные меры по предотвращению коррупции (например, расширение применения принципа более тщательного изучения деятельности сотрудника, работа в командах и обмен задачами внутри организационных подразделений, передачи обязанностей, усиление административного и связанного с компетенцией сотрудника надзора [4].

Как показывают исследования немецких социологов, в Германии большинство случаев коррупции в прошлом были совершены сотрудниками, которые находились на одном посту более пяти лет [4, с. 9].

Как отмечает Юрген Стирлев своей работе «Коррупция в государственных и частных компаниях», «поскольку «ситуативная коррупция» в Германии встречается очень редко, а случаи коррупции скорее касаются «структурной коррупции», третьим сторонам сначала необходимо «инвестировать» в отношении с сотрудником, который должен быть коррумпирован» [5, с. 4]. По мнению исследователя, благодаря системе ротации кадров, такие «инвестиции» не окупаются, если становится ясно, что соответствующий сотрудник будет переведен на другую должность через несколько лет [5, с. 7]. Если третьи стороны пытаются наладить хорошие отношения с административным персоналом, скорее цель состоит не в том, чтобы заручиться поддержкой конкретного сотрудника, а в том, чтобы поддерживать хорошие рабочие отношения с государственным агентством как таковым.

Следует отметить, что в Германии целью введения принципа ротации является не только предотвращение коррупции. Многим кадровым агентствам, в частности министерствам, это также позволяет регулярно разрешать человеку, который является новичком в должности, иметь «свежий взгляд» на вопросы, за которые он или она отвечает в настоящий момент. Обнадеживает то, что, в частности, на конкретных более высоких должностях сотрудники являются специалистами общего профиля, которые приобретают опыт во многих областях работы и которые привыкли быстро знакомиться с новыми задачами. Опыт, полученный на прежних должностях, позволяет им определять перекрестные связи между конкретными вопросами. По этой причине, согласно многим планам развития персонала, продвижение на более высокую должность (и уровень вознаграждения) требует определенного числа различных должностей, занимаемых на прежнем уровне, во многих случаях это является обязательной предпосылкой для такого продвижения [5, с. 4].

Таким образом, для Германии характерна закрытая «карьерная система ротации кадров», причем именно благодаря принципам данной системы в бюрократическом аппарате сохраняется высокий уровень устойчивости к коррупционным рискам и социальная мобильность как горизонтального, так и вертикального характера.

По сравнению с немецкой системой, французская государственная служба является сложным институтом для интерпретации, поскольку ее историческое развитие демонстрирует различные модели упорядочения с несколько противоречивыми ориентациями. Глобальный имидж общеизвестен: это единая система государственной службы, основанная на заслугах и карьере, традиционно связанная с идеей сильной государственной традиции и концепцией общественного обслуживания, охватывающей широкий круг общественных мероприятий. Легитимность такого образа государственной службы коренится, скорее всего, в доминирующих ценностях, определяющих «службу государству» во Франции. Данные принципы подчеркивают идею незаинтересованного государственного служащего, который служит общим интересам и защищает общественное благо, а также продвигает принципы беспристрастности, равенства, адаптивности и преемственности в структуре государственного управления. Такие отличительные характеристики французской государственной службы могут быть частично объяснены многочисленной сменой политических режимов, которые пережила Франция (монархия, бонапартизм, республика, авторитарный и прогерманский режим периода фашистской оккупации, парламентаризм и полу-президентская республика).

Последовательные правящие элиты всегда с подозрением относились к унаследованной администрации, и неоднократные попытки консолидировать режимы привели к сложной динамике профессионализации и усиленной автономии (для рационализации административных способностей к управлению) вместе с политизацией (для поощрения или получения лояльности, особенно на высших должностях). При этом два столетия гражданская служба существовала как автономный институт, дифференцированный по своему конкретному административному праву, но также сильно раздробленный из-за разделения на корпус и министерства.

С созданием пятой республики с 1958 года положение и социальный престиж высокопоставленных государственных служащих стали еще сильнее в результате успеха голлистских политических элит, для которых высшие бюрократы действовали в качестве «суперэлиты» [7, с. 122–123]. Многие высокопоставленные чиновники затем стали приверженцами режима, который дал им новые возможности для улучшения своей карьеры. Такая модель структуры государственной службы, дающая сильную власть и высокий социальный престиж высшим бюрократам из корпуса высших чиновников посредством дискретных механизмов политизации, была фактически институционализована в следующие десятилетия.

Несмотря на то, что французская государственная служба устойчива в своих унаследованных чертах, она не осталась в стороне от неуправленческих тенденций и меняющегося политического и экономического контекста, характеризуемого европейским давлением, тенденциями к децентрализации, рыночной политикой, соци-

альными преобразованиями и новыми формами политического лидерства.

С начала 2000-х годов на государственную службу Франции влияют два направления реформ: управленческая реформа бюджетной процедуры и реорганизации территориального управления. Ни одна из этих реформ не была нацелена непосредственно на государственную службу, но обе содержали «скрытые повестки дня» за счет внедрения инструментов, направленных на то, чтобы вызвать дестабилизирующее воздействие на государственную службу и способствовать значительному отходу от ее исторических структур. Такие реорганизации изменили схемы карьерного роста и ротации кадров, сократив число центральных и региональных административных управлений, а также заставив многих государственных служащих на местном уровне присоединиться к новой объединенной организации и перестроить свои планы мобильности.

Государство при этом поощряет межведомственную мобильность, и нет никаких сомнений в том, что будет увеличиваться давление на принятие межведомственных нормативных границ, гораздо больших, чем корпус, и соответствующих крупным объединенным структурам. Государство также уделяет большое внимание ограничениям мобильности в рамках существующей государственной службы Франции [7, с. 134]. Различия в заработной плате и бонусах между существующими корпусами или экономические трудности с переездом государственных служащих являются реальными проблемами, которые требуют решения.

На данном этапе исследователи отмечают, что будущее государственной службы Франции остается неопределенным, поскольку в основе этих реформ нет единой модели. При этом есть несколько, возможно, противоречивых тенденций: с одной стороны, ограничение социальной мобильности вертикального характера в системе ротации кадров за счет существования «корпуса высших чиновников», которых государственная власть рассматривает как социальную опору режиму; с другой стороны – высокие темпы социальной горизонтальной мобильности между назначениями на должности среднего звена, что не позволяет выстроить завершенную «карьерную модель» ротации кадров, но и не предполагает полного отказа от «позиционной модели», исторически принятой во Франции.

При этом система ротации кадров во Франции обладает схожими характеристиками, что и в Германии: пятилетний срок пребывания в должности; набор этических правил; контроль над деятельностью чиновников.

Основные отличия систем ротации кадров в Германии и Франции заключаются в том, что для немецкого государственного аппарата основной акцент делается на антикоррупционном мониторинге, а для французского – на лояльности политическому режиму «корпуса высших чиновников».

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы: для европейских стран в целом характерны две модели ротации кадров – «карьерная» и «позиционная», которые включают в себя сильные антикоррупционные механизмы. Если в первой модели, которая характерна для ФРГ, доминирует вертикальная социальная мобильность, а горизонтальная характерна для высшего

Литература:

1. Конвенция МОТ № 151 от 27 июня 1978 г. «О защите права на организацию и процедурах определения условий занятости на государственной службе». URL : <http://www.trudsud.ru/ru/docs/legislation/convention151/> (дата обращения 20.02.2019).
2. Директива Федерального правительства по предупреждению коррупции в федеральной администрации МВД ФРГ от 30 июля 2004 г. URL : http://www.verwaltungsvorschriften-im-internet.de/bsvwwbund_30072004_O4634140151.htm (дата обращения 20.02.2019).
3. *Albert Rohan*. Korruption. Subjektive Wahrnehmung und Gegenstrategien im inter nationalen Vergleich unter besonderer Berücksichtigung der Effizienz der Bürokratie. Projektendbericht. Paul lazarsfeld gesellschaft für sozialforschung. URL : http://www.plg.at/pdf/PLGStudienbericht_Korruption.pdf
4. Empfehlungen zur Korruptionsprävention in der Bundesverwaltung. Stand 9. Februar 2012. Berlin. 19 s. URL : https://www.ufz.de/export/data/2/84519_empfehlungen_zur_richtline_korruptionspraevention_deutsch.pdf
5. Jürgen Stierle: Korruptionscontrolling in öffentlichen und privaten Unternehmen. Rainer Hampp Verlag, München u. Mering, 2. Aufl. 2008. 208 S. URL : <https://www.econstor.eu/obitstream/10419/68571/1/655773290.pdf>
6. Себастьян Вольф. Борьба с коррупцией и гражданское общество в Германии. Д-р. Университет Констанца Бишкек, Январь 2014. URL : <https://docplayer.ru/53587970-Borba-s-korruptsiej-i-grazhdanskoe-obshchestvo-v-germanii.html> (дата обращения 20.02.2019).
7. *Bezes*. Philippe and Patrick Le Lidec. French Top Civil Servants Within Changing Configurations. From Monopolisation to Challenged Places and Roles ?' in Edward C. Page and Vincent Wright (eds.), From the active to the enabling state. The changing roles of top officials in European Nations, London: Palgrave/MacMillan. 2007. P. 121–163. URL : https://www.researchgate.net/publication/304642022_French_Top_Civil_Servants_Within_Changing_Configurations_From_Monopolization_to_Contentested_Places_and_Roles

звена управления; то во Франции, в «позиционной системе», акцент делается на развитие вертикальной мобильности во всей государственной службе для создания прочной социальной прослойки высших государственных служащих, которые рассматриваются государственной властью как опора режима, как основа социально-политической стабильности.

Literature:

1. ILO Convention № 151 of 27 June 1978 on the protection of the right to organize and procedures for determining the conditions of employment in the public service. URL : <http://www.trudsud.ru/ru/docs/legislation/convention151/> (accessed 20.02.2009).
2. Directive of the Federal government on the prevention of corruption in the Federal administration of the interior Ministry of Germany of July 30, 2004. URL : http://www.verwaltungsvorschriften-im-internet.de/bsvwwbund_30072004_O4634140151.htm (accessed 20.02.2009).
3. *Albert Rohan*. Korruption. Subjektive Wahrnehmung und Gegenstrategien im inter nationalen Vergleich unter besonderer Berücksichtigung der Effizienz der Bürokratie. Projektendbericht. Paul lazarsfeld gesellschaft für sozialforschung. URL : http://www.plg.at/pdf/PLGStudienbericht_Korruption.pdf
4. Empfehlungen zur Korruptionsprävention in der Bundesverwaltung. Stand 9. Februar 2012. Berlin. 19 s. URL : https://www.ufz.de/export/data/2/84519_empfehlungen_zur_richtline_korruptionspraevention_deutsch.pdf
5. Jürgen Stierle: Korruptionscontrolling in öffentlichen und privaten Unternehmen. Rainer Hampp Verlag, München u. Mering, 2. Aufl. 2008. 208 P. URL : <https://www.econstor.eu/obitstream/10419/68571/1/655773290.pdf>
6. *Sebastian Wolf*. Anti-corruption and civil society in Germany. Dr. University of Constanta Bishkek, January 2014. URL : <https://docplayer.ru/53587970-Borba-s-korruptsiej-i-grazhdanskoe-obshchestvo-v-germanii.html> (accessed 20.02.2009).
7. *Bezes*. Philippe and Patrick Le Lidec. French Top Civil Servants Within Changing Configurations. From Monopolisation to Challenged Places and Roles ?' in Edward C. Page and Vincent Wright (eds.), From the active to the enabling state. The changing roles of top officials in European Nations, London: Palgrave/MacMillan. 2007. P. 121–163. URL : https://www.researchgate.net/publication/304642022_French_Top_Civil_Servants_Within_Changing_Configurations_From_Monopolization_to_Contentested_Places_and_Roles

Бояринова Ирина Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных технологий,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
boyarinova@bsu.edu.ru

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЭЙДЖИЗМА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье представлен анализ современного состояния исследования геронтологического эйджизма как социокультурного феномена. Геронтологический эйджизм как комплекс дискриминационных практик и установок в отношении граждан старших возрастов, связанных со стереотипизированными представлениями об исключительно дисфункциональной роли старости, обуславливает не только барьерный характер внешней физической, социокультурной и институциональной среды для лиц старшего поколения, но также самоограничительные установки и практики самих представителей этих возрастов.

Ключевые слова: пожилое население, возраст, дискриминация по возрасту, геронтологический эйджизм, дискриминационные практики, эйджистские стереотипы, стереотипизация, социокультурный подход.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-011-00661 «Влияние эйджистских стереотипов на формирование самоограничительных установок и практик граждан старшего поколения».

The article was prepared with the support of RFBR grant 19-011-00661 «the Influence of ageist stereotypes on the formation of self-limiting attitudes and practices of older citizens»

Введение. В современной России, в связи с увеличением продолжительности жизни человека, с одной стороны, и увеличением числа пожилого населения старше 60 лет, с другой, неуклонно растет проблема качества жизни представителей этой возрастной группы населения. Ряд зарубежных и отечественных исследователей отмечают социальную изоляцию пожилых людей, где большую роль играет геронтологический эйджизм.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), утверждает, что геронтологический эйджизм яв-

Boyarinova Irina Vladimirovna
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Social Technologies Chair,
Belgorod State National Research University
boyarinova@bsu.edu.ru

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF RESEARCH GERONTOLOGICAL AGEISM AS A SOCIAL PROBLEM

Annotation. The article presents an analysis of the current state of the study of gerontological ageism as a socio-cultural phenomenon. Gerontological ageism, as a set of discriminatory practices and attitudes towards older citizens associated with stereotyped ideas about the exclusively dysfunctional role of old age, determines not only the barrier nature of the external physical, socio-cultural and institutional environment for the older generation, but also the self-limiting attitudes and practices of the representatives of these ages.

Keywords: elderly population, age, age discrimination, gerontological ageism, discriminatory practices, ageist stereotypes, stereotyping, socio-cultural approach.

ляется широко распространенными явлениями. Анализ результатов социологического опроса Всемирного исследования жизненных ценностей, посвященному выяснению отношения к пожилым людям в разных возрастных группах населения, где приняло участие более 83000 человек в 57 странах мира, показал, что не менее 60 % респондентов сообщили, что, по их мнению, пожилые люди сталкиваются с неуважительным отношением. Причем, наименьший уровень уважения был отмечен в странах с высоким уровнем доходов [1].

Цель исследования. Целью данной статьи является анализ научных работ по проблемам геронтологического эйджизма, с последующим формулированием гипотез, определяющих дальнейшее исследования.

Материалы и методы исследования. Для формирования системного представления о геронтологическом эйджизме были проанализированы отечественные и зарубежные научные источники по данной теме.

Результаты исследования и их обсуждение. Явление геронтологического эйджизма стало изучаться социологами сравнительно недавно. В 1969 году американский социолог R.N. Butler ввел в научный обиход понятие эйджизма для обозначения возрастной дискриминации [2].

В настоящее время единого подхода к определению эйджизма в западной и отечественной научной литературе не существует. Чаще всего эйджизм рассматривают в терминах «дискриминирующее поведение», «негативная стереотипизация», «предубеждение». Эйджизм, определяемый как процесс возрастной стереотипизации, обуславливающий негативные предрассудки и дискриминационные практики, в научных работах анализируется в трех ключевых направлениях:

- 1) как совокупность негативных стереотипов;
- 2) как дискриминационные практики;
- 3) как деятельность социальных институтов, закрепляющих возрастные предрассудки, основанные на стереотипах, и дискриминационные практики в повседневной жизни.

Данные выделенные исследовательские направления соответствуют трехкомпонентной модели эйджизма автора данного термина – Р. Батлера.

Геронтологический эйджизм, который мы рассматриваем в нашем исследовании как негативную возрастную стереотипизацию, исследуется, более всего, в рамках когнитивного и социокультурного подходов. В рамках когнитивного подхода стереотипизация изучается как механизм восприятия, обеспечивающий быструю оценку ситуации, особенно в условиях дефицита информации; социокультурный подход к стереотипизации рассматривает как механизм социальной идентификации, и, в результате – социальной адаптации [3].

Аналогичное определение встречается в публикациях A.J. Traxler, рассматривающего эйджизм как любую установку, поведение или социальный институт, которые субординируют людей по признаку возраста, а также как процесс приписывания человеку тех или иных социальных ролей на основе его возраста [4]. В работе A.J.C. Cuddy и S.T. Fiske эйджизмом обозначаются стереотипы и предрассудки по отношению к представителям определенной возрастной группы, приводящие к ее дискриминации [5].

Литература:

1. Всемирная организация здравоохранения. Дискриминация пожилых и негативное отношение к старению вредят их здоровью. URL : <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-09-2016-discrimination-and-negative-attitudes-about-ageing-are-bad-for-your-health>
2. *Butler R.N.* Age-ism: Another form of bigotry // *The Gerontologist*. 1969. Vol. 9. P. 243–246.

И.С. Кон, Н. Латски, У. Липпман, А.В. Микляева, Т.В. Смирнова в качестве ядра геронтологического эйджизма выделяют возрастные стереотипы, которые определяются как черты и свойства, приписываемые культурой лицам данного возраста и выступающие для них в качестве подразумеваемой нормы, так считают [6].

Значительно меньше исследований посвящено вопросом влияния негативных геронтостереотипов на установки и практики населения старших возрастных групп. В частности, речь идет о социокультурных нормах, предписывающих пожилым людям те или иные формы самоограничения, загоняя человека в рамки стереотипов, нерелексивно, «подспудно», автоматически заставляя разделять его те или иные эйджистские нормы, принимать и реализовывать соответствующие им практики [7].

Следует отметить, что именно социокультурный подход в наибольшей степени ориентирован на исследование эйджизма как социокультурной проблемы. Так, И.А. Григорьева и С.П. Чернышова подчеркивают, что старость является в значительной степени социальным конструктом, а старение имеет, прежде всего, социальный, идеологический, политический характер [8]. Говоря о социокультурной подоплеке эйджизма, А. Левинсон подчеркивает, что социальный механизм отнятия у старого человека его общественных прерогатив и качеств у нас сегодня грубо и плохо отработан [9].

Выводы. Обобщая научные изыскания по данной теме в социологических науках, следует отметить распространенность социокультурного подхода для анализа эйджистских стереотипов и установки. Между тем, научный дискурс по теме негативных геронтостереотипов ограничивается преимущественно вопросами их распространенности, а также влияния на отношение населения «допожилого» возраста к представителям старшего поколения. Проблема самэйджизма, в целом, и еще в большей степени – эмпирического доказательства влияния интериоризированных негативных геронтостереотипов на установки и практики их носителей (собственно представителей старшего поколения), как и вопросы избирательной интериоризации негативных геронтостереотипов, в глобальной научной риторике представлены в значительно меньшей степени и практически не представлены в отечественных социологических исследованиях.

Literature:

1. World health organisation . Discrimination and negative attitudes about ageing are bad for your health. URL : <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-09-2016-discrimination-and-negative-attitudes-about-ageing-are-bad-for-your-health>
2. *Butler R.N.* Age-ism: Another form of bigotry // *The Gerontologist*. 1969. Vol. 9. P. 243–246.

3. См.: On the functions of stereotypes and prejudice / M. Snyder, P. Miene Zanna M., Olson J. // The psychology of prejudice. Vol. 7. Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 33–42; *Смирнова Т.В.* Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49–52.

4. *Traxler A.J.* Let's get gerontologised: Developing a sensitivity to ageing. The multipurpose senior centre concept: A training manual for practitioners working with the ageing. Illinois, 1980.

5. *Cuddy A.J.C.* Doddering but dear: Process, content and function in stereotyping of older persons / A.J.C. Cuddy, S.T. Fiske // Ageism: stereotyping and prejudice against older persons (ed. By T. D. Nelson). New York, 2004. P. 3–27.

6. См.: *Кон И.С.* Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М. : «Наука», 1988; Липпман У. Общественное мнение. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.; *Микляева А.В.* Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия «Психолого-педагогические науки». 2009. № 100. С. 148–157; *Смирнова Т.В.* Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 49

7. *Микляева А.В.* Содержание возрастных стереотипов: эмпирическая типология // Письма в Эмиссия. Оффлайн. Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал). 2014, февраль. URL : <http://www.emissia.org/offline/2014/2148.htm>; *Abrams D., Eller A., Bryant J.* An age apart: the effects of intergenerational contact and stereotype threat on performance and intergroup bias // Psychology and aging. 2006. Vol. 21. P. 691–702; *Hess T.M., Hinson J.T., Statham J.A.* Explicit and implicit stereotype activation effects on memory: do age and awareness moderate the impact of priming? // Psychology and aging. 2004. Vol. 19. P. 495–505; *Levy B.R., Slade M.D., Gill T.M.* Hearing decline predicted by elders' stereotypes // Journals of gerontology. Series B: Psychological sciences & social sciences. 2006 (Mar.). Vol. 61B. Issue 2. P. 82–87.

8. *Григорьева И.А.* Новые подходы к профилактике социального исключения пожилых / И.А. Григорьева, С.П. Чернышова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2. С. 186–196.

9. *Левинсон А.* Старость как институт. URL : <http://www.strana-oz.ru/2005/3/starost-kak-institut>

3. См.: On the functions of stereotypes and prejudice / M. Snyder, P. Miene Zanna M., Olson J. // The psychology of prejudice. Vol. 7. Lawrence Erlbaum Associates, 1994. P. 33–42; *Smirnova T.V.* Elderly people: stereotypical image and social distance // Sociological researches. 2008. № 8. P. 49–52

4. *Traxler A.J.* Let's get gerontologised: Developing a sensitivity to ageing. The multipurpose senior centre concept: A training manual for practitioners working with the ageing. Illinois, 1980.

5. *Cuddy A.J.C.* Doddering but dear: Process, content and function in stereotyping of older persons / A.J.C. Cuddy, S.T. Fiske // Ageism: stereotyping and prejudice against older persons (ed. By T. D. Nelson). New York, 2004. P. 3–27.

6. See: *Kon I.S.* Child and society: historical and ethnographic perspective. M. : «Nauka», 1988; Lippmann, W. Public opinion. M. : Institute of the Fund «Public opinion», 2004. 384 p.; *Miklyeva A.V.* Methods of research of ageism: foreign experience // proceedings of the Russian state pedagogical University. A. I. Herzen. Series «Psychological and pedagogical Sciences». 2009. № 100. P. 148–157; *Smirnova T. V.* Elderly people: stereotypical image and social distance // Sociological researches. 2008. № 8. P. 49.

7. *Miklyeva A.V.* Content of age stereotypes: empirical typology // Letters to the Issue. Offline. The electronic scientific edition (scientific-pedagogical online magazine). 2014, February. URL : <http://www.emissia.org/offline/2014/2148.htm>; *Abrams D., Eller A., Bryant J.* An age apart: the effects of intergenerational contact and stereotype threat on performance and intergroup bias // Psychology and aging. 2006. Vol. 21. P. 691–702; *Hess T.M., Hinson J.T., Statham J.A.* Explicit and implicit stereotype activation effects on memory: do age and awareness moderate the impact of priming? // Psychology and aging. 2004. Vol. 19. P. 495–505; *Levy B.R., Slade M.D., Gill T.M.* Hearing decline predicted by elders' stereotypes // Journals of gerontology. Series B: Psychological sciences & social sciences. 2006 (Mar.). Vol. 61B. Issue 2. P. 82–87.

8. *Grigorieva I.A.* New approaches to the prevention of social exclusion of the elderly / I.A. Grigorieva, S.P. Chernyshova // Journal of sociology and social anthropology. 2009. Vol. 12. No. 2. P. 186–196.

9. *Levinson A.* old Age as an institution. URL : <http://www.strana-oz.ru/2005/3/starost-kak-institut>

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры моделирования
социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
gafiatulina@yandex.ru

Любецкий Николай Петрович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры спортивных дисциплин,
Донской государственной
технической университет
lyubeckiyn@mail.ru

Захарова Татьяна Юнальевна

магистрант,
Университет Восточной Англии, Норвич,
магистрант,
Южный федеральный университет
tanya-z@inbox.ru

**СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ
В УСЛОВИЯХ
КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
К ВОПРОСУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Актуальность изучения социального здоровья российской молодежи в условиях ее киберсоциализации и вытекающей отсюда проблемы обеспечения информационной безопасности обусловлена тем, что киберпространство сегодня является новой средой виртуального обитания молодежи. Киберсоциализация нарушает процесс включения молодого человека в качестве дееспособного субъекта в систему реальных общественных отношений, что представляет угрозу социальному здоровью молодежи. С учетом социальных последствий неконтролируемого распространения информации в социальных сетях неизбежно возникают проблемы информационной безопасности молодежи, что угрожает формированию и сохранению у нее социального здоровья.

Ключевые слова: российская молодежь, социальное здоровье, киберсоциализация, киберпространство, информационная безопасность, медиаграмотность, информационная культура.

Natalya K. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Candidate of department
of modeling social processes,
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Nikolay P. Lyubetsky

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor of Department
Sports disciplines,
Don State Technical University
lyubeckiyn@mail.ru

Tatyana Yu. Zakharova

Undergraduate,
University of East Anglia, Norwich,
Undergraduate,
Southern Federal University
tanya-z@inbox.ru

**SOCIAL HEALTH
IN THE CONDITIONS OF CYBER
SOCIALIZATION
OF RUSSIAN YOUTH:
TO THE PROBLEM
OF INFORMATION SECURITY
OF YOUTH**

Annotation. The relevance of studying the social health of Russian youth in terms of their cyber-socialization and the ensuing problem of ensuring information security is due to the fact that cyberspace today is a new environment of virtual living for young people. Cyber-socialization violates the process of inclusion of a young person as a capable subject in the system of real social relations, which represents a threat to the social health of young people. Given the social consequences of the uncontrolled dissemination of information on social networks, there is inevitably a problem of the information security of youth, and this threatens the formation and preservation of her social health.

Keywords: Russian youth, social health, cyber socialization, cyberspace, information security, media literacy, information culture.

Отечественная гуманитарная и общественная наука относит проблему социального здоровья российской молодежи к ряду важнейших задач социологии молодежи и социологии безопасности [1].

Потребность в изучении социального здоровья российской молодежи в условиях ее киберсоциализации и вытекающей отсюда проблемы обеспечения информационной безопасности молодежи обусловлена, прежде всего, тем, что именно информационная среда сегодня является системообразующим фактором и новой средой виртуального обитания практически всех социальных групп. Однако определяющее влияние процессы современной глобальной информатизации оказывают на молодежь и ее социальное здоровье, становясь новым институтом киберсоциализации молодых поколений россиян [2].

В силу того, что объектом исследования является молодежь, а предметом – ее социальное здоровье в условиях киберсоциализации, остановимся на концептуализации понятия «социальное здоровье».

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) при интерпретации здоровья опирается на социальную природу этого феномена. По мнению экспертов ВОЗ, социальное здоровье – это степень удовлетворения личности системой социальных связей и отношений [3].

Одним из первых теоретических идей, положенных в основу формирования категории «социальное здоровье» через призму концепции социализации, явилось представление о типах социального взаимодействия между людьми, предложенное в свое время П.А. Сорокиным [4].

Категория «социальное здоровье молодежи» объединяет в себе все аспекты современной общественной жизни: социально-психологические, духовно-нравственные, социально-экономические, информационные. Отсюда вытекает, что социальное здоровье обладает индикативным характером его показателей, аккумулируя в себе широкий спектр социальных, экономических, психологических, культурных и других показателей [5], в том числе и показателей, отражающих взаимодействие личности с информационной средой.

Социальное здоровье молодежи характеризуется как состояние, возникающее и развивающееся в процессе социализации личности, в целом, и киберсоциализации в современном информационном обществе, в частности. Оно детерминировано разнообразной системой связей и контактов молодежи с другими людьми, социальными отношениями и коммуникацией. Т.е., социальная составляющая здоровья отражает социальные связи, ресурсы, межличностные отношения и сетевые контакты [6].

М.А. Болдина характеризует социальное здоровье индивидуума как устойчивое состояние социального благополучия, обеспечивающее ус-

пешность функционирования, социализации и самореализации личности в условиях современного информационного общества [7].

Определив социальное здоровье молодежи, с учетом тематики выбранного ракурса исследования, необходимо определиться по целому ряду актуальных понятий, таких как «киберсоциализация», «киберпространство», «информационная безопасность», «информационный иммунитет» «медиаграмотность», «информационная культура».

Понятие «киберсоциализация» ввел в научную социальную практику российский ученый В.А. Плешаков сравнительно недавно – в 2005 г. Специфика социализации молодежи в интернет-среде рассматривалась в работах многих отечественных и зарубежных исследователей: Е.П. Белинской, А.А. Богатыревой, В.В. Гудимова, А.Е. Жичкина, А.В. Мудрик, В.А. Плешакова, Ф.О. Смирнова, К.С. Янга и др.

Киберсоциализация (или виртуальная социализация) молодого человека определяется В.А. Плешаковым как локальный процесс изменений структуры самосознания личности, происходящий в результате воздействия виртуальных агентов социализации в рамках социализирующей интернет-среды использования молодежью современных информационно-коммуникативных и компьютерных технологий [8].

Киберсоциализация российской молодежи происходит в киберпространстве виртуальной социализирующей Интернет-среды. Под киберпространством подразумевается глобальная сфера в информационном пространстве, характеризующаяся как совокупность различных инфраструктур и информационных технологий, включая Интернет, телекоммуникационные сети, компьютерные системы [9].

В настоящее время большую актуальность приобретает электронная коммуникация, т.н. нетворкинг «социальный молодежный нетворкинг», т.е. феномен возникновения и развития системы связей и контактов молодых людей с другими людьми при помощи киберпространства, так или иначе отражающийся на психосоциальном состоянии здоровья.

В соответствии с данными онлайн-опроса 2016г. на сайте «Дети России онлайн», около 40% опрошенной молодежи назвали себя зависимыми от киберпространства, причем потребность молодых людей в нем вышла на второе место, превзойдя по уровню значимости потребность в материальном благополучии. В России в данное время дети, подростки и молодежь по степени освоения пространства социальных сетей находятся на уровне самых развитых стран, а по ряду показателей они их даже преваряют и, в первую очередь, по той высокой активности, которую молодые люди проявляют в Интернете. При этом, согласно данным онлайн-опроса, треть молодых респондентов (около 34 %) проводят в Интернете, а это – около шести часов в день, причем почти бесконтрольно [10], что конечно, способствует возникновению рисков ки-

берсоциализации и угрожает социальному здоровью молодежи.

Столь длительное бесконтрольное пребывание молодежи в киберпространстве влечет трудности в повседневной коммуникации, отсюда возникает проблема риска социальному здоровью молодежи [11], т.е. нарушению реальных социальных связей, межличностных отношений и сетевых контактов.

Так, по мнению И.А. Болдаковой, социальное здоровье молодежи в условиях киберсоциализации находится под угрозой:

– нарушения процесса включения молодого человека в качестве дееспособного субъекта в систему общественных отношений;

– нарушения основных функций социализации;

– получения из киберпространства информации сомнительного содержания, причиняющей определенный вред социальному здоровью и психосоциальному развитию студенческой молодежи [12].

Поэтому необходимо использовать все возможные средства по обеспечению информационной безопасности молодежи и привитию ей информационного иммунитета против вредоносной глобальной информации.

В соответствии с российским законодательством, информационная безопасность молодежи – это состояние ее защищенности, при котором отсутствует риск вреда ее здоровью (физическому, психическому, духовному, социальному), связанный с причинением информацией, распространяемой посредством глобального киберпространства [13].

Информационная безопасность должна быть определена в двух аспектах:

– в аспекте развития на основе системы условий, обеспечивающих успешную киберсоциализацию молодежи;

– в аспекте защиты социального здоровья молодежи от вредоносного воздействия информационной среды.

С учетом этого, информационная безопасность молодежи может быть определена:

– как ее защищенность от дестабилизирующего и деструктивного воздействия информационной продукции на социальное здоровье и психическое, духовное, нравственное развитие;

– как создание условий информационной среды для позитивной киберсоциализации личности,

Литература:

1. *Верещагина А.В.* Роль социального здоровья российской молодежи в обеспечении социальной безопасности / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, Н.Х. Гафиятулина // Национальное здоровье. 2015. № 3–4. С. 196–206.

оптимального социального и личностного развития, сохранения социального здоровья [14], для формирования информационного иммунитета, информационной культуры и медиаграмотности, устойчивых поведенческих умений и навыков в сфере информационной безопасности.

Под информационным иммунитетом понимается способность личности молодого человека отражать негативное влияние информационной среды, выражающаяся в умении выявлять информационные угрозы, риски киберсоциализации, определять степень их опасности и противостоять им. Информационный иммунитет предполагает адекватное восприятие и оценку информации, ее критическое осмысление на основе нравственных и культурных ценностей, т.е. медиаграмотность [15].

Медиаграмотность представляет собой компетентное, осознанное использование молодежью и образовательной системой инструментов, обеспечивающих доступ к информации, «развитие критического анализа содержания информации и привития коммуникативных навыков, содействие профессиональной подготовке» молодых людей с целью конструктивного и ответственного использования им глобальной информации [15]. Т.е., государству необходимо развивать медиаобразование в молодежном сообществе, которое будет способствовать информационной защите молодежи от отрицательного воздействия киберпространства на ее социальное здоровье.

При этом, молодежная медиаграмотность является одним из признаков информационной культуры молодежи, под которой понимается область культуры, связанная с функционированием информации в молодежной среде и образованием информационных качеств личности. Информационная культура – это одна из граней культуры, связанных с информационным аспектом жизни молодых людей, совокупность материальных и духовных ценностей в области информации. Информационная культура предполагает определенный уровень знаний и умений, который, по нашему мнению, предоставляет возможность молодому человеку безопасно ориентироваться в информационном киберпространстве и тем самым сохранять собственное социальное здоровье.

Таким образом, проблема обеспечения информационной безопасности российской молодежи требует формирования информационного иммунитета, медиаграмотности и развития информационной культуры, что, в целом, будет способствовать обеспечению информационной безопасности молодежи и сохранению ее социального здоровья.

Literature:

1. *Vereshchagina A.V.* The role of social health of the Russian youth in ensuring social security / A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin, N.Kh. Gafiatulina // National Health. 2015. № 3–4. P. 196–206.

2. *Комарова А.Н.* Факторы формирования социального здоровья молодежи в контексте киберсоциализации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 4(73). С. 175–177.
2. *Komarova A.N.* Factors of the formation of social health of young people in the context of cyber-socialization // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2018. № 4(73). P. 175–177.
3. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva. 2008.
3. World Health Organization. Commission on the Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation. WHO, Geneva. 2008.
4. *Сорокин П.А.* Система социологии. Социальная аналитика. Т. 1. Ч. 2. Сыктывкар, 1991. 187 с.
4. *Sorokin P.A.* Sociology system. Social analytics. T.1. Part 2. Syktyvkar, 1991. 187 p.
5. *Колпина Л.В.* К вопросу об определении понятия «социальное здоровье» / Л.В. Колпина, И.Н. Сербай // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 49–56.
5. *Kolpina L.V.* On the definition of the concept of «social health» / L.V. Kolpina, I.N. Seryba // Srednerussky Bulletin of Social Sciences. 2011. № 1. P. 49–56.
6. *Гафиатулина Н.Х.* Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 23–27.
6. *Gafiatulina N.Kh.* Information network environment as a factor in influencing the social health of Russian students / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 1. P. 23–27.
7. *Болдина М.А.* Социальное здоровье семьи // Социальное здоровье: теоретические подходы, модели, технологии развития: материалы Международной научно-практической конференции. Тамбов, 2008. С. 11–17.
7. *Boldina M.A.* Social health of the family // Social health: theoretical approaches, models, technologies of development: materials of the International scientific-practical conference. Tambov, 2008. P. 11–17.
8. *Плешаков В.А.* Киберсоциализация человека: от homosapiens'a до «homo cyberus'a»? // Вопросы воспитания. 2010. № 1. С. 92–97.
8. *Pleshakov V.A.* Human cyber socialization: from homosapiens'a to «homo cyberus'a»? // Questions of education. 2010. № 1. P. 92–97.
9. *Меньщикова А.Е.* Киберсоциализация молодежи в современном обществе / А.Е. Меньщикова, А.Д. Чулкина // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии и психологии. 2014. С. 361–366.
9. *Menshchikova A.E.* Cyber socialization of youth in modern society / A.E. Menshchikova, A.D. Chuklina // Man in the world. Peace in Man: Actual Problems of Philosophy, Sociology and Psychology. 2014. P. 361–366.
10. Сайт фонда развития Интернет. Дети России онлайн. URL : <http://www.detionline.com>
10. Website of the Internet Development Fund. Russian children online. URL : <http://www.detionline.com>
11. *Natalya Kh. Gafiatulina.* Et al. Socio-Political Changes As A Socio-Cultural Trauma For The Social Health Of Russian Youth (2018) / Natalya Kh. Gafiatulina, Andrey V. Rachipa // Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol. 8, Issue 5, May 2018. С. 602–609.
11. *Natalya Kh. Gafiatulina.* Et al. Socio-Political Changes As A Socio-Cultural Trauma For The Social Health Of Russian Youth (2018) / Natalya Kh. Gafiatulina, Andrey V. Rachipa // Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol. 8, Issue 5, May 2018. C. 602–609.
12. *Болдакова И.А.* Основные риски киберсоциализации молодежи // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 37. С. 151–155. URL : <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>
12. *Boldakova I.A.* The main risks of cyber-socialization of young people // Scientific-methodical electronic journal «Concept». 2015. T. 37. P. 151–155. URL : <http://e-koncept.ru/2015/95653.htm>
13. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».
13. Federal Law of 29.12.2010 No. 436-ФЗ «On the protection of children from information harmful to their health and development».
14. *Гафиатулина Н.Х.* Управление процессом формирования социального здоровья российской студенческой молодежи: социальные технологии управления / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, Н.П. Любецкий // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 3. С. 189–194.
14. *Gafiatulina N.Kh.* Managing the process of formation of the social health of Russian students: social management technologies / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, N.P. Lyubetsky // State and municipal management. Scientists notes. 2018. № 3. P. 189–194.
15. *Малых Т.А.* Информационная безопасность несовершеннолетних / Т.А. Малых, С.В. Кирдянкина, Г.А. Стародубцева. Иркутск, 2015. 60 с.
15. *Malykh T.A.* Information security of minors / T.A. Malykh, S.V. Kirdyankina, G.A. Starodubtseva. Irkutsk, 2015. 60 p.

Кудинова Ольга Дмитриевна
студентка,
Тульский государственный университет
ole4ka2la@mail.ru

ВЛИЯНИЕ МАССОВЫХ ОТКРЫТЫХ ОНЛАЙН-КУРСОВ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье рассматривается возникновение массовых открытых-онлайн курсов (МООС) и их влияние на профессиональную социализацию современного студента. МООС способны предоставить информацию в любое удобное время для каждого человека. Данный тип обучения является актуальным благодаря приходу информационного общества. В России формирование МООС находится на начальном этапе, однако самые крупные университеты страны уже предоставляют такие услуги.

Ключевые слова: социализация, профессиональная социализация, студент, массовые открытые онлайн-курсы, высшее образование, дистанционное обучение, информационно-коммуникационные технологии, инновации.

Исследование такой важной темы, как социализация, ведется по всему миру в различных направлениях. Социализация – процесс усвоения человеком социальных ценностей, норм, моделей поведения, принятых в обществе, и формирования индивидуальности. Целью социализации является вхождение человека в общество, это направленный и стихийный процесс одновременно. В процессе социализации формируется активная личность, которая выполняет свои действия согласно социальным нормам и интересам общества.

Термин «социализация» ввел в научное сообщество американский социолог Ф. Гиддингс в работе «Теория социализации» 1887 года. Он трактовал данное понятие как «развитие социальной природы или характера индивида, подготовку человеческого материала к социальной жизни» [1]. Существует несколько видов социализации. Рассмотрим профессиональную социализацию более подробно.

Большая роль в формировании квалифицированного специалиста в вузе отводится профессиональной социализации. Данное понятие имеет несколько значений. Во-первых, это профессиональное становление и развитие личности, во-вторых, это процесс становления индивида, включающий усвоение социального опыта, ценностей, норм с дальнейшим их воспроизводством в трудовой деятельности.

Olga D. Kudinova
Student,
Tula State University
ole4ka2la@mail.ru

INFLUENCE OF MASSIVE OPEN-ONLINE COURSES ON SOCIALIZATION OF STUDENTS

Annotation. In article emergence of mass opened-online courses (MOOC), and their influence on professional socialization of the modern student is considered. MOOC are capable to provide information for each person at any convenient time. This type of training is relevant thanks to arrival of information society. Formation of MOOC is in Russia at the initial stage, however the largest universities of the country already provide such services.

Keywords: socialization, professional socialization, student, mass open online courses, education, distance learning, information and communication technologies, innovations.

Одним из важнейших институтов профессиональной социализации является вуз, от которого значительно может зависеть успешность данного процесса. Вуз, как институт социализации – упорядоченная система, которая служит для подготовки студенческой молодежи к реализации себя в системе важнейших социальных ролей.

Можно выделить следующие этапы социализации студента в вузе:

1 этап – адаптация – приспособление студента к новым условиям;

2 этап – интеграция в сообщество вуза – студент приобретает знания, умения, навыки, необходимые для профессиональной подготовки;

3 этап – формирование студента в качестве будущего специалиста, саморазвитие и самосовершенствование в разнообразных видах деятельности.

Профессиональной социализации в вузе необходимо уделять особое внимание, так как она определяет дальнейшее развития студента. В связи с этим следует создавать оптимальные педагогические возможности для ее эффективности.

Для того, чтобы социализация студента в вузе проходила успешно, необходимо приобретение им новых знаний, профессиональных качеств,

умений. Кроме того, студент должен осознавать свою социальную роль, предъявляемые обществом требования.

На процесс социализации оказывает значительное влияние развитие информационно-коммуникативных технологий. Сегодня молодой человек имеет беспрепятственный доступ к получению необходимых знаний, умений или навыков благодаря данному процессу. В связи с этим, появилось дистанционное обучение. Благодаря ему современным студентам стало легче получать необходимую информацию на расстоянии, а также осваивать большее количество знаний для своего профессионального развития.

Быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий за последние десятилетия не могло не коснуться сферы образования. Возрастание потребностей современного студента к постоянному обновлению знаний и расширению своего кругозора из-за быстрого устаревания информации, вследствие появляющихся научных и технических инноваций, привели к тому, что в начале 2000-х гг. появились массовые открытые онлайн-курсы (Massive open online courses, MOOCs).

Считается, что данный термин появился в беседе двух канадских научных деятелей Брайана Александра и Дэйва Кормье во время их работы над дистанционным курсом «Коннективизм и соединительное знание» [2]. Под аббревиатурой MOOCs подразумевается:

- Massive (массовые) – большое количество участников курса;
- Open (открытые, бесплатные) – любой курс является бесплатным, любой человек в любое время может в нем присоединиться;
- Online (онлайн) – все курсы находятся в открытом доступе в сети Интернет;
- Course (курс) – каждый курс имеет свои правила, структуру, цели.

MOOC представляют собой открытые учебные материалы, предназначенные для работы в режиме онлайн. Лекционная часть занятий, чаще всего, содержит видео формат, иногда встречается в аудио и текстовом виде. Во время обучения применяются различные интерактивные средства, такие как групповые онлайн обсуждения, ведение блогов, тестовое оценивание усвоенного материала.

MOOC – это часть дистанционного обучения, однако, иногда может реализовываться смешанное обучение, которое включает в себя прослушивание лекций через сеть Интернет, а для обсуждения студенты приходят на семинары в аудитории. Такой тип обучения позволяет совмещать и человеческие, и электронные ресурсы, что может открыть дополнительные перспективы в сфере образования. Однако смешанный тип не подойдет для таких случаев, когда обучение проходит для тысячи учащихся, так как будет недостаток человеческих ресурсов.

Главными качествами MOOC являются качественное обучение и удобство удаленного взаимодействия. Онлайн-курсы развиваются как отдельная отрасль образования. MOOC ориентируются на технические возможности современных информационных технологий и на широкое использование сервисов мобильного и сетевого взаимодействия. Онлайн-курсы служат трем целям, а именно: предоставление учащемуся доступа к любой необходимой информации в удобное время; помощь для тех, кто желает делиться знаниями, находить тех, кто хотел бы у них учиться; сделать известным вопрос того, кто хочет поделиться проблемой для публичного обсуждения.

Однако MOOC как основа новой формы обучения имеет свой недостаток. Например, можно отметить, что некоторые люди записываются на курсы из любопытства или желания посмотреть содержание курса, оценить уровень донесения информации. Но очень мало людей, которые действительно проходят весь курс и получают сертификаты о его окончании. Чаще всего к данной категории людей относятся всего 5-10% от количества записавшихся, а это довольно небольшое число [3].

На сегодняшний день онлайн-курсы представляют собой мировую тенденцию современного высшего образования. Если говорить о России, то модернизация системы образования проходит в условиях развития открытого образовательного пространства. В России массовое онлайн-обучение находится в начальной стадии формирования.

Важным для российских онлайн-курсов является запуск сайта в сентябре 2015 года, который называется «Открытое образование». На нем представлены бесплатные курсы крупнейших российских вузов. Такое обучение позволяет получать образование жителям всей страны, в том числе, и в небольших городах, создаются равные условия для всех. Однако здесь мы можем встретить проблему признания сертификатов, полученных после прохождения курсов со стороны работодателя. Из этого следует, что обучение должно нести не только теоретическую, но и в большей степени практическую направленность. Работодатели, в свою очередь, также могут быть заинтересованы в участии в онлайн-курсах в качестве организаторов на базе существующих платформ, так как это позволит им с небольшими издержками получить грамотных кандидатов.

В целом, следует отметить, что сегодня актуально такое явление, как «образование в течение всей жизни», которое включает в себя как совершенствование уже имеющихся навыков, так и освоение новых. Из-за динамичности жизни и постоянно меняющихся условий, современному студенту и в дальнейшем выпускнику необходимо адаптироваться в различных ситуациях. Интеллектуальные возможности человека можно увеличить благодаря использованию информационно-коммуникативных технологий, ведь в

настоящий момент они играют основополагающую роль в становлении информационного общества.

Таким образом, онлайн-курсы оказывают значительное влияние на профессиональную социализацию студента. Данный тип образования позволяет получать большее количество информации, которая необходима и которая считается нужной и полезной, что дает молодому человеку возможность усвоения социального опыта, норм и ценностей для их дальнейшего воспроизводства в трудовой деятельности. МООС являются одним из способов получения дистанционного

Литература:

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон; Пер. с франц. М. : Издат. группа «Прогресс»; Универс, 1993.
2. Хмеленко В.В. Трансформация образования в эпоху информационных технологий: роль массовых открытых онлайн-курсов // Вестник науки и образования. 2016. № 7(19). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obrazovaniya-v-epohu-informatsionnyh-tehnologiy-rol-massovyh-otkrytyh-onlayn-kursov> (дата обращения 20.03.2019).
3. Костиук Ю.Л. Массовые открытые онлайн курсы – современная концепция в образовании и обучении / Ю.Л. Костиук, И.С. Левин, А.Л. Фукс, И.Л. Фукс, А.Е. Янковская // Вестн. Том. гос. ун-та. Управление, вычислительная техника и информатика. 2014. № 1(26). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/massovye-otkrytye-onlayn-kursy-sovremennaya-kontseptsiya-v-obrazovanii-i-obuchenii> (дата обращения 22.03.2019).

образования, которые дают широкому кругу людей обучаться разнообразным предметам бесплатно, независимо от их местонахождения и уровня образования. В случае успешного развития массовых открытых онлайн-курсов произойдет глобализация образования, увеличение мобильности населения, усиление конкуренции среди университетов в мировом масштабе, рост международной конкуренции за интеллектуальные ресурсы. МООС представляют собой мировую тенденцию современного высшего образования и перспективное направление для поиска ниши многими компаниями для развития бизнеса.

Literature:

1. Aron R. Stages of development of a sociological thought / R. Aron; The drive from French. M. : To publish. Progress group; University, 1993.
2. Hmelenko V.V. Transformation of education during an era of information technologies: role of mass open online courses // Messenger of science and education. 2016. № 7(19). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obrazovaniya-v-epohu-informatsionnyh-tehnologiy-rol-massovyh-otkrytyh-onlayn-kursov> (date of the address 20.03.2019).
3. Kostiuk Yu.L. Mass open online courses – the modern concept in education and training / Yu.L. Kostiuk, I.S. Levin, A.L. Fuchs, I.L. Fuchs, A.E. Yankovskaya // Management, computer facilities and informatics. 2014. № 1(26). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/massovye-otkrytye-onlayn-kursy-sovremennaya-kontseptsiya-v-obrazovanii-i-obuchenii> (date of the address: 22.03.2019).

Куршнева Елена Леонидовна
кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Краснодарское Высшее военное
авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза
А.К. Серова
milena.555@mail.ru

Elena L. Kurshneva
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Humanitarian
and Socio-economic disciplines,
Krasnodar Highest military
aviation school of pilots
name of the Hero
of the Soviet Union A.K. Serova
milena.555@mail.ru

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ВЕДУЩИЕ ПРОЦЕССЫ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

GLOBALIZATION AND REGIONALIZATION AS LEADING PROCESSES OF WORLD DEVELOPMENT

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы глобализации как динамичного процесса интенсификации этапа интернационализации, обладающей количественными и качественными характеристиками, а также проблема регионализации как процесса взаимодействия, сближения экономик в определенных региональных рамках, взаиморазвития и взаимовлияния процессов глобализации и регионализации в современных условиях.

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the problems of globalization as a dynamic process of intensification of the stage of internationalization, which has quantitative and qualitative characteristics. As well as the problem of regionalization as a process of interaction, convergence of economies in certain regional frameworks. Mutual development and interaction of processes of globalization and regionalization in modern conditions.

■ ■ ■

Ключевые слова: глобализация, регионализация, транснациональные корпорации (ТНК), межгосударственные соглашения, глобальная интеграция.

■ ■ ■

Keywords: globalization, regionalization, transnational corporations (TNCs), interstate agreements, global integration.

■ ■ ■

В основных свойствах процессов глобализации можно проследить наличие связей между глобализацией и регионализацией. Так как страны передового мира отличаются масштабами и уровнем общественно-финансового становления, можно допустить, будто итоги действия глобализации на отдельные государства и категории стран никак не одинаковы. В больших государствах тенденция глобализации вызывает неодинаковые результаты в разных регионах. Ещё доглобализации интернационализации общественных взаимоотношений на планетарном уровне наблюдалась интернационализация общественных связей на региональном уровне, получившая собственно название «регионализации». Регионализация выражается в сближении групп находящихся государств с вероятным их соединением в отдельную группу. На примере Евросоюза данная закономерность имеет место быть через взаимодействие территориальных, субнациональных акторов, которые полагаются закрепить собственную независимость либо, по крайней мере, заполучить преимущественно на представительство и оказание политического воздействия в европейских делах. В дан-

■ ■ ■

ный момент модифицирование в их пользу соответствующих правил было налицо. Регионы (а потом и городские образования) получили признание в качестве соответствующих политических единиц. Сначала их признание ограничивалось особенной сферой политической деятельности, а конкретно структурной политикой Евросоюза. Однако сейчас представительств территориальных коллективных лиц в отдельных странах-членах стало всеобщим принципом и получило институционализацию в Комитете регионов [2]. Подчеркнем, что «структурная политика ЕС» – наверное как раз и есть перемещение денежных потоков между регионами и отраслями государств Евросоюза. Глобализация, с одной стороны, и регионализация, с другой стороны, являются основными процессами в развитии передового мира, только лишь оказывающими огромное воздействие на финансовую жизнь, однако и влекущими за собой большие политические, общественные и в том числе и цивилизационные последствия. Данные результаты все больше чувствуют на себе фактически все державы мира и среди которых естественно, страны постсоветского пространства, которые полностью ос-

мысленно, активно и целеустремленно продвигаются по пути интеграции в мировую экономику.

Одним из соучастников финансовых, социально-политических изменений в результате глобализации становятся транснациональные корпорации (ТНК).

Под транснациональными корпорациями понимаются большие бизнес-фирмы, имеющие единую глобальную стратегию развития и стремящиеся преобладать к месту своему на рынках нескольких государств методом развития сети отделений и дочерних компаний и относительно неограниченного инвестирования акционерного денежного средства. По результатам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в мире насчитывается около 77 тыс. материнских и 770 тыс. дочерних фирм ТНК. В них занято приблизительно 62 млн сотрудников, а сумма оборота насчитывает 4 трлн долл. США. Присутствие схожих ресурсов позволяет вести речь о том, что глобализация оказывает позитивное влияние на деятельность ТНК. Анализируя процесс глобализации, Х. Кхан делит его на несколько составляющих: экономическая, политическая и социальная глобализация. Например, экономическая глобализация характеризуется расширением торговых взаимосвязей, аутсорсингом производства, расширением деятельности ТНК и подъемом воздействия международных финансовых институтов. Именно благодаря сетевому характеру взаимоотношений между головными и дочерними подразделениями компаний происходят процессы накопления денежных средств и их проникновения в различные страны, что в свою очередь, усиливает кооперацию между соучастниками. Политическая глобализация выражается в увеличении уровня взаимодействия между государствами при решении глобальных задач, а еще в разработке всеобщего ценностного базиса в виде реализации политических и гражданских свобод, прав человека и т.д. Социальная глобализация характеризуется принятием единой культуры и универсализацией идей в сфере потребления товаров, продуктов питания, развлечений и остальных аспектов жизни индивидуума и сообщества в целом [3, с. 515].

Немецкий социолог У. Бек выделяет главную характеристику глобализации, как политизация жизни. При этом политическое относится уж не к государственным политическим акторам, а становится всеобъемлющим, практически тотальным. «На какой бы содержательный аспект ни указывала новая риторика глобализации (экономика, рынки, борьба за рабочие места, производство, товары и услуги, финансовые потоки, информация, стили жизни), в каждом случае бросаются в глаза политические последствия, вызванные к жизни действием механизмов экономического (выделено У. Бек.) риска глобализации: институты индустриального общества, до того как бы полностью закрытые для политики, могут «дать трещину» и открыться для политического вмешательства» [4, с. 9]. Таким образом, глобализация открыла крупному международному бизнесу в лице ТНК возможность

не только играть роль в установлении экономического порядка, но и формировать общество путем передвижения капитала, определения страны в системе мирового разделения труда, повышения/понижения уровня оплаты налогов и т.д. Установившаяся под влиянием этих факторов социальная структура определяет политическую систему, институты и модели отношений не только на национальном уровне, но и на глобальном и региональном.

Экономист Д. Бхагвати отмечает высокую степень интеграции национальных хозяйств в мировую систему путем внешней торговли, прямых иностранных инвестиций, миграции населения и обмена технологиями [5, с. 6]. Автор также выделяет фундаментальные особенности современной глобализации:

- 1) снижение государством барьеров на пути потоков товаров и инвестиций и увеличение темпов роста научно-технического прогресса;
- 2) ускорение движения услуг и капиталов благодаря развитию информационных технологий;
- 3) обострение конкуренции и увеличение жесткости рынка из-за его глобального характера. Как следствие, у его малых участников сильнее развивается чувство экономической уязвимости и незащищенности;
- 4) усиление взаимозависимости государств и конкуренция за привлечение инвестиций ограничивают их способность действовать в интересах собственных граждан [5, с. 16–19].

В отмеченных сферах высока роль конкретно транснациональных корпораций. Они считаются как главным источником прямых иностранных вложений, так и обладателями главных производственных технологий, способствующих развитию индустрии той либо другой страны. К примеру, фирма Shell благодаря внедрению технологий по сжижению природного газа вместе с Qatar Petroleum (Катар) открыла завод в городе Рас-Лаффан, строительство которого обошлось в сумму более 18 миллиардов долларов. Во многом конкретно использование данной технологии и совместная работа правительства и компании позволили Катару взять в долг одно из ведущих мест на мировом рынке энергоресурсов. Российский ученый С.В. Мартыненко проявляет особый интерес к возможностям глобализации противостоять монополии тех либо других акторов на реализацию управленческих решений и злоупотребление данными решениями. Главным аспектом глобализации считается борьба с монополизацией. «Данная проблема решается за счет решения за счет создания множества «мостиков», которые перебрасываются от одной локальности к другой, «мостиков» от социальных явлений – к экономическим, политическим, интеллектуальным, образовательным» [6, с. 49]. Следует отметить, что при глобализации никакие институты не имеют монополии на власть и влияние: ни государства, ни транснациональные корпорации, ни международные организации. На наш взгляд, к ослаблению роли государства в

глобализационных процессах ведет не столько деятельность ТНК, а в принципе усиление всех их участников – от международных организаций до отдельного индивида, который благодаря развитию интернета и социальных сетей может решать часть своих проблем с минимальным участием государственных институтов. Таким образом, глобализация носит неизбежный и всеобъемлющий характер, а рост возможностей по включению в данный процесс еще больше ускоряет объединение мира и усиливает связи между участниками.

З. Бжезинский также выделяет в качестве главного свойства глобализации утрату государством собственного обычного суверенитета. Но властные способности никак не распределяются по горизонтали между иными соучастниками политических действий, а переходят главному бенефициару – Соединенным Штатам Америки. Согласно мнению исследователя это состояние дел соединено с сосредоточиванием в США массовых институтов и массовой взаимозависимостью в эру моментальной передачи информации 7, с. 177. Усилению роли США, а еще содействует продолжению и улучшению собственных взаимосвязей иностранных политических деятелей и предпринимателей с американскими коллегами, совместного обучения в университетах, а еще возникновение глобальной верхушки, владеющей высочайшей мобильностью, глобалистскими взглядами и международной лояльностью 7, с. 178. Главная задача данной категории – удержание собственного высокого положения, которое достигается методом опоры на финансовую, политическую и военную силу США. Согласно взглядам З. Бжезинского, глобализация считается ключом к осмысливанию передовых глобальных политических процессов, главным фактором характеризующим направление перемен мирового развития.

В данном смысле продвижение идей глобализации, её восприятие как благотворного процесса стало совсем близко к идеологической догме. «Она (глобализация. – З.С.) несет в себе все черты идеологии: она оказалась исторически актуальной, была обращена к главным властным элитами владеющим едиными интересами, содержала критику того, что следовало отвергать, и

Литература:

1. *Сергеев Д.В.* Глобализация и регионализация мировой экономики: Основные тенденции и перспективы : дис. ... на соиск. канд. экон. наук, М., 2003.
2. *Косолапов Н.А.* Глобализация: сущностные и международно-политические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 3.
3. *Khan H.A.* Globalization and Quality of Government: An Analysis of the Relationship // Public Organization Review. 2017. Vol. 17. № 4. P. 509–524. URL : <https://doi.org/10.1007/s11115-016-0352-4>

обещала наилучшее будущее» 7, с. 188. Так глобализация и важная роль США в процессе её установления стали одним из инструментов легитимации передового международного порядка. В деятельности транснациональных корпораций.

Эти государства-неудачники сталкиваются с жесткой реальностью: для привлечения транснациональных корпораций недостаточно хорошей политики и системы управления. Воистину успешными остаются немногие страны, у которых вообще нет шансов на процветание из-за отсутствия потенциала для развития торговли, привлечения иностранных инвестиций и эмиграции граждан, а также из-за политических кризисов (как в раздираемых войнами государствах Африки)» [5, с. 220–221]. Если руководство ТНК примет решение о ведении бизнеса в бедных странах, то правительства последних начинают соперничать между собой за привлечение этих инвесторов, предоставляя более выгодные условия деятельности (например, с помощью налоговых льгот). Такой процесс получил название «гонки по нисходящей» и грозит принимающим странам проигрышем в результате неграмотной финансовой и налоговой политики. Мы полагаем, что транснациональные корпорации являются акторами только на уровне государства. На более же высоком уровне они выступают лишь агентами, своего рода проводниками глобализации. Ее развитие неподвластно воле ТНК, и последние вынуждены подстраивать свои стратегии под изменяющуюся среду. Иными словами, какие бы действия ни предпринимали ТНК и другие участники мировых процессов, глобализацию уже не остановить, необходимо както приспособиться и пытаться, синхронизируясь с ней, достигать своих целей.

Все вышеизложенное показывает, что, несмотря на различные кризисы и риски, глобализация будет оставаться основополагающим трендом в развитии всех подсистем общества. Уровень вовлеченности в этот процесс позволяет говорить о том, что взаимодействие между участниками будет только возрастать. Как следствие, ни один из них не будет обладать возможностями управления глобализацией, в том числе и транснациональные корпорации, являющиеся проводником этого процесса.

Literature:

1. *Sergeev D.V.* Globalization and regionalization of the world economy: Main trends and prospects : thesis on a competition of Candidate of Economic Sciences. M., 2003.
2. *Kosolapov N.Ah.* Globalization: essential and international political aspects // World economy and international relations. 2001. № 3.
3. *Khan H.A.* Globalization and Quality of Government: An Analysis of the Relationship // Public Organization Review. 2017. Vol. 17. № 4. P. 509–524. URL : <https://doi.org/10.1007/s11115-016-0352-4>

4. *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек; Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М., 2001. 304 с.

5. *Бхагвати Д.* В защиту глобализации / Д. Бхагвати; Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2005.

6. *Мартыненко С.В.* Глобализация в системе социально-политических координат. М., 2011.

4. *Beck U.* What is globalization? Errors of globalism – answers to globalization / U. Beck; Translation from German A. Grigoryev and V. Sedelnika; General edition and epilog A. Filippova. M., 2001. 304 p.

5. *Bhagwati D.* In defense of globalization / D. Bhagwati; Translation from English; Under edition V.L. Inozemtsev. M., 2005.

6. *Martynenko S.V.* Globalization in the system of socio-political coordinates. M., 2011.

Лагутин Юрий Викторович
аспирант кафедры
социологии коммуникативных систем,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
lagutinyury@gmail.com

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ

■ ■ ■

Аннотация. Технологии, вообще, и цифровые технологии, в частности, являются фундаментом коммуникации общества и власти и во многом помогают определить формат взаимодействия. Власть, как показывает история, долгое время управляла информацией, всегда знала больше, чем общество.

В настоящее время мы переходим в новую эпоху, когда власть не владеет всей информацией. Она управляет стратегией, но не текущей повесткой, не актуальным моментом времени.

Ключевые слова: цифровые технологии, информация, общество, власть, коммуникация, медиaprостранство.

■ ■ ■

Общество является единственным источником информации. Трудно представить, что представители власти будут принимать решение на основе запросов в поисковых системах, хотя в идеале это должно быть именно так. Обработка обращений на основе bigdata позволит аккумулировать большое количество информации, которая как нельзя лучше отразит не только насущные вопросы и потребности, но и составит портрет общества. Как сказал Герман Греф, по 230 лайкам в социальных сетях можно определить сущность человека, узнать его в деталях: какие магазины предпочитает, где и как отдыхает, с кем общается и за кого проголосует на выборах.

Технологический прогресс XX века, таким образом, изменил привычный подход к взаимодействию между обществом и властью. Некогда набирающий популярность интернет стал неотъемлемой частью жизни подавляющего большинства людей: средством коммуникации, источником информации вдохновения, развлечений, а также бизнес-площадкой и платформой для функционирования целых корпораций. Отличительной особенностью медиaprостранства является то, что влияние является двусторонним: интернет не только служит источником информации для потребителя, но и в свою очередь наполняется контентом, благодаря своим пользователям. От конечного пользователя зависит не только то, что он потребляет в сети, но и то, что будет дос-

Yury V. Lagutin
Graduate Student,
Graduate Student Department
of Sociology of Communication Systems,
Lomonosov Moscow State University
lagutinyury@gmail.com

DIGITAL TECHNOLOGY AS A TOOL OF POWER

■ ■ ■

Annotation. Technologies in general and digital technologies in particular are the foundation of communication between society and the government, they help to determine the format of interaction in many ways. Power, as history shows, has been controlling information for a long period of time and has always known more than society. Currently, we are moving into a new era, where the authorities do not have the full amount of information. It controls the strategy, but not the current agenda, not the current moment of time.

Keywords: digital technologies, information, society, power, communication, media space.

■ ■ ■

тупно для ознакомления другим пользователям. Каждый из нас ответственен за формирование интернет-среды. А это – именно та среда, в которой проводит большую часть свободного времени современный человек и молодой современный человек особенно. Так, Марк Пренски, изучая процесс «оцифровки» общества, ввёл термины «цифровой абориген» и «цифровой иммигрант». «Аборигенами» технологий Пренски назвал нынешнее поколение, указывая на то, что цифровая культура является для них неотъемлемым и абсолютно стандартным атрибутом взросления. По этой причине современные подростки находят процесс обучения значительно проще с использованием технологий, нежели без них. Предыдущие поколения («цифровые иммигранты») были лишены возможности использовать прелести цифровой культуры ввиду её отсутствия, а стали познавать её возможности уже во взрослой жизни, поэтому учителя нередко испытывают трудности при донесении информации до юного поколения. Позже концепция Марка Пренски была дополнена Джоном Палфри и Урсом Гассером, которые ввели термин «Цифровые с рождения»: люди из этого поколения не знают жизни без гаджетов. С первых дней жизни они смотрели мультфильмы на большом мониторе, а перед сном им родители читали сказки с экранов своих смартфонов и планшетов. Таким детям написать решение уравнения мелом на доске может оказаться более сложной задачей, чем его непосредственное решение.

Технологический прогресс не только значительно шагнул вперёд за последние несколько лет, но лишь продолжает укреплять свои позиции. Благодаря значительному увеличению аудитории интернет становится мощной средой для политического взаимодействия. Ещё Даниел Белл отмечал, что «в наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает становление нового социального уклада, ждущегося на телекоммуникациях». Стоит упомянуть, что всего несколько годами ранее Белл рассматривал электронно-вычислительную технику лишь как средство для решения наукоёмких задач.

Современные технологии позволяют не только быть источником знания, но они также способны имитировать реальное взаимодействие между группами лиц, тем самым заметно упрощая, а также придавая естественность такого рода общению [1, с. 9–20]. В политическом плане интернет-ресурсы позволили обществу стать заметнее ближе к политической процессам в их государстве, причём, не только с ознакомительной целью, но также и с социально активной. Отличительной особенностью использования интернета является обратная связь. Любому пользователю не составит труда выразить свою точку зрения по тому или иному вопросу, проголосовать, поделить комментарий, поставить оценку и ознакомиться с мнением остальных пользователей, безразличных к какому-либо вопросу. Интернет предлагает инновационные способы участия населения в политической сфере, предлагая относительную прозрачность действий, как отдельных политиков, так и целых политических институтов. Интернет является важнейшим способом формирования гражданского общества в XXI веке. Таким образом, высказывания М. Маклюэна, З. Бзешинского, Э. Тоффлера о том, что с развитием электронных средств коммуникации будут формироваться как экономические, так и политические пространства общества с развитием предпосылок дальнейшего развития демократии, с течением времени лишь укрепляются в своей справедливости.

В ряде стран опыт внедрения технологий в политическую жизнь уже практикуется на протяжении нескольких десятков лет. Так, например, в США ещё в начале 90-х годов прошлого века была введена «электронная ратуша», позволившая избирателям заменять своих представителей при выборе решений. Позднее, в 1994 году, в США впервые утвердили правительственную директиву, которая напрямую обязывала правительство предоставлять информацию о своей деятельности через интернет. Не стоит забывать, что помимо очевидных плюсов любое решение несёт в себе ряд ограничений, а порой и негативных последствий, которые должны быть приняты во внимание во время их использования. Угрозы при демократическом типе мышления возможны не только устоявшемуся порядку формирования власти, но также и целому механизму политического управления. Существует ряд проблем, решение для которых не может

быть доступным подавляющему числу наблюдателей. Как следствие, эти люди не способны вынести верное оценочное суждение по причине недостаточного владения информацией. «Значимыми являются лишь те политические PR-проекты в Интернете, в которых были активно задействованы традиционные СМИ. В отличие от бизнес-PR в сети, где возможно прямое обращение к целевым аудиториям, российский опыт использования web-технологий в целях политического PR показывает, что наиболее эффективными становятся те проекты, где интернет-событие (сайт или кампания) выступает в качестве информационного повода для дальнейшего освещения в традиционных СМИ» [2, с. 14].

Однако стоит отметить, что по мере укрепления позиций интернета повышается вовлечённость населения в политику. Даже не заинтересованный в политических процессах пользователь во время поиска нужной ему информации в сети читает заголовки последних новостей, среди которых нередко можно встретить связанные с политическими действиями. Тем самым этот пользователь неумышленно воспринимает информацию из этой сферы, формируя своё отношение к затрагиваемой проблеме. Интернет оказывает значительное влияние на политическую жизнь общества. Благодаря той «свободе», которую предоставляет интернет, он также оказывает влияние на СМИ и является своего рода «фильтром» предоставляемой информации.

М.С. Вершинин пишет: «Исследователи видят перспективы в потенциале Интернета, и не только в том, чтобы сделать политическую связь и поток информации более эффективными и прозрачными, но также, чтобы использовать любой удобный случай для участия граждан в политических процессах. Наиболее значительными являются следующие:

- 1) более действенное управление посредством эффективных организационных действий;
- 2) более эффективная связь между политикой и гражданами;
- 3) активация и мотивация, направленные на вовлечение граждан в политику за пределами Интернета посредством самого Интернета;
- 4) более практичные политические решения вследствие объединения знаний граждан, основанных на опыте». Таким образом, интернет в XXI веке является не просто средством донесения информации, но также и мощным механизмом обратной связи: взаимодействие в интернете является исключительно двусторонним» [3, с. 257].

В России за последние годы принят ряд программ, направленных на развитие информационных технологий в сфере государственного управления [4, с. 86–89]. В большинстве регионов соответствующие программы активно используются населением и вызывают обсуждения. Удобство взаимодействия с такой неотъемлемой составляющей жизни, как политика «не

выходя из дома» определённо служит дополнительной мотивацией принять непосредственное участие в процессе.

Таким образом, интернет как инструмент политической коммуникации и, как следствие, власти, значительно снижает затраты граждан на процесс получения информации, тем самым мотивируя население принимать участие в политической жизни страны. В ближайшем будущем, вне всякого сомнения, власть будет избираться не

Литература:

1. *Коркия Э.Д.* Социальный контекст нового медиапространства; журнал «Общество: социология, психология, педагогика» / Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Изд-во ООО Издательский дом ХОРС. Краснодар, 2018. № 3. С. 9–20.
2. *Иванов Д.Г.* Политический PR в интернете: российские реалии // Интернет-маркетинг. 2002. № 4. С. 14.
3. *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований; сборник научных трудов Актуальные проблемы теории коммуникации // Изд-во СПбГПУ. СПб., 2004. С. 253–270.
4. *Еляков А.Д.* Российское общество в информационном измерении // Социс. 2009. № 7. С. 86–89.

на выборах, но будет получать реальный кредит доверия от людей. Информационные технологии обеспечат тотальный контроль за решениями и ошибками в них в режиме on-line. Будущее – за единым порталом обращения граждан. Люди будут голосовать прямо из дома. Новые информационные технологии помогут отследить не только принятия решений, но и их исполнение. Наступила принципиально новая информационная эпоха, а стало быть, новая ответственность власти и общества.

Literature:

1. *Korkiya E.D.* The social context of the new media space; Journal «Society: Sociology, Psychology, Pedagogy» / E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // Publishing House HORS Publishing House LLC. Krasnodar, 2018. № 3. P. 9–20.
2. *Ivanov D.G.* Political PR on the Internet: Russian realities // Internet marketing. 2002. № 4. P. 14.
3. *Vershinin M.S.* Political communication in the information society: promising areas of research; collection of scientific papers Actual problems of communication theory // SPbGPU publishing house. SPb., 2004. P. 253–270.
4. *Elyakov A.D.* Russian Society in the Information Dimension // Socis. 2009. № 7. P. 86–89.

Лядова Анна Васильевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры современной социологии
социологического факультета,
МГУ имени М.В.Ломоносова
annasm@mail.ru

Панич Наталья Александровна

кандидат исторических наук
доцент кафедры современной социологии
социологического факультета,
МГУ имени М.В. Ломоносова
Natalia.panich@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЙ ГРАДИЕНТ
ЗДОРОВЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ**

Аннотация. Одной из характерных черт современного общества является социальное неравенство. Хотя данный феномен сопровождает человечество на протяжении всей его истории, именно в современном обществе оно приобретает глобальный характер, что обусловлено формированием глобальных социальных отношений. Множась через проявления в различных формах, социальное неравенство пронизывает социальную систему взаимодействий, влияя на все сферы ее жизнедеятельности. Здоровье также оказывается в его поле действия. Более того, проблема неодинакового уровня здоровья уже давно находится в фокусе исследовательских дискуссий. Несмотря на различные подходы, очевидно, что неравенство в здоровье обусловлено, прежде всего, социальными факторами – т.н. социальными детерминантами здоровья, среди которых прямая корреляция установлена между уровнем здоровья индивида и его материальным статусом. Данная взаимосвязь обозначается как социальный градиент здоровья. В настоящей работе предлагается теоретический анализ этого понятия в свете современных подходов.

Ключевые слова: здоровье; неравенства в отношении здоровья; социальные детерминанты здоровья; социальный градиент.

Мобильность, цифровизация, искусственный интеллект, инновации, виртуальная реальность – все это тренды современного общества, определяемого социологами как постиндустриальное, информационное, сетевое, общество знания. Являясь следствием развития техно-

Anna V. Lyadova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of Department of Modern Sociology,
Sociological faculty of M.V. Lomonosov
Moscow State University
annasm@mail.ru

Natalia A. Panich

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of Department of Modern Sociology,
Sociological faculty of M.V. Lomonosov
Moscow State University
Natalia.panich@mail.ru

**THE SOCIAL GRADIENT
AS A REFLECTION OF HEALTH
INEQUALITY: THE THEORETICAL
APPROACHES**

Annotation. One of the characteristic features of modern society is the social inequality. Despite the deep roots of this fact in mankind's history, it has been regarded as a special phenomenon of modern society because of its global character. It has different forms that lead to influence all society's life. Health is also under its action. Moreover, the problem of unequal level of health has long been in the focus of research discussions. Despite various approaches, it is obvious that inequality in health is primarily due to social factors – the Social determinants of health. One of the most important is income. Its impact on health is regarded as the social gradient. This paper proposes the theoretical analysis of this concept.

Keywords: health; health inequalities; social determinants of health; social gradient.

логий, они способствуют преодолению не только пространственных, временных границ, но и расширяют человеческие возможности в познании окружающего мира, преодолевая существовавшие до сих пор барьеры и ограничения [1; 2; 3].

Однако наряду с этими достижениями характерной чертой нашего времени также является социальное неравенство. Сопровождая развитие человечества на протяжении всей его истории, в современном мире оно приобретает глобальный характер. Как отмечают исследователи, именно формирование глобальных социальных отношений способствует усилению социального разрыва как между отдельными социальными группами, так и на международном уровне [4]. Представляя собой отражение сложной социальной стратификации общества, социальное неравенство становится причиной различных форм социальных конфликтов, порождая нестабильность в функционировании данного сообщества, а в условиях глобализации, становясь угрозой мирового существования.

Эксперты, отмечая всеобъемлющий характер социального неравенства, указывают на многообразие форм его проявления. Так, Геран Терборн, профессор социологии из университета Уппалса (Швеция), выделяет биологическое (виальное), экзистенциальное, гендерное, экономическое, ресурсное и т.п., существующее, по мнению ученого, как между представителями одной социальной группы (внутри/снаружи), так и разных (высший/низший уровни) [5, с. 38].

Множась через проявления в различных формах, социальное неравенство пронизывает социальные отношения, влияя на все сферы жизнедеятельности современного социума. Здоровье также оказывается в его поле действия.

Как известно, здоровье – это комплексный феномен, на состояние которого влияют две основные группы факторов: эндогенные и экзогенные. В условиях современного развития, как показывают результаты исследований, преобладающими становятся внешние факторы [6]. По мнению экспертов Всемирной Организации Здравоохранения М. Уайтхед и Г. Дальгрена, эти факторы в большей степени обусловлены социальной средой. Поэтому их обозначают как социальные детерминанты [7]. К ним относят «условия, в которых люди рождаются, живут, работают и стареют, включая системы здравоохранения» [8].

Различия влияния социальных детерминант отражаются через такие показатели, как смертность, продолжительность жизни, уровень здоровья, самооценка своего здоровья, показатели заболеваемости. По данным Всемирной организации здравоохранения, эти индикаторы имеют значительный разрыв, как между отдельными странами, так и между социальными группами. Так, возрастной разрыв между ожидаемой продолжительностью жизни между странами может достигать 36 лет. Например, в Малави (Южная Африка) продолжительность жизни составляет всего 47 лет, в то время как в Японии – 83 года [8]. Многочисленные исследования в разных странах мира указывают, что этот разрыв обусловлен различиями в уровне жизни, в частности, материального состояния [9; 10; 11]. Выявленная дифференциация здоровья в зависимости от социально-экономического статуса инди-

вида обозначается сегодня как «социальный градиент здоровья» [12].

Научное изучение социального градиента здоровья получило развитие во второй половине XX века, хотя необходимо отметить, что еще в XIX веке, как в Европе, так и в России, проводились исследования социально-экономического неравенства и его влияния на состояние здоровья [13]. В ходе изучения этой проблематики была выдвинута т.н. теория «неравенства в доходах» (in come inequality hypothesis), согласно которой уровень распределяемых между представителями разных социальных групп доходов оказывает прямое влияние на состояние их здоровья [14]. Обширные эмпирические доказательства этой гипотезы были получены в ходе исследований, проведенных в Великобритании специальной комиссией, созданной в 1977 году под руководством главного научного сотрудника Департамента здравоохранения и социального страхования Великобритании сэра Дугласа Блэка для изучения проблемы неравенства в отношении здоровья между различными социальными группами. Спустя три года в 1980 году был опубликован отчет по итогам их работы, получивший в дальнейшем название «Черный Отчет» (Black Report), результаты которого оказались шокирующими для политической общественности Великобритании того времени [15]. Исследования показали, что разрыв в уровне здоровья между социальными классами настолько глубок и глобален, что необходимы коренные преобразования, как в самой системе здравоохранения, так и в социально-экономической сфере. Парадокс заключался в том, что созданная после Второй мировой войны в Великобритании модель социального страхования (т.н. модель У. Бевериджа), основанная на концепции социальной солидарности и предусматривающая государственные гарантии обеспечения социальной защиты всех граждан, в том числе, оказание бесплатной медицинской помощи, выплату пособий по безработице, родам и воспитанию детей независимо от дохода, оказалась малоэффективной. «Черный Отчет» выявил ее несостоятельность, указав, что влияние здоровья обусловлено в первую очередь уровнем доходов населения [16].

Дальнейшие исследования показали, что социальный градиент описывает градуированную наблюдаемую связь между социально-экономическим статусом индивида и состоянием его здоровья, которая обуславливает прямую корреляцию между высокой заболеваемостью, ранней смертностью и уровнем дохода, образования, профессиональным статусом. Так, по результатам исследований социального градиента в Дании было установлено, что ожидаемая продолжительность жизни у 30-летних мужчин с высоким уровнем образования была на 4,3 года больше, чем у людей с низким уровнем. В возрасте 30 лет доля ожидаемой продолжительности жизни при самооценке хорошего здоровья составляла 67,7 %, 76,1 % и 82,3 % для мужчин с низким, средним и высоким уровнем образования, соответственно. Среди женщин ожидаемая продолжительность жизни отличалась на 2,7 года

при низком и высоком образовательном уровне, а доля ожидаемой продолжительности жизни при хорошем самооценке составляла 62,5 % при низком и 80,5 % при высоком образовательном уровне [17].

Как отмечают эксперты, социальный градиент наблюдается в странах с разным уровнем доходов и экономического развития, что указывает на глобальный разрыв в уровне здоровья населения и проявлением социального неравенства. Кроме того, рассматривая данный феномен, исследователи отмечают комплексную природу этого явления. Не только уровень дохода и положение в обществе обуславливают низкий уровень здоровья. Скорее, они, представляя первопричину, увеличивают риски здоровья, которые в свою очередь провоцируют различные заболевания и ухудшение состояния. Так, не имея возможности купить экологически чистые продукты питания из-за их высокой стоимости, люди с низким доходом вынуждены употреблять некачественные продукты питания, провоцирующие заболевания сердечно-сосудистой системы. Материальный статус обуславливает и ограниченность в выборе жилищных условий, места проживания.

Для объяснения существования социального градиента было предложено несколько теоретических моделей, которые в целом можно объединить в три группы.

В рамках первой, основанной на марксистском подходе, социальный градиент предстает как следствие классового неравенства, основанного, прежде всего, на неравном доступе к средствам производства, что влечет соответствующую профессиональную стратификацию. Поэтому социальный градиент в данном аспекте рассматривается как неравенство в уровне здоровья, обусловленное неодинаковыми условиями труда и его оплатой [18; 19].

Второй подход (поведенческий) предлагает рассматривать социальный градиент здоровья как следствие различий в повседневных практиках в сфере здоровья, которые характерны для отдельных социальных групп, и вызваны уровнем их доступа к ресурсам по поддержанию и сохранению здоровья. Ограниченность возможностей улучшить состояние своего здоровья провоцирует деструктивное поведение среди представителей этих групп. Данный подход находит объяснение в теории структурации Э. Гидденса, согласно которой социальное неравенство воспроизводится через рефлексивное осознание социальными агентами существующих социальных отношений [20]. Поэтому, как отмечает российский социолог Н.Л. Полякова, социальное неравенство отражается через социальные практики

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
2. Друкер П. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего быстро меняющегося общества / П. Друкер;

повседневной жизни [21]. Повторяясь изо дня в день, от родителей к детям, они приобретают устойчивость, формируясь в определенные поведенческие паттерны, которые спустя какое-то время становятся характерными для данной социальной страты, превращаясь, в своего рода стигму, обуславливающую соответствующее восприятие их окружением. Так, в результате недавних исследований выявлено, что в России алкоголизм в большей степени распространен среди малоимущих групп населения, чем среди доходных [22].

В рамках третьей – психосоциальной – концепции социальное неравенство в уровне здоровья между отдельными социальными группами объясняется через большую подверженность стрессовым состояниям представителей малоимущих слоев по причине рефлексивного осознания ими своего низкого социального статуса, что провоцирует в целом ослабление их физического здоровья и склонность к деструктивному и даже суицидальному поведению [23]. Причем, эксперты отмечают, что чем глубже стратифицировано по доходам общества, тем сильнее воздействие вызванного этим стресса на состояние здоровья.

Четвертый подход рассматривает социальный градиент через призму теории социального капитала, когда неравное распределение материальных ресурсов ведет к ослаблению доверия и социальных связей, что провоцирует снижение социальной солидарности и интеграции, следствием чего становится распространение деструктивных практик, в том числе, и в сфере здоровья, которые зачастую могут проявляться в крайних формах, как, например, убийства, суицидальное поведение, алкоголизм и наркомания [24].

Таким образом, становится очевидным, что социальный градиент здоровья в современном обществе – это комплексный феномен, отражающий социальное неравенство в отношении здоровья. И, если изначально именно уровень дохода рассматривался как ключевой фактор его объясняющий, то в условиях усложнения социальной реальности материальный статус становится скорее предпосылкой целого ряда причин, обуславливающих различия в уровне здоровья отдельных социальных групп. Поэтому многофакторность природы социального градиента ставит вопрос о необходимости разработки как подходов к его измерению и объяснению, так и комплексных мероприятий по его преодолению.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, «Новые формы социального неравенства и особенности их проявления в современной России», проект № 18-011-01106).

Literature:

1. Bell D. The Coming of Post'Industrial Society. M. : Akademiya, 1999.
2. Drucker P. The Age of Discontinuity: Guidelines to Our Changing Society / P. Drucker; Perevod s

кер; Пер. с англ. Б.Л. Глушакова. М. : Изд. дом «Вильямс», 2007.

3. *Castells M.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

4. *Осипова Н.Г.* Неравенства в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 119–141. Available at. URL : <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141>

5. *Тернборн Г.* Глобализация и неравенств: проблемы концептуализации и объяснения. Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.

6. *Roehr B.* The effects of environmental factors on health are more complex than thought. *British Medical Journal.* 2011. № 342.

7. *Уайтхед М.* Концепции и принципы преодоления социального неравенства в отношении здоровья: Восходящее выравнивание. Часть 1. Исследования социальных и экономических детерминантов здоровья населения / М. Уайтхед, Г. Дальгрэн. 2008. № 2. С. 1–135.

8. World Health Organization, Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: Health equity through action on the social determinants of health. CSDH final report. Geneva : WHO, 2008.

9. *Kosteniuk J.G.* Tracing the social gradient in the health of Canadians: primary and secondary determinants. *Social Science & Medicine / J.G. Kosteniuk, H.D. Diskinson.* 2003. 57(2). P. 263–276.

10. *Black D.* Whitehead M. Inequalities in health: The black report, the health divide / D. Black, J.N. Morris, C. Smith, P. Townsend. London : Penguin. 1988.

11. *Rose G.* Social class and coronary heart disease. *British Heart Journal / G. Rose, M.G. Marmot.* 1981. № 45. P. 13–19.

12. *Kelly M.* The social determinants of health: Developing an evidence base for political action. Final report of the Measurement and Evidence Knowledge Network to the World Health Organization Commission on the Social Determinants of Health / M. Kelly, A. Morgan, J. Bonnefoy, J. Butt, V. Bergman. Geneva : WHO; 2007.

13. *Кислицына О.А.* Социально-экономическое неравенство в состоянии здоровья: тенденции и гипотезы. Социальные аспекты здоровья населения (электронный журнал). 2017. № 2(54).

14. *Rodgers G.B.* Income and inequality as determinants of mortality: An international cross-section analysis. *Population Studies.* 1979. № 33. P. 343–351.

angl. B.L. Glushakova. M. : Izd. dom «Vil'yams», 2007.

3. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. M., 2000.

4. *Osipova N.G.* Inequality in the era of globalization: essence, institutions, regional specificity and dynamics. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science.* 2014. № 2. P. 119–141. URL : <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2014-0-2-119-141>

5. *Therborn G.* Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of Explanation. *Russian Sociological Review.* 2005. Т. 4. № 1. С. 31–62.

6. *Roehr B.* The effects of environmental factors on health are more complex than thought. *British Medical Journal.* 2011. № 342.

7. *Whitehead M.* Concepts and the principles of overcoming social inequality concerning health: The ascending alignment. Part 1. Researches of social and economic determinants of health of the population / M. Whitehead, G. Dahlgren. 2008. № 2. P. 1–135.

8. World Health Organization, Commission on Social Determinants of Health. Closing the gap in a generation: Health equity through action on the social determinants of health. CSDH final report. Geneva : WHO, 2008.

9. *Kosteniuk J.G.* Tracing the social gradient in the health of Canadians: primary and secondary determinants. *Social Science & Medicine / J.G. Kosteniuk, H.D. Diskinson.* 2003. 57(2). P. 263–276.

10. *Black D.* Whitehead M. Inequalities in health: The black report, the health divide / D. Black, J.N. Morris, C. Smith, P. Townsend. London : Penguin. 1988.

11. *Rose G.* Social class and coronary heart disease. *British Heart Journal / G. Rose, M.G. Marmot.* 1981. № 45. P. 13–19.

12. *Kelly M.* The social determinants of health: Developing an evidence base for political action. Final report of the Measurement and Evidence Knowledge Network to the World Health Organization Commission on the Social Determinants of Health / M. Kelly, A. Morgan, J. Bonnefoy, J. Butt, V. Bergman. Geneva : WHO; 2007.

13. *Kislicyna O.A.* Social and economic inequality in the state of health: trends and hypotheses. *Social aspects of health of the population (online magazine).* 2017. № 2(54).

14. *Rodgers G.B.* Income and inequality as determinants of mortality: An international cross-section analysis. *Population Studies.* 1979. № 33. P. 343–351.

15. *Inequalities in Health: Black Report* Pelican Series, Penguin Books, 1982.

16. *Wagstaff A.* Income inequality and health: What does the literature tell us? *Annual Review of Public Health* / A. Wagstaff, A.E. Doorslaer. 2000. № 21. P. 543–567.

17. *Bronnum-Hansen H.* Social gradient in life expectancy and health expectancy in Denmark. *Sozial und Präventivmedizin* / H. Bronnum-Hansen. 2004. V. 49. Issue 1. P. 36–41.

18. *Macintyre S.* The black report and beyond what are the issues? *Social Science Medicine*. 1997. № 44. P. 723–745.

19. *Coburn D.* Income inequality, social cohesion and the health status of populations: the role of neo-liberalism. *Social Science and Medicine*. 2000. № 51. P.135–146.

20. *Giddens A.* *The class structure of advanced societies*. L.; N.Y., 1973.

21. *Полякова Н.Л.* Оформление социального неравенства в практиках повседневности: историческая перспектива. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2018. № 24(4). С. 7–25.

22. *Озерова О.В.* Приверженность алкоголю в России: социальные различия и тенденции в 1990-е и 2000-е гг. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. XIX. № 1(84). С. 194–208.

23. *Marmot M.* Psychosocial and material pathways in the relation between income and health: A response to Lynch et al. *British Medical Journal* / M. Marmot, R. Wilkinson. 2000. № 322. P. 1233–1236.

24. *Kawachi I.* Social capital, income inequality, and mortality. *American Journal of Public Health* / I. Kawachi, B.P Kennedy, K. Lochner, Prothrow Stith D. 1997. № 87. P. 1491–1498.

15. *Inequalities in Health: Black Report* Pelican Series, Penguin Books, 1982.

16. *Wagstaff A.* Income inequality and health: What does the literature tell us? *Annual Review of Public Health* / A. Wagstaff, A.E. Doorslaer. 2000. № 21. P. 543–567.

17. *Bronnum-Hansen H.* Social gradient in life expectancy and health expectancy in Denmark. *Sozial und Präventivmedizin* / H. Bronnum-Hansen. 2004. V. 49. Issue 1. P. 36–41.

18. *Macintyre S.* The black report and beyond what are the issues? *Social Science Medicine*. 1997. № 44. P. 723–745.

19. *Coburn D.* Income inequality, social cohesion and the health status of populations: the role of neo-liberalism. *Social Science and Medicine*. 2000. № 51. P.135–146.

20. *Giddens A.* *The class structure of advanced societies*. L.; N.Y., 1973.

21. *Polyakova N.L.* The formation of social inequality in the everyday practices: the historical perspective. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2018. № 24(4). P. 7–25.

22. *Ozerova O.V.* Priverzhennost' alkogolyu v Rossii: social'nyerazlichiyaitendencii v 1990-e i 2000-e gg. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016. Vol XIX. № 1(84). С. 194–208.

23. *Marmot M.* Psychosocial and material pathways in the relation between income and health: A response to Lynch et al. *British Medical Journal* / M. Marmot, R. Wilkinson. 2000. № 322. P. 1233–1236.

24. *Kawachi I.* Social capital, income inequality, and mortality. *American Journal of Public Health* / I. Kawachi, B.P Kennedy, K. Lochner, Prothrow Stith D. 1997. № 87. P. 1491–1498.

Надуткина Ирина Эдуардовна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры социальных технологий,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
nadutkina@bsu.edu.ru

Тарабаева Виктория Борисовна
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры психологии,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
tarabaeva@bsu.edu.ru

Иващенко Светлана Александровна
аспирант кафедры
социальных технологий,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
ivashchenko@bsu.edu.ru

Влияние Виртуальной реальности на самореализацию студенческой молодежи

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема самореализации студенческой молодежи посредством виртуального пространства. Также указываются положительные и негативные стороны влияния виртуализации на социальную субъектность студенческой молодежи. Рассматривается роль влияния Интернета на развитие современностуденческого социума.

Ключевые слова: виртуализация, виртуальная реальность, виртуальное пространство, социальная субъектность, самореализация, студенческая молодежь.

■ ■ ■

В современных условиях наблюдается динамичное изменение социализации личности. Данное изменение происходит за счет создания искусственного мира при помощи замены восприятия окружающей действительности информацией, которую интегрирует компьютерная система. Стоит отметить, что виртуализация социальных институтов также влияет на социализацию личности.

Коммуникативные взаимодействия социальных институтов оказывают достаточно весомое

Irina E. Nadutkina
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Chair
of Social Technologies,
Belgorod State National Research University
nadutkina@bsu.edu.ru

Viktoria B. Tarabaeva
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor Chair of Psychology
Belgorod State National Research University
tarabaeva@bsu.edu.ru

Svetlana A. Ivashchenko
Postgraduate Student
of the Chair of Social Technologies,
Belgorod State National Research University
ivashchenko@bsu.edu.ru

THE IMPACT OF VIRTUAL REALITY ON THE SELF-REALIZATION OF STUDENT YOUTH

■ ■ ■

Annotation. This article discusses the problem of self-realization of students through a virtual space. It also shows the positive and negative aspects of the impact of virtualization on social subjectivity of students. Examines the role of the impact of Internet on the development of the modern student society.

Keywords: virtualization, virtual reality, virtual space, social subjectivity, self-realization, student youth.

■ ■ ■

влияние нереальные социальные отношения и во многом определяют общественное сознание современного общества. Согласно Н.В. Воронкову, «стремительное развитие виртуализации во многих сферах социальной жизни позволяет считать ее специфическим условием функционирования социальных институтов» [1].

Стоит отметить, что в настоящее время виртуализация активно внедряется в такие сферы социальной жизни как политика, экономика, управление, наука и массовая коммуникация [2, с. 38].

Как факт, объединение виртуальной реальности приводит к новому глобальному уровню социальной субъектности и общества в целом. Стремительное увеличение роли виртуализации в жизни современного социума напрямую зависит от интенсификации и роста социальных субъектов, т.к. они распространяют, передают и потребляют информацию посредством компьютерной сети [1].

Как известно, Интернет – это глобальная коммуникационная сеть, которая предоставляет пользователям возможность доступа к неограниченному количеству каналов информации и ресурсов. Как факт, активным пользователем данной глобальной сети является студенческая молодежь. В связи с этим происходит деформация стиля жизни современной студенческой молодежи, которая отображается на структурном изменении их досуга, статуса и характере межличностных отношений [3].

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь глобальной сетью Интернет?»

Роль глобальной сети Интернет активизируется в подготовке студенческой молодежи к учебной и практической профессиональной деятельности. Стоит учесть тот факт, что такой период в становлении личности, как студенчество, вносит существенный вклад в формировании профессиональной компетентности. Также, период студенчества способствует определению гражданской идентичности и социально-правовой активности [5].

Другими словами, Интернет предстает как «мультисервис» обыденной жизни студенческой молодежи, необходимый для успешной адаптации и социальной интеграции в современных условиях [3].

Таким образом, можно выделить как позитивные, так и негативные аспекты влияния виртуализации на самореализацию студенческой молодежи. Положительная сторона влияния заключается в увеличении роли субъектности и самоидентификации в виртуальном пространстве, а также в многократном увеличении коммуникационного опыта в расширении каналов информации. В качестве негативных сторон следует отметить формирование у личности неадекватного социального восприятия действительности, сужение его социальных связей, а также сокращение социального взаимодействия в обществе.

Как виртуальную отметил Реутов Е.В., «...в виртуальном пространстве интернет-пользователи, в большей мере, решают вопросы ресурсообмена информационного содержания, а также поддержания межличностных отношений» [4, с. 229].

Исследовательский опыт актуализировал тенденцию сложившихся взаимозависимостей представлений, установок, ценностей студенческой молодежи Белгородской области иглобальных сетей. Так, результатам проведенного исследования, 64 % респондентов находится в виртуальном пространстве большую часть своего свободного времени, 16 % практически всегда находятся в сети; 20 % опрошенных отметили, что заходят в сеть довольно редко и по необходимости, или практически не пользуются сетью Интернет (рис. 1).

Актуальность проблемы современной студенческой молодежи, которую стоит рассматривать как одну из составных элементов социальной общности, заключается в противоречивости процессов ее самореализации, а именно, в адаптации к вузовской жизни, в ценностном ориентировании и формировании социального облика.

Целесообразным будет отметить, что виртуализация социальной субъектности студенческой молодежи предстает как кумулятивный механизм, «транслирующий» социальные и институциональные нормы и правила. Однако в связи с переходом в другую коммуникативную среду происходит ресоциализация студенческой [3].

Немаловажным фактором, который влияет на виртуализацию самореализации современной студенческой молодежи, является ее формирование в неустойчивом переходном периоде. В связи с этим, современной личности трудно определиться с выбором принятия решения между альтернативными образцами мышления, с которыми она сталкивается в виртуальном пространстве. Следовательно, выявляются ошибочные представления о восприятии окружающей действительности.

Следует сказать о том, что «...виртуальное пространство не помогает большей части молодежи

Белгородской области в решении каких-либо социальных или личных проблем, а используется для собственных нужд и развлечения» [8, с. 80]. Есть опасения, что «активная переписка с друзьями может превратиться в патологическую зависимость», когда происходит снижение интереса к реальному общению между людьми [6, с. 75–81; 7, с. 26–27].

Таким образом, Интернет играет особую роль при формировании и развитии социума. Однако в современных социальных практиках, которые выражаются в социальных действиях участников виртуальной действительности, происходит расширение проблемы самореализации студен-

ческой молодежи. Виртуальность становится неотъемлемой частью жизни студенческой молодежи и при этом деформирует все аспекты его жизнедеятельности, что ведет к появлению требований новых социальных статусов и нормам поведения, продиктованным виртуальной действительностью.

Другими словами, глобальная сеть Интернет преобразовалась из простой коммуникабельной сети, которая предоставляла доступ к информации и ресурсам в действительность, где сообщества людей соотносят свое поведение с определенными правилами и принципами виртуального пространства.

Литература:

1. *Воронкова Н.В.* Виртуализация социальной реальности и трансформация институтов российского общества как специфические условия их взаимодействия / Н.В. Воронкова, М.А. Медведева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 8. С. 161–165. URL : <http://e-koncept.ru/2015/65033.htm>
2. *Иванов Д.В.* Критическая теория и виртуализация общества // Социологические исследования. 2009. № 1.
3. *Данилова М.А.* Интернет-социализация студенческой молодежи : специфика мотивации сетевого поведения : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Данилова М.А.; Саратов. гос. техн. ун-т. Саратов, 2009. 139 с.
4. *Реутов Е.В.* Социальные сети в региональном сообществе : монография / Е.В. Реутов, Л.В. Колпина, М.Н. Реутова, И.В. Бояринова. Белгород : КОНСТАНТА, 2011. С. 229.
5. *Надуткина И.Э.* Управление рисками в процессе инновационного развития вуза / И.Э. Надуткина, С.А. Шовгеня, Я.И. Серкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. № 20(217). С. 23–26.
6. *Дрепа М.И.* Психологический портрет личности Интернет-зависимого студента // Вест. Том. гос. пед. ун-та. 2009. № 4. С. 75–81.
7. *Кузнецов П.* Социальная зависимость: о пользе и вреде социальных сетей // PR в России. 2008. № 1. С. 26–27.
8. *Асеева О.В.* Виртуализация социальной активности молодежи в сетевых сообществах : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / О.В. Асеева; Белгородский гос. науч. иссл. ун-т. Белгород, 2015. 176 с. URL : http://dekanat.bsu.edu.ru/f.php/1/disser/case/filedisser/filedisser/423_DISSER_TACIYA_Aseeva.pdf

Literature:

1. *Voronkova N.V.* Virtualization of social reality and the transformation of the institutions of Russian society as the specific conditions of their interaction / N.V. Voronkova, M.A. Medvedeva // Scientific-methodical electronic journal «Concept». 2015. V. 8. P. 161–165. URL : <http://e-kontak.ru.ru/2015/65033.htm>
2. *Ivanov D.V.* Critical Theory and Virtualization of Society // Sociological Studies. 2009. № 1.
3. *Danilova M.A.* Internet socialization of student youth: the specifics of the motivation of network behavior: diss. Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04 / M.A. Danilova; Sarat. state tech. University. Saratov, 2009. 139 p.
4. *Reutov E.V.* Social networks in the regional community : monograph / E.V. Reutov, L.V. Kollpina, M.N. Reutova, I.V. Boyarinova. Belgorod: CONSTANT, 2011. P. 229.
5. *Nadutkina I.E.* Risk management in innovative development of the University / I.E. Nadutkina, S.A. Shovgenja, Y.I. Serkina // Scientific statements, Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2015. № 20(217). С. 23–26.
6. *Drepa M.I.* Psychological portrait of the personality of an Internet dependent student // West. Tom. stateped. un-that. 2009. No. 4. P. 75-81
7. *Kuznetsov P.* Social dependence: the benefits and harms of social networks // PR in Russia. 2008. № 1. P. 26–27.
8. *Aseeva O.V.* Virtualization of social activity of young people in online communities: diss. Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04 / O.V. Aseeva; Belgorod State. scientific ex. University Press. Belgorod, 2015. 176 p. URL : http://dekanat.bsu.edu.ru/f.php/1/disser/case/filedisser/423_DISSERTACIYA_Aseeva.pdf

Пономарев Игорь Евгеньевич

кандидат социологических наук,
профессор,
Ростовский государственный
экономический университет
ponomarev.igor54@gmail.com

Ляшко Геннадий Иванович

кандидат педагогических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
физического воспитания и спорта,
Ростовский государственный университет
путей сообщения
ponomarev.igor54@gmail.com

**СПОРТ В СРЕДЕ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
КАК КОМПОНЕНТ ФИЗИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ И ФАКТОР
ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ**

Аннотация. В рамках данной статьи студенческий молодежный спорт рассматривается как один из компонентов, составляющих физическую культуру, а также как важный фактор подготовки молодых спортсменов. Современный этап развития студенческого спортивного движения характеризуется появлением новых задач физического воспитания в высшей школе.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, студенческая молодежь, спортсмены, физическое воспитание, физкультурно-спортивная деятельность.

Н а современном этапе общественного развития физическая культура и спорт (далее, ФКиС) во всех своих направлениях распространяются не только по всему российскому социуму, но и выступают международным явлением глобального масштаба [1]. Направление развития молодежного студенческого спорта отдельно прописано в «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2020 года», что говорит о его важности и приоритетности.

Значимость ФКиСтрудно переоценить, поскольку они воздействуют на улучшение состояния здоровья и качества жизни, способствуют становлению личности и являются важным механизмом привлечения, и мобилизации физического и социального потенциала молодых поколений [2].

Целью физкультурно-спортивной деятельности является оптимизация физического развития студенческой молодежи, всестороннее совер-

Igor E. Ponomarev

Candidate of Sociology,
Professor,
Rostov State
Economic University
ponomarev.igor54@gmail.com

Gennady I. Lyashko

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
head Department
of Physical Education and Sports ,
Rostov State University of Communications
ponomarev.igor54@gmail.com

**SPORT AMONG STUDENT'S
YOUTH AS A COMPONENT
OF PHYSICAL CULTURE
AND A FACTOR
IN TRAINING ATHLETES**

Annotation. In this article, student youth sport is considered as one of the components that make up physical culture, as well as an important factor in the training of young athletes. The modern stage of development of student's sports movement is characterized by the appearance of new tasks of physical education in high school.

Keywords: sport, physical culture, student's youth, athletes, physical education, physical education and sports activities.

шенствование свойственных каждой личности физических качеств и связанных с ними способностей в единстве с формированием ценностных ориентаций и воспитанием психосоциальных и духовно-нравственных качеств молодежи, характеризующих активную личность; обеспечение на этой основе подготовленности к плодотворной трудовой и общественной жизнедеятельности [3].

Развитие спорта в среде студенческой молодежи способствует подготовке высококвалифицированных спортсменов и сохранению целостности физкультурно-спортивного движения. В русле этой проблемы известны работы многих ученых, в числе которых: В.У. Агеевец, А.Ю. Близнавский, О.С. Васильева, В.М. Выдрин, С.И. Гуськов, В.И. Жолдак, В.Н. Зуева, В.В. Кузин, В.В. Орлова, В.Н. Платонов, С.С. Филиппов и др.

По мнению специалистов в области ФКиС, развитие российского студенческого спорта проис-

ходит противоречиво, и на фоне популярности его в других странах, выглядит маловыразительно [4].

Поскольку целью статьи является рассмотрение студенческого молодежного спорта как компонента, составной части физической культуры и важного фактора подготовки спортсменов, необходимо охарактеризовать диалектическую взаимосвязь ФКиС, ибо одно не представляется возможным без другого. Об этом свидетельствует и Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», в котором сказано, что спорт является составной частью физической культуры, исторически сложившейся в форме соревновательной деятельности и специальной подготовки спортсменов к соревнованиям [5].

Категорию «спорт», применительно к молодежи, целесообразно рассматривать в узком и широком семантических контекстах: спорт как собственно состязательно-соревновательная деятельность, а также спорт как многофункциональное социокультурное явление, представляющее собой систему организации и проведения соревнований и учебно-тренировочных занятий в среде студенческой молодежи в соответствии с определенными специфическими комплексами физических упражнений.

Действительно, в узком понимании этого термина, спорт представляет собой соревновательную деятельность и специальную подготовку к ней. Даже если молодой человек занимается тем или иным видом физической активности исключительно для общего оздоровления, «исключительно для себя, не для рекордов», он непременно, в той или иной мере, использует фундаментальный механизм состязательности; а с другой стороны, любой молодой спортсмен не может достичь высоких результатов, не будучи «физически культурным». Во время занятий спортом студенческая молодежь стремится расширить границы своих возможностей, у нее проявляется стремление к победе, к достижению

высоких спортивных результатов. Это становится возможным только при полной мобилизации физических, психических и социальных качеств человека [6].

Прежде чем вести речь о молодежном спорте как компоненте физической культуры, необходимо развести данные дефиниции в функциональном плане. Так, основная функция физической культуры – с одной стороны, это активность молодежи, направленная на развитие, укрепление и восстановление здоровья, формирование особого отношения к организму как к источнику активного долголетия; с другой, – совокупность знаний и ценностных ориентаций, направленных на реализацию принципов здорового образа жизни. Что касается спорта, то это – особая форма физической активности и соревновательной деятельности, призванная соотносить физические и интеллектуальные способности студенческой молодежи посредством командной игры или одиночных спортивных состязаний с целью унифицированного сравнения человеческих возможностей, конечная цель которых заключается в развитии своих физических умений и навыков и стремление к победе. Таким образом, основное различие между указанными дефинициями заключается в степени вовлеченности молодого субъекта, а также целях и правилах.

Как было сказано ранее, спорт – это компонент физической культуры, о чем свидетельствует анализ многих работ. Так, исследователь Л.П. Матвеев указывает на интегративную сущность физической культуры, и выделяет три вида физической культуры: физическое воспитание молодежи, профессионально-прикладную физическую подготовку и спорт [7].

Наиболее адекватной, на наш взгляд, представляется модель «магнита», предложенная ростовскими учеными О.С. Васильевой, Л.Р. Правдиной и С.Н. Литвиненко. Эта модель презентует спорт в качестве компонента физической культуры: на одном полюсе магнита обозначена физическая культура, на другом – спорт (рис. 1):

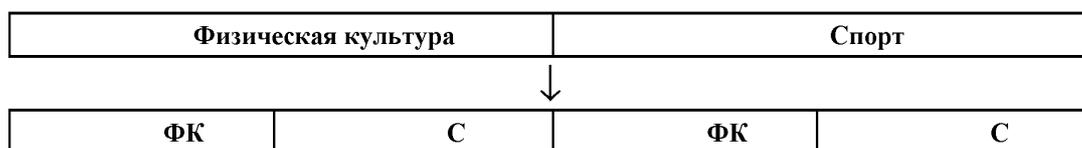

Рисунок 1 – Соотношение ФКиС

Как подчеркивают авторы представленной модели, «сколько не разрежай магнит, сколько не пытайся разъединить «физическую культуру» и «спорт» в обособленные феномены, они всегда будут воспроизводиться как два полюса одного и того же явления» [8, с. 141].

Указывая на спорт как составную часть физической культуры, В.М. Выдрин представил довольно интересную модель структуры физической культуры, в которую входят такие компоненты, как: физической воспитание, спорт, двигательная рекреация и двигательная реабилитация [9].

К сожалению, как показывают исследования, в систему жизненных ценностей современной студенческой молодежи не входят многие важные качества, такие, например, как трудолюбие, упорство, без которых сложно самореализоваться как в повседневности, так и в спорте [10].

Поскольку спорт, будучи составной частью физической культуры, как подчеркивалось в одной из наших статей, «самодостаточная, не замещаемая и многогранная подсистема ценностей современной культуры», располагающая огромным креативным потенциалом [11, с. 239], то его

дальнейшее развитие как базового компонента физической культуры, имеет решающее значение для формирования важнейших качеств спортсменов.

Достижение высоких результатов молодыми спортсменами возможно только в том случае, если имеется оптимально отлаженная система подготовки спортсмена. Она представляет собой совокупность методических практико-ориентированных оснований и принципов, организационных форм и условий тренировочно-соревновательного процесса, вступающих в оптимальное взаимодействие между собой и обеспечивающих наилучшую степень готовности спортсмена к высоким спортивным достижениям.

В систему подготовки студенческой молодежи к спортивной деятельности входит четыре блока: система отбора и спортивной ориентации; спортивная тренировка; система соревнований; вне-тренировочные и внесоревновательные факторы оптимизации тренировочно-соревновательного процесса среди студенческой молодежи.

По мнению М.А. Захарова, молодые спортсмены, проходя процесс физкультурно-спортивной подготовки и включения их в спортивную деятельность, проходят определенные стадии социализации [12]:

- а) включение студенческой молодежи в спортивную деятельность;
- б) занятия в специализированных учебно-тренировочных группах и группах спортивного совершенствования;
- в) переход из любительского спорта (спорта для всех) в профессиональный спорт (спорт высших достижений);
- г) завершение спортивной карьеры и переход к другой карьере.

В.В. Орлова и О.Е. Халалеева, говоря о студенческой спортивной субкультуре как части общей физкультурной спортивной культуры, подчеркивают ее довольно самобытную общность. При этом, они поясняют, что членов одного молодежного спортивного клуба обычно характеризуют высокий уровень сплоченности вокруг общей идеи, ориентированной на достижение высоких

Литература:

1. *Ароян А.С.* Роль и влияние спорта на национальную безопасность / А.С. Ароян, Е.А. Довгань, Ю.Е. Довгань // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 222–227.
2. *Гафиатулина Н.Х.* Здоровье как ценность в среде учащейся молодежи : монография. Ростов-н/Д. : РАС ЮРГУЭС, 2009. 166 с.
3. *Пономарев И.Е.* Популяризация в российском обществе физической культуры и спорта как фактора формирования ценностных ориентаций

спортивных результатов с целью повышения популярности конкретного университета и конкретного вида спорта, а также наличие собственных традиций посвящения в спортивную студенческую молодежь, использование определенного сленга, стиля и формы одежды [4].

Для того чтобы спорт соответствовал решению новых задач по физическому воспитанию и достижению спортивных результатов в среде молодежного студенческого спорта, необходим ряд мероприятий:

- организация соответствующей материально-технической и кадровой базы;
- проведение оптимизации совмещения профессиональных занятий спортом с обучением на выбранной специальности с помощью гибкого графика занятий, предоставления качественных условий проживания и питания, а также необходимых условий для организации самостоятельной работы студентов-спортсменов;
- разработка наиболее приемлемого календаря спортивных соревнований с учетом особенностей учебно-образовательной нагрузки, при этом придав студенческим стартам самостоятельную ценность как значимому общественному событию, как местного, так и всероссийского уровня;
- рациональная организация подготовительно-тренировочной деятельности спортсменов реализуется в условиях специальной спортивной тренировки;
- разработка оснований формирования молодежных спортивных команд в соответствии с принципом справедливости в поиске и выявлении лучших, прозрачности отбора среди молодежи и продвижения спортсменов [13].

Несомненно, что победы студенческой молодежи в международных спортивных состязаниях – это мерило социально-экономического развития, элемент единения нации, ориентир на здоровый образ жизни и занятия ФКиС для подрастающего поколения. Спортивные успехи молодежи становятся не только ее личным достижением, но и достоянием высшего учебного заведения, указывающие не только на престиж университета, но и в целом отражающие показатель уровня общественного развития.

Literature:

1. *Aroyan A.S.* The role and influence of sports on national security / A.S. Aroyan, E.A. Dovgan., Yu.E. Dovgan // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 1. P. 222–227.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Health as a value among young students : monograph Rostov-on/D. : RAS SRSUES, 2009. 166 p.
3. *Ponomarev I.E.* Popularization in the Russian society of physical culture and sports as a factor in the formation of value orientations of young people /

молодежи / И.Е. Пономарев, О.Ю. Стриева, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. С. 61–64.

4. Орлова В.В. Студенческий спорт как фактор подготовки спортсменов высших достижений / В.В. Орлова, О.Е. Халалеева // Современные исследования социальных проблем. 2015. С. 140–163.

5. Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 04.12.2007. № 329-ФЗ.

6. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of students in the gender dimension // Bulletin of Perm University. 2015. № 17. P. 146–157.

7. *Matveev L.P.* Интегративная тенденция в современном физкультуроведении // Теория и практика физкультуры. 2003 № 5. С. 5–8.

8. *Vasilyeva O.S.* Книга о новой физкультуре / О.С. Васильева, Л.Р. Правдина, С.Н. Литвиненко. Ростов н/Д., 2001. 141 с.

9. Выдрин В.М. Физическая культура и её теория // Теория и практика физической культуры. 1986 № 5. С. 24–27.

10. *Maksim Vaskov.* Et al. Value orientations of Russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) / Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. № 2. P. 134–140.

11. *Ponomarev I.E.* Массовый спорт и спорт высших достижений как современный социокультурный феномен / И.Е. Пономарев, О.Ю. Стриева, С.Б. Олонец // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.

12. *Zakharov M.A.* Социология спорта. Смоленск, 2008. 352 с.

13. *Bliznevskiy A.Yu.* Программно-целевое управление развитием сферы физической культуры и спорта в пространстве Красноярского края : дис. ... д-ра пед. наук. Красноярск, 2015. 381 с.

I.E. Ponomarev, O.Yu. Strieva, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. P. 61–64.

4. *Orlova V.V.* Student sport as a factor in the training of athletes of higher achievements / V.V. Orlova, O.E. Halaleeva // Modern research of social problems. 2015. P. 140–163.

5. Federal Law «On Physical Culture and Sport in the Russian Federation» of 04.12.2007. № 329-ФЗ.

6. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of students in the gender dimension // Bulletin of Perm University. 2015. № 17. P. 146–157.

7. *Matveev L.P.* Integrative tendency in modern physical culture // Theory and practice physical education. 2003 № 5. P. 5–8.

8. *Vasilyeva O.S.* The book is about new physical education / O.S/ Vasilyeva, L.R/ Pravdina, S.N. Litvinenko Rostov on/D., 2001. 141 p.

9. *Vydrin V.M.* Physical culture and its theory // Theory and practice of physical culture. 1986 № 5 P. 24–27.

10. *Maksim Vaskov.* Et al. Value orientations of Russian youth in the system of managing the moral security of society (2018) / Maksim Vaskov, Alexander Rezvanov // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. № 2. P. 134–140.

11. *Ponomarev I.E.* Mass sport and sports of the highest achievements as a modern socio-cultural phenomenon / I.E. Ponomarev, O.Yu. Strieva, S.B. Olonets // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 1. P. 236–240.

12. *Zakharov M.A.* Sociology of sport. Smolensk, 2008. 352 p.

13. *Bliznevskiy A.Yu.* Program-targeted management of the development of the sphere of physical culture and sports in the space of the Krasnoyarsk Territory : dis. ... dr. ped. sciences. Krasnoyarsk, 2015. 381 p.

Скородумова Ольга Борисовна

доктор философских наук,
доцент,
профессор
кафедры философии,
Российский государственный
социальный университет
skorodumovaob@rgsu.net

Olga B. Skorodumova

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor,
Department of Philosophy
Russian State Social University
skorodumovaob@rgsu.net

**НОВЫЕ ФОРМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
И ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ**

**NEW FORMS
OF SOCIAL ACTIVITY
AND CREATIVE ACTIVITIES
IN THE NETWORK SOCIETY**

■ ■ ■

Аннотация. Развитие информационного общества приводит к востребованности новых форм социального взаимодействия и творческой активности, связанной с широким использованием сетевых социальных технологий. На смену индивидуализму, жесткой конкуренции приходят новые формы социальных взаимосвязей, базирующиеся на доверии, отсутствии иерархии, коллективных формах творчества. Исторически предшествующей формой организации, релевантной сетевому обществу, была соборность. Принципы соборности на новом уровне воспроизводятся в новых социальных сетевых технологиях, таких как блокчейн, краудсорсинг, «коллективный разум».

■ ■ ■

Annotation. The development of the information society leads to the demand for new forms of social interaction and creative activity associated with the widespread use of social network technologies. In place of individualism, fierce competition come new forms of social relationships based on trust, lack of hierarchy, collective forms of creativity. Historically, the prior form of organization relevant to the network society was collegiality. The principles of unity at a new level are reproduced in new social network technologies, such as block-chain, crowdsourcing, «collective intelligence».

■ ■ ■

Ключевые слова: информационное общество, сетевое общество, соборность, сетевые социальные технологии, блокчейн, краудсорсинг, «коллективный разум», доверие, творчество.

■ ■ ■

Keywords: information society, network society, conciliarity, network social technologies, block-chain, crowdsourcing, «collective intelligence», trust, creativity.

■ ■ ■

Исследование и поиск новых форм социальной активности и творческой деятельности во многом обусловлен спецификой информационного общества. В работах, посвященных исследованию особенностей информационного общества [6; 9; 10; 17] показано, что нарастание информационных потоков вызывает потребность новых способов обработки информации, выявления и оценки ее смыслового содержания.

■ ■ ■

структуры становятся наиболее востребованными в наши дни. Основными особенностями сетевой организации является отсутствие единого центра и иерархии [14]. Отношения кооперации преобладают над отношениями дифференциации и конкуренции. Если в иерархически устроенном обществе индивидуалистско-эгоистические интересы являлись определяющими, то в сетевом обществе основой успеха является умение работать в команде. Резко возрастает значимость коллективистских ценностей, ориентации не столько на достижение личного успеха, сколько на решение общей проблемы.

Принципиально меняется ситуация с продуцированием и усвоением ценностей. Ж. Бодрийар [7]. Социальная жизнь становится многогранной. В ней переплетаются элементы разноплановых сфер деятельности. В политике одинаковое значение имеют как эстетические моменты [1], так и технологии, основанные на математическом моделировании [16]. Научная жизнь, как показано в работах П. Фейерабенда [18], несет в себе не только строгую рациональность, но и элементы иррационального.

Исследование коллективных форм социального взаимодействия осуществлялось еще задолго до возникновения сетевого общества и сетевых технологий. В русской философской традиции обосновывалось преимущество целостного синтетического подхода к формам взаимосвязей в обществе. Анализ общества в русской философской традиции [12; 11] опирался на принцип целостности, при котором горизонтальные связи и взаимоотношения являлись определяющими.

Многогранность и нелинейность социальных процессов актуализирует поиск адекватных им форм социальной жизни. Сетевые социальные

Базовыми концептуальными понятиями для анализа социальной реальности в русской социальной философии становятся «соборность». Социальные отношения на основе соборности не подавляют творческий потенциал личности, а создают условия для его всестороннего развития. Н. Бердяев, анализируя западные трактовки принципа соборности [4], отмечал их односторонность. Отсутствие индивидуалистических ориентаций не означает отсутствие личностного начала. Взаимодействуя с другими людьми, вне пресса социальной иерархии, личность становится многограннее, усваивая разноплановые идеи и срез культуры. Соборность позволяет реализовать целостность личностного начала.

Н. Бердяев акцентирует внимание на различии коллективности в западном ее понимании и соборности в русском. Соборность предполагает наличие ощущения внутреннего единства, восприятие другой личности к родственной, близкой по духу и ценностным ориентациям. Коллектив же основывается на формальном единстве в рамках трудовых или политических отношений [5].

Развитие информационного общества привело к востребованности форм отношений аналогичным соборности. Это обусловлено целым рядом факторов, связанных со спецификой информационной эпохи: лавинообразным ростом информационных потоков, динамизмом социальных изменений и востребованностью инноваций, использованием новых социальных сетевых технологий, базирующихся на принципе доверия. Наиболее ярко «информационный взрыв» и его последствия проявляются в научной исследовательской деятельности.

Уже на ранних стадиях формирования информационного общества (середина XX века) возникли так называемые «незримые коллективы»: институционально не оформленные добровольные объединения ученых, создаваемые для обмена информацией и творческими идеями. Кроме того, возникает потребность в интерпретации и переинтерпретации идей, содержащихся в научных публикациях [13]. Насколько плодотворен данный подход можно судить на основе анализа исследовательской деятельности Григория Перельмана. Переинтерпретация системы уравнений потока Риччи – нелинейного аналога, описывающего уравнения теплопроводности в физике, позволила решить математическую «проблему века» в топологии, доказать гипотезу Пуанкаре [2].

Избыточность информационных потоков тесным образом связана с нарастанием интенсивности социальной жизни как в экономике, так и в политике. Говоря о современной экономике, Б. Гейтс [8] сравнивает сложность экономических связей с многообразием связей в нервной системе. Наличие же сверхсложности приводит к возникновению синергетических эффектов, порождающих неустойчивость системы. Их прогнозирование и анализ возможных путей развития, в свою очередь, требует привлечения значительных интеллектуальных ресурсов, что приводит к потребно-

сти совместной аналитической и творческой деятельности, аккумулирующей учения ученых и экспертов разных профилей.

Динамизм информационного общества требует быстрых, оригинальных решений. Возникает потребность в инновационных инициативах. Особенностью инновационных подходов является то, что они качественно меняют формы организации, стили управления, алгоритмы принятия решений. Поскольку в основе любой инновации лежит принципиально новая идея [3], в условиях информационной избыточности возникает потребность в совместных усилиях по ее обсуждению, экспертизе, прогнозированию возможных приложений. Это приводит к востребованности новых способов продуцирования, обработки, трансляции и хранения информации, основанных на формах сотрудничества, к которым относятся новые сетевые социальные технологии: блокчейн, краудсорсинг, «коллективный разум».

Возникнув как технология для использования криптовалют [21], блокчейн, основанный на равенстве доступа к информации, делающий, происходящие в сети процедуры абсолютно прозрачными, быстро приобрел популярность. Постепенно были осознаны его революционные возможности для использования в других сферах: политике, научных исследованиях, образовании, социальной сфере и др. Технологии блокчейна предоставляют уникальную возможность защиты авторских прав средствами самой технологии, без использования громоздких и долговременных процедур патентования.

Свободная идентификация, предполагающее изначальное равенство входящих в систему субъектов без манифестации их статусных различий, доступность и прозрачность информации, ее защищенность от искажений и изменений, гласность создают благоприятную среду для взаимодействия на основе коллективного интереса, честности и открытости.

Еще она сетевая социальная технология – краудсорсинг создает возможности для решения нестандартных задач, как правило, на добровольных началах с привлечением через Интернет большого числа участников без ограничений по уровню образования, статуса, возраста и т.п. Круг решаемых проблем с помощью технологий краудсорсинга достаточно широкий: дизайнерские решения, поиск пропавших людей, выяснение общественного мнения по наиболее значимым вопросам, голосование, поиск нестандартных подходов к решению задачи т.п. [19].

Лавинообразный рост информации в сетях приводит к тому, что даже в узкоспециализированной области невозможно охватить и проанализировать все значимые источники, что делает востребованным формирование широких экспертных групп специалистов на базе так называемых технологий «коллективного разума» [15]. Подобного рода сети аккумулируют накопленный и обработанный интеллектуальными информационными системами имеющийся запас знаний и

новаторские идеи, продуцируемые входящими в нее специалистами. Потенциально такие сети, чтобы усилить свои возможности будут стремиться к слиянию, чтобы в конечном итоге объединить все имеющиеся знания и их носителей в единую систему, называемую коллективным интеллектом или коллективным разумом [20].

Проведенный анализ особенностей современного сетевого общества позволяет сделать вывод о том, что наиболее органичными для него явля-

ются коллективные формы социальных взаимодействий, истоки которых лежат в социальном принципе организации, известном как соборность. На смену индивидуализму и иерархии приходят новые формы социального взаимодействия, основанные на консенсусе, доверии и равноправии. Они создают возможности для коллективного творчества, многогранной социальной и творческой активности на базе новых социальных технологий, таких как блокчейн, краудсорсинг, «коллективный разум».

Литература:

1. Анкерсмит Р.Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М. : ВШЭ, 2014.
2. Арсенов О.О. Григорий Перельман и гипотеза Пуанкаре. М. : Эксмо, 2010.
3. Бабосов Е.М. Теоретические модели инновационного развития современного белорусского общества // Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития общества: Беларусь, регион, мир. Материалы международной научной конференции, г. Минск, 5–6 ноября, 2008 года. С. 25–35.
4. Бердяев Н. Истина и откровение. Экзистенциализм, истина и духовность. М. : Т8Rugram, 2018.
5. Бердяев Н. Царство Духа и Царство Кесаря. М. Республика, 1995.
6. Бехман Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М. : Логос. 2010.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, 2014.
8. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М. : ЭКСМО, 2007.
9. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-ФАКТОРИЯ, 2004.
10. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : Изд. дом «Высшая школа экономики», 2016.
11. Лосский Н.О. История русской философии. М., Академический проект, 2018.
12. Меликов И.М. Социальная сущность науки и ее духовные проблемы // Ученые записки РГСУ, 2012. № 10(110), С. 48–53.
13. Налимов В.В. Изучение развития науки как информационного процесса / В.В. Налимов, З.М. Мульченко. М. : Наука, 1969.
14. Олескин А.В. Сетевое общество. Необходимость и возможные стратегии построения. Сетевая (ретикулярная) социально-экономическая формация: квазисоциалистические принципы и меритократия. Выпуск № 133. М. : URSS, 2016.

Literature:

1. Ankersmit R.F. Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value. M. : HSE, 2014.
2. Arsenov O.O. Gregory Perelman and the Poincaré conjecture. M. : Eksmo, 2010.
3. Babosov E.M. Theoretical models of innovative development of the modern Belarusian society // Worldview and philosophical and methodological foundations of the innovative development of society: Belarus, region, world. Proceedings of the international scientific conference, Minsk, November 5–6, 2008. P. 25–35.
4. Berdyaev N. Truth and Revelation. Existentialism, truth and spirituality. M. : T8 Rugram, 2018.
5. Berdyaev N. Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. M. : Republic, 1995.
6. Behman G. Modern society: risk society, information society, knowledge society. M. : Logos. 2010
7. Baudrillard J. The transparency of evil. M. : Dobrosvet, 2014.
8. Gates B. Business with the speed of thought. M. : EKSMO, 2007.
9. Castells M. Galaxy Internet: Reflections on the Internet, business and society. Ekaterinburg : U-FACTOR, 2004.
10. Castells M. The Power of Communication. M. : Izd. House «Higher School of Economics», 2016.
11. Lossky N.O. History of Russian Philosophy. M., Academic Project, 2018.
12. Melikov I.M. The social essence of science and its spiritual problems // Scientific Notes of the RSSU. 2012. № 10(110), P. 48–53.
13. Nalimov V.V. Studying the development of science as an information process / V.V. Nalimov, Z.M. Mulchenko. M. : Nauka, 1969.
14. Oleskin A.V. Network Society. The need and possible strategies for building. Network (reticular) socio-economic formation: quasi-socialist principles and meritocracy. Issue number 133. M. : URSS, 2016.

15. Рождение коллективного разума: о новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия / Под ред. Б.Б. Славина. М. : ЛЕНАНД, 2014.

16. *Сморгунов Л.В.* Блокчейн как институт процедурной справедливости // Политические исследования 2018 № 5. С. 88–100.

17. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М. : АСТ, 2008.

18. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М. : АСТ, 2007.

19. *Хау Дж.* Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М. : Альпина Паблице, 2012.

20. *Mulgan G.* Big Mind: How Collective Intelligence Can Change Our World. Princeton University Press. 2017.

21. *Tapscott D.* Tapscott, A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World Hardcover. Portfolio. 2016.

15. The birth of the collective mind: the new laws of the network society and the network economy and their impact on human behavior. The Great Transformation of the Third Millennium / Under edition Bb Slavin. M. : LENAND, 2014.

16. *Smorgunov L.V.* Blockchain as an institute of procedural justice // Political Studies. 2018. № 5. P. 88–100.

17. *Toffler E.* Shock of the future. M. : AST, 2008.

18. *Feyerabend P.* Against the method. Sketch of the anarchist theory of knowledge. M. : AST, 2007.

19. *Howe J.* Crowdsourcing: Collective Intelligence as a tool for business development. M. : Alpina Pablishe, 2012.

20. *Mulgan G.* Big Mind: How Collective Intelligence Can Change Our World. Princeton University Press. 2017.

21. *Tapscott D.* Tapscott, A. Blockchain Revolution: Changing Money, Business, and the World Hardcover. Portfolio. 2016.

Шеромов Лев Александрович

доктор технических наук,
профессор
sheromov@inbox.ru

СТРАТЕГИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Существует много вполне разумных теорий, объясняющих процессы, происходящие в социальных системах, но все они не влияют на эволюцию, на скорость развития этих систем. Человечество достигло поразительных результатов в области развития техники и технологий, но в социальной сфере прогресс оставляет желать лучшего – довольно тревожная ситуация. Чем объяснить этот явный перекося в развитии человеческой цивилизации. Даже интуитивно ясно, что он может привести к разрушительным, необратимым последствиям.

Нужна адекватная теория существования и развития социальных систем, которая удовлетворяла бы теореме Гёделя о неполноте. То есть она выдерживала бы внешнюю критику, со стороны других наук, не связанных с социологией.

В предлагаемой вниманию читателя предлагается идея такой теории и самые начальные предпосылки, которые требуют дальнейшего развития и углубления. Основа этой теории – закономерности естественной эволюции Жизни. Более того, на основе этой теории предлагается идея создания проекта оптимального государства (с точки зрения скорости развития при соблюдении норм гуманности).

Ключевые слова: алгоритмы самоорганизации, социальные системы, конкуренция, экономика.

История человеческого общества говорит о чрезвычайно неустойчивом его существовании. Не прекращаются войны, взаимные обиды отдельных групп людей, начиная от отдельных личностей до этнических конфликтов и чрезмерных амбиций зарвавшихся «авторитетов».

Были многочисленные попытки понять и предотвратить это неприглядное свойство человеческой психики. Ну, хочется «набить морду соседу», отобрать, отнять что-нибудь у более слабого и т.п. Неужели нельзя как-то исправить эту позорную черту человеческого поведения? Говорят – нельзя и пытаться! Много здесь «сломяно копий» апологетами гуманитарных наук (философии, истории, социологии и т.д.). Много разработано теорий, но, как говорится, «воз и ныне там».

Lev A. Sheromov

Doctor of Technical Sciences,
Professor,
sheromov@inbox.ru

STRATEGY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SOCIETY

Annotation. There are many quite reasonable theories explaining the processes occurring in social systems, but they all do not affect the evolution, the speed of development of these systems. Mankind has achieved amazing results in the development of technology and technology, but in the social sphere, progress leaves much to be desired – a rather alarming situation. How to explain this apparent bias in the development of human civilization. It is even intuitively clear that it can lead to destructive, irreversible consequences. We need an adequate theory of the existence and development of social systems that would satisfy Gödel's incompleteness theorem. That is, it would withstand external criticism from other non-sociological ones.

The proposed reader is offered the idea of such a theory and the very initial prerequisites that require further development and deepening. The basis of this theory is the laws of the natural evolution of Life. Moreover, on the basis of this theory, the idea of creating a project of an optimal state is proposed (in terms of the speed of development while observing the norms of humanity).

Keywords: self-organization algorithms, social systems, competition, economy.

Пугает также противоречие между бурным развитием техники и естественных наук и полной неподвижностью, в этом смысле, человеческого разума. Все благородные идеи о великом будущем Человека-творца вдребезги разбиваются об эту дилемму.

В следующей ниже статье мы попытаемся обосновать некоторые новые идеи решения этих застарелых проблем.

При моей работе в области компьютерных экспертных систем встает проблема их оптимального и быстрого обучения. Но тут обнаруживается острое противоречие. С одной стороны, любая материальная система мира, при своем существовании во времени, рано или поздно попадает в, так называемую, точку бифуркации, из которой она переходит в одно из возможных состояний с

некоторой вероятностью. Эта аксиома определяет наличие в реальном мире вероятностных явлений. Отсюда, уже чисто математически выводится формула, из которой следует, что неопределенность (энтропия) будущих состояний реальных систем неизбежно и необратимо нарастает. Примеры очевидны: все родившиеся люди обязательно состарятся и умрут, со временем разрушатся все здания, сгладятся горы и т.д. Отсюда же следует, что *никакое накопление информации, в том числе и обучение, невозможно.*

Но, с другой стороны, в природе есть явления, которые не подчиняются этому мрачному закону. Атомы и молекулы не стареют. Если взять каплю воды из самой глубокой впадины океанского дна и сравнить ее с каплей, только что полученной в химической реакции, то они неотличимы. А между их образованием вполне мог пройти миллиард лет. Вообще, химические реакции дают только вполне определенные вещества. Примеров много, и все они связаны с дискретными явлениями типа да или нет, без любых промежуточных состояний. Включил, выключил лампу; это Ваня, а это Маша и т.п. Для нас особенно *интересна дискретность алгоритмов*, то есть причинно-следственных цепей многих реальных явлений. Из такой сформировавшейся цепи нельзя выбросить ни одного звена. Иначе алгоритм разрушится. Например, двигатель автомобиля. Он работает по заданному алгоритму (принципу действия) и может работать хуже или лучше, но исключение из этого цикла явлений хотя бы одного звена приводит к неизбежному срыву алгоритма.

Это очевидное заключение о дискретности алгоритмов мы также примем за исходную предпосылку, как и предыдущий вывод о неизбежном стремлении природы к хаосу.

Но алгоритмы есть последовательность некоторых действий, и поэтому они, так или иначе, влияют на окружающий мир. Чего стоит, например, кругооборот воды в природе, без которого вообще невозможна жизнь на Земле. А фотосинтез, а поддержание температуры тела теплокровных животных, включая и человека! Этот список можно продолжать и продолжать. И не только в биологии, но и в неживой среде. Есть циклические химические реакции неорганических веществ (синергетика). А наши, человеческие изобретения технологических процессов, различных машин и механизмов. Это ли не могучий процесс самоорганизации, компенсирующий процесс естественного нарастания беспорядка и неопределенностей.

Возникает следующая потрясающая идея, – а нельзя ли найти в природе алгоритмы, которые обеспечили эволюцию Жизни на Земле?! И это оказалось возможным. Найдено всего четыре алгоритма, которые необходимы и достаточны для возникновения и поддержания эволюции жизни [1; 2]: алгоритм размножения и отбора, открытый Дарвином и Уоллесом, алгоритм накопления опыта и еще два дополнительных алгоритма, обеспечивающие работу этих двух: алго-

ритмы накопления энергии и восстановления наследственной информации, испорченной внешними случайными факторами. Этот комплекс алгоритмов, разумеется, пригоден и социальных систем и работает в них, но не всегда оптимально, так как не понят и не осознан людьми.

Алгоритм размножения и отбора и Homo sapiens. Здесь приходится остановиться и поговорить подробнее, так как этот алгоритм (основной инстинкт) имеет очень большое (подавляющее) влияние на человека.

Часто естественный порядок этого алгоритма воспроизводится неточно. Говорят, что выживают самые приспособленные и дают наибольшее количество потомков. На самом же деле *выживают все, кроме самых неприспособленных.* Эту существенную особенность естественного отбора подробно обсуждали еще классики дарвинизма. Примерная цитата из Дарвина: **«Посеем квадратный ярд травы. Она взошла и растет. Растут и вырастут все семена, кроме тех, которые оказались неприспособленными к нашим условиям, или которым не повезло (склевали птицы, неловко упали в землю и т.п.)».**

Социальные аспекты алгоритма размножения и отбора многочисленны и многообразны. Прежде всего, действует в среде людей биологический алгоритм размножения, оставшийся в наследство от прошлой эволюции жизни, и действует непреодолимо. Но у людей никак не учитывается его жестокая сила. В естественной эволюции заложено, что организмы должны давать много потомков в расчете на то, что часть из них будет уничтожено внешней средой. Животные и растения при благоприятных условиях дают множество потомков. Но в природе избыток организмов всегда уничтожается. Но у нас приняты нормы гуманности, в принципе не допускающие сознательное убийство.

Сейчас количество людей на планете увеличивается лавинообразно, с недопустимо большой скоростью (рис. 1). Она определяется значительным улучшением условий обитания, обусловленных развитием техники и медицины.

Ничего хорошего в этом стихийном росте количества людей на Земле нет. Он непосредственно ведет к обострению борьбы за «жизненное пространство», к взрывному высвобождению естественной силы алгоритма размножения и отбора, т.е. к насильственному уничтожению людей, и, при современном развитии военной техники, – к гибели цивилизации. Все разговоры о необходимости сохранения генофонда, о неэтичности ограничения свободы воли при рождении детей и т.п. становятся бессмысленными при этой нарастающей угрозе. Конечно, с развитием техники Земля «прокормит» и гораздо большее количество людей, по сравнению с тем, что есть сейчас. Но зачем это нужно? Есть мнения, что для сохранения биологического вида *homo sapiens* достаточно и нескольких сот миллионов человек. Это в 30–40 раз меньше, чем есть сейчас. Жизнь

их будет гораздо более комфортабельной, резко уменьшатся загрязнения окружающей среды. При этом конечно, несколько замедлится скорость развития цивилизации. Но куда спешить? И, если есть в некоторых государствах доктрина о бесконтрольном размножении, то ясно, что в основе ее лежит или национализм, или производство «пушечного мяса» для тайно планируемых войн, или просто невежество.

Все евгенические и фашистские идеи о целенаправленном отборе людей также терпят крах, если не исказить правило естественного отбора о выживании всех, кроме самых неприспособленных – отбросить ложный принцип выживания сильнейшего. Это правило позволяет уже сейчас теоретически обоснованно отсеивать «хвост» неприспособленных с выполнением всех требований цивилизованной морали. При этом нет необходимости как-то ограничивать естественные «эротические утехы». Так что каждый чело-

век, решивший иметь ребенка, должен пройти специальный медицинский контроль и получить разрешение на это. **Закон об ограничении рождаемости должен стать одним из главных глобальных законов для жителей Земли.** Сколько уже сказано и написано об этом?! Но, ни в одной стране мира такого закона нет. Тут, иногда намеренно, путаются два аспекта этой проблемы. С одной стороны, конечно, невозможно как-то препятствовать этому основному инстинкту жизни. С этим не согласится ни один человек. С другой стороны, бесконтрольное размножение совершенно неразумно. Здесь человек уподобил себя диким животным. При обилии пищи и пространства животные размножаются лавинообразно, пока этот процесс не остановит какой-нибудь жестокий внешний фактор. Например, через некоторое время съели всю пищу, как это часто бывало с травоядными животными. В дальнейшем ждет массовое вымирание или истребление. Примеры широко известны.

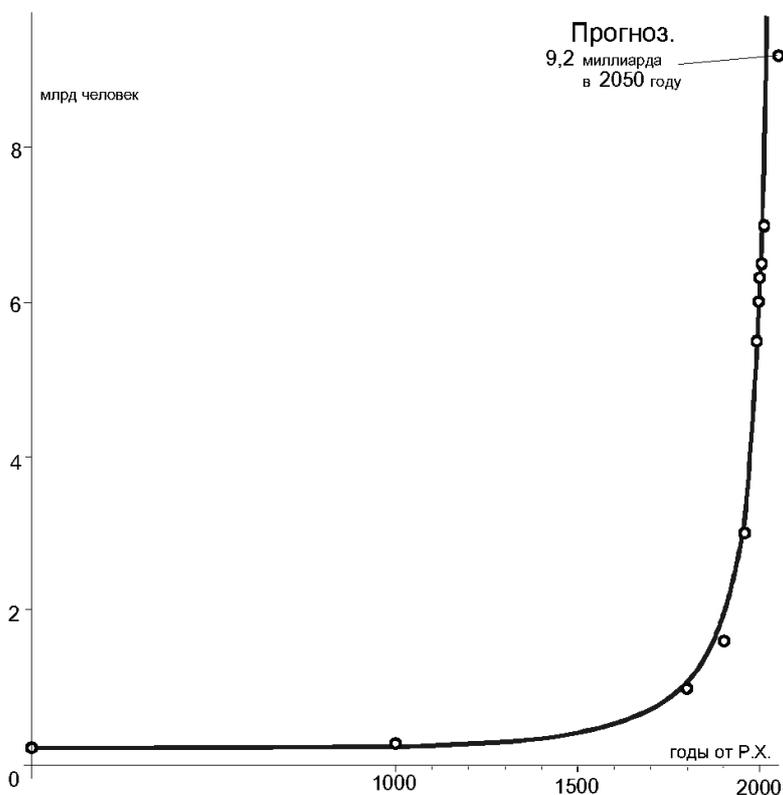

Рисунок 1 – Рост населения Земли

Одним из главных факторов эволюции является естественный отбор. Но что и из чего отбирается? Дело-то простое. **Всегда рождается число организмов, из которых множество отсеивается, не выживает.** Иначе не из чего будет отбирать. Особенно хорошо это видно на примере растений. При жизни они не могут защищаться, но зато количество семян иногда достигает сотен тысяч от одного растения. И у животных всегда рождается избыток потомков (мыши, крысы, тараканы, мухи и проч.). И человек не есть исключение из этого списка. Но у нас нормы гуманности, «отсеивать» родившихся людей нельзя. Но можно ограничить рождаемость! Построить правильную демографическую политику.

У людей, как животных, сейчас как раз сложилась ситуация способствующая лавинообразному нарастанию темпов размножения. Нет никакого естественного препятствия этому. На рис. 1 кружками обозначены действительные статистические данные, между которыми проведена аппроксимирующая кривая. Правда, две первые точки оценочные. Раньше не было переписей населения.

И заметна всеобщая тенденция. Чем выше степень развития человека, чем он образованнее, тем меньше он имеет детей. Причина ясна. Такой человек более ответственен, считает, что его дети должны быть не хуже его образованы и

воспитаны. Он предвидит здесь свою роль благородного отца (родителя) и наставника. Но плохо воспитанный, малообразованный человек не может занять свой ум более или менее сложными проблемами творчества, культуры. Остаются только дикие инстинкты животных потребностей. К сожалению, процент таких людей на Земле становится все больше и больше, так как с развитием техники, с ростом благосостояния уже уходит жестокая необходимость добывать хлеб насущный «в поте лица своего». Со своими детьми он просто не знает, что делать. Они ему мешают; он их ругает и бьет, ничему не учит. Да и зачем им учиться? Это же труд, который, кстати, требует и моральной, и физической поддержки. А дети этой поддержки не получают. Они видят, что родители также не учатся, не читают книг, не заняты хоть каким-нибудь творчеством. И, если так можно выразиться, дети дичают, им неинтересны любые достижения человечества, вследствие своей необразованности они их не понимают. Но получать удовольствие в процессе акта размножения ничто и никто не мешает, и количество детей и, конечно, общее количество населения растет неудержимо. **Это какое-то сумасшедшее стремление к удовольствиям и последующей гибели.**

Встала проблема ненужности огромного количества людей для развития, для эволюции. Раньше в дикой природе естественный отбор уничтожил бы этот излишек. Просто и жестоко – умерли от голода. Теперь же действие его остановлено, **остановлено действие основного алгоритма развития.** «Хлеба и зрелищ» почти всем хватает! Но ясно то, что в реальности такое нарастание должно иметь предел, как и всегда при этом виде естественного процесса с положительной обратной связью. Просто по-иному не бывает. Остается только ждать резкого срыва амплитуды этого процесса со всеми его жестокостями и кровью.

Природа не потерпит бесконтрольного размножения людей и рано или поздно остановит его!

Но можно попробовать остановить этот рост, сократив размножение следующим образом. Надо отделить удовольствия секса от процесса размножения. Причем отделить абсолютно, как отделены два поезда, идущие навстречу друг другу по соседним путям.

Во-первых, многие люди не хотят иметь детей; они получают у них только как «плод любви несчастной». И эти дети потом очень сильно страдают, так как родителям они не нужны. Но известны простые методы у медиков, которые могут лишить и мужчин и женщин иметь детей навсегда. При этом нет никакого влияния на здоровье и на сексуальные удовольствия. Эта методика могла применяться ещё сто лет назад, если бы не безответственные рассуждения борцов за нравственность и отцов церкви. Возмущаетесь! Посмотрите еще раз на кривую (рис. 1), она построена по данным ООН.

Во-вторых, на такую процедуру видимо будут согласны пары, которые уже имеют небольшое

количество детей. Например, отсталые народы, живущие в отдаленных областях континентов, особенно Африки. Разумеется при малой детской смертности.

В-третьих, остается принудительное лишение иметь детей. По суду, конечно. Это люди, имеющие плохую наследственность (наследственные болезни, уродства), неизлечимо больные, наркоманы и алкоголики, и им подобные. И, наконец, преступники. В том числе опустившиеся люди, которые не смогут воспитать ребенка.

Очевидно, государство должно выдавать разрешения на право рождения ребенка. Никто без такого разрешения не должен родить детей.

Если бы это предложение начать осуществлять «со скоростью взрыва», то может быть удалось бы спасти человечество. Сейчас оно уже стоит на краю пропасти (рис. 1).

Никак нельзя исключить действие алгоритма размножения и отбора в человеческом обществе, но можно и надо благоразумно использовать его силу!

Алгоритм накопления опыта в социальных системах формулируется так. Если в системе произошли изменения, и они оказались благоприятны или безразличны для нее, что выявит первый алгоритм, то они остаются в ней и с течением времени становятся менее и менее доступными для последующих изменений.

Мы легко можем построить иерархию степени изменчивости наследственной информации в каждом организме, от абсолютно неизменных элементов до элементов, которые постоянно меняются в такт с изменениями окружающей среды. К первым можно отнести алгоритмы, которые есть во всех организмах на Земле (например, алгоритм синтеза белков, энергетические циклы и т.д.). Другая крайность – быстрые изменения наследственной информации в течение нескольких поколений.

В любом организме легко проследить иерархию изменчивости. Например, при искусственном отборе можно довольно просто вывести молочную или мясную породу скота, но не с двумя хвостами (!) или тремя глазами; при радиоактивном облучении семян растений наследственная информация подвергается сильнейшему воздействию, но не убитые радиацией семена сохраняют информацию о виде, растут, размножаются! Обширный опыт искусственного и естественного отборов позволяет рассортировать изменчивость по своеобразным уровням жесткости запоминания информации в наследственной памяти. Закрепляясь в организмах, некоторая часть информации из поколения в поколение как бы опускается на более глубокие (более жесткие), уровни памяти, становится менее изменчивой.

Необратимость и направленность эволюции легко объясняются с помощью этого алгоритма. Он определяет большую вероятность усложнения, чем упрощения.

Работа алгоритма накопления опыта в социальных системах протекает в естественном порядке и никак не управляется разумом людей. Природная сущность алгоритма накопления опыта до сих пор не осознана, не понята и поэтому игнорируется.

Приведем подтверждающие этот вывод примеры. В истории человеческого общества было придумано много систем государственного устройства. Особенно впечатляет рабовладельческое государство Древнего Рима. Известно, что эта «государственная машина» была продумана, создана умнейшими людьми и работала подавляюще четко и безотказно в течение многих столетий. Так почему же она погибла? Здесь есть много теорий. Для нас наиболее известна теория последовательной смены общественных формаций, начиная от первобытной общины и до социализма, а затем и до коммунизма. Применение концепции алгоритмов самоорганизации дает более простое объяснение гибели в прошлом проверенных опытом и хорошо отлаженных социальных систем. Дело в том, что такие системы создавались на основе реальной исторической ситуации и затем существовали, накапливая положительный опыт управления. Но с течением времени ситуация менялась. В человеческом обществе накапливались знания и технологические умения, развивалась техника, менялись и сами люди, и их отношение к жизни. А система управления оставалась прежней, так как прошлый опыт подтверждал, что ничего менять не надо. Рано или поздно, в зависимости от скорости развития общества, этот опыт оказывался ложным – система управления переставала соответствовать реальной ситуации. Но сменить ее всегда оказывалось очень не простым делом, так как при этом затрагивались интересы многих людей, тем более надо было понять неизбежность такой замены. На ранних этапах истории последнее было невозможно, и такие окостеневшие системы государственного устройства насильственно уничтожались. Последний яркий пример – гибель царской России. Таким же образом зашла в тупик экономика США в период великой депрессии. Это, по сути, был результат заблуждения о полном саморегулировании экономической структуры.

Остальные два алгоритма эволюции работают в социальных системах автоматически.

Интересно отметить интересную особенность эволюции. Это развитие не имеет закономерностей в появлении конкретных животных и растений. Их появление полностью случайно. Также невозможно предвидеть и дальнейшее существование, и изменение возникшего вида. Это зависит от огромного количества случайных факторов: устойчивости свойств ареала обитания, условий и интенсивности размножения, многообразия внешней среды, природных катаклизмов и т.д. Например, есть мнение, что если бы динозавров не уничтожила всемирная катастрофа, то с течением времени они могли бы достигнуть разумности.

Это замечание позволяет по новому взглянуть на теоретические обоснования современных

теорий в социологии [3, 4]. Аналогия заключается в том, что и здесь приходится иметь дело с огромным множеством случайных факторов существования, поведения, размножения людей, часто определяющихся лишь при помощи методов статистики. То есть далее обобщения фактов социальные теории пойти не могут, что резко отличает их от теорий естествознания.

Разобравшись в природной сущности явлений, обеспечивающих естественную эволюцию, можно осознанно применить их и для оптимизации развития социальных систем.

Сразу необходимо отметить, что следующие ниже рассуждения и выводы не претендуют на полноту и законченность; их можно рассматривать лишь как начальную попытку обоснования применения закономерностей эволюции в области управления социальными системами. Как следует из приведенных обоснований, эти закономерности действуют в социальных системах, но стихийно, без разумного использования их на благо человеческого общества.

Отсюда следует **первый критерий их применения**. Стихийной силой этих алгоритмов самоорганизации можно и надо управлять для обеспечения разумной, т.е. искусственно направляемой эволюции общества, как продолжения эволюции естественной.

Следует заметить, что на основе описанной выше концепции можно однозначно заключить – у эволюции нет никакой цели. Развитие идет только по естественному пути усложнения, накопления информации. Эта известная **идея неограниченного прогресса**, принимается и для социальных систем, как не имеющая альтернативы. В этом заключается **второй критерий** разумной эволюции. Попутно заметим, что принцип роста всеобщего благосостояния людей вторичен, так как при быстром и гармоничном развитии социальной системы удовлетворяется автоматически. Примером этому служат высокоразвитые государства.

Следовательно, **главная цель существования социальной системы**, объединяющей некоторое количество людей для совместного проживания в некоторой области пространства, – **есть обеспечение стабильности существования и непрерывности развития**. Последнее подразумевает усложнение, в смысле упорядочения, снижения энтропии, накопление информации, технологических умений при стабильности функционирования. Конечно, остаются и военные цели (захват чужой территории, защита от захватчиков и т.п.). Но на современном уровне развития человеческой цивилизации эти цели, все-таки второстепенны.

И, наконец, **третий критерий** заключается в неукоснительном соблюдении норм гуманности, выстраданных человечеством в течение тысячелетий кровавых войн и революций, рабства и всех других форм насилия.

Считается, что наиболее совершенной системой управления государством, т.е. наиболее прием-

лемой для обеспечения благоприятной жизни отдельного человека является демократия в развитых странах (сейчас идет 2019 год). Но она обладает многими недостатками. И, как раз, *цель существования Человечества, направление развития цивилизации в будущем там не определены*. Этим и объясняется бесконечное топтание на месте вокруг ежеминутных ценностей наибольшего благосостояния, свобод и прав людей, на фоне обостряющихся противоречий между эгоистическими интересами отдельной личности и возможностями, предоставляемыми ей техническим прогрессом. Эти противоречия уже сейчас сдерживаются с большим трудом. И в будущем нет гарантии, что какой-нибудь маньяк или фанатик будет использовать не только автомат для расстрела детей, как это бывает сейчас, но и что-нибудь «более эффективное», например, ядерную бомбу.

Попробуем кое-что предложить, исходя из описанных выше теоретических принципов.

1. Основной цикл функционирования. Любая социальная система, начиная от самой малой (семья) до государственных структур или даже всего человеческого общества на Земле, как-то функционирует, т.е. в ней осуществляются определенные цепи причинно-следственных явлений. Поэтому, если поставлена цель, которую данная система должна достигнуть, то она и должна функционировать соответствующим образом. Как это сделать оптимальным образом, изучается многими дисциплинами, связанными с наукой управления. Практически обычно надо продумать, кто, что будет делать и когда. То есть придумать, изобрести алгоритм работы данной системы. Для нас важно то, что такой главный цикл функционирования должен обязательно существовать и работать максимально четко, желательно без всяких неопределенностей.

Это особое требование к максимальной жесткости выполнения отдельных актов функционирования и строгой последовательности их осуществления связано с необходимостью уменьшения скорости роста энтропии. Как было показано выше любая система проходит через точки неопределенности и при этом вероятность перехода в одно из нескольких возможных состояний должна быть максимальной, желательно равной единице. Иначе энтропия быстро нарастает, что практически означает увеличение неупорядоченности в системе. Возникают непредвиденные срывы в работе, растёт текучка неотложных дел. Возможна и полная остановка функционирования.

Необходимо ответить на следующее возражение: «Не хочу быть винтиком в этой машине. **Хочу быть свободным человеком**». «Винтиком в машине» человек должен, обязан работать малое время своей жизни. Допустим, 5 часов в сутки. Тут многое зависит от способностей, от конкретной ситуации. Остальное время человек свободен, конечно, в рамках «осознанной необходимости». Полная, абсурдная свобода не допустима в человеческом обществе, где соблюдаются нормы гуманности.

И если постоянно наблюдать за возникающими в работе системы противоречиями. То ей не страшны никакие кризисы, так как мы почти однозначно предвидим будущее. **Механизм основного цикла должен существовать, четко работать и иметь систему проверки (диагностики).**

Такое бескомпромиссное ужесточение работы этого цикла, понятно, будет препятствовать развитию системы. Для его обеспечения, вполне сознательно, создаются специальные и значительные ресурсы (резервы), за счет которых мы можем проводить исследования, ставить эксперименты, торговать на рынке. А затем, при успехе, использовать результаты для планомерного преобразования структуры системы или ее функционирования. И здесь теоретические предложения таковы.

Конкуренция. В соответствии с приведенной выше логикой в социальных системах должен быть максимально активизирован алгоритм размножения и отбора. В идеальном случае не должно быть никаких элементов системы недоступных отбору в любой момент времени. Недопустимо игнорировать и изменения в окружающей социальной среде, как это часто делалось в истории, с целью исключения возможных перемен, всегда влекущих за собой перестановку людей, изменения привычных условий существования.

«Освобождение» алгоритма размножения и отбора требует создания возможностей для конкуренции всех элементов социальных систем. Конкуренция между производителями возможна только при определенной свободе действий людей. Эти действия должны распространяться на нечто вещественное. Вещи, которые человек может создавать, уничтожать, изменять по своему усмотрению, есть частная собственность. Следовательно, без частной собственности не может быть действенной конкуренции и развития социальной системы. Право частной собственности определяет и степень свободы человека в обществе.

Конкуренция должна быть не только в экономике, но и во всех других областях деятельности человека, так как в соответствии с алгоритмом размножения и отбора там, где нет конкуренции, т.е. отбора во внешней среде, там нет и развития. Нужна благожелательная конкуренция творческих людей или их коллективов. Она и обеспечивает развитие. Но не конкуренция в битве за выживание или в игре. Эта – обычно только разрушает построенное, сделанное ранее, даже убивает людей.

Экономика отдельная большая наука, и автор не является в ней специалистом. Но все же, очень интересно сделать некоторые выводы, основанные на изложенных выше принципах и предпосылках самоорганизации, несомненно, влияющих на экономические отношения в социальной системе. На полноту анализа автор, конечно, не претендует.

Предыдущие рассуждения привели к следующим важным для экономики выводам, оспорить:

а) *Алгоритм размножения и отбора* требует принятия права частной собственности и свободной конкуренции. Общественная собственность также объективно существует. Например, нельзя отнять у родившегося человека право собственности на ресурсы планеты (на воздух и воду, на ее недра и другие естественные ценности). Несправедливо то, что кто-то еще до его рождения захватил кое-что из этого. Другое дело считать, что этот «кто-то» лишь управляет расходом общих ценностей, получая выгоду, но при этом обязательно отделяя часть ее всем людям поровну или откладывая ее на будущее. Так сейчас и делается в некоторых странах.

Особо стоит проблема собственности на энергию. Дело в том, что согласно четвертому алгоритму самоорганизации без потребления энергии не может существовать функционирование, поэтому в любом случае нельзя уменьшать уровень этого потребления ниже минимального, обеспечивающего жизненно важные потребности людей.

б) *Алгоритм накопления опыта* требует построения экономической системы переменной степени жесткости функционирования. Практически этот принцип предполагает различные уровни ее регулирования. Тут существуют две крайности: свободный «дикий» рынок и абсолютно жесткое регулирование (типа Госплана). Это относится к экономическим системам всех уровней: от семейного бюджета до глобальных экономических (финансовых) образований.

в) Обоснование государственного или регионального регулирования экономики сводится к простой истине. Чем в большей степени работа данного предприятия (отдельного предпринимателя, фирмы и т.п.) влияет на социальную систему в целом, тем меньше у него должно быть возможностей совершать непредсказуемые, рискованные поступки.

Структура и функционирование социальной системы должны быть разбиты на уровни допустимой изменчивости. **Как дерево, раскачивается под сильным порывистым ветром. И листья, и мелкие ветви его сильно колышутся, а все более толстые гнутся все меньше. И самый ствол колеблется, и только у самой земли, у корня он неподвижен.** Так и у нас в управлении социальной системой, в частности, экономикой. Общие для всей системы изменения должны быть, но чем больше неопределенность их результата, тем меньше должен быть их отдельный шаг.

Конечно, в прошлом всегда были попытки построить гармонично развивающуюся социальную систему, но только на основе интуиции, естественного стремления наладить четкий механизм ее функционирования, обеспечивающий развитие, «процветание», «могущество». В критических моментах истории (точках бифуркации), когда существующая система приходила в тупик

в соответствии с алгоритмом накопления опыта, это иногда удавалось. Опыт существования новой системы опять накапливался, она опять через некоторое время околосеивала и т.д.

И опять, как давно повелось в России, к власти проник филистер, «начальник». Это собирательное понятие вовсе не означает, как известно, что имеется в виду дурак в прямом смысле слова, хотя бывает и так. Скорее это некомпетентный, неквалифицированный в смысле общечеловеческих ценностей человек, но одновременно умный и хитрый интриган, игрок, для которого личные интересы или азарт игры превыше всего.

Эта знаменитая фигура – прямое порождение тоталитарной системы управления в России и, затем, в Советском Союзе. Государственной власти, для выполнения повседневной работы «на местах» нужен был человек исполнительный, «неотягощенный» тонкими моральными и этическими принципами. Основное – «Делай так, как приказано!». Или – «... как положено». Но он оказывался у власти над большим количеством людей. Часто не образованный, плохо воспитанный, злой и жестокий. Народ, демос не мог ему противостоять, так как «дурак» был облечен властью, и не подчинение ему рассматривалось как бунт, преступление. Поэтому в народе сложилась привычка повиноваться некоему барину, без гласного обсуждения его распоряжений, рабская привычка беспрекословного подчинения.

При советской власти надо было лишь выполнять инструкции любыми методами, вплоть до самых жестоких, и «не пущать» в свое окружение хотя бы мало-мальски инициативных людей. В точном соответствии с алгоритмом накопления опыта возникли системы круговой поруки в «подготовке кадров» начальников всех рангов (номенклатура), в присвоении ученых степеней, в распределении всевозможных благ и т.п.

Доктрина революционного аскетизма, фанатичной веры в идею «мировой революции» не была поддержана «пролетариями всех стран» по причине, описанной выше. Перспектива социального развития исчезла, оказалась призрачной, но это тщательно скрывалось путем культивирования слепой веры с некое светлое будущее, конкретные детали которого намеренно не уточнялись. Максимально использовался стадный инстинкт человека, заложенный в наследственной памяти людей еще со времен неразумной жизни, когда неподчинение вожаку грозило гибелью всему сообществу животных. Этот инстинкт также непобедим, как и многие другие приобретенные эволюции Жизни, о которых говорилось выше. Но вождь должен постоянно поддерживать свой авторитет. У животных это делается просто. У людей же придумана иерархия власти, которая позволяет поддерживать авторитет вождя при помощи специально созданной «команды», которая по его приказу может расправиться с любым конкурентом. Поэтому, как видно на исторических примерах, создание такой «силовой структуры» всегда было главной заботой любого «фюрера».

Алгоритм уровней памяти при работе в социальной системе представляет собой множество вложенных друг в друга циклов оптимизации изменчивости в подсистемах разной величины и назначения. Наименьший цикл работает в одном человеке, наибольший – управляет изменчивостью всей социальной системы. Замечательно то, что при работе алгоритма не надо искать каких-то особых подходов к ячейкам системы, различным по структуре, величине и функционированию. Остаются только общие критерии качества: изменчивость, развитие, четкое функционирование, своевременное разрешение противоречий и неопределенностей. А далее, работает алгоритм размножения и отбора.

Однажды мне был задан вопрос. Вот Вы претендуете на проявление скрытых закономерностей социальных систем, назначаете им цели развития и гуманные принципы. «А как же война?» Она, во-первых, далеко не гуманна, во-вторых, обычно не влияет на сложившуюся структуру и методы управления в социальных системах. Исключение составляет насильственное насаждение воли страны победителя, которое обычно не создает ничего нового в идейном смысле. Только заставляет следовать сложившимся взаимоотношениям в стране победителя.

Но война и подготовка к ней обеспечивают весьма значительный прогресс в развитии военной техники. А это связано и с общим развитием материальной основы социальной системы, с улучшением технологий, материалов и т.п. А это точно соответствует заявленной Вами цели неограниченного прогресса.

Но может быть всё же можно повоевать, так сказать, «частным образом», регионально. Все дело в том, что людям инстинктивно хочется воевать, ну хоть пострелять из крупнокалиберного пулемета («лягается, как осёл! «). И это желание находится буквально «в крови» у людей, особенно у молодежи. Это неустранимый инстинкт агрессивного поведения. Он есть у всех животных и, конечно, у людей.

Литература:

1. *Шеромов Л.А.* Прозрение. СПб. : Литео, 2017
2. *Шеромов Л.А.* Социология и теория эволюции. Краснодар : Premier. 2018
3. *Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Изд. второе, исправл. и дополн. СПб. : Интерсоцис, 2009.
4. *Заславская Т.* Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социс. 2001. № 8.

Нет, нельзя допускать намеренного убийства людей. На этом пути стоят нормы гуманности. Может быть, только рассматривать таких «воинов» как неприспособленных к жизни, и обязательно лишить их возможности размножаться.

Оказалось, что при создании оптимальной системы, необходимо разбираться со всеми пороками и добродетелями составляющих её людей. Эти элементы поведения, как раз и характеризуют внутренние связи системы, определяют её реальное функционирование.

Предлагаемая теория, объясняя появление норм, ограничивающих произвольность поведения отдельного человека в обществе, предлагает сознательно применять общесистемные алгоритмы самоорганизации и к отдельному человеку. Это означает, что в *социальной системе должна быть создана четкая классификация внутренних алгоритмов тела и разума человека, как элемента системы, и их оценка применимости для стабилизации и развития системы или ограничения, как препятствия этому развитию.* Необходима система оценки качеств каждого человека и их изменения во времени в течение всей его жизни, с целью его наиболее эффективного использования в общественной жизни.

И теперь можно углублять и развивать предложенное научное направление. Делать конкретные изменения в социальных системах любого уровня.

Следует отметить, что при создании оптимальной системы эта основополагающая работа должна быть проделана полностью и с особой тщательностью, иначе все предлагаемые и теоретически верные мысли опять разобьются о, мещанское мировоззрение с его мелкими, сугубо личными интересами, узким кругозором, неразвитыми вкусами, безразличием к интересам общества.

Literature:

1. *Sheromov L.A.* Epiphany. – SPb.: Liteo, 2017
2. *Sheromov L.A.* Sociology and theory of evolution. Krasnodar : Premier. 2018.
3. *Yadov V.A.* Modern theoretical sociology as a conceptual framework of the study of Russian transformations : course of lectures for students of the mA-gustatory in sociology. Ed. second, fixed. and more. SPb. : Interso-CIS, 2009.
4. *Zaslavskaya T.* Sociostructural aspect of the transformation of Russian society // Socis. 2001. № 8.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Анфиногенов Василий Анатольевич

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
01vaang@mail.ru

Vasily A. Anfinogenov

Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate of NITs-2,
FKU Scientific Research Institute
FSIN of Russia,
01vaang@mail.ru

**ЦЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В МЕСТАХ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**THE VALUES OF THE CONVICTED
AND THEIR VALUE
IN THE PLACES OF DETENTION**

Аннотация. В статье рассматриваются ценности лиц, принудительно содержащихся в условиях изоляции, процесс их формирования и влияния на поведение преступников, в том числе и противоправное.

Annotation. In article discusses the values of persons forcibly kept in isolation, the process of their formation and the influence on the behavior of criminals, including unlawful.

Ключевые слова: наказание, ценности, личностные установки, преступность.

Keywords: punishment, values, personality, crime.

Известно, что потребности, интересы неразрывно связаны с ценностями, присущими осужденным. В этой связи, не уяснив смысла и содержания основных ценностей лиц, принудительно содержащихся в условиях изоляции, процесса их формирования и влияния на поведение, в том числе и противоправное, на наш взгляд, невозможно строить систему воздействия и применять ее на преступниках, особенно при ориентировании их на правомерное поведение.

ческой деятельности, его сознания, то ценностная ориентация – это осознанный выбор ценностей.

Конечно, значение ценностей может быть обусловлено не только определенными свойствами предмета, но и другими факторами: суждениями или оценками авторитетной группы или ее лидерами, а в ряде случаев просто потребностью лица. Естественно, что конкретное значение предмета, явления, деятельности возникает в тот момент, когда лицо находится с ними в определенной связи, когда, например, предмет вовлекается в процесс, направленный на удовлетворение какой-нибудь потребности. В этой ситуации и уясняется качественное значение предмета, явления или иного фактора. Уясняются его положительные или отрицательные свойства, существенные или не столь существенные с точки зрения потребности. В социальной психологии это определяется как способ дифференциации объектов по их значимости – ценностные ориентации [1, с. 389]. Они формируются в процессе усвоения социального опыта и, как следствие, обнаруживаются в целях, идеях, идеалах, убеждениях, интересах, а также других проявлениях личности.

Деградация личности, недостатки в воспитании предопределили отсутствие у осужденных многих социальных ценностей, которыми бы они дорожили, берегли их, и которые в свою очередь побуждали бы их к социально значимым и не порицаемым обществом поступкам. Отсутствие у большинства из них таких базовых ценностей, как семья, дети, друзья, интересная работа, многих духовных ценностей во многом и предопределило возникновение у них негативных потребностей.

Иными словами, к негативным последствиям изоляции относятся «...выключение осужденного из обычной жизни общества; ослабление или разрушение социально-полезных связей; формирование антисоциальных связей; своеобразное привыкание к режиму и обстановке мест лишения свободы, связанные с этим трудности социальной адаптации после лишения свободы, вызванные длительным заключением психические нарушения; распространение и навязывание преступниками друг другу обычаев, традиций, бытующих в их среде» [2, с. 225].

Ценностная ориентация неотделима от социальных ценностей. Поэтому если ценность представляет собой определенный продукт челове-

Исходя из своих личностных установок, удовлетворять такие потребности они пытались различным путем, включая и совершение преступлений. Кстати, этим объясняется и весьма высокий уровень рецидива в преступном поведении многих осужденных.

По данным нашего исследования, у 80 % рецидивистов молодежного возраста отсутствуют социально значимые ценности, которые бы

сдерживали их отрицательное поведение. На наш взгляд, это объясняется тем, что их жизненный путь еще не столь продолжителен, и за прожитый отрезок времени они не смогли усвоить или создать для себя ценности, закрепить в сознании и использовать их как источники удовлетворения своих потребностей. Видимо, неадекватная оценка ими своего жизненного пути, условий, в которых они находились, вызывает у них ощущение ущемленности, протест, озлобленность, которые иногда вымещаются на их жертвах.

Вместе с тем при анализе ценностей осужденных и их влияния на поведение преступников, на наш взгляд, представляет определенный интерес поведение лиц, которые впервые совершили преступления в зрелом возрасте, т.е. тех, чей возраст старше 40 лет.

Здесь мы наблюдаем противоположную картину: почти 90 % из них сожалеют не только о содеянном, но в большей степени об утрате тех ценностей, которыми они пользовались до наказания. Вполне понятно, что многие из них стремятся быстрее освободиться из мест заключения. Кстати, у этих лиц наблюдается весьма незначительный рецидив.

Такое поведение лиц анализируемой категории также во многом объяснимо. В частности, в его основе, на наш взгляд, лежат два фундаментальных аспекта: жизненный опыт и ценности, усвоенные ими в процессе социализации. Иными словами, возраст 40 лет и старше составляет, по меньшей мере, две трети активной человеческой жизни. За это время вполне сформировались и укоренились многие личностные качества, люди утвердились в семье, в группе, в коллективе и т.д. Таким образом, их жизненный путь в условиях свободы передвижения, общения, выбора объектов интересов и ценностей повлиял на формирование личности. В этой связи, содержание таких осужденных в условиях изоляции неизбежно влечет для них отрыв от наиболее значимых ценностей, особенно таких, как семья, дом, свобода действий и т.д. Их утрата не только переживается осужденными, но и в условиях изоляции такие ценности обретают другое содержание, поскольку условия отбывания наказания постоянно воздействуют на сознание осужденных.

В результате отдельные ценности утрачивают свою прежнюю значимость, другие, наоборот, приобретают большую значимость, и потребность в них усиливается. Такие ценности в структуре личности начинают доминировать, нередко прочно закрепляясь в сознании. Для лиц, отбывших наказание, эти ценности становятся своеобразным сдерживающим фактором в преступном поведении, так как они познали через систему ограничения истинную цену и значимость ряда ценностей.

Вместе с тем исследование показало, что отсутствие возможности по своему желанию и усмотрению удовлетворять названные ценности наиболее остро переживается большинством осуж-

денных. Поэтому названный перечень ценностей – далеко не исчерпывающий хотя бы потому, что каждый человек индивидуален и для удовлетворения своих потребностей ему необходимо очень многое.

Сколько точно? На этот вопрос даже с позиций науки ответить очень трудно, да и, видимо, бесперспективно. На наш взгляд, в таком случае удобнее всего использовать в качестве примера литературные персонажи. В частности, в рассказе «Крыжовник» устами одного из героев А.П. Чехов заметил, что «...человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего духа» [3].

Итак, исходя из анализа значимости отдельных ценностей для лиц, лишенных свободы, можно сделать вывод о том, что наказание оказывает различное воздействие на каждого осужденного, вызывает различные по глубине переживания и страдания, обусловленные, прежде всего, ценностной системой личности.

Ценностные ориентации осужденных, исходя из условий содержания, являются также важной составляющей не только в структуре поведения, но и в субкультуре осужденных. В процессе взаимоотношений между осужденными определяются не только понятия и формы общения, но и вырабатывается своя система отношений, включающая жаргонные слова, правила поведения, татуировки и т.д. Все это и многое другое весьма значимо для преступников в условиях изоляции, приобретает особую важность, поскольку помогает обезопасить себя и быть своим, то есть частью сообщества.

Бесспорно, ценности осужденных имеют и некоторый относительный характер. Они обуславливаются обстоятельствами условий мест отбывания наказания и временем, а также интересами, ценностными ориентациями сообщества. Поэтому известно, что в основе формирования у осужденных системы ценностей в качестве критерия оценки выдвигается некий общественный образ, образец, стереотип: пройдя сложный путь апробации и утверждения в сообществе, такой эталон приобретает форму правила, нормы, в некоторых случаях даже идеала и тем самым становится своеобразным регулятором неформального уклада их жизни и взаимоотношений.

Образцы, стандарты, ценности осужденных вырабатываются и функционируют в обществе осужденных весьма продолжительное время и, так или иначе, формируют свою систему оценок, необходимых и значимых именно в их среде. Господствующие в такой среде оценки ограничивают, а в необходимых случаях даже препятствуют появлению и распространению иных взглядов, оценок, например, связанных с отказом воровских традиций. Причем пресечение инакомыслия и не свойственных сообществу взглядов носит очень жесткий характер. По мнению Н. Смелзера, «... жизнь в таких условиях создает крепкие связи между обитателями подобных учреждений. Их язык, ритуалы и опыт становятся страстно защищаемой культурой» [4, с. 173].

На наш взгляд, социальная среда осужденных формирует свои группы ценностей, которые отражают ее субкультуру, исходя, прежде всего, из их реального жизненного, в том числе и преступного опыта, а также условий отбывания наказания. Бесспорно, интересы и потребности в этой среде играют далеко не последнюю роль, ибо

Литература:

1. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1985. 431 с.
2. Криминология : учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М. : Юристъ, 1995. 512 с.
3. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. М. : «Наука», 1986. Т. 10.
4. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. М. : «Феникс», 1994. 688 с.

ограниченные возможности удовлетворения потребностей, схожесть и даже совпадение многих интересов, суждений, оценок способствуют их консолидации в группы, микрогруппы, сообщества, и как следствие – формированию системы ценностей, свойственных субкультуре осужденных.

Literature:

1. The short psychological dictionary / Under a general edition. A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. M. : Politizdat, 1985. 431 p.
2. Criminology: the textbook / Under the editorship of V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. M. : Юристъ, 1995. 512 p.
3. *Chekhov A.P.* Complete works and letters in 30 volumes. Compositions. M. : «Science», 1986. Vol. 10.
4. *Smelzer N.* Sociology / translation from English / N. Smelzer. M. : Phoenix, 1994. 688 p.

Анфиногенов Василий Анатольевич

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
01vaang@mail.ru

Vasily A. Anfinogenov

Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate of NITs-2,
FKU Scientific Research Institute
FSIN of Russia
01vaang@mail.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ОСУЖДЕННЫХ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ В ЛЕЧЕБНЫХ
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**SEPARATE PROBLEMS
OF COMPLIANCE WITH
THE RIGHTS AND LEGAL
INTERESTS OF CONDEMNED,
CONTAINED IN MEDICAL
CORRECTIONAL INSTITUTIONS**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемные вопросы, возникающие в процессе реализации требований статей 79 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации и некоторых положений Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в отношении больных осужденных, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях (лечебно-профилактических учреждениях).

Ключевые слова: наказание, осужденный, поведение, отношение к наказанию.

В настоящее время в условиях современного развития общества все большее значение приобретает именно научный подход к определению целей человеческой деятельности, поскольку масштабы воздействия человека на природу и социальные процессы уже носят глобальный характер. Известно, что целями применения наказания является исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений.

В этой связи, важная роль в исправлении лиц, принудительно лишенных свободы и содержащихся в учреждениях тотального типа, отводится воспитательному воздействию. Совершенствование воспитательной работы с осужденными является одним из приоритетных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы. Работа воспитательных служб имеет важное значение в процессе дифференциации и индивидуализации исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, в том числе, в отношении осужденных, содержащихся в лечебных исправительных учреждениях (далее – ЛИУ) и лечебно-профилактических учреждениях (далее – ЛПУ).

Бесспорно, что воспитательная работа определяется целями применения наказания. Поэтому,

Annotation. The article discusses some problematic issues that arise in the process of implementing the requirements of Articles 79 and 80 of the Criminal Code of the Russian Federation and some provisions of the Criminal Executive Code of the Russian Federation regarding convicted patients kept in medical correctional institutions (medical institutions).

Keywords: punishment, convict, behavior, attitude to punishment.

не случайно, в отношении лиц, отбывающих лишение свободы и вставших на путь исправления, в действующем законодательстве предусмотрена система мер поощрения, например, таких как: изменение условий отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

Перевод осужденных в облегченные условия отбывания наказания осуществляется по решению комиссии исправительного учреждения (далее – ИУ). При этом обязательно учитывается поведение осужденного, его отношение к наказанию, наличие поощрений, отсутствие взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания, трудовая деятельность в колонии, участие в воспитательных и культурно-массовых мероприятиях, причем, как отряда, так и учреждения в целом, поддержание им социально-полезных связей с семьей, родственниками и иными лицами.

Вместе с тем, анализируя законодательство, не совсем ясно, что следует понимать под «добросовестным отношением к труду», поскольку, это можно интерпретировать и как выполнение работ в местах и на работах, определяемых администрацией исправительного учреждения, и как

выполнение работ по благоустройству исправительного учреждения и прилегающей к нему территории, а также, как выполнение каких-либо отдельных поручений сотрудников администрации. Более того, в соответствии с пунктом 142 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции РФ от 16.12.2016 № 295 (далее – ПВР ИУ), труд осужденных организуется в соответствии с медицинскими показаниями, степенью трудоспособности и возможностью их трудоустройства в условиях ЛИУ [1].

Таким образом, лица, переведенные в ЛИУ, находятся в неравных условиях с осужденными, содержащимися в других учреждениях закрытого типа, поскольку не могут быть допущены к работе по медицинским показаниям, а соответственно, не могут добросовестно относиться к труду, и, как следствие, в определенной мере лишены возможности реализовать свое право на перевод в облегченные условия отбывания наказания.

Так, согласно статистической отчетности ФСИН России в 2018 году к лицам, содержащимся в местах лишения свободы, применено мер поощрения в виде перевода в облегченные условия отбывания наказания – 36053, из них: в исправительных колониях – 31382; в ЛИУ – 2069 [2].

Похожие проблемы, в частности, при определении понятия «поведение осужденного», наблюдаются при применении к осужденным, отбывающим лишение свободы, в том числе, в лечебных исправительных учреждениях, условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

В 2018 году в ИУ содержалось 180773 осужденных, к которым могло быть применено условно-досрочное освобождение (в аналогичном периоде прошлого года (далее – АППГ) – 194560 чел.). Из них 81361 осужденный обратились в суд с ходатайствами об условно-досрочном освобождении или 45 % от имеющих право на обращение с соответствующим ходатайством (АППГ – 92038 чел. или 47,3 %). Из исправительных учреждений были освобождены 201581 осужденный (АППГ – 202437 чел.), из них условно-досрочно – 46117 осужденных или 56,6 % от количества лиц, обратившихся с соответствующими ходатайствами (АППГ – 50933 чел. или 55,3 %). В 2018 году условно-досрочно освободилось на 4817 человек меньше чем в 2017 году, или на 9,5 %. При этом доля освобожденных условно-досрочно от общего количества освободившихся из учреждений УИС составила 22,8 % (АППГ – 25 %).

Также, за указанный период времени, в ИУ содержалось 178262 осужденных, которым неотбытая часть наказания могла быть заменена более мягким видом наказания (АППГ – 181180 чел.). Из них 45295 осужденных обратились в суд с ходатайством или 25,4 % от имеющих право на обращение с соответствующим ходатайством (АППГ – 44160 чел. или 24,4 %). Заменена неот-

бытая часть наказания более мягким видом наказания 22736 осужденным, или 50,2 % от количества осужденных, обратившихся с указанным ходатайством (АППГ – 21709 чел. или 49 %) [3].

Как видно из приведенных данных, лишь около половины осужденных, к которым могло быть применено условно-досрочное освобождение, и всего лишь четверть преступников, содержащихся в условиях изоляции, которым неотбытая часть наказания могла быть заменена более мягким видом наказания, обратились в суд с такими ходатайствами.

Известно, что для применения к осужденным условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, администрация учреждения направляет в суд характеристику на осужденного, где должны содержаться сведения о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания и т.д. Однако, для того, чтобы дать наиболее полную и объективную характеристику, осужденный должен отбывать наказание в одном учреждении с момента прибытия из СИЗО до момента подачи ходатайства.

В таком случае, как тогда быть с лицами, содержащимися в лечебных исправительных учреждениях? Поскольку, ранее они отбывали наказание в других исправительных колониях, а после выявления заболевания были этапированы в ЛИУ. В этой связи, охарактеризовать таких осужденных, например, с открытой формой туберкулеза, проходящего амбулаторное лечение в ЛИУ, находящегося в стационаре ЛИУ, зачастую, представляется делом весьма сложным. Кроме того, в соответствии с пунктом 139 ПВР ИУ в период пребывания в ЛПУ осужденные, обучающиеся в общеобразовательных школах, профессиональных училищах и на курсах профтехподготовки, на занятия не выводятся. Согласно пункту 144 ПВР ИУ на осужденных, отбывающих наказание в ЛИУ, распространяются правила содержания осужденных в ЛПУ. Таким образом, администрация учреждения не имеет возможности отразить в характеристике сведения об отношении таких осужденных к учебе.

Так, в 2018 году из лечебных исправительных учреждений 3006 осужденных были освобождены условно-досрочно, 1101 осужденному неотбытая часть наказания была заменена более мягким видом наказания [2].

Безусловно, наряду с перечисленными, проблемным вопросом при направлении сотрудниками учреждения характеристики на осужденного с ходатайством об условно-досрочном освобождении является заключение администрации о целесообразности применения такой меры. Причиной такой проблемы является расплывчатость отдельных норм уголовно-исполнительного законодательства, в частности, сотрудникам администрации не совсем понятно, что понимать под «исправлением осужденного» и каковы критерии этого понятия, согласно которым администрация исправительного учреждения может дать положительное заключение.

Вместе с тем, в ходе осуществления ведомственного контроля, прокурорского надзора за выполнением требований уголовно-исполнительного законодательства, нормативных правовых актов и распорядительных документов ФСИН России, в 2018 году выявлен ряд существенных недостатков, например, таких как:

– необоснованное вынесение администрациями исправительных учреждений заключений о нецелесообразности условно-досрочного освобождения осужденных при наличии положительной характеристики;

– предоставление в характеристиках недостоверных сведений: о совершенных осужденными нарушениях установленного порядка содержания под стражей, о погашении ими исковых требований в полном объеме, об отношении к учебе и т.п. [3].

Выявленные недостатки свидетельствуют о том, что отсутствие либо искажение сведений, содержащихся в характеристике, направляемой администрацией исправительного учреждения в суд, отрицательно влияют на реализацию прав и законных интересов преступников, отбывающих лишение свободы.

Литература:

1. Приказ Министерства юстиции РФ от 16.12.2016 № 295 (ред. от 28.12.2017) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» (зарегистрирован в Минюсте России 26.12.2016 № 44930).

2. Отчет ФСИН России по форме ВРО-2 за 2018 год.

3. Об организации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания осужденных к лишению свободы, а также замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в 2018 году, о практике перевода осужденных из исправительных колоний в колонии-поселения в 2018 году: обзорное письмо ФСИН России от 13.03.2019 № исх-03-17272.

В этой связи, необходимо наиболее четко определить критерии сведений, которые указываются в характеристике, исходя, из особенностей отдельного осужденного (здоровый, получающий лечение амбулаторно, проходящий лечение в стационаре), и применительно к виду исправительного учреждения (ЛИУ, ЛПУ и т.д.).

По нашему мнению, в частности, необходимо переосмыслить и более реально подойти к определению таких понятий как «исправление осужденных», «поведение осужденных», «добросовестное отношение к труду» и т.п., что, в свою очередь, поможет сотрудникам администрации исправительных учреждений, при составлении характеристик на осужденных, необходимых для их перевода в облегченные условия отбывания наказания, направления в суд с ходатайствами осужденных об условно-досрочном освобождении либо о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, наиболее полно и объективно выразить и обосновать свою позицию по вопросам, касающимся прав и законных интересов преступников, находящихся в местах лишения свободы.

Literature:

1. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 16.12.2016 № 295 (an edition of 28.12.2017) «About the approval of Regulations of correctional facilities» (№ 44930 is registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation 26.12.2016).

2. The report of FSIN of Russia on VRO-2 form for 2018.

3. About the organization of parole from serving sentence of convicts to imprisonment and also replacements of an unexpired part of punishment with softer type of punishment in 2018, about translation practice of convicts from corrective labor colonies in colony settlement in 2018: survey letter of FSIN of Russia of 13.03.2019 № iskh-03-17272.

Анфиногенов Василий Анатольевич

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказа-
ний России
01vaang@mail.ru

Vasily A. Anfinogenov

Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate of NITs-2,
FKU Scientific Research Institute
FSIN of Russia
01vaang@mail.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ
ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБУЧЕНИЯ ЛИЦ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ
В УСЛОВИЯХ ИЗОЛЯЦИИ**

**PROBLEM ISSUES
OF THE ORGANIZATION
OF PROFESSIONAL EDUCATION
FOR PERSONS CONTAINED
IN THE CONDITIONS
OF INSULATION**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с обеспечением процесса профессионального обучения осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Annotation. The article discusses some of the problems associated with the provision of the vocational training process for convicts serving sentences in places of detention.

Ключевые слова: наказание, осужденный, образовательное учреждение, трудовая деятельность.

Keywords: punishment, convicted, educational institution, labor activity.

Реализация уголовно-исполнительной политики России на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) характеризуется, в первую очередь, гуманизацией законодательства и практики исполнения уголовных наказаний, а также обеспечением прав и законных интересов осужденных.

Вом повышения их образовательного уровня. Именно поэтому, человеку важно не только предоставить возможность получить знания, и, в дальнейшем, использовать их в качестве умений и навыков, а обеспечить их практическое применение. Иными словами, работнику необходимо оказывать содействие в приобретении профессиональных навыков с перспективой их применения [1, с. 108].

В этой связи, необходимо констатировать, что сегодня одной из задач, составляющих «мейнстрим» в условиях реформирования УИС, является организация сотрудниками исправительных учреждений профессионального обучения или среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих осужденных к лишению свободы, находящихся в условиях социальной эксклюзии, поскольку, оно выступает одним из средств исправления осужденных.

Известно, что профессиональное обучение преступников, принудительно изолированных от общества, имеет чрезвычайно сложное и разностороннее содержание. Решение вопроса обучения осужденных основывается на исследовании факторов, влияющих на возможность получения профессионального образования у определенных социальных групп, а также на процессах миграции и развития социальной структуры общества.

Как показывает практика, организация процесса получения преступниками, отбывающими наказание в исправительных колониях, профессии или специальности во многом осложняется, поскольку применение новых технологий в области обучения и специфика их применения в исправительных учреждениях не совсем проста, в том числе в силу изначально низкого образовательного уровня осужденных. Бесспорно, существующая взаимосвязь между низким уровнем образования, нравственной деградацией и преступностью говорит о необходимости всестороннего развития личности осужденных посред-

Вместе с тем, в деле организации профессионального обучения лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в современных условиях наблюдаются некоторые, и, в то же время, весьма серьезные проблемы, что, в свою очередь, приводит к тому, что из исправительных колоний освобождаются осужденные, не имеющие профессии или специальности. Наличие таких проблем обусловлено воздействием различных факторов, на наиболее важных из которых, на наш взгляд, мы остановимся, не претендуя, разумеется, на их исчерпывающее изложение.

Во-первых, профессиональные образовательные учреждения ФСИН России, доступные осужденным, на сегодняшний день не позволяют полностью охватить всех лиц, не имеющих профессии или специальности, поскольку во многих исправительных учреждениях либо не хватает учебных мест в учебных группах, либо и вовсе отсутствуют филиалы профессиональных училищ. Поэтому, осужденным приходится обучаться дистанционно, но, при условии, что в исправительном учреждении обеспечены соответствующие условия.

Во-вторых, в ряде колоний некоторых территориальных органов, по-прежнему отсутствует взаимодействие между сотрудниками отделов и служб исправительного учреждения и работниками профессиональных образовательных учреждений ФСИН. Как следствие, нет единого подхода к обеспечению процесса обучения осужденных, отбывающих лишение свободы, не имеющих профессии или специальности.

Как правило, в таких учреждениях наблюдается формальный подход при подготовке списков осужденных для зачисления на обучение в профессиональное училище, отсутствие контроля за посещаемостью осужденными занятий со стороны начальников отрядов отдела воспитательной работы с осужденными, ненадлежащая организация и осуществление надзора за осужденным во время их нахождения на занятиях в учебных классах и т.д., что, в свою очередь, неизбежно, приводит к возникновению конфликтов между сотрудниками колонии и работниками образовательных учреждений.

В-третьих, в целях обеспечения выполнения контрольных цифр приема на обучение в учебном году, многие руководители профессиональных образовательных учреждений ФСИН России зачисляются на обучение нужных им осужденных, как правило, из числа положительно характеризующихся либо из категории лиц с низким социальным статусом, которые ранее уже обучались и получили профессию или специальность, однако, положительно относятся к учебе, регулярно посещают занятия, и даже более того, оказывают определенную помощь работникам училищ. В частности, проводят ремонт учебных классов, уборку помещений после занятий и т.д.

В-четвертых, во многих профессиональных образовательных учреждениях обучение проводится лишь по отдельным специальностям, с учетом квалификации специалистов преподавательского состава, которые осуществляют такую деятельность в данном учреждении. При таком подходе закономерно возникает еще одна проблема, связанная с тем, что полученная осужденным профессия или специальность не будет востребована на имеющемся собственном производстве исправительного учреждения, следовательно, в дальнейшем, отбывая лишение свободы, он не сможет трудоустроиться и работать по полученной профессии или специальности.

Известно, что одним из средств исправления осужденных к лишению свободы, их подготовки к освобождению, а также обеспечения процесса их адаптации к обычной гражданской жизни в условиях свободы является общественно полез-

ный труд, к которому они могут привлекаться администрацией исправительных учреждений. Кроме того, не секрет, что физически здоровый человек нуждается в трудовой деятельности для поддержания нормального функционирования своего организма.

Вместе с тем, привлечение к оплачиваемому труду лиц, содержащихся в условиях изоляции, позволяет исправительному учреждению стабильно функционировать в современных условиях, обеспечивать потребности непосредственно самих преступников.

Говоря об исправительном потенциале труда, прежде всего, имеется в виду общественная сторона трудовой деятельности, поскольку последняя определяет способность труда оказывать влияние на нравственное состояние личности. Осужденные, имеющие стимулы к труду, обладающие набором компетенций необходимого уровня, делают возможным развитие производства учреждения и обеспечивают ему конкурентное преимущество на рынке.

Е.В. Емельянова справедливо отмечает, что «общественно полезный труд в педагогическом плане является организационной составляющей процесса исправления осужденных в целом» [2]. Таким образом, столь высокая значимость придается общественно полезному труду исходя из многочисленности воспитательных функций, которыми он обладает, ибо, в процессе трудовой деятельности человек совершенствует свои физические и профессиональные способности, закладывает основу в дальнейшем развитие нравственных качеств.

Нам думается, что существующая в настоящее время в исправительных учреждениях организация профессионального обучения осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, и отсутствие у администрации колоний возможности их вовлечения в трудовой процесс не позволяет эффективно закреплять у преступников трудовые навыки и, соответственно, социально адаптироваться. Более того, такое положение дел негативно влияет на состояние оперативной обстановки в колонии, создает предпосылки к росту рецидивной преступности, приводит к нарушению прав и законных интересов осужденных.

Рассматривая обозначенные выше проблемы, отметим, что результативно их можно нивелировать только системно. В этой связи, жизненно необходима четкая слаженная комплексная работа сотрудников всех отделов и служб исправительных колоний совместно с работниками профессиональных образовательных учреждений ФСИН России в процессе организации профессионального обучения осужденных, находящихся в условиях изоляции от общества, направленная на их обучение, поскольку такой подход не только позволит улучшить внутреннюю обстановку в учреждении, но и даст осужденным возможность трудоустроиться как в самом учреждении, так и за его пределами после освобождения, и, как следствие, повысить собственную социальную значимость.

Литература:

1. *Форд Г.* Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра / Г. Форд; Под. ред. В.А. Зоргенфрея. М. : Снег, 2016. 496 с.

2. *Емельянова Е.В.* Правовое регулирование и организация труда осужденных в России : учеб. пособие. М. : Форум, 2010. 156 с.

Literature:

1. *Ford G.* My life, my achievements. Today and tomorrow / G. Ford; entrance of edition of V.A. Zorgenfrey. M. : Snow, 2016. 496 p.

2. *Yemelyanova E.V.* Legal regulation and the organization of work of convicts in Russia : studies. grant. M. : Forum, 2010. 156 p.

Анфиногенов Василий Анатольевич
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
01vaang@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕРЫ ВЗЫСКАНИЯ В ВИДЕ ВОДВОРЕНИЯ В ШТРАФНОЙ ИЗОЛЯТОР В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. В статье автором рассматриваются некоторые вопросы эффективности дисциплинарного воздействия в виде водворения в штрафной изолятор, осуществляемого в отношении осужденных за совершенные ими нарушения установленного порядка отбывания наказания. Отмечаются отдельные негативные явления, связанные с применением такой меры взыскания.

Ключевые слова: наказание, осужденный, принуждение, взыскание, штрафной изолятор, убеждение, исправление.

Исправительные учреждения, являясь местами лишения свободы, имеют своей задачей обеспечить надлежащее исполнение наказания в соответствии с целями, указанными в части второй статьи 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, так, чтобы оно являлось не только карой за совершенное преступление, но и способствовало восстановлению социальной справедливости, исправляло осужденных, предупреждало совершение новых преступлений. Поэтому, применение в отношении осужденных основных средств исправления, указанных в части второй статьи 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, является важнейшей предпосылкой и первейшим условием достижения указанных целей применения уголовного наказания.

Совершенствование воспитательной работы с осужденными является одним из приоритетных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы. Работа воспитательных служб имеет важное значение в процессе дифференциации и индивидуализации исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

Практика деятельности исправительных учреждений показывает, что многие осужденные склонны к совершению правонарушений во вре-

Vasily A. Anfinogenov
Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate of NITs-2,
FKU Scientific Research Institute
FSIN of Russia,
01vaang@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE EFFICIENCY OF MEASURES OF COLLECTION IN THE FORM OF WATERING IN THE PENALTY INSULATOR IN THE CORRECTION OF CRIMINALS

Annotation. In the article, the author considers some issues of the effectiveness of disciplinary action in the form of placement in a punishment cell, carried out in respect of convicts for their violation of the established procedure for serving a sentence. Separate negative phenomena associated with the application of such a punitive measure are noted.

Keywords: punishment, convict, coercion, penalty, punishment cell, conviction, correction.

мя отбывания наказания и, находясь в условиях принудительного изолированного содержания от общества, нередко допускают их. Анализ состояния дисциплинарной практики среди осужденных к лишению свободы за 2018 год свидетельствует о росте уровня нарушений установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях УИС в расчете на 1000 человек на 3,5 % с 1192,13 до 1233,74. Уровень злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях УИС в расчете на 1000 человек составил 40,09, что на 8,1 % выше, чем в АППГ – 37,07 [1].

Как следствие, закономерно возникает необходимость применения к ним мер принуждения, в том числе, привлечения к дисциплинарной ответственности. Известно, что дисциплинарная ответственность осужденных основывается на правилах поведения, обязательных для всех лиц, отбывающих назначенное судом наказание в местах лишения свободы, регламентируемых Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений.

Анализ материалов дисциплинарной практики исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы с наглядной убедительностью показывает, что удельный вес дисциплинарных

взысканий в виде водворения в штрафной изолятор (ШИЗО) является весьма высоким в исправительных колониях практически всех видов режима. Такой вид взыскания составляет более половины от других мер, применяемых в отношении нарушителей установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в местах лишения свободы. Мера взыскания в виде водворения в штрафной изолятор применялась руководством исправительных учреждений территориальных органов ФСИН России в 52,5 % случаев от общего количества нарушений [1].

Так, согласно статистической отчетности ФСИН России в 2018 году осужденными, содержащимися в исправительных колониях, было совершено 555980 нарушений порядка отбывания наказания, из них: в колониях общего режима – 149358; в колониях строгого режима – 339760; в колониях особого режима – 30523; колониях-поселениях – 36339. За допущенные нарушения на осужденных наложено 296409 взысканий в виде водворения в штрафной изолятор, из которых: в колониях общего режима – 80587; в колониях строгого режима – 180954; в колониях особого режима – 14099; колониях-поселениях – 20769 [2].

В этой связи, на наш взгляд, необходимо отметить, что основной причиной увлечения сотрудниками исправительных учреждений этим видом взыскания является их неумение правильно сочетать в воспитательной работе, проводимой с осужденными, меры убеждения и принуждения, отсутствие во многих подразделениях комплексного подхода к исправлению правонарушителей.

Такая практика, по нашему мнению, представляет собой, в том числе, и результат влияния «старых традиций», которые до сих пор проявляются в отдельных случаях и обусловлены отсутствием четкой правовой регламентации в применении данного вида взыскания. Кстати, во многом, этим и объясняется все более усиливающийся крен в сторону применения наиболее строгих мер взыскания, особенно таких как: водворение в штрафной изолятор, перевод в помещение камерного типа и т.п., и недооценка других, менее суровых, но нередко даже более эффективных методов.

К сожалению, уголовно-исполнительное законодательство и ведомственные нормативные акты не содержат четких и ясных положений о том, когда и за какие конкретно нарушения установленного порядка отбывания наказания можно и необходимо водворять осужденного в штрафной изолятор. Как видно из изложенного, применение такого вида дисциплинарного взыскания в настоящее время является преобладающим в исправительных учреждениях почти повсеместно.

Вместе с тем, водворение в штрафной изолятор зачастую применяется без надлежащего разбора совершенного правонарушения, оценки его характера и тяжести, изучения личности осужденного и учета других обстоятельств, что, в свою очередь, приводит к некачественной подготовке

материалов, нарушению требований уголовно-исполнительного законодательства при применении к осужденным мер взыскания, и, несмотря на то, что формальное соблюдение всех необходимых процедур, например, таких как, заседание совета воспитателей отряда, причем проводимое с обязательной видеозаписью, оформление выписки из протокола и т.п., как правило, проводится, в конечном итоге, служит основанием для отмены работниками прокуратуры.

Незаконное водворение осужденных в штрафной изолятор, перевод их в помещение камерного типа, единое помещение камерного типа и одиночные камеры, привели к тому, что в 2018 году по постановлениям прокуроров в 26 территориальных органах ФСИН России из запертых помещений был досрочно освобожден 61 осужденный (АППГ – в 38 территориальных органах ФСИН России освобождено 63 осужденных). Из числа указанных лиц досрочно освобождено из штрафного изолятора – 42 осужденных, помещения камерного типа – 12, единого помещения камерного типа – 5, одиночной камеры – 2.

Основными причинами и условиями досрочного освобождения осужденных из ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ОК в территориальных органах ФСИН России явились:

- применение мер взыскания без всестороннего и объективного подхода должностных лиц к учету обстоятельств совершения нарушения, личности осужденного и его предыдущего поведения – 30 случаев или 49 %;
- неполное или юридически неграмотное оформление постановлений и документов при применении мер взыскания – 10 случаев или 16 %;
- применение мер взыскания без проведения медицинского осмотра, в том числе с нарушением порядка его проведения – 6 случаев или 10 %;
- не проведение медицинского освидетельствования на предмет употребления осужденными спиртных напитков либо наркотических средств – 3 случая или 5 %;
- несоответствие наложенного взыскания тяжести и характеру совершенного нарушения – 2 случая или 3 %;
- отсутствие письменного объяснения осужденного (акта об отказе от дачи объяснения), в том числе не предоставление возможности предоставить письменное объяснение – 2 случая или 3 %;
- нарушение тридцатидневного срока исполнения взыскания, установленного уголовно-исполнительным законодательством – 2 случая или 3 % [1].

В этой связи, совершенно справедливо можно утверждать, что чрезмерное увлечение водворением осужденных в штрафной изолятор, неправильное применение этой меры не приносят желаемых результатов и не достигают основной

цели применения уголовного наказания – исправления осужденных, поскольку сами правонарушители перестают правильно реагировать на такое взыскание, так как оно применяется слишком часто и без достаточных оснований (в том числе и вместо уголовной ответственности).

По нашему мнению, для достижения целей применения уголовного наказания начальник отряда отдела воспитательной работы с осужденными исправительного учреждения должен знать, как осужденные оценивают примененную к ним меру дисциплинарного воздействия, ибо, организация эффективного воспитательного процесса немислима без знания того, как осужденный относится к совершенному им правонарушению.

Литература:

1. О состоянии дисциплинарной практики среди осужденных, соблюдении законности при применении к ним мер взыскания в 2018 году: обзорное письмо ФСИН России от 13.03.2019 № исх-03-17244.
2. Отчет ФСИН России по форме ВРО-2 за 2018 год.
3. *Детков М.* Эффективно ли водворение в штрафной изолятор. «К новой жизни» / М. Детков, Г. Фирсов. 1976. № 11. С. 65–66.

Таким образом, водворение в штрафной изолятор нередко применяется без достаточных к тому оснований и рассматривается как «панацея от всех бед». Поэтому, правы М. Детков и Г. Фирсов отмечая, что «нельзя однозначно говорить об эффективности данной меры дисциплинарного взыскания, так как содержание нарушителей в условиях неблагоприятной среды – в штрафных изоляторах – само по себе не может привести к их исправлению» [3, с. 66]. Отсюда, в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, нарушающих установленный порядок отбывания наказания, необходимо осуществлять воздействие целой системой мер, предусмотренных законодательством.

Literature:

1. About a condition of disciplinary practice among convicts, respecting the rule of law at application of disciplinary measures to them in 2018: survey letter of FSIN of Russia of 13.03.2019 № iskh-03-17244.
2. The report of FSIN of Russia on VRO-2 form for 2018.
3. *Detkov M.* Whether settlement to the penal isolation center is effective. «To new life» / M. Detkov, G. Firsov. 1976. № 11. P. 65–66.

Бакшеев Андрей Иванович

кандидат исторических наук,
доцент,
заведующий кафедрой философии
и социально-гуманитарных наук,
Красноярский государственный
медицинский университет
им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
МЗ РФ
milena.555@mail.ru

Филимонов Владимир Васильевич

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных наук,
Красноярский государственный
медицинский университет
им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
МЗ РФ
milena.555@mail.ru

Ноздрин Дмитрий Александрович

старший преподаватель
кафедры философии
и социально-гуманитарных наук,
Красноярский государственный
медицинский университет
им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого,
МЗ РФ
milena.555@mail.ru

**АДМИНИСТРАТИВНО-
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СИБИРИ**

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые исторические процессы и изменения административно-территориальной политики Российской империи в управлении сибирским регионом в XVII–XIX вв. Проанализированы административно-территориальные реформы, которые были осуществлены в Сибири на протяжении XVIII–XIX вв. Сделан вывод о том, что для административно-территориальной политики Российской империи в Сибири были характерны излишняя централизация, бюрократизация и концентрация власти.

Ключевые слова: Сибирь, Российская империя, административное управление, административно-территориальная политика, административный центр, административная реформа, губерния, наместничество, губернатор, генерал-губернатор, городское самоуправление.

Andrey I. Baksheev

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy
and Social Sciences,
Krasnoyarsk State Medical University
of professor V.F. Voyno-Yasenetsky,
Ministry of Health of the Russian Federation,
milena.555@mail.ru

Vladimir V. Filimonov

Candidate of Philosophy,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Social Sciences
and Humanities,
Krasnoyarsk State Medical University
of professor V.F. Voyno-Yasenetsky,
Ministry of Health of the Russian Federation,
milena.555@mail.ru

Dmitry A. Nozdrin

Senior Lecturer
of the Department of Philosophy
and Social Sciences and Humanities,
Krasnoyarsk State Medical University
of professor V.F. Voyno-Yasenetsky,
Ministry of Health of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

**ADMINISTRATIVE-
TERRITORIAL POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN SIBERIA**

Annotation. The article considers some historical processes and changes in the administrative-territorial policy of the Russian empire in the management of the Siberian region in the XVII–XIX centuries. Analyzed administrative and territorial reforms that were implemented in Siberia during the XVIII–XIX centuries. It was concluded that the administrative and territorial policy of the Russian Empire in Siberia was characterized by excessive centralization, bureaucratization and concentration of power.

Keywords: Siberia, Russian Empire, administrative management, administrative-territorial policy, administrative center, administrative reform, province, governorship, governor, governor-general, city self-government.

Одним из существенных направлений осуществления реформ современной системы государственного устройства в Российской Федерации является повышение результативности деятельности администраций на всех уровнях управления. Осуществляя попытки использовать в данной сфере опыт западных стран, не стоит забывать, что у России есть собственные достижения в этой сфере. Административно-территориальная политика современной России невозможна без осознания прошлого опыта.

Актуальность данного исследования обуславливается, в то же время, необходимостью соблюдения исторической преемственности государственного развития. Изучение административно-территориальной политики Российской империи в Сибири дает возможность понять состояние в целом государственного управления, соответствие особенностей регионального управления реалиям каждого исторического периода [1]. Во все времена Сибирь, одновременно с общими для российских окраин чертами, характеризовалась и собственными, специфическими особенностями. Будучи наиболее удаленной от центральных регионов России, она отличалась как социально-экономическими, так и этно-культурными особенностями [2].

После вхождения в состав российского государства Сибирь изначально находилась в ведении Посольского приказа, а начиная с 1599 г., подобно остальным восточным регионам страны, перешла под управление Приказа Казанского дворца [3]. Процесс присоединения к России все новых территорий Сибири не прекращался на протяжении всего XVII в. В 1637 г. был создан Сибирский приказ, просуществовавший вплоть до второй половины XVIII в. Первым судьей (начальником) Сибирского приказа стал князь Б.М. Лыков. В дальнейшем на этот пост назначались наиболее значимые члены российской правящей элиты. Последним из перечня известных фамилий в 1706 г. стал М.П. Гагарин, который после административной реформы занял пост первого губернатора новообразованной Сибирской губернии [4].

Административное управление в Сибирском крае, как и в центральной России, сначала было воеводское, потом губернское по особым наказам и, наконец, губернское по Общему учреждению о губерниях. При этом основной административной единицей в Сибири, как и во всей Российской Империи, оставался уезд, которых к концу XVII в. было сформировано 20 единиц.

Особое место в административно-территориальной политике Российской империи в Сибири XVII–XVIII вв. принадлежит Тобольску, основанному еще в 1587 г., который, прежде всего, по причине своего выгодного расположения превратился в административный центр Сибирского края. В результате этого сложилось положение, когда воеводы остальных городов Сибири по предписанию центральной власти были обязаны согласовывать с тобольским воеводой все наиболее значимые местные вопросы, о чем последний информировал Москву. Статус Тоболь-

ска как основного административного центра Сибири подтверждался тем, что его воеводами становились представители элиты, близкие к правящей династии Романовых [5].

Областная реформа (1708 г.) Петра I переустроила управление Сибирским краем. Управление Сибирью из Москвы посредством Сибирского приказа являлось неэффективным, что привело к образованию среди восьми учрежденных в 1708 г. российских губерний, и Сибирской губернии, центром которой по-прежнему был Тобольск. Областная реформа не упразднила Сибирский приказ, но последний стал своего рода представительством в столице сибирского губернатора. Уездное деление губернии сохранилось, но отныне ими управляли т.н. «коменданты», которые отныне назначались не из центра, а напрямую губернатором, перед которым были и подотчетны.

Областная реформа 1719 г. приблизила местное управление Сибири к общероссийскому. В первый период реформы (1719 г.) Сибирская губерния была поделена на три провинции: Соликамскую и Вятскую в Приуралье и собственно сибирскую – Тобольскую. В свою очередь, провинции были поделены на дистрикты (уезды). В дальнейшем в 1724 г. из Тобольской провинции были выделены Енисейская и Иркутская провинции [5]. В период областной реформы 1719–1724 гг. в сибирских городах было организовано городское самоуправление (магистраты, ратуши) [5].

Сибирская губерния, вследствие значительной протяженности своей территории, была трудно управляема, что привело к передаче в 1727 г. приуральских провинций Казанской губернии. В итоге в 1736 г. Сибирская губерния была поделена на две независимые административно-территориальные единицы. Под управлением сибирского губернатора оказались Тобольская и Енисейская провинции, а Иркутская провинция оказалась в подчинении особого вице-губернатора, непосредственно подчинявшегося Сибирскому приказу. Так был заложен первый камень в фундамент разделения Сибири на Западную и Восточную [10].

Власть на уровне провинций и уездов была сосредоточена у комендантов и воевод. Собственно административное управление реализовывалось посредством провинциальной/уездной канцелярии. Низшее звено административной власти на местах представляли волостные приказные избы под руководством назначаемых воеводами приказчиков, которые осуществляли контроль над общинным крестьянским самоуправлением [6].

С 1763 г., в начальный период правления Екатерины II, вопросы управления Сибирью стали распределяться по различным соответствующим коллегиям (после 1802 г. – министерствам). Непоследовательность правительства в управлении Сибирью выражалась то в распределении региональных вопросов по разным столичным ведомствам, то в их концентрации в едином специальном учреждении – Сибирском приказе, а

позднее Сибирском комитете, каждый из которых обладал различным объемом полномочий [6].

Начало административной реформе при Екатерине II положило издание «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.). Изначально императрица решила не распространять действие этого документа на сибирский регион, однако впоследствии административное устройство в Сибири также стало определяться этим положением. Поэтому в 1782-1783 гг. в ходе осуществления административной реформы, инициированной «Учреждениями», в Сибирском крае были образованы Тобольское, Иркутское и Кольванское наместничества под управлением генерал-губернаторов, которые в свою очередь, были поделены на области.

Управление краем стало характеризоваться 4-хступенчатой системой. На верхнем уровне располагалось наместничество (генерал-губернаторство), которое осуществляло верховное руководство и надзор в целом по огромному региону; на губернском уровне (глава – губернатор) решались административно-хозяйственные, финансовые и полицейские задачи; на окраинах губерний образовывались области с соответствующими уровнями административно-управленческими функциями; на низшем уровне находилось уездное управление [7].

Следует отметить, что в фундамент губернской реформы Екатерины II были положены определенные элементы децентрализации, проявившиеся в организации и усилении роли дворянского самоуправления, определенном контроле с его стороны местной администрации, которая, как правило, была из них же и сформирована. Однако, в Сибирском крае эти элементы децентрализации были незначительными, вследствие немногочисленности собственно сибирского дворянства. Итогом стало усиление властных полномочий имперской администрации [8]. В 1796 г. произошло упразднение наместничеств и Сибирь оказалась поделенной на Тобольскую и Иркутскую губернии. Тем не менее, сибирское административное деление, при котором губернии состояли из областей, области – из уез-

Литература:

1. *Бакшеев А.И.* Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 102–110.
2. *Baksheev A.I.* Government regulations of industry in nep Russia during the period 1921–1923 and how it worked in practice with particular reference to Siberia / A.I. Baksheev, G.V. Panasenko, L.Yu. Aisner, S.V. Bershadsкая, R.P. Musat, D.V. Rakhinsky // *Opcion*. 2018. Т. 34. № 85. С. 854–867.
3. *Власть в Сибири: XVI – начало XX в.* 2-е изд., пере-раб. и доп. / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев и др. Новосибирск : ИД «Сова», 2005. 696 с.

дов/округов, а последние – из волостей, по-прежнему отличалось от общероссийского.

Значительные изменения в административно-территориальной политике произошли в правление Александра I, когда в 1805 г. Иркутское губернское правление, объединившись с казенной палатой, получило название Иркутского губернского правительства и было разделено на исполнительную и казенную экспедиции. Отдельно в Якутском крае был учрежден особый орган гражданского управления – Якутское областное правление [9]. После формирования в 1802 г. системы министерств, сфера управления в государстве разделилась по отраслевому признаку, а гражданские губернаторы перешли в подчинение МВД [10].

Летом 1822 г. Александр I подписал десять законодательных актов, составивших особое «Учреждение для управления Сибирских губерний». Согласно данному «Учреждению», азиатская часть Российской империи была поделена на Западно-Сибирское (центр – Тобольск) и Восточно-Сибирское (центр – Иркутск) генерал-губернаторства. Вошедшие в состав генерал-губернаторств губернии были поделены на округа, которые в свою очередь делились на волости и инородческие управы [11]. В каждом генерал-губернаторстве создавались свои органы управления и судопроизводства. Особенностью административного управления в Сибири стало создание при органах управления (главное, общее и частное губернские управления) коллегиальных совещательных органов в виде советов. Однако, они несколько не ограничивали единоличную власть генерал-губернаторов. Аналогичная управлению генерал-губернаторствами модель была создана и на нижестоящих уровнях: губернском и окружном.

Таким образом, можно сделать вывод, что для административно-территориальной политики Российской империи в Сибири была характерна излишняя централизация, бюрократизация и концентрация власти. В своем подавляющем большинстве высшие должностные лица Сибири превращались в подлинных хозяев региона.

Literature:

1. *Baksheev A.I.* Analysis of the problems of determining the functions of the state in the period of the NEP. // *Bulletin of the Leningrad State University*. A.S. Pushkin. 2013. Vol. 4. № 3. P. 102–110.
2. *Baksheev A.I.* Government regulations of industry in nep Russia during the period 1921–1923 and how it worked in practice with particular reference to Siberia / A.I. Baksheev, G.V. Panasenko, L.Yu. Aisner, S.V. Bershadsкая, R.P. Musat, D.V. Rakhinsky // *Opcion*. 2018. Т. 34. № 85. С. 854–867.
3. *Power in Siberia: XVI – the beginning of the XX century.* 2nd ed., Re-slave. and add. / status M.O. Aki-shin, A.V. Remnev et al. Novosibirsk : SOVA Publishing House, 2005. 696 p.

4. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / Под общ. ред. Б.В. Грызлова, Гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. М. : Объединенная редакция МВД России, 2003. 480 с.
4. Gubernia of the Russian Empire. History and leaders. 1708–1917 / under total ed. B.V. Gryzlov, ch. ed. N.F. Samokhvalov. M. : United editorial staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 480 p.
5. *Дамешек И.Л.* Сибирь в составе Российской Империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.Л. Шахеров, М.В. Шиловский. М. : Новое литературное обозрение. 2007. 368 с.
5. *Dameschek I.L.* Siberia as part of the Russian Empire / I.L. Dameschek, L.M. Dameschek, V.P. Zinoviev, A.V. Remnev, N.G. Suvorova, V.L. Shakherov, M.V. Shilovsky. M. : New Literary Review. 2007. 368 p.
6. *Коновалов И.А.* Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вестник Омского университета. 2002. № 4. С. 15–19.
6. *Konovalov I.A.* Management and administrative-territorial structure of Siberia in the XVIII century // Bulletin of Omsk University. 2002. № 4. P. 15–19.
7. *Гарашченко А.Н.* Законодательная база взаимоотношений генерал-губернаторов и гражданских губернаторов и особенности ее действия в Восточной Сибири в период от «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) до середины XIX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 118–128.
7. *Garashchenko A.N.* The legal framework for the relationship of governor-generals and civil governors and the peculiarities of its operation in Eastern Siberia in the period from the «Institution to manage the provinces of the All-Russian Empire» (1775) to the middle of the XIX century. // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2018. Vol. 14. № 1. P. 118–128.
8. *Бакшеев А.И.* Проблемы функционирования советского государственного аппарата Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1(9). С. 123–131.
8. *Baksheev A.I.* Problems of the functioning of the Soviet state apparatus of Siberia in the first half of the 1920s. // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 1 (9). P. 123–131.
9. *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 237 с.
9. *Remnev A.V.* Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of the nineteenth century. Omsk, 1995. 237 p.
10. *Бакшеев А.И.* К вопросу о характере «колониальной зависимости» Сибири в XIX – первой четверти XX вв. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–13.
10. *Baksheev A.I.* To the question of the nature of the «colonial dependence» of Siberia in the XIX – first quarter of the XX centuries. // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2016. № 1. P. 9–13.
11. *Гергилев Д.Н.* Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) / Д.Н. Гергилев, Н.С. Дуреева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 30–33.
11. *Gergilev D.N.* Features of the administrative-territorial position of Russia at the beginning of the XIX century (on the example of Siberia) / D.N. Gergilev, N.S. Dureeva // Bulletin of the Kemerovo State University. 2017. № 2. P. 30–33.

Бугаенко Юлия Юрьевна
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры
уголовного права,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
yulianzone@mail.ru

Uliya Yu. Bugayenko
Candidate of Philosophy,
lecturer of the Department of Criminal Law,
Kuban State University
Agrarian University of I.T. Trubilin
yulianzone@mail.ru

ФАКТОРЫ, СТИМУЛИРУЮЩИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

FACTORS THAT ENCOURAGE CRIMINALIZATION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE PERIOD OF SOCIAL TRANSFORMATION

Аннотация. Статья посвящена анализу источников криминализации российского общества в постсоветский период его истории. По мнению автора, этот процесс был фактически инициирован новыми элитами российского государства, создавших режим, подчинивший реформационные процессы в социуме своим удовлетворению клановых интересов. Реакцией же общества стал правовой нигилизм, девиантные отклонения в поведении индивидов, социальная аномия.

Annotation. The article is devoted to analysis of the sources of the criminalization of Russian society in the post-Soviet period in its history. According to the author, this process was actually initiated by the new elites of the Russian State, establishing the regime, subdue reformation processes in the society of their satisfaction of clan interests. The reaction of the society became the legal nihilism, deviant individuals who deviate from social anomie.

Ключевые слова: системный кризис общества, криминализация, девиантное поведение, социальная аномия, преступность, правовой нигилизм, теневая экономика.

Keywords: systemic crisis of society, criminalization, deviant behavior, social anomie, crime, legal nihilism, shadow economy.

Более чем тридцатилетний исторический путь транзиту нашей страны от эпохи тоталитаризма к цели, которую отечественные либеральные реформаторы еще в период «перестройки» определили как движение советского общества от тоталитаризма к демократии и общечеловеческим ценностям по западному образцу, привел к неожиданным для них результатам: к глубокому системному кризису, затронувшему практически все сферы жизнедеятельности государства и общества. Причиной тому, по нашему мнению, стала ситуация неопределенности, которая последовала после развала СССР, и отсутствие у российского руководства и тактики, и стратегии развития нашей страны по новому вектору, повидимому, полагавшего, что у страны достаточно ресурсов для цивилизационного рывка в новую историческую эпоху при поддержке Запада. Только повседневная реальность оказалась далекой от тех проектов, по которым, как полагали молодые реформаторы, пойдет развитие нашей страны. И одним из последствий этого системного кризиса стала криминализация государства и общества на фоне политического и правового вакуума, который выступил одним из решающих факторов этого явления. Ответственность за произошедшее мы, как и многие исследователи, возлагаем на новую

российскую власть, которая, воспользовавшись состоянием правовой неопределенности, используя полукриминальные схемы, приняла активное участие в перераспределении государственной собственности в своих клановых интересах, а фактически, в разграблении страны, в создании политического режима, ориентированного на удовлетворение потребностей государственной и региональной элиты. Остальная часть населения нашей страны довольно быстро адаптировалась к новой исторической реальности, завершив процесс криминализации России, что послужило объективным основанием для отечественных и зарубежных криминологов отнести ее к странам с высокоразвитой культурой взяточничества, коррупционного поведения, получения денежных средств незаконным путем, многочисленных «теневых» источников экономической деятельности, несоответствия декларированных расходов и имущества доходам и т.д. И эти практики оказались настолько жизнеспособными, что в первые двадцать лет постсоветского периода российской истории самостоятельные социальные действия, направленные на достижение важных жизненных целей, отстаивание значимых прав реализовывались, преимущественно, в неправовом пространстве, которое за годы реформ настолько расширилось, что для

большинства населения стало более привычным, чем правовое. Свидетельством тому стали результаты социологических исследований, проведенных исследователями восемь лет назад, в соответствии с которыми основная часть опрошенных более эффективным способом защиты своих прав (как и достижения других своих целей) в сложившихся условиях признала, скорее, обход законов, чем следование им (42 %). Значительно меньшая часть (29 %) , напротив, полагают, что «закон превыше всего». Причем, почти 70 % респондентов считали, что для защиты законных прав люди вынуждены прибегать к противозаконным действиям чаще, чем до реформ. К нашему глубокому сожалению, если современная ситуация и, в какой-то степени и изменилась, то не на столько, чтобы приводить результаты современных исследований на эту тему, что свидетельствует об адаптации основной массы населения нашей страны не только к новым условиям жизни с их «западными» правами и свободами, предполагающими рост самостоятельности и независимости индивидов. Одновременно она привела и к существенно расширившемуся неправовому пространству, которое по сей день пронизывает, по существу, все основные сферы жизнедеятельности разных социальных групп. В результате этого неправовые действия стали для одних индивидов важным способом социального продвижения, а для других – барьером адаптации к новым условиям. Они выступают важным каналом новых социальных неравенств и одним из наиболее труднопреодолимых последствий современного трансформационного процесса [1, с. 103].

К нашему глубокому сожалению, современная Россия еще не стала правовым государством[2], т.к. этот процесс осложняется продолжающимся на протяжении десятилетий возрастающим валом законов, исполнение которых является крайне затруднительным, что служит одним из источников коррупционных рисков в правоприменительной практике. По сравнению с дореформенным периодом разница заключается всего лишь в расширении свободы слова и права граждан на достоверную информацию о состоянии дел в стране, включая сведения о произволе и беззаконии в разных сферах общественной жизни и на разных уровнях иерархии. Однако высокая информированность не исключает наличия информационных «белых пятен» применительно к криминальной деятельности и вытекающей отсюда правовой беспомощности граждан. Новое институциональное пространство российского общества на протяжении десятилетий строилось на праве сильного.

Многие исследователи выражают тревогу по поводу глубокого разрыва, сложившегося между административно-правовой и социокультурной составляющими российских институтов. Многократно отмечалось, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же практики развиваются так, как если бы этих норм не было [3]. Фиксируется растущая роль теневых правил и норм в экономике, политике и в других сферах общественной жизни [4]. Утверждается, что доминирование неформальных отношений

над формальными регуляторами - главная черта, отличающая Россию от стран Центральной и Восточной Европы, и основная причина неуспеха реформ [5].

Но, по нашему мнению, нет оснований и для другой крайности – целиком списывать рост неправовых практик на закономерности переходного периода. Ведь анализ институциональных источников расширения неправовых практик свидетельствует о том, что такое расширение, неизбежное в периоды крупных социальных преобразований, в российском обществе искусственно усиливалось. Ослабление неправовых практик может быть лишь постепенным и должно произойти в результате продуманной экономической и социальной политики, которая учитывала бы интересы и возможности акторов всех уровней, способствовала бы ослаблению несоответствий, как в конфигурации новых социальных институтов, так и между отдельными элементами каждого из них.

Но не только правовой и политический вакуум привели к системному кризису российского общества. По мнению многих исследователей, причиной тому стал духовно – нравственный кризис общества, который привел его в состояние аксиологического вакуума, характеризующегося, прежде всего, общим снижением ценностного статуса морали, нравственности, размытостью ориентиров в понимании добра и зла. Упадок социального авторитета традиционных ценностей оказался сопряженным с общим разочарованием, личностной дезинтеграцией. Показательно, что подавляющее большинство населения в ходе реформ прочно утратило интерес к морально-этической проблематике, нравственным поискам. Наблюдается более снисходительное отношение и к такому противоправному поведению в социально-экономической сфере, как дача взяток и уклонение от налогов. В то же время, не следует утверждать, что трансформация моральных норм идет только по нисходящей - в сфере частной жизни некоторые моральные ограничения, во всяком случае, на вербальном уровне, приобретают большую значимость.

Аксиологический вакуум сопряжен с состоянием анонии. Это означает, что социальные регуляторы в обществе ослаблены, социальные связи ситуативны, неустойчивы, а человек изолирован и отчужден от нормальных социальных взаимодействий. Социальные установки и интересы неотрефлексированы и легко сменяемы.

Появление термина «социальная анония» в современном научном знании исследователи традиционно связывают с западными социологами Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. Характеризуя аномию как форму девиантного поведения, Э. Дюркгейм утверждает, что всплески анонии наблюдаются как в обществах, переживающих неожиданный упадок, так и процветание, ибо оба эти процесса связаны с «нарушениями коллективного порядка», когда общество оказывается временно неспособным оказывать нужное воздействие на человека [6].

Р.К. Мертон в процессе исследования культурных и социальных источников отклоняющегося поведения анализировал явление социальной аномии с позиций изучения типов приспособления к этим культурным целям и нормам лиц, занимающих различное положение в социальной структуре общества. Из пяти основных форм индивидуального представления: конформности, инновации, ритуализма, ретрицизма, мятежа только конформизм характеризуется им как эталонная, так как индивидом принимаются и определяемые культурой цели, и институционализованные средства, что характерно для стабильно развивающегося общества, в котором сеть ожиданий, составляющая каждый социальный порядок, основывается на желательном поведении членов общества, соответствующем установленным и, возможно, постоянно меняющимся культурным образцам [7, с. 289–290]. Все же остальные, по его мнению, являются источником аномии.

Итак, аномия – это состояние дезорганизации личности, возникающее в результате ее дезориентации, что является следствием либо социальной ситуации, в которой конфликт норм и личность сталкиваются с противоречивыми требованиями, либо ситуации, когда нормы отсутствуют.

Фактически, в российском обществе оказалось разрушенным единое поле нравственных ориентиров. Представления о том, что такое хорошо и плохо, что желательно и нежелательно, нравственно и безнравственно, справедливо и несправедливо – все эти и многие другие важнейшие представления оказались предельно фрагментированными и чаще всего отражали сугубо групповые интересы. В итоге, солидарность, консолидация, единство целей, взаимное доверие, открытый диалог оказались в глубоком упадке. Повсеместно и на всех уровнях господствовал принцип «каждый выживает в одиночку». Аномия – это дезинтеграция нравственных ценностей, смещение ценностных ориентаций, наступление ценностного вакуума по принципу «все дозволено». Аномия – опаснейшая болезнь, несовместимая с поступательным движением общества, болезнь, способная незаметно, но действительно разрушить изнутри любую конструктивную программу социально-экономических преобразований.

На поверхности общественной жизни аномия проявляется в виде резкого скачка ненормативного поведения – неуважения к закону, обвального распространения преступности и жестокости, роста числа самоубийств, господства группового эгоизма и равнодушия, разрушения преемственности между поколениями.

Аномия – несбалансированность нравственных, экономических, политических, культурных ценностей и поведенческих ориентации, представляет серьезнейшую проблему переходных обществ.

Общая картина социального контекста в России достаточно сложна.

Отечественные исследователи, рассматривая состояние современного российского общества в переходной период как близкое к аномии, обращаются к концептам крупнейших зарубежных социологов. Так, А.Ф. Филиппов утверждает, что для разъяснения сути аномии вообще и аномии в России в частности удобно использовать термин «гетеротопия», введенный М. Фуко. В этом смысле аномия представляет собой нахождение сразу в нескольких социальных пространствах, предполагающих разные модели действия. В России на рубеже тысячелетий человек оказался именно в такой ситуации, и аномия выразилась для него в потере или размывании идентичности.

В условиях России проблема аномии приобрела особенно запутанный характер в силу того, что аномия, в классическом ее понимании, накладывается на, своего рода, базовую асоциальность, связанную с ослаблением фундаментальных моральных норм и ценностей, без которых общество не может нормально существовать и в нем не может поддерживаться социальный порядок [8].

Таким образом, социальная аномия стала следствием неспособности достаточно широких слоев российского общества к принятию идейно размытых, законодательно и социально не отрегулированных образцов рыночной демократии. Ни один из созданных в этих условиях социальных и политических институтов не оказался способным заполнить духовный вакуум, возникший в индивидуальном и массовом сознании, что, несомненно, спровоцировало социальную аномию, а как следствие – и социальную апатию, парализующую волю человека и делающего его объектом пристального внимания тоталитарных сект, политических, националистических, клерикальных фундаменталистов и, конечно же, организованной преступности.

Важнейшим проявлением аксиологического вакуума и аномии является рост неправового поведения и соответствующих мотиваций в сфере межнациональных, межэтнических отношений. Принципы правового отношения к представителям иных этносов, издавна живущих на территории России, на определенное время оказались вытесненными регрессией к господству примитивных правил различения своих и чужих, друзей и врагов, «тех, кто против нас» и «тех, кто за».

Примитивный национализм и ксенофобия, без сомнения, стали реакцией на разрушение национальной самобытности, уничтожение национального достоинства, национальной гордости. Это стало следствием тотальной маргинализации общества. В самом деле, «маргинал, – как считает французский социолог А. Фарж, – калека средисебе подобных – человек с отсеченными корнями, рассеченный на куски в самом сердце родной культуры, родной среды» [9, с.146].

В современном российском обществе, бесспорно, прослеживается ситуация, где количество девиантных форм поведения остается на чрезвычайно высоком уровне. Формы поведения,

особо нарушающие нормы, можно разделить на две группы: во-первых, традиционные, на протяжении десятилетий или, скорее, столетий с высокой частотой наблюдаемые в жизни общества. Их можно назвать формами поведения, имеющего самоуничтожающий эффект (алкоголизм, самоубийство и частично психоневротические отклонения). Настораживает не только значительное число фактов девиантного поведения, но и тенденции его изменения [10].

Большинство криминологических и социологических концепций объясняет распространение форм девиантного поведения, в конечном счете, степенью интегрированности общества, причем, ее недостаточность выражается, прежде всего, в социальной аномии [11, с. 77]. Дюркгейм характеризовал последнюю как состояние отсутствия ценностей на стыке между изжитой старой и несформировавшейся неорганической новой структурой норм и ценностей, в рамках которой индивиды буквально не знают, что хорошо и что плохо, что допускается и что нет. Мертон описывает эту общественную ситуацию как расхождение общественных требований, культурно принятых жизненных целей с имеющимися в распоряжении средствами, Дарендорф связывает ее с ослаблением общественных привязанностей, Макайвер — с ослабленными социальными и эмоциональными контактами, Хабермас — с противоречием, сложившемся между интеграцией режима и культурной интеграцией (идентификация с общественным устройством, его легитимация). В каждой из этих версий встают проблемы интегрированности, дееспособности, организованности и предсказуемости общества.

Аномия, как известно, усиливается в период реорганизации общества, а именно в связи, как с общественными регрессиями, так и с прогрессивными процессами. Развитие российского общества за последние полтора столетия было историей аномийных общественных состояний. Общественная дезинтеграция носила почти постоянный характер, что проявлялось, с одной стороны, в макросоциальных процессах (в структуре, мобильности, в системе ценностей, культуре и т.д.), а с другой стороны, в микросоциальной сфере (в образовании, семье, в приватной сфере, вере, в мире труда и т.д.). Аномийное состояние общества в макро- и микросфере возникает почти всегда одновременно, очень редко случалось так, чтобы хотя бы один из этих уровней усиливал общественную интегрированность. Аномийные ситуации глубоко пропитывали структуру общества. Ценностные и нормативные кризисы, отсутствие средств, необходимых для претворения культурных целей, общественные легитимации, как правило, не оставались на уровне общественного сознания, но объективировались в структуре учреждений общества, его построении и механизме действия и поэтому органически вращались в макроструктуру общества [12, с. 76].

Литература:

1. Архипова Н.Ю. Социетально-архетипические факторы правового поведения. Ростов-н/Д., 2003.

Таким образом, проанализировав деформации и кризисные явления в транзитивном российском обществе, мы пришли к выводу о том, что в России в результате происшедших перемен отчетливо проявились практически все признаки правового и нравственного нигилизма: неуважение к закону, праву, общепринятым социальным нормам. Значительная часть населения оказалось не готовым слепо следовать существующему законодательству. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, правовая культура современного российского общества демонстрирует наличие деформаций, связанных, в первую очередь, с утратой основных аксиологических различий, что свидетельствует о медленном выходе общества из состояния общего социокультурного кризиса. Деформация базовых траекторий социального пространства проявилась:

— в криминализации индивидуального и массового сознания и поведения;

— в росте преступности и изменении ее структуры в сторону криминализации всех без исключения возрастных, гендерных и профессиональных групп;

— в падении общественного интереса к моральной проблематике, ранее составлявшего традиционную особенность отечественного менталитета;

— в росте аморальности и безнравственности;

— в распространении на все общество ценностей и норм криминальной субкультуры;

— в развитии правового нигилизма на всех социальных уровнях.

Завершающийся тридцатилетний период постсоветской истории нашей страны, несмотря на положительные перемены в организации политической, правовой, социально — экономической жизни государства и общества, вызывают у многих представителей юридического сообщества чувство искренней тревоги за состояние правового порядка, высокий уровень реальной и латентной преступности, вызванных достаточно долгим периодом политической, правовой и социально — экономической нестабильности.

Отрадным для нас является лишь тот факт, что в последнее десятилетие наметились тенденции духовно — нравственного оздоровления общества, роста гражданской активности населения, не желающего мириться с коррупцией, преступностью во властных структурах, некомпетентностью в управленческой деятельности, на преодоление которых государство и общество направляет реальные усилия.

Literature:

1. Arkhipova N.Yu. Societalno-archetypal legal behavior factors. Rostov-on/D., 2003.

2. Александров В.А. Современная Россия – что это такое? URL : <http://www.politcenter.ru/discussion/dl70503/alexandrov170503.htm>
3. См., например, Трансформация экономических институтов в постсоветской России / Под ред. проф. Р.М. Нуреева. М. : МОНФ, 2000; Шабанова М.Л. Социология свободы: трансформирующееся общество / М.Л. Шабанова; Под ред. акад. Т.Н. Заславской. М. : МОНФ, 2000; Теневые отношения. Pro et Contra, зима 1999. М.; Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред Т. Шанина, М. : «Логос», 1999.
4. Рывкина Р.В. От теневой экономики к теневому обществу // Pro et Contra. Зима, 1999. С. 25–39; Клямкин И.М. Теневое общество / И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев. М., 2000.
5. Капелюшников Р.И. Где начало того конца?.. (к вопросу об окончании переходного периода в России // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 138–156.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 186–201.
7. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология. Хрестоматия / Р.К. Мертон; Сост. Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая. М., 2003.
8. Рачипа А.В. Обыденное правосознание населения среднего города России: социоструктурный аспект. Ростов-н/Д., 2004.
9. Опыт словаря нового мышления: 50/50 / Под общ. ред. Ю. Афанасьева. М. : Ферро. М., 2009.
10. Попов М.Ю. Социальные девиации в структуре процесса социализации личности в современном социуме // Евразийские исследования: актуальные проблемы и перспективы развития : коллективная монография. Ереван – Арзамас, 2013.
11. Овчинников А.И. Глобализация и идея универсального правопорядка в современном юридическом мышлении // Журнал «Правовая политика и правовая жизнь». 2014. № 2(15).
12. Самыгин П.С. Отчуждение права как социальный феномен современной России // Юридический вестник. 2003. № 1.
2. Aleksandrov V.A. Modern Russia-what is it? URL : <http://www.politcenter.ru/discussion/dl70503.htm>
3. See, for example, transformation of economic institutions in post-Soviet Russia / Ed. Prof. P.M. Nureyev. M. : MPSF, 2000; Shabanova M.L. Sociology of freedom: transforming society / M.L. Shabanova; Ed. akad. The so-called T.N. Zaslavskaya. M. : MPSF 2000; Shadow relations. Pro et Contra. M., winter 1999; Informal economy: Russia and the world / Edited by t. Shanina. M. : «logos», 1999.
4. Ryykina R.V. From shadow to shadow economy society//Pro et Contra. Zima 1999. P. 25–39; Klyamkin I.M. Shadow society / I.M. Klyamkin, L.M. Timofeev. M., 2000.
5. Kapelushnikov R.I. «Where the beginning of the end? (to a question about the end of the transition period in Russia // Questions of economy. 2001. № 1. 138–156.
6. Durkheim E. Suicide. Sociological etude. M., 1994. P. 186–201.
7. Merton R.C. Social structure and anomie // Sociology. Anthology / R.C. Merton; Originators Yu.G. Volkov, I.V. Mostovaya. M., 2003.
8. Rachipa A.V. Everyday awareness of the population of the Middle cities of Russia: sociostrukturnyj aspect. Rostov-on/D, 2004.
9. The experience of the new dictionary thinking: 50/50/AGG. Ed. Y. and m. Afanasyeva. M. : Ferro, 2009.
10. Popov M.U. Social deviation in the structure of the socialization process of the individual in contemporary society // Eurasian Studies: actual problems and perspectives of development : Collective monogafija. Yerevan-Arzamas, 2013.
11. Ovchinnikov A.I. Globalization and the idea of a universal rule of law in contemporary legal thinking // Magazine «legal policy and legal life». 2014. № 2(15).
12. Samygin P.S. Exclusion law as a social phenomenon of modern Russia // Law Gazette. 2003. № 1.

Ватутина Оксана Юрьевна
аспирантка кафедры
уголовно-процессуального права
и криминалистики,
Санкт-Петербургский
государственный университет
avalkg3@gmail.com

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПРОСА СПЕЦИАЛИСТА В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. В статье рассмотрена специфика допроса специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам. Автором выявлено соотношение сходств и различий между такими процессуальными действиями, как допрос специалиста, допрос эксперта и допрос сведущего свидетеля, в результате чего установлено самостоятельное значение допроса специалиста при судебном рассмотрении уголовных дел. Дана оценка теоретическим и практическим взглядам на проблему привлечения в судебное разбирательство специалиста стороной защиты (адвокатом-защитником). Представлено обоснование значимости достоверных и заведомо ложных показаний специалиста в судебном разбирательстве по уголовным делам.

Ключевые слова: допрос, специалист, эксперт, сведущий свидетель, заведомо ложные показания специалиста.

3 аключение и показания специалиста являются одним из новейших видов доказательств, введенных в российское уголовно-процессуальное законодательство в 2003 году. Показания специалиста, в соответствии с ч. 4 ст. 80 УПК РФ – это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных знаний. То есть, допрос специалиста, в первую очередь, направлен на получение сведений (показаний) от лица, обладающего специальными знаниями. Представляется, что подобное понимание сути допроса лица, обладающего специальными знаниями, можно распространить и на допрос эксперта, поскольку, его показания – это также сведения, сообщенные им на допросе, в целях разъяснения или уточнения данного экспертом заключения, то есть, с применением специальных знаний, которыми обладает эксперт.

Однако, несмотря на внешнюю схожесть двух процессуальных действий, законодатель отграничивает допрос специалиста от допроса эксперта. Допрос эксперта – это самостоятельное следственное действие, предметом которого

Oksana Yu. Vatutina
Post-graduate Student
of the Department of Criminal Procedure Law
and Criminology,
St. Petersburg State University
avalkg3@gmail.com

ISSUES OF EXAMINATION OF AN EXPERT IN PROCEEDINGS IN CRIMINAL MATTERS

Annotation. The article deals with the specifics of the interrogation of a specialist in criminal proceedings. The author reveals the correlation of similarities and differences between such procedural actions as interrogation of a specialist, interrogation of an expert and interrogation of a competent witness, as a result of which the independent significance of interrogation of a specialist in criminal cases is established. The assessment of theoretical and practical views on the problem of attracting a specialist to the trial by the defense (lawyer-defender) is given. Presents a study of the significance of true and false testimony of the expert in judicial proceedings in criminal cases.

Keywords: interrogation, specialist, expert, expert witness, false testimony of a specialist.

является исключительно содержание данного им заключения. В то время как допрос специалиста возможен и без составления заключения, то есть, во время допроса, специалист высказывает свое суждение или мнение по вопросам следователя или суда после изучения представленных ему предметов, документов или веществ [6, с. 175]. Таким образом, здесь усматривается терминологическое различие в нормативных определениях заключения эксперта и заключения специалиста [2, с. 503]. В то же время, на наш взгляд, положения о допросе эксперта могут быть в равной степени применимы и к допросу специалиста, поскольку процессуальные роли эксперта и специалиста во многом сливаются, вне зависимости от различий в статусе данных процессуальных фигур, обусловленных, в том числе, возможностью (отсутствием таковой) проведения исследования.

Это прослеживается, в том числе, в распространенном взгляде, сторонником которого является Головкин Л.В. об акцессорной природе показаний эксперта и показаний специалиста, которые как

особенные виды доказательств не могут существовать «вне заключений», то есть, всегда следуют за соответствующим заключением, дополняя их [2, с. 508]. С подобной точкой зрения трудно согласиться в полной мере, поскольку в настоящее время судебная практика имеет далеко не единичные примеры использования показаний специалиста, данных им в судебном заседании во время допроса, без подготовки им предварительного заключения. И в данном случае, мы говорим именно о специалисте, действующем на основании ст. 80 УПК РФ, а не о специалисте в традиционном понимании, принимавшем участие в следственных действиях.

В то же время, взгляд на проблему допроса специалиста, в прямой взаимосвязи с данным им заключением согласуется с мнением некоторых авторов, утверждающих о наличии процесса определенной унификации в уголовно-процессуальной науке, что позволяет применять положения о допросе эксперта к допросу специалиста, получению показаний специалиста. Данная позиция может быть дополнительно подтверждена и тем обстоятельством, что, например, Европейский Суд по правам человека не воспринимает российских различий между процессуальными фигурами эксперта и специалиста, называя их в своих решениях либо экспертами, либо специалистами вне связи с российскими профессиональными тонкостями. Это объясняется как «сложностями перевода», так и влиянием законодательства зарубежных стран, в большинстве из которых нет четкой границы между понятиями «эксперт», «специалист», а так же показаниями сведущего свидетеля.

Поскольку «сведущего свидетеля» в уголовно-процессуальном праве России можно рассматривать как историческую форму специалиста, то к его (специалиста) допросу, по мнению Попова Д.В., в равной степени могут быть также применимы положения о допросе «сведущего свидетеля», распространенные в науке советского уголовного процесса 20–30 годов XX века. Так, при допросе сведущих свидетелей выясняются конкретные обстоятельства дела (и в этом их отличие от экспертов), но ценность которых повышается из-за того, что специальные знания и познания дают им возможность более точного наблюдения и изложения наблюдаемого [5, с. 29].

То есть, на наш взгляд, следует согласиться с Поповым Д.В., который демонстрирует другое понимание сути допроса специалиста как сведущего лица в сравнении с допросом сведущего свидетеля, поскольку специалист, в отличие от свидетеля, пусть и сведущего, не является очевидцем обстоятельств совершенного преступления. Поскольку специалист не только не проводит исследование как эксперт, не является очевидцем как сведущий свидетель, и как уже было сказано выше, высказывает свое суждение по известным ему вопросам, на практике, он, в отличие от сведущего свидетеля, зачастую привлекается в судебное следствие с целью оценки заключения эксперта, содержащегося в конкретном деле. Таким образом, вне зависимости от существующей дискуссионности вопроса о само-

стоятельной значимости института специалиста, на сегодняшний день, он, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Допрос специалиста, в свою очередь, создает особую форму состязательности уголовного процесса с учетом того обстоятельства, что в подавляющем большинстве случаев, подобный допрос – инициатива стороны защиты.

Сама форма допроса специалиста, привлеченного стороной защиты для оценки экспертного заключения, содержащегося в деле, имеет свою специфику. В таких случаях допрос специалиста, чаще всего, исключает стадию свободного рассказа и осуществляется в вопросно-ответной форме. К основным вопросам при допросе специалиста также можно отнести:

- определение пригодности объектов для экспертного исследования;
- соответствие примененных методик исследования стандартам экспертизы;
- вопросы о наличии ошибок в собирании (обнаружении, изъятии и фиксации) объектов экспертного исследования;
- установление необходимости дополнительных материалов для объективного экспертного исследования;
- установление наличия либо отсутствия взаимообусловленности выводов и исследовательской части экспертного заключения [1, с. 38].

Помимо прочего, допрос специалиста способен выявить правильность выбора экспертного учреждения (эксперта) для проведения экспертизы либо установить факты выхода эксперта за пределы своих полномочий при проведении экспертного исследования.

Однако в этой связи выявляется дополнительная проблема, связанная с заведомо ложными заключениями, показаниями специалиста, в качестве которых рассматривается сознательное искажение фактов либо умолчание о них, как отраженное в заключение специалиста, так и данные специалистом при допросе. Безусловно, подобные действия (бездействие) лица, обладающего специальными знаниями, образуют деяние, предусмотренное ст. 307 УК РФ, однако, привлечено лицо к ответственности может быть только в случаях, когда это установлено судебным постановлением [7, с. 285]. То есть, показания, заключение специалиста как доказательство, не только не лишено вероятности быть «опороченным», но и, напротив, имеет больше вероятности быть «обвиненным» в ложности ввиду его «популярного» способа появления в процессе по инициативе стороны защиты. Несмотря на то, что особого различия в круге лиц, которые могут привлекать специалиста в сферу уголовного судопроизводства нет, так как обе стороны имеют право в случае необходимости обращаться за помощью к сведущему лицу [3, с. 115], позиция «двойных стандартов» в отношении доказательств, собранных и приобщенных стороной защиты, не изжила себя до настоящего времени.

Ссылка же на такой мотив дачи заведомо ложных показаний заключения специалиста, как корысть, широко распространена как в судебной практике, так и в научной литературе. Для сторонников подобной точки зрения, наличие мотива корыстных побуждений напрямую обусловлено наличием договорных отношений между защитником и привлеченным им специалистом, поскольку, специалист действует, как бы, «по заказу» частных лиц. Распространенность подобных взглядов подтверждается, в том числе, выводом судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в соответствии с которым заключение комиссии специалистов не является допустимым доказательством, поскольку оно дано по запросу стороны защиты, сделанному вне рамок предварительного следствия и судебного заседания, а поэтому не может использоваться в качестве доказательства [4, с. 111]. На это же указывает Головкин Л.В., отмечая, что получение заключения специалиста происходит вне рамок следственного действия, поскольку является результатом активности сторон, самостоятельно оплачивающих работу специалистов. Однако вызов специалиста для дачи показаний и предупреждение его об уголовной

Литература:

1. Веренич И.В. Допрос эксперта и специалиста при расследовании преступлений в сфере строительства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С. 36–40.
2. Курс уголовного процесса / Под ред. д-р юрид. наук, проф. Л.В. Головкин. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. 1280 с.
3. Дьяконова О.Г. Заключение и показания эксперта и специалиста // Бизнес в законе. 2008. № 1. С. 114–116.
4. Жеребцова Т.И. Заключение специалиста и показания специалиста // Бизнес в законе. 2010. № 2. С. 110–112.
5. Попов Д.В. Показания специалиста как сведущего свидетеля // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1(15). С. 28–32.
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М. : НОРМА, 2005. 655 с.
7. Спектор Л.А. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод как препятствие осуществления правосудия // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 284–287.

ответственности по ст. 307 УК РФ, а так же постановка перед ним различных вопросов, в том числе о примененных научных методиках, становится достаточно надежным стимулом надлежащего выполнения последним своих процессуальных обязанностей [2, с. 510].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что, в отличие от сведущего свидетеля и от эксперта, что, на наш взгляд, имеет самостоятельное процессуальное значение. Однако регламентация отличий между этими процессуальными фигурами не влияет на возможность применения положений о допросе эксперта к допросу специалиста, поскольку только в результате допроса могут быть получены показания, как эксперта, так и специалиста. Напротив, мы считаем избыточной попытку некоторых авторов включить в уголовно-процессуальный кодекс РФ отдельные положения о допросе специалиста, поскольку действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ прямо предусмотрен такой способ получения показаний специалиста как допрос, а также выделен особый предмет допроса – обстоятельство, требующие специальных познаний.

Literature:

1. Verenich I.V. Interrogation of an expert and specialist in the investigation of crimes in the field of construction // Proceedings of the Russian state pedagogical University. A.I. Herzen. 2008. P. 36–40.
2. Course of criminal proceedings / Under edition of the doctor of jurisprudence, professors L.V. Golovkin. 2nd ed., Rev. M. : Statute, 2017. 1280 p.
3. Dyakonova O.G. Conclusions and indications of the expert and the expert//Business in the law. 2008. № 1. P. 114–116.
4. Zherebtsova T.I. Expert Opinion and expert testimony // Business in law. 2010. № 2. P. 110–112.
5. Popov D.V. Expert Testimony as a competent witness // Legal analytical journal. 2006. № 1(15). P. 28–32.
6. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. M. : NORMA, 2005. 655 p.
7. Spector L.A. Knowingly false testimony, expert opinion, specialist or incorrect translation as an obstacle to the implementation of justice // Gaps in Russian legislation. 2009. № 4. P. 284–287.

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
 доктор юридических наук,
 профессор,
 начальник кафедры уголовного права
 и криминологии,
 Краснодарский университет МВД России
 Milena.555@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
 Doctor of Jurisprudence,
 Professor,
 Chief of Department
 of Criminal Law and Criminology,
 Krasnodar Ministry of Internal
 Affairs University of Russia
 Milena.555@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА БРОДЯЖНИЧЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

CHARACTERISTICS OF VAGRANCY AS A SOCIAL PHENOMENON

Аннотация. В статье рассмотрена характеристика такого социального явления, как бродяжничество. В ней раскрыто понятие «маргинальность» с позиции социологии, политологии и криминологии, кроме того, определены факторы, способствующие бродяжничеству, и дана классификация лиц, занимающихся бродяжничеством.

Annotation. The article considers the characteristic of such social phenomenon as vagrancy. It reveals the concept of «marginality» from the perspective of sociology, political science and criminology, in addition, the factors contributing to vagrancy and the classification of persons involved in vagrancy.

Ключевые слова: криминология, виктимология, бродяжничество, маргинализация, маргинальность.

Keywords: criminology, victimology, vagrancy, marginalization, marginality.

Согласно Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод 1950 года, Федерального Закона России «О ратификации Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 года и Протоколов к ней» от 30.03.1998 г. № 54 ФЗ, а также Конституции РФ, каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность, свободу передвижения и на свободный выбор места проживания [1].

Проблема маргинализации личности существовала на разных исторических этапах развития общества и была непосредственно связана с общественными процессами. Определяя тот факт, что маргинализация присуща всем типам государств на протяжении всего существования человеческой цивилизации, однако, можно констатировать, что она особенно актуализируется на переходных этапах общественного развития.

Права человека – это общечеловеческая ценность, которую нельзя рассматривать с позиции интересов какого-либо класса или государства, измерять количественными и формально определенными показателями. Права человека – это возможности, которые являются необходимыми для его нормального (при определенных конкретных исторических условиях) существования и развития, объективно обусловленные уровнем развития человечества и должны быть общими и равными для всех людей.

В западноевропейской истории такое явление было следствием общественных противоречий. Возникла своеобразная «болезнь духа», классовое деление общества на богатых и бедных [2].

Сегодня в обществе существует определенная доля населения, которая не имеет возможности надлежащим образом реализовать свои права и свободы, удовлетворить потребности и законные интересы, которые в большинстве своем считают, что предписания нормативно-правовых актов можно не соблюдать, поскольку их права нарушают другие члены общества. Указанные свойства характерны для маргинальной категории лиц.

Сегодня все больше людей оказываются в проблемных ситуациях, переходя в категорию лиц, относящихся к группе риска. Это категория людей, чье социальное положение по тем или иным причинам не имеет стабильности, которые не могут в одиночку преодолеть трудности, возникшие в жизни; все это в результате может привести к потере ими социальной значимости, духовности, морали и т.д.

Таким лицам свойственно маргинальное поведение. Когда маргинальные формы поведения не только стремительно распространяются, но и приобретают особые черты, что приводит к противоправным, в том числе и преступным, действиям. Следует отметить, что такое поведение превращают и самого человека в потенциальную жертву.

Маргинальность – это глобальная проблема, которую нужно решать всему обществу. Ее причины постепенно будут исчезать, но на их месте будут появляться новые, а потому существует и будет существовать необходимость дальнейших фундаментальных исследований этой проблемы.

Маргинальность является одним из дисфункциональных явлений, препятствующих нормальной деятельности социума, формированию конструктивных и плодотворных социальных отношений. Так, типичной чертой социальных практик маргиналов является снижение уровня социальных потребностей, примитивизация их образа жизни и мышления. Главный признак маргинализации, это разрыв связей – экономических, социальных и духовных [3].

В социологии, политологии и криминологии существуют различные трактовки категории «маргинал». Так, в социологии маргиналами определяют лиц, которые потеряли социальные связи с окружением, не смогли приспособиться к социальным изменениям и не могут адаптироваться в обществе. В связи с этим, они занимают социальным паразитизмом. Для них характерны такие черты, как неуверенность в себе и недоверие к другим, попытка переложить свои проблемы на более успешных.

Политологи определяют маргиналов как лицо или группу лиц, которые пренебрегают обществом или общество презирает их, вследствие чего они выходят за рамки характерных для данного общества объединений, норм и традиций. Маргинальность является выражением специфических отношений с существующим общественным строем.

Криминологи под маргиналами понимают социально неустойчивых лиц, к которым относят тунеядцев, нищих, бродяг, алкоголиков, наркоманов, ведущих паразитический образ жизни, ранее судимых и т.п.

Анализируя взгляды относительно определения маргиналов, следует отметить, что маргинал – это лицо, которое находится на границе различных систем и культур. К этой категории населения относятся лица, занимающиеся бродяжничеством.

Бездомность

По мнению социологов, бездомность – это отсутствие постоянного места жительства у граждан и семей, что делает невозможным как ведение оседлого образа жизни, так и полноценного социального функционирования. Бездомность по своему характеру является определенным видом социальной патологии. Бездомными могут быть успешные в профессиональной деятельности граждане. Это социальная группа, которая характеризуется собственной идентичностью. Это означает, что бездомные не просто лишены жилья, но и не имеют социальной роли (не имеют дружеских, семейных, профессиональных связей), «выпадают» из общепринятых социальных отношений [4].

Бездомные – это группа лиц, которая характеризуется отсутствием жилья, дома – ни собственного, ни служебного, ни арендованного или временно жилья, предоставленного в пользование родственниками, друзьями или знакомыми. Именно этот признак отличает бездомных от других слоев населения. Однако само по себе отсутствие жилья у человека еще не делает его бездомным. Известно, что, например, кочевники, цыгане, не рассматриваются как таковые, поскольку они принадлежат к социальным группам и ведут соответствующий образ жизни. Люди, которые ведут кочевой образ жизни, «вписаны» в систему своей общины, которая закрепляет за ними определенный статус. Отсутствие постоянного жилья становится решающим фактором лишь тогда, когда нет инстанции, которая бы присвоила им социальную роль в системе общественной занятости, семье, общине [5]. Социальная роль характеризуется закреплением определенного положения, которое занимает конкретный индивид в системе общественных отношений. Межличностные отношения не всегда предполагают симметричную, актуальную взаимность между людьми, но всегда сохраняется реальная возможность личностного отношения со стороны партнера. То есть, такие отношения могут быть непосредственными или опосредованными, контактными или бесконтактными, одновременными или отсроченными, множественными или единичными, но в них всегда сохраняется действительная возможность взаимности [6].

На сайте Федеральной службы государственной регистрации опубликованы данные последней полномасштабной переписи населения, которая проводилась в 2010 году. По ее данным количество бездомных в нашей стране превышает 64 тыс. человек. Многие эксперты полагают, что реальное количество людей, живущих на улице, около 4,5 млн человек. Однако очевидно, что подсчитать точное количество таких людей невозможно, поэтому эта цифра даже не является примерной.

Латентная статистика очень опасна, ведь реальное состояние проблем остается неизвестным. Статистические данные, а также отдельные исследования, которые проводились государственными органами и общественными организациями, не дают общей картины проблемы. Лица, занимающиеся бродяжничеством, не всегда желают регистрироваться в центрах учета. Эта ситуация обуславливает наличие противоречий относительно их численности. Подобная ситуация существует и в других странах из-за отсутствия объективного статистического учета данной категории населения. Разная оценка масштабов бездомности связана с тем, что в одном случае учтены «бездомные» (бомжи), а в другом – «бездомные де-юре».

Большинство европейских стран имеют и постоянно обновляют базы данных о состоянии бездомности. Однако на сегодня даже они не имеют единого подхода к созданию информационных систем в отношении бездомности, используются различные системы сбора информации, вклю-

чающих различные характеристики как сервисных организаций, так и самих бездомных.

Например, по определению Польского комитета социальной помощи, бездомный – это польский гражданин, находящийся на территории Польши, который не имеет помещения для места, соответствующему жизненным условиям, а также человек, который по различным условиям не может пользоваться имеющимся у него местом жительства [7].

К негативным факторам явления бездомности следует отнести следующие тенденции:

1) ухудшение криминогенной обстановки;

2) осложнение санитарно-эпидемиологической ситуации, особенно в районах массового скопления людей (вокзалы, общественный транспорт, рынки). Согласно статистическим данным почти каждый третий бездомный болеет трофическими язвами конечностей – это одно из заболеваний людей, вынужденных большую часть жизни проводить на улице – в мороз и дождь. Каждый десятый страдает туберкулезом легких. Ежегодно сотни бездомных и голодных погибают от холода. Все это ставит перед обществом серьезную проблему: как помочь этим людям, лишенным не только жилья, но и зачастую возможности заработать на жизнь, которые погибают от голода, холода и болезней;

3) рост детей «бомжей», которые сбежали из неблагополучной семьи, воспитательного учреждения.

Наряду с категорией «бездомность» рассматриваются по значению такие смежные категории, как: «бомжевание», «попрошайничество», «безнадзорность». Исследуя проблему бродяжничества и определения категории «лицо, занимающееся бродяжничеством», мы предлагаем рассмотреть каждое явление.

С 70-х годов XX века стали употреблять термин «бомж» (без определенного места жительства).

Лица без определенного места жительства представляют собой определенную группу населения, для которой характерно уклонение от общественно-полезного производственного труда, отсутствие постоянного места жительства и регистрации по месту жительства. Как правило, для этих лиц характерно то, что они не имеют средств для существования, семейных и социальных связей, трудовых отношений.

К указанным лицам относятся лица, не признанные в установленном законом порядке переселенцами и нетрудоспособными. Отсутствие у граждан регистрации, освободившихся из мест лишения свободы, выпускников детских домов также включаются в группу лиц без определенного места жительства [8].

Рассматривая лиц без определенного места жительства по уличной иерархии или территориальной принадлежности, А.Б. Шефтель и В.А. Шаховская разделяют их условно на классы:

1) малочисленный класс – это «элита». Они делятся на небольшие группы (ядра). Внутри каждого ядра есть лидер. Для предотвращения конфликтов лидеры групп пытаются договориться между собой. Если конфликта избежать не удастся, вопрос решается силой;

2) средний класс, к которому относится большинство бомжей. Люди этого класса не делятся на группы, а присоединяются к одному из лидеров. За советом, защитой, помощью лица без определенного места жительства идут к одному из лидеров;

3) последний класс составляют люди, которые опустили даже в глазах самих бомжей [9].

Бомжи живут в своем мире, который имеет собственные законы, традиции, свою систему ценностей и собственную речь. У этих людей существуют свои взгляды на жизнь, есть своя иерархия, определен социальный статус каждого. Психологи отмечают, что в самой сущности человека (кем бы этот человек не был) заложено стремление делать добрые поступки. Бесспорно, лица без определенного места жительства из-за собственного образа жизни являются озлобленными, замкнутыми, однако с психологической точки зрения они мечтают о чем-то хорошем. Разочарование, обиды мешают в полной мере проявиться этому стремлению, а главное – этого не замечают окружающие [10].

Сегодня получило распространение и такое явление, как попрошайничество. Нищие образуют отдельную прослойку населения находящуюся на самых низких ступенях социальной лестницы. В реальной жизни нищие выступают как маргинальная и довольно подвижная социальная группа. Попрошайничество – это систематическое получение у посторонних лиц денег и других материальных ценностей под каким-нибудь предлогом [11]. Эти лица могут иметь место жительства, но в виду низкого материального уровня жизни, психического состояния, алкогольной зависимости проживают на пожертвования других граждан, то есть, попрошайничают.

Проанализировав сущность определения вышеупомянутых категорий лиц, мы полагаем, что они принадлежат к одному социальному слою лиц, занимающихся бродяжничеством. Их разделение не является однозначным, они могут одновременно принадлежать к нескольким категориям или переходить от одной категории к другой.

С позиции криминологии бродяжничество является разновидностью девиантного поведения, свойственного, прежде всего, маргиналам, которые находятся за пределами социальной среды. Сегодня эта разновидность девиации превратилась в серьезную социальную проблему, которая деформирует социальную среду и создает социальное напряжение в обществе [12].

Таким образом, по нашему мнению, бродяжничество – это социальное явление, связанное с существованием лиц, которые не имеют какого-либо жилья, предназначенного и пригодного для

проживания, или, имея такое жилье, не проживают в нем, потеряли или существенно ограничили социальные связи, постоянно меняют место пребывания, как правило, не имеют источников доходов, в связи с чем, пользуются услугами социальных учреждений и/или проживают на пожертвования других граждан. Эти лица через свое виктимное поведение и незащищенность являются потенциальными жертвами преступлений.

Лица, занимающиеся бродяжничеством, существовали всегда и, видимо, всегда будут существовать. Однако количество этой категории лиц в обществе зависит также от осуществления эффективной профилактики бродяжничества органами государственной власти на законодательном уровне.

Благодаря проведенному анализу социального положения бездомности, характеристики таких категорий лиц, как бездомные, беспризорные лица, беспризорные дети, бомжи, нищие социальное явление бродяжничества существует в результате воздействия комплексных субъективных и объективных факторов, к которым относятся:

1) субъективные: нежелание трудиться, злоупотребление алкоголем и, как следствие, разрыв социально позитивных связей и отношений со своим близким окружением, потеря семьи;

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) с изм. и доп. Протокол № 14 от 13.05.2004 г. // Режим доступа: www.base.garant.ru; ФЗ РФ № 54 от 30.03.1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

2. *Гарасимов Т.И.* Самореализация личности в условиях маргинальных процессов // Экономико-правовой журнал. 2010. № 1. С. 227–237.

3. *Стариков Е.Н.* Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4. С. 142–155.

4. *Платонова Н.М.* Социальная работа с бездомными. М. : Академия, 2011. 160 с.

5. *Осинский И.И.* Бездомные – социальное дно общества / И.И. Осинский, И.М. Хабаева, И.Б. Балдаева // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 53–58.

6. *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах (общие и возрастные особенности) : учеб. пособие. Мн. : ТетраСистемс, 2000. 432 с.

7. *Тереза Черневич-Умер.* Бездомные // Новая Польша. 2004. № 4. С. 54–60.

социально-психологические проявления личностных расстройств, которые выражаются в периодической потребности изменения социального окружения в связи с психическими отклонениями; эмоциональная нагрузка и низкий материальный уровень в многодетных семьях, что приводит к непониманию между родителями и детьми и, как следствие, рост количества безнадзорных и беспризорных детей;

2) объективные: отсутствие постоянного места жительства в связи с участвовавшими случаями незаконного отчуждения жилья; недостаточное количество рабочих мест; отсутствие эффективной социальной защиты инвалидов и людей преклонного возраста, которые в силу бедности, одиночества, болезней, возраста, преступных действий в отношении них оказались без места жительства и средств к существованию; неблагополучные семьи, которые не могут выполнять воспитательные функции, вследствие чего растет число детей, лишенных родительской опеки.

Бродяжничество как явление взаимосвязано и способствует существованию преступности. Бродяжничество признано фоновым явлением преступности, которое выражается в том, что, с одной стороны, лица, занимающиеся бродяжничеством, выступают как субъекты совершения различных противоправных деяний, с другой – как жертвы преступлений.

Literature:

1. The convention on protection of human rights and fundamental freedoms of ETS № 005 (Rome, on November 4, 1950) about amendment and additional Protocol № 14 of 13.05.2004 // The Access mode: www.base.garant.ru; Federal Law of the Russian Federation No. 54 of 30.03.1998. «About ratification of the Convention on protection of human rights and fundamental freedoms and Protocols to it».

2. *Garasimov T.I.* Self-realization of the personality in the conditions of marginal processes // Economical and legal log. 2010. № 1. P. 227–237.

3. *Starikov E.N.* Marginal persons and marginality in the Soviet society // Working class and the modern world. 1989. № 4. P. 142–155.

4. *Platonova N.M.* Social work with the homeless: M. : Academy, 2011. 160 p.

5. *Osinsky I.I.* The homeless – a social bottom of society / I.I. Osinsky, I.M. Habayeva, I.B. Baldayeva // Sociological researches. 2003. № 1. P. 53–58.

6. *Kolominsky Ya.L.* Psikhologiya of relationship in small groups (the general and age features): studies. Grant. Minsk : ТетраСистемс, 2000. 432 p.

7. *Theresa Chervenich-Umer.* Homeless // New Poland. 2004. № 4. P. 54–60.

8. *Басов Н.Ф.* Социальная работа с различными группами населения : учеб.пособие. М. : КНО-РУС, 2012. 528 с.

9. *Шефтель Е.Б.* Бомж / Е.Б. Шефтель, В.А. Шаховская // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 93–105.

10. *Курбатова В.И.* Социальная работа : учеб. пособие. Ростов-н/Д. : Феникс, 2005. 4-е изд. 480 с.

11. *Крестовская Н.Н.* Детское бродяжничество: оценка с позиции общетеоретической юриспруденции // материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт Петербург, 5 окт. 2007 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007. С. 198–203.

8. *Basov N.F.* Social work with different groups of the population: studies. grant. M. : KNORUS, 2012. 528 p.

9. *Sheftel E.B.* Bomzh / E.B. Sheftel, V.A. Shakhovskaya // Psychological science and education. 2002. № 2. P. 93–105.

10. *Kurbatova V.I.* Social work : studies. grant / Rostov-on/D. : Phoenix, 2005. 4 prod. 480 p.

11. *Krestovskaya N.N.* Children's vagrancy: assessment from a position of general-theoretical law // materials Mezhdunar. scientific and practical conference. (St. Petersburg, 5 Oct. 2007). SPb. : St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2007. P. 198–203.

Германова Светлана Евгеньевна

старший преподаватель,
департамент техносферной безопасности,
Аграрно-технологический институт,
Российский университет дружбы народов
germanova-se@rudn.ru

Самброс Наталия Борисовна

старший преподаватель,
департамент техносферной безопасности,
Аграрно-технологический институт,
Российский университет дружбы народов
sambros-nb@rudn.ru

Петухов Николай Владимирович

кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент,
департамент техносферной безопасности,
Аграрно-технологический институт,
Российский университет дружбы народов
petukhov-nv@rudn.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЯ,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОБОРОТОМ
НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности экологических правонарушений, связанных с производством, транспортировкой, хранением, потреблением и утилизацией нефти и нефтепродуктов. В качестве объекта исследования в настоящей статье выбраны виды экологических правонарушений, связанных с оборотом нефти и нефтепродуктов.

Цели исследования: анализ видов и особенностей экологических правонарушений, связанных с оборотом нефти и нефтепродуктов.

Задачи исследования: рассмотреть особенности экологических правонарушений, связанных с оборотом нефти и нефтепродуктов с точки зрения российского законодательства.

Гипотеза исследования: экологическим правонарушением считается любое действие, или бездействие, не соответствующее существующим эколого-правовым нормам. Такие действия являются небезопасными или вредными и нарушают установленные нормы экологической безопасности.

Производство и потребление нефти и нефтепродуктов обладает рядом специфических особенностей, которые в случае несоблюдения технологических режимов и норм безопасности способны привести к совершению ряда виновных деяний, характерных преимущественно для сферы производства и оборота сырой нефти и нефтепродуктов.

Методы исследования: анализ, синтез и научная абстракция.

Svetlana E. Germanova

Senior Lecturer,
Department of Technosphere Security,
Agrarian and Technological Institute
RUDN University
germanova-se@rudn.ru

Nataliya B. Sambros

Senior Lecturer,
Department of Technosphere Security,
Agrarian and Technological Institute
RUDN University
sambros-nb@rudn.ru

Nikolay V. Petukhov

Associate Professor,
Candidate of Agriculture Science,
Department of Technospheric Security,
Agrarian and Technological Institute
RUDN University
petukhov-nv@rudn.ru

**THE ECOLOGICAL OFFENCES
CAUSED BY TURNOVER
OF OIL AND OIL PRODUCTS**

Annotation. In article features of the ecological offenses connected with production, transportation, storage, consumption and utilization of oil and oil products are considered. As a research object in the present article types of the ecological offenses connected with turnover of oil and oil products are chosen.

Research objectives: the analysis of types and features of the ecological offenses connected with turnover of oil of oil products.

Research problems: to consider features of the ecological offenses connected with turnover of oil and oil products in terms of the Russian legislation.

Research hypothesis: any action, or the inaction which is not meeting the existing ekologo-precepts of law is considered ecological offense. Such actions are unsafe or harmful and break the established standards of environmental safety.

Production and consumption of oil and oil products has a number of specific features which in case of non-compliance with the technological modes and standards of safety capable to lead to commission of a number of the guilty acts characteristic mainly of the sphere of production and turnover of crude oil and oil products.

Research methods: analysis, synthesis and scientific abstraction.

The achieved results: specific types of the ecological offenses connected with turnover of oil and oil products are defined and considered.

Достигнутые результаты: определены и рассмотрены специфические виды экологических правонарушений, связанных с оборотом нефти и нефтепродуктов.

Ключевые слова: экологические правонарушения, нефть и нефтепродукты, загрязнение окружающей среды.

Keywords: ecological offenses, oil and oil products, environmental pollution.

Нефтяная и газовая промышленность России является неотъемлемой составляющей экономики страны, одним из основных факторов обеспечения энергоносителями не только систем жизнеобеспечения, но и промышленных производств. Можно с уверенностью сказать, что наличие на территории России достаточного количества не дорогих, в сравнении с мировым рынком, источников газа и нефти, является конкурентным преимуществом российской макроэкономики в целом.

Вместе с тем, нефтяная промышленность, а также все отрасли экономики, связанные с добычей переработкой, транспортировкой и потреблением нефти и нефтепродуктов несут в себе существенные риски негативного воздействия на окружающую среду.

Нефтегазовая промышленность в целом оказывает сильное воздействие на состояние экологической безопасности. Крупными источниками загрязнения являются не только добывающие и перерабатывающие предприятия, но и предприятия, транспортирующие по трубопроводам газ, нефть и продукты их переработки [1].

Следует понимать, что не всякое загрязнение, не всякое негативное воздействие на окружающую среду является экологическим правонарушением. К сожалению, современные технологии не позволяют полностью исключить промышленное антропогенное воздействие на природу, в связи с чем, в целях идентификации и определения границ таких понятий как «экологический вред», «экологический ущерб», «экологическое правонарушение» законодательство оперирует научно обоснованными показателями экологических нормативов:

- ПДК – предельно допустимая концентрация вредных веществ;
- ПДУ – предельно допустимый уровень воздействий;
- ПДВ – предельно допустимый выброс вредных веществ;
- ПДС – предельно допустимый сброс вредных веществ;
- ПДН – предельно допустимая нагрузка на окружающую среду.

Классификацию экологических правонарушений можно провести по следующим основаниям:

– по видам природных ресурсов, которым причиняется ущерб (земельные, лесные, водные животный мир, недра, атмосферный воздух и др.);

– по характеру причиненного вреда (порча, повреждение, уничтожение, истощение, нерациональное использование и др.);

– по характеру применяемых санкций (уголовные, административные, гражданско-правовые, дисциплинарные и иные правонарушения);

– по степени общественной опасности – согласно ст. 75 Федерального закона № 7-ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды устанавливается имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством.

Как показывает практика, значительная часть техногенных воздействий предприятий нефтегазовой промышленности на окружающую среду является следствием грубых нарушений природоохранного законодательства, в том числе, нарушений, содержащих в себе признаки экологического преступления.

Действующий Федеральный закон № 7-ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» не содержит в себе четкого определения понятий «экологическое правонарушение» и оперирует лишь положениями о недопустимости нарушения экологических норм и требований, в т.ч. превышения предельно-допустимых показателей нагрузки на окружающую среду [2].

Таким образом, особенность юридической ответственности за экологические правонарушения в Российской Федерации заключается в том, что нормы экологического законодательства являются по своей сути отсылочными и предусматривают в большинстве случаев лишь перечни правонарушений применительно к отдельным видам природных ресурсов, а конкретные санкции за них установлены в других отраслях законодательства, в зависимости от степени тяжести совершенного правонарушения, его общественной опасности и объема причиненного ущерба.

Тем не менее, экологическое правонарушение в целом можно охарактеризовать, как виновное деяние, совершенное право- и дееспособным субъектом, нарушающее права и законные интересы субъектов экологического права.

Наиболее распространённым и опасным следствием деятельности нефтяной промышленности является загрязнение нефтепродуктами, которое связано практически со всеми видами деятельности на всех этапах добычи нефти, от исследовательской деятельности до переработки. Другие воздействия нефтяной промышленности на окружающую среду проявляются в усилении

парникового эффекта, появлении кислотных дождей, снижении качества воды, загрязнении грунтовых вод и т.д., потере биоразнообразия [3].

В Уголовном кодексе Российской Федерации уголовная ответственность по фактам экологических преступлений регламентируется главой 26, полностью посвященной охране окружающей природной среды – земли, леса, недр, воды, атмосферного воздуха, животного мира и др.

Основываясь на вышеперечисленных признаках, относительно сферы добычи и переработки нефти, оборота нефти и нефтепродуктов можно выделить следующие, специфические виды экологических правонарушений:

1. Экологические правонарушения на этапе добычи.

Разведочное бурение нефтяных месторождений, а также эксплуатация скважин сами по себе негативно влияют на окружающую среду, кроме того эксплуатация скважин связана с выделением в атмосферу сопутствующих продуктов, а также с образованием значительных объемов таких отходов, как отработанная промывочная жидкость, удаленная порода и буровые сточные воды.

Следовательно, экологические правонарушения на этапе добычи нефти могут быть обусловлены нарушением правил геологоразведки и технологий утилизации отходов нефтедобычи.

2. Экологические правонарушения, на этапе транспортировки и хранения.

Откаченная из скважин нефть, какое-то время может храниться на поверхности, из-за чего, в результате постепенной инфильтрации может загрязняться грунт, который впоследствии невозможно использовать для сельскохозяйственных целей. На территориях нефтепромыслов и вдоль нефтепроводов, почвы, поверхностные и подземные воды могут быть загрязнены нефтью, нефтепродуктами и сопутствующими токсичными веществами.

Таким образом экологические правонарушения на этапе транспортировки и хранения нефти и нефтепродуктов обусловлены нарушением тех-

Литература:

1. *Свердюков Н.В.* Экологические правонарушения в нефтегазовой промышленности: современные проблемы выявления и предотвращения // Пробелы в российском законодательстве. 5'2013. С. 150–154.

2. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения 26.04.2019).

3. *Барабанщиков Д.А.* Экологические проблемы нефтяной промышленности России / Д.А. Барабанщиков, А.Ф. Сердюкова // Молодой ученый. 2016. № 26. С. 727–731.

нологических требований к безопасности нефтепроводов и мест хранения откачанной из скважин сырой нефти.

3. Экологические правонарушения, связанные с переработкой.

Нефтеперерабатывающие заводы считаются основным источником экологического загрязнения, при этом отработанные нефтепродукты являются одними из самых токсичных отходов, имеющих к тому же крайне низкую степень биоразложения – не более 30 %. Нефтеперерабатывающие предприятия представляют собой основной источник таких загрязнителей воздуха, как бензол, толуол, этилбензол и ксилол, твердых частиц, оксида азота, окиси углерода, сероводорода и диоксида серы.

При использовании современных систем фильтрации и очистки негативное воздействие нефтеперерабатывающих предприятий, как правило удается минимизировать до установленного санитарными и экологическими нормативами уровня, поэтому на этапе нефтепереработки экологические правонарушения могут быть обусловлены несоблюдением технологических режимов очистного оборудования, его не правильной эксплуатацией, несвоевременным обслуживанием и обновлением.

4. Экологические правонарушения, связанные с транспортировкой и хранением конечных продуктов нефтепереработки.

Конечные продукты нефтепереработки могут иметь самые разные свойства и области применения. При этом часть продуктов такой переработки, в частности бензин, дизельное топливо, различные смолы и т.п. сами по себе могут представлять определенную опасность для окружающей среды, в связи с чем возникает опасность экологических правонарушений в случае нарушения требований по безопасной транспортировке и хранению конечных продуктов нефтепереработки, нарушения норм эксплуатации оборудования, связанного с хранением, реализацией и потреблением конечных продуктов нефтепереработки.

Literature:

1. *Sverdnyukov N.V.* Ecological offenses in the oil and gas industry: modern problems of identification and prevention // Gaps in the Russian legislation. 5'2013. P. 150–154.

2. The federal law of 10.01.2002 № 7-FZ «About environmental protection». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (date of the address 26.04.2019).

3. *Barabanshchikov D.A.* Environmental problems of oil industry of Russia / D.A. Barabanshchikov, A.F. Serdyukova // Young scientist. 2016. № 26. P. 727–731.

Глебова Юлия Яновна

аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
07_Julia_1@mail.ru

Река Инесса Юрьевна

аспирантка кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
www.inessa-22@mail.ru

Yulia Ya. Glebova

Postgraduate Student
of the Department of Criminalistics
and legal informatics,
Kuban State University
07_Julia_1@mail.ru

Inessa Yu. Reka

Postgraduate Student
of the Department of Criminalistics
and legal informatics,
Kuban State University
www.inessa-22@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Автор на основе анализа статистики судов Российской Федерации, Арбитражного суда Краснодарского края отмечает увеличивающийся интерес к использованию судебной экспертизы в судах Российской Федерации. Представлены примеры применения судебной экспертизы из судебной практики.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, эксперт, заключение эксперта, специальные знания, научные знания, доказывание.

В стремительно развивающемся современном мире, потребность в разрешении споров, в том числе в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, ежедневно растет.

Как следует из подведения итогов работы Верховного суда Российской Федерации количество дел, рассмотренных российскими судами, увеличивается с каждым годом. Согласно представленным сведениям в 2018 году рассмотрено: 17,3 млн гражданских дел в суде общей юрисдикции, 7 млн административных дел в суде общей юрисдикции, 1,9 млн дел об административных правонарушениях, 4,8 млн дел по экономическим спорам, 0,9 млн уголовных дел.

Таким образом, можно сделать вывод о колоссальной нагрузке на российские суды.

Вместе с тем, с учетом генезиса гражданского и арбитражного процессуального законодательства и повышением требований к состязательности участников процесса возросла роль специальных знаний в гражданском судопроизводстве. Безусловно, это помогает получить достоверные доказательства в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах. Если в уголовном процессе

PLACE AND ROLE OF FORENSIC EXAMINATION IN THE ARBITRATION PROCESS

Annotation. The author notes the growing interest in the use of forensic expertise in the arbitration court of the Krasnodar Territory with reference to statistics. The authors point out that as a result of the trial, there is a need to improve and expand research capabilities.

Keywords: criminology, forensic examination, expert, expert opinion, special knowledge, scientific knowledge, proof.

широко применяются устные средства доказывания или результаты их фиксации, то гражданский и арбитражный процессы в значительной степени опираются на обстоятельства, доказанные документально.

Если обратиться к статистике Арбитражного суда Краснодарского края за 2016, 2017, 2018 год, то можно сделать вывод об увеличении интереса сторон и суда к использованию судебных экспертиз. Так, в 2016 году было назначено 814 судебные экспертизы, в 2017 году было назначено 926 экспертиз, в 2018 году – 1002 судебные экспертизы. Безусловно, в сравнении с общим количеством дел, можно сделать вывод о том, что суд назначает экспертизу лишь в 1,98 % дел от общего количества дел поступивших за 2018 год. Однако, это в большей степени обусловлено большим количеством споров, при разрешении которых отсутствует необходимость в судебной экспертизе, например рассмотрение заявлений Пенсионного фонда Российской Федерации о взыскании финансовых санкций за не предоставление страхователем в установленный срок сведений, предусмотренных п. 2.2 статьи 11 Федерального закона от 01.04.2016 № 27-ФЗ, готовностью сторон обеспечивать финансирование судебной экспертизы, не осведомленностью

сторон о всех видах экспертиз и о возможности их применения в целом. Вместе с тем, ввиду грядущего изменения в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации в части необходимости представителю предъявлять диплом о высшем юридическом образовании или подтверждать ученую степень по юридической специальности, с учетом исключений, указанных в законе, можно ожидать увеличения количества ходатайств о назначении судебной экспертизы.

Таким образом, в условиях ежегодного роста количества рассмотренных дел, с учетом развития информационных технологий, различных инфраструктур в области экономики, энергетики, строительства, появления новых институтов, необходимость судебных экспертиз возрастает.

Изучением вопросов использования специальных знаний занимались такие авторы как В.В. Степанов, Л.Г. Шапиро, Е.А. Зайцева, Е.Р. Россинская, А.В. Кудрявцева и т.д.

Судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые поставлены перед экспертом судом, а также иными лицами, участвующими в деле, в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [5].

На сегодняшний день судебная экспертиза – устоявшийся институт, цель которого заключается в том, чтобы путем исследования фактов, документов, обстоятельств дела, объектов, на основании специальных познаний в области науки, техники, искусства, ремесла и т.д., позволяет установить фактические данные, имеющие доказательственное значение.

В соответствии с частью 1 статьи 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации вопрос о назначении экспертизы отнесен на усмотрение арбитражного суда и разрешается в зависимости от необходимости разъяснения возникающих при рассмотрении дела вопросов, требующих специальных знаний. Назначение судом экспертизы является способом получения доказательств по делу и направлено на всестороннее, полное и объективное его рассмотрение, находясь в компетенции суда, разрешающего дело по существу [2].

Формирование предмета доказывания в ходе рассмотрения конкретного спора, а также определение источников, методов и способов собирания объективных доказательств, посредством которых устанавливаются фактические обстоятельства дела, является исключительной прерогативой суда, рассматривающего спор по существу.

Важно отметить, что письменные доказательства могут быть признаны допустимыми только в том случае, если они являются подлинными. Согласно п. 20 «ГОСТ Р 7.0.8-2013. Националь-

ный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» подлинный документ – это документ, сведения об авторе, времени и месте создания которого, содержащиеся в самом документе или выявленные иным путем, подтверждают достоверность его происхождения.

Сфальсифицированный (подложный) документ не обладает признаками доказательства, не подлежит оценке как самостоятельное доказательство либо в совокупности с иными доказательствами и не может быть положен в основу судебного акта (ст. 67, 68, 71 АПК РФ) [2].

Закрепление в арбитражном процессуальном законе правил, регламентирующих рассмотрение заявления о фальсификации доказательств, направлено на исключение оспариваемого доказательства из числа доказательств по делу.

Таким образом, суд может проверить доводы лица, участвующего в деле, о фальсификации доказательств только путем назначения соответствующих экспертиз, поскольку разрешение вопросов о том, исполнена ли подпись на документах соответствующим лицом и о давности изготовления документов требует специальных знаний [6].

Один из распространенных примеров – споры, возникающие из договора поставки. Данные статистики показывают, что споры по договору поставки, занимают одно из первых мест по количеству рассматриваемых дел в арбитражных судах.

Так, например, дело № А63-2938/2015 о признании дистрибьюторского договора от 18.02.2011 № 18-02-11 заключенным и взыскании 1864124 рублей 70 копеек долга (уточненные в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации требования) [9].

Решением от 23.12.2015, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 04.04.2016, постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа 18.07.2016, в удовлетворении заявленных требований отказано. Судебные акты мотивированы пропуском срока исковой давности и отсутствием доказательств получения товара предпринимателем по спорным товарным накладным.

Как следует из искового заявления, 18.02.2011 общество (поставщик) и предприниматель (покупатель) заключили дистрибьюторский договор № 18-02-11, по условиям которого поставщик продает, а покупатель покупает на условиях договора безалкогольные напитки в ассортименте. Количество, ассортимент и цена товара определяются сторонами для каждой партии товара и указываются в товарных накладных.

Общество поставило предпринимателю товар на 4380756 рублей, поставленный товар оплачен предпринимателем частично.

Возражая против заявленных требований, предприниматель заявил о пропуске истцом срока исковой давности по требованиям, основанным на товарных накладных, датированных до 07.03.2012. В отношении представленных истцом товарных накладных, датированных после 07.03.2012, предприниматель заявил о фальсификации доказательств, поскольку подписи, выполненные на данных товарных накладных, ему не принадлежат.

В целях проверки доводов ответчика о фальсификации названных товарных накладных и установления подлинности подписей, выполненных от имени предпринимателя и оттисков печати предпринимателя, выполненных в товарных накладных, суд назначил комплексную почерковедческую и техническую экспертизу.

По результатам проведенного исследования представлено экспертное заключение, в котором сделан вывод о том, что подписи, поставленные от имени предпринимателя в спорных товарных накладных, выполнены не ответчиком, а иным лицом, оттиски печати в указанных товарных накладных нанесены не печатью предпринимателя, оттиски которой представлены в качестве контрольных образцов, а другой печатью.

Оценив экспертное заключение, суд посчитал его соответствующим требованиям статей 82, 83, 86 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (отражающим все предусмотренные частью 2 статьи 86 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации сведения), основанным на материалах дела, требованиям Федерального закона 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», требованиям Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и пришел к выводу, об отсутствии оснований не доверять выводам экс-

пертов, поскольку они согласуются с обстоятельствами дела и иными доказательствами по делу.

Приняв во внимание заключение эксперта, суд пришел к выводу о том, что представленные товарные накладные не подтверждают получение товара предпринимателем.

Таким образом, необходимо отметить, что лица, участвующие в деле, обеспечивая состязательность, не лишены возможности неправомерно вносить изменения в документы, которые являются доказательствами по делу.

В связи с чем, в подавляющем большинстве случаев для полного и всестороннего рассмотрения дела необходимо, с учетом заявления процессуального ходатайства, назначение судебной экспертизы (например, почерковедческая, техническая экспертиза давности выполнения подписи и т.п.), объектом которого может быть договор, товарные накладные, акты приема-передачи товара, акты сверки взаимных расчетов и т.п.

Вопрос о принадлежности подписи на документе тому или иному лицу не является правовым, для его разрешения требуются специальные знания, вследствие чего необходимо назначение соответствующей экспертизы.

Можно сделать вывод о том, что зачастую экспертное заключение, в случае его составления с отсутствием нарушения законодательства РФ и правил проведения экспертизы, может иметь решающее значение в судебном процессе.

Таким образом, применение судебных экспертиз в судах Российской Федерации растёт, что помогает более «качественно» защитить интересы сторон процесса. Ввиду стремительного развития вышеуказанного института возникает потребность в совершенствовании его применения.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
3. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 NN № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»
5. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., доп. М., 2011. С. 12.
6. *Степанов В.В.* О судебной правовой экспертизе // Вестник криминалистики. 2007. Вып. 4 (24).

Literature:

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 № 95-FZ.
3. Federal Law of 31.05.2001 № 73-FZ «On the state forensic activity in the Russian Federation».
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2010 № 28 «On forensic examination in criminal cases».
5. *Rossinskaya E.R.* Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. 3rd ed., Ext. M., 2011. P. 12
6. *Stepanov V.V.* In About judicial legal expertise // Bulletin of criminology. 2007. Vol. 4(24).

7. *Степанов В.В.* Специальные знания в судебной экспертизе / В.В. Степанов, Л.Г. Шапиро // Судебная экспертиза. 2004. № 1. С. 69

8. *Руденко А.В.* Содержательная логика доказывания. 2-е издание. 2017.С.181.

9. Информационная система «Картотека арбитражных дел». URL : <https://kad.arbitr.ru/>

7. *Stepanov V.V.* Special knowledge in forensic examination / V.V. Stepanov, L.G. Shapiro // Forensic examination. 2004. № 1. P. 69

8. *Rudenko A.V.* The substantive logic of evidence. 2nd edition. 2017.C. 181.

9. Information system «Card file of arbitration cases». URL : <https://kad.arbitr.ru/>

Данилов Давид Борисович

кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель начальника кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России
davsochi@mail.ru

Вишневецкий Даниил Кириллович

студент 3 курса юридического факультета,
Кубанский государственный университет
davsochi@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ
И РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО
И АДМИНИСТРАТИВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соотношения и разграничения гражданского и административного судопроизводства. Право на судебную защиту – гарантированный Конституцией правовой инструмент, с помощью которого субъекты права могут добиться восстановления нарушенного права. Судебная защита прав, свобод и интересов лиц осуществляется в особой, установленной процессуальным законом форме – в форме судопроизводства. В зависимости от области права выделяют судопроизводство в гражданских, арбитражных, административных делах.

Ключевые слова: гражданский процесс, административный процесс, судопроизводство, соотношение гражданского и административного судопроизводства, разграничение гражданского и административного судопроизводства.

Вопросы разграничения юрисдикций сегодня приобретают особую актуальность. После принятия Кодекса административного судопроизводства РФ (далее КАС РФ) весьма актуальным стал вопрос о подведомственности дел, в частности таких, когда с одной стороны выступает субъект властных полномочий. В научной литературе высказываются различные мнения относительно разграничения юрисдикции в указанной сфере [1]. Судебная практика свидетельствует о различном применении судами норм процессуального права. Встречаются примеры, указывающие на не правильное определение юрисдикции. Данные факты подрывают авторитет судебной системы и нарушают права граждан на судебную защиту нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав и свобод. Важность чет-

David B. Danilov

Candidate of Jurisprudence,
Associate Professor,
Deputy chief of department
of Civil Law and Process,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of Russia
davsochi@mail.ru

Daniil K. Vishnevetskiy

Student 3 courses of the faculty of Law,
Kuban State University
davsochi@mail.ru

**THE PROBLEM OF CORRELATION
AND DISTINCTION BETWEEN CIVIL
AND ADMINISTRATIVE
PROCEEDINGS**

Annotation. The article deals with the problems of correlation and differentiation of civil and administrative proceedings. The right to judicial protection is a legal instrument guaranteed by the Constitution, through which the subjects of law can achieve the restoration of the violated right. Judicial protection of the rights, freedoms and interests of persons is carried out in a special form established by procedural law – in the form of legal proceedings. Depending on the area of law distinguish proceedings in civil, arbitration, administrative cases.

Keywords: civil procedure, administrative process, legal proceedings, the ratio of civil and administrative proceedings, the distinction between civil and administrative proceedings.

кого разграничения судебных юрисдикций не вызывает сомнения, так как неправильное определение юрисдикции дела влечет за собой отмену судебных решений и прекращение производства по делу. Так, например, истцу после закрытия дела необходимо снова с таким же иском заявлением обращаться в суд другой юрисдикции. Необходимо отметить, что действующее процессуальное законодательство запрещает споры между судами о подсудности или подведомственности дел. Для лиц, обращающихся в суд, это означает, что если суд принял исковое заявление и в ходе рассмотрения дела выяснилось, что оно ему не подсудно, то суд сам обязан его передать по подсудности, а суд, принявший дело, его рассмотреть. Проблема преодоления коллизий гражданского и административного судопроизводства

тивного судопроизводства актуальна в современных условиях.

Административное судопроизводство – это деятельность судов по рассмотрению споров граждан и организаций с органами власти. Она регулируется КАС и другими законами.

Административное судопроизводство – это система рассмотрения споров, возникших на общих основаниях, однако, имеющая свои особенности. На практике часто возникает дискуссия о сущности и границах административного судопроизводства. Некоторые юристы считают, что его частью являются дела, подлежащие рассмотрению согласно Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ). На сегодняшний день законодатель придерживается иной концепции, которая и реализована путем принятия КоАП РФ и КАС РФ [6].

По формальным признакам сферы действия гражданского и административного судопроизводства не разграничить. В этой связи, еще в 2015 году было издано письмо ВС РФ с целью разъяснения, к какой категории относить, например, пенсионные споры и дела о бездействии чиновников в вопросе постановке на жилищный учет. Не смотря на то, что письмо носит рекомендательный характер, оно вызвало резонанс в среде практикующих юристов. По мнению большинства юристов, оно заполнило серьезный законодательный пробел.

Административными делами считаются споры, возникающие между органами власти и гражданами либо организациями. В ст. 1 КАС РФ дан полный перечень дел, которые относятся к административному процессу.

Административное судопроизводство – это деятельность судов всех уровней: мировых, районных, областных, краевых, республиканских и Верховного суда РФ. Большая часть дел рассматривается мировыми и районными судами в первой инстанции. Истец обязан выбрать суд, исходя из места нахождения ответчика за исключениями, указанными в законе. С принятием КАС РФ в процессуальном законе появились новые термины, такие как административный истец, административный ответчик и административное исковое заявление.

Именно КАС РФ стал предъявлять особые требования к представителям – обязательное наличие высшего юридического образования. Данная норма изначально воспринималась неоднозначно, поскольку лишало лицо, чьи права и законные интересы были нарушены, самостоятельно себя защищать, если оно не имеет высшего юридического образования. В последствие, обязательное обращение за помощью к юристам или адвокатам стало восприниматься как должное.

В систему судов административного судопроизводства включены лишь суды общей юрисдикции. Например, если коммерческая организация желает оспорить действия чиновника или органа

власти или законность нормативно-правового акта, она обращается в арбитражный суд. Налоговые споры с участием коммерческих организаций решаются также в системе арбитража. Т.е., если экономическая деятельность предпринимателя или юридического лица затрагивается действиями чиновников, заявление рассматривают исключительно в арбитражном суде. Первой инстанцией для большинства дел служат суды второго уровня (суды области края, республики, города федерального значения).

Понятие «гражданское судопроизводство» в широком смысле означает комплекс урегулированных процессуальным законодательством действий, направленных на разрешение гражданских споров. В узком смысле под ним понимают совокупность стадий, в ходе которых осуществляется отправление правосудия по конкретному делу. Рассмотрим далее особенности и принципы гражданского процесса.

Понятие «гражданское судопроизводство» охватывает разные действия. Однако их конечная цель состоит в быстром и правильном разрешении конкретного спора. Быстрое разбирательство дела не означает «спешное». Речь идет о рассмотрении спора в установленные законодательством сроки. «Правильное» разрешение спора предполагает вынесение законного, справедливого и обоснованного решения по делу [3].

Необходимо сказать, что использование в нормах указанных характеристик не означает наличия самостоятельных целей правосудия. Дело в том, что своевременность и законность производства в гражданском процессе не противопоставляются друг другу, а составляют единое целое. Быстрота разрешения спора не должна противоречить законности, а правильность разрешения дела не может зависеть от бюрократической волокиты.

В рамках гражданского процесса обеспечивается:

1. Рассмотрение и разрешение спора.
2. Пересмотр судебных решений.

Эти функции реализуются судом последовательно, именно в таком порядке, как указано выше. Рассмотрение и разрешение дела – обязательные процедуры в любом гражданском процессе. Что касается пересмотра вынесенного решения, то он зависит от конкретных обстоятельств спора. Он возможен, если кто-то из участников оспорит постановление [5].

Каждая функция указывает на направленность деятельности суда на решение конкретной задачи:

- рассмотрение дела по существу;
- проверку законности, справедливости, обоснованности постановления и пр.

В реализации задач судопроизводства участвуют особые субъекты, наделенные специфическими обязанностями и правами.

Исковым называют производство, возбужденное на основании иска. В этом случае гражданский процесс направлен на обеспечение защиты оспоренного или нарушенного права. В соответствии с действующим законодательством, исковое производство – основной вид судебного разбирательства. Его порядок детально регламентируется главами 11–21 ГПК РФ. Дела остальных видов рассматриваются по этим же правилам, но с некоторыми дополнениями и изъятиями, связанными с природой конкретных дел и задачами, поставленными перед судом.

В особом производстве разбираются бесспорные дела. Они не предполагают защиты субъективного права. Их целью является охрана законных интересов.

Судопроизводство, вытекающее из административных правоотношений, по своей сути является административным. В соответствии со 118 статьей Конституции РФ, оно должно рассматриваться как самостоятельная процессуальная форма, существующая вместе с гражданским процессом. Однако по сложившейся традиции сегодня административное производство является частью гражданского. Целью разрешения таких дел является обеспечение судебного контроля за актами и действиями исполнительных структур [2].

Приказное судопроизводство – самостоятельный упрощенный вид производства по делу. В ходе него обеспечивается защита субъективного права. Приказное судопроизводство основывается на бесспорных доказательствах. Задачами суда являются удовлетворение требований и выдача исполнительного документа, подлежащего принудительному исполнению.

Довольно сложным является вопрос определения юрисдикции споров с участием органов регистрации актов гражданского состояния. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что проблемным является разграничение

Литература:

1. *Громошина Н.А.* С принятием кодекса административного судопроизводства вновь не следует торопиться // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 3. С. 9–11.
2. *Герасимов А.В.* Заключение эксперта как доказательство в гражданском процессе / А.В. Герасимов, Д.Б. Данилов // *Юрист.* 2015. № 16. С. 30–33.
3. *Дудин Н.П.* Проект кодекса административного судопроизводства РФ и правовая реформа // В сборнике: *Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права* Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции : в 3 частях. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2015. С. 182–188.
4. *Немцева В.Б.* Некоторые проблемы соотношения гражданского и административного судопроизводства в судах общей юрисдикции // *Вестн. гражданского процесса.* 2016. № 1.

юрисдикции дел, связанных со спорами, возникающими в связи с отказом органа государственной регистрации актов гражданского состояния, которые относятся к юрисдикции административных судов и гражданских дел, связанных с установлением юридических фактов, имеющих значение для оценки правильности актовых записей гражданского состояния.

Необходимость внесения изменений в актовые записи гражданского состояния возникает в случае ошибок и неточностей, содержащихся в актовых записях гражданского состояния, или в случае других изменений жизненных обстоятельств человек [7].

По указанным критериям разграничения, споры об отказе органов государственной регистрации актов гражданского состояния относятся к административной юрисдикции. Так, орган государственной регистрации актов гражданского состояния является государственным органом – субъектом властных полномочий, уполномоченным осуществлять государственную регистрацию актов гражданского состояния. Государственная регистрация – это публично-правовое удостоверение актов гражданского состояния, которое обеспечивает общее (как в частных, так и в публично-правовых отношениях) признание правосубъектности лица. Таким образом, в процессе регистрации актов гражданского состояния человек (физическое лицо) вступает в публично-правовые отношения с государством в лице государственного органа, уполномоченного осуществлять государственную регистрацию актов гражданского состояния [1].

Таким образом, решение вопроса о компетенции суда по каждому конкретному делу зависит от характера спорных правоотношений. К административной юрисдикции относятся дела, возникающие по спору между участниками публично-правовых отношений. Тогда как гражданская юрисдикция распространяется на споры частного правового характера.

Literature:

1. *Gromoshina N.A.* With adoption of the code of administrative legal proceedings it is not necessary to hurry again // *Laws of Russia again: experience, analysis, practice.* 2015. № 3. P. 9–11.
2. *Gerasimov A.V.* The expert opinion as the proof in civil process / A.V. Gerasimov, D.B. Danilov // *Lawyer.* 2015. № 16. P. 30–33.
3. *Dudin N.P.* The draft of the code of administrative legal proceedings of the Russian Federation and legal reform//In the collection: *Current problems administrative and administrative procedural law* Materials of an annual All-Russian scientific and practical conference : in 3 parts. St. Petersburg university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2015. P. 182–188.
4. *Nemtseva V.B.* Some problems of a ratio of civil and administrative legal proceedings in courts of law // *Vestn. civil process.* 2016. № 1.

5. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 сент. 2016 г. № 36 // Бюл. Верховного суда РФ. 2016. № 11.

6. Основы гражданского и административного судопроизводства : учебное пособие / Под ред. Тумановой Л.В. Тверь : ТвГУ, 2016. 335 с

7. Черанёва Е.А. Административный процесс: юрисдикционный аспект // Молодой ученый. 2015. № 24. С. 802–804.

5. About some questions of application by vessels of the Code of administrative legal proceedings of the Russian Federation: the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 27 Sept. 2016 № 36 // Bulletin. Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 11.

6. Bases of civil and administrative legal proceedings : manual / under the editorship of Tumanova L.V. Tver : Tver State University, 2016. 335 p.

7. *Cheranyova E.A.* Administrative process: jurisdictional aspect // Young scientist. 2015. № 24. P. 802–804.

Долина Илья Олегович
помощник судьи,
Краснодарский краевой суд,
ilya.dolina@mail.ru

О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «ПРАВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье представлено логическое продолжение многолетней научной дискуссии о понимании и сущности права. Отмечается, что по исследуемой тематике нет единства мнений, как в исследовании сущности права, так и классификации правопонимания. Анализируется позиция сторонников либертарно-юридического дискурса, содержание которой сводится к «принципиальной основополагающей идее», вокруг которой строится действительная теория права.

Ключевые слова: право, государство, правопонимание, плюрализм, философия права.

Дискуссия о понимании права в современной отечественной юридической науке, унаследованная от советской теории права, уже имеет свою, постсоветскую, историю [1]. И, судя по публикациям последних лет, эта историческая видимость будет изжита нескоро [2]. Стоит заметить, что пока единства взглядов не удалось достичь не то что относительно оценки содержания типов правопонимания и характера их соотношения, но даже по вопросам о критериях их классификации и количестве выделяемых типов.

В связи с этой теоретико-методологической ситуацией, В.Ю. Вобликов ставит следующий вопрос: «Проблема ли это?» [4]. По этому пункту взгляды наших учёных также не совпадают. Иные из них считают наступившее торжество плюрализма временным состоянием кризиса общей теории права, негативным как по своим теоретическим, так и, прежде всего, практическим последствиям, и потому подлежащим теоретическому преодолению [5]. Так, по мнению М.И. Байтина, необходимость его преодоления вызвана, прежде всего, потребностями самой теории права, хотя в их основе и лежат запросы правоприменительной практики [6]. По утверждению В.В. Лапаевой, доктринально-правовой плюрализм должен быть превзойдён, прежде всего, ввиду его несоответствия естественно-правовым концептуальным основам действующей Конституции РФ и задаваемой ими потребности в создании «человекоцентристской модели» общественного устройства и соответствующей правовой теории [8].

Ilya O. Dolina
Assistant Judge,
Krasnodar regional court,
ilya.dolina@mail.ru

ABOUT TRANSFORMATION OF APPROACHES TO THE STUDY OF THE CONCEPT OF «LAW» IN THE DOMESTIC THEORETICAL AND LEGAL SCIENCE

Annotation. The article presents a logical continuation of many years of scientific discussion about the understanding and essence of law. It is noted that there is no unity of opinion on the studied subject, both in the study of the essence of law and the classification of legal understanding. The position of the supporters of the libertarian legal discourse is analyzed, the content of which is reduced to the «fundamental fundamental idea» around which the real theory of law is built.

Keywords: law, state, legal understanding, pluralism, philosophy of law.

В этой связи важно подчеркнуть, что в данном пункте совпадают убеждения отечественных предшественников нормативизма и юридического либертаризма, т.е. тех концепций, которые сегодня наиболее резко противостоят друг другу.

Что же до их общих оппонентов, то они, напротив, убеждены в том, что в современном демократическом государстве, отличающемся «плюрализмом права», в условиях свободного развития науки, значительного прогресса методологии социального познания «разнообразие понятий права» является «неустранимым и естественным» [9]. Как утверждает Л.С. Мамут, плюрализм различных направлений, школ, идей в правоведе, споры и соревнование между ними обеспечивают «...постоянное обновление, упорядочение и совершенствование науки о праве» [10]. О.В. Мартышин предлагает коллегам «...не искать универсальное понятие, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно, и лишь их совокупность даёт разностороннее представление о праве» [11]. При этом, учёный ссылается на опыт современной западной теории, которая «...избегает единого, универсального определения права, предпочитая ему многозначность термина и подчеркивая условность, относительность понятий и определений» [12].

Не добавило ясности в теоретико-методологическую разногласию, существующую в российском научно-правовом мышлении, и следующее обстоятельство. Принципы «атомистическо-

го» правового дискурса были не без гордости объявлены иными из его сторонников отвечающими эпистемологическим установкам научного познания нагрывавшей «эпохи постмодерна», каковые считаются ими парадигмой современного правопознания [14]. Ввиду данного счастливого соответствия, исходные положения этого постклассического дискурса было предложено считать, если и не истинными, то уж точно «самыми последними» и уже поэтому «принципиально новыми» взглядами на то, что раньше наивно называли «сущностью» права, и от упоминания, о чём теперь стоит-де благоразумно воздерживаться. Ибо теперь, в «эпоху постметафизики», как констатирует А.В. Стомба, суть дела окончательно прояснилась: сущность права не только не познаваема, но и не существенна [15].

Критика постклассических концепций уже дана в ряде работ [16], поэтому здесь стоит ограничиться следующими замечаниями относительно плюралистического дискурса о праве, в целом.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что этим воззрением – явно или имплицитно – ставится под вопрос единое понятие права как объективно существующая предпосылка всякого субъективного о нём рассуждения. И оно же выступает «паролем», сообщающим познающему право субъекту прямой доступ к современному «научному поприщу», этой арене, на которой постоянно сталкиваются индивидуальные амбиции учёных правоведов и беспрестанно тянутся их утомительные споры, не ведущие их участников к истине.

Из этого непризнания всеобщего и необходимого понятия «права» (или отрицания возможности и необходимости его познания) вполне последовательно вытекает настойчивое теоретическое стремление плюралистического, и в особенности, постклассического, правопонимания укоренить то, что есть право, не в разумной и потому свободной воле человека, а в его особенной субъективности. Говоря точнее, в его частных интересах и целях, личных мнениях и убеждениях, партикулярных склонностях и предпочтениях, индивидуальных чувствах и состояниях. Разумеется, эта «рефокусировка правового нарратива» (пользуясь чуть подправленным выражением З. Баумана, теоретика модернистской социологии) на субъективном опыте не прошла мимо внимания сторонников методологического монизма. Так, В.В. Лапаева, отмечая, что в социологию права этот подход, акцентирующий внимание на особенностях человека как субъекта познания, создания и применения права, привнес новые возможности, вслед за этим подчёркивает: «Однако его применение к выработке нового типа правопонимания изначально является контрпродуктивным, потому что для формирования понятия нужен не субъективный опыт чувственного переживания конкретной ситуации, а именно «абстрактный язык объяснительной теории» [17].

Соглашаясь с этими утверждениями В.В. Лапаевой (за исключением тезиса о подразумеваемой ею достаточности объяснительной теории для

познания понятия права), в дополнение приведём следующий известный исторический факт. Именно из указанных выше конечных оснований уже пытались понять право, долг и нравственность древнегреческие софисты, эти, по словам П. Адо, «... демократы знания, уверенные в том, что знание можно продавать всем и каждому...» [18]. Хорошо известны и выводы в отношении справедливости, закона и нравственности, сделанные софистами младшего поколения из основополагающего тезиса Протагора [19]. Впрочем, в этом плане показателен уже самый факт изгнания последнего из Афин за эмпирический агностицизм по отношению к богам как предметам религии, этой основы нравственного порядка афинской демократии. Неудивителен поэтому и антитезис Платона, сформулированный в его «Законах»: «Пусть у нас мерой всех вещей будет главным образом бог, гораздо более, чем какой-либо человек, вопреки утверждению некоторых» [20]. Ведь Платону довелось пережить социально-политическую катастрофу родного полиса, исторически необходимому разрушению нравственного уклада которого софисты немало способствовали своими теоретическими усилиями представить справедливость, закон и нравственность, как сказал позднее Ф. Ницше, как «человеческое, слишком человеческое». т.е., лишь искусственными установлениями людей, имеющими исключительно исторически преходящий, конечный характер.

Кроме того, заслуживает серьёзного размышления и следующий факт, имеющий, как представляется автору, не только историческое значение. Только что отмеченный принцип идейности многих конечных существований не составляет лишь *dominium* философии, её абсолютную и исключительную собственность. Напротив, положение об идейности конечного, т.е. его несамостоятельности, сотворённости, положенности творческой мощью бога (который в акте творения предстаёт, по сути, бесконечно отрицательным по отношению к себе самому началом) составляет центральный пункт теистических религий: иудаизма, христианства и ислама [29]. Как подчёркивает в этой связи Гегель, «...религия так же не признаёт конечность истинным бытием, чем-то последним, абсолютным или, иначе говоря, чем-то неположным, несотворённым, вечным» [30].

О. Хёффе, признав, что сегодня на Западе «...разговор о естественном праве ни для теории, ни для практики права не играет уже сколько-нибудь существенной роли», вслед за этим риторически вопрошает: затрагивает ли исчезновение естественно-правового мышления и теорию политической справедливости (каковая тоже является обозначением сверхпозитивной правовой инстанции)? Проблема, несомненно, важная, но в контексте нашего анализа более существенным представляется вопрос о том, почему вообще на протяжении всей своей истории формально-догматическая юриспруденция вынуждена «сталкиваться» с повторяющейся время от времени апеллирующей мысли к допозитивным и сверхпозитивным правовым обязательствам? Следует ли считать достаточными

объяснения, в которых эти обращения предстают результатами действия факторов, внешних и случайных для внутреннего развития правовой теории? А именно: трагическими социально-политическими событиями и процессами; практическими потребностями правового регулирования в интересах известных социальных групп; сохраняющимся влиянием религии; непомерными претензиями философско-правовой мысли; произвольной направленностью индивидуально-го дискурса и т.п.? Только ли этими обстоятельствами исторического характера объясняется, по выражению А.В. Полякова, «поразительная живучесть естественно-правовой идеи»? Или всё же необходимо допустить, что это периодически воспроизводящееся в истории познания права противоречие коренится в природе предмета постижения? И если это так, тогда что именно являет себя в этой противоположности?

В этой связи следует заметить, что сторонники либертарно-юридического дискурса тоже говорят о «принципиальной основополагающей идее», вокруг которой строится действительная теория права. И поскольку свобода составляет едва ли не существеннейшее определение такой идеи, то они много и уверенно рассуждают о свободе и разумности [42]. Но при этом, ими свобода понимается исключительно как свобода единичной воли, каковая непосредственно увязывается с разумностью человека как его «сущностным свойством». При ближайшем же рассмотрении эта разумность оказывается лишь иным названием рациональности, т.е. рассудочной формы познания. Но, несмотря на это, на наш взгляд, уже самый интерес к указанной проблеме следует считать не только проявлением субъективного произвола отдельных исследователей, но тем симптомом, который указывает на «пограничное состояние» самой российской общей теории права.

Таким образом, множественность современных отечественных правопониманий, порождённая всеобщей сущностью права как её основанием, а

Литература:

1. Энциклопедия права : учебное пособие. Краснодар, 1992. С. 19–22; *Кудрявцев В.Н.* О правопонимании и законности // Государство и право. 1994. № 3; *Варламова Н.В.* Аксиологический аспект правопонимания // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 11–14; *Общая теория права : учебник для юридических вузов / Под общ. ред. А.С. Пиголкина.* М., 1997. С. 90–99; *Теория государства и права : курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько.* М., 1997. С. 129–149; *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы. М., 1996; *Тхакушинова Б.А.* Проблемы современного правопонимания // История государства и права. 2007. № 15. С. 32–33; *Сорокин В.В.* Позитивистский подход к правопониманию: опыт, перспективы // Юридическое образование и наука. 2006. № 4. С. 3–6; *Аносова М.М.* Современный системный нормативный подход к правопониманию и правоприменению: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.

также условиями их взаимного опосредствования, и стремящаяся вернуться в это основание, т.е. познать свою сущность, – эта множественность представляет собой сущий в истории относительно единый мир теоретико-правовых явлений. В его необходимых определениях, т.е. типах правопонимания, выступает рефлексия всеобщей сущности права. Иная презумпция означала бы, что современная российская общая теория права – не более чем то, что в постмодернизме принято называть «симулякром», т.е. пустой знак, не имеющий в реальности никакого соответствующего объекта. Поэтому следует допустить, что наличный теоретико-правовой плюрализм положен, прежде всего, деятельностью всеобщей сущности права, процессом самоопределения последней, и есть её непосредственно существующая, т.е., историческая, форма видимости.

В этой связи стоит сказать, что именно эта трудно ухватываемая сознанием деятельность сущности права являет себя в самых различных о ней суждениях российских теоретиков права. В качестве примеров приведём лишь следующие:

– термин «право» охватывает «явления качественно разнородные»;

– право в принципе едино, но вместе с тем, оно «в любой из своих частей» может стать как «бытием свободы», так и «орудием порабощения и произвола»;

– у права несколько сущностей, обусловленных историческим типом общества;

– сущность права в принципе едина, речь может идти лишь о разном уровне её познания [21].

Кстати, на необходимости познания именно сущности права, выраженной в его понятии, с одинаковой последовательностью настаивают столь жёстко противостоящие друг другу нормативная и либертарно-правовая концепции.

Literature:

1. Encyclopedia of right : textbook. Krasnodar, 1992. P. 19–22; *Kudryavtsev V.N.* About the understanding of law and the rule of law // State and law. 1994. № 3; *Varlamova N.V.* Axiological aspect of legal understanding // Problems of value approach in law: traditions and renewal. M., 1996. P. 11–14; *General theory of law : textbook for law schools / Under General ed.* M., 1997. P. 90–99; *Theory of state and law. A course of lectures / under. ed. N.I. Matuzova and A.V. Malko.* M., 1997. P. 129–149; *Nersesyants V.S.* Law – mathematics of freedom. M., 1996; *Tkhakushinova B.A.* Problems of modern legal understanding // History of state and law. 2007. № 15. P. 32–33; *Sorokin V.V.* Positivist approach to legal understanding: experience, prospects // Legal education and science. 2006. № 4. P. 3–6; *Anosova M.M.* Modern system of normative approach to understanding of law and the rule of law: problems of theory and practice : avtoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Vladimir, 2007.

2. *Попов В.И.* Типы правопонимания: проблема философско-правового обоснования // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2. С. 156–161; *Фролова Е.А.* Методологические основы разграничения концепций правопонимания // Государство и право. 2009. № 4. С. 63–73; Она же. Понятие и типология права // Право и государство. 2012. № 5. С. 12–25.
3. *Вобликов В.Ю.* Правопонимание в современной российской теории права // CREDO NEW теоретический журнал. 2006. № 3. URL : <http://www.credonew.ru/content/section/10>
4. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2004. С. 139; *Толстик В.А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9. С. 14–15; *Евдеева Н.В.* Интегративные теории правопонимания в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. С. 2–4, 9; *Аносова М.М.* Современный системный нормативный подход к правопониманию и правоприменению: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 8.
5. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 97.
6. *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 6–7, 13–15.
7. *Честнов И.Л.* Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 46.
8. *Мамут Л.С.* Правовые идеи классического либерализма в контексте современной юриспруденции // Правовые идеи и институты в историко-теоретическом дискурсе. М., 2008. С. 169.
9. *Мартышин О.В.* Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 14. Кстати сказать, О.Э. Лейст, рассматривая позитивно-нормативный, естественно-правовой и социологический подходы, тоже приходит к выводу о том, что «эти понимания права столь же верны, сколь и оспоримы»: Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002. С. 274.
10. Там же.
11. *Демидов А.И.* О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 14–15.
12. *Стовба А.В.* О перемене сущности, или Что есть право в эпоху постметафизики // Правоведение. 2008. № 1. С. 159.
13. *Хохлов Е.Б.* Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Правоведение. 2004. № 1. С. 4–6.
14. *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 27.
2. *Popov V.I.* Types of legal understanding: the problem of philosophical and legal substantiation // Bulletin of Tyumen state University. 2009. № 2. P. 156–161; *Frolova E.A.* Methodological basis of differentiation of concepts of law / / State and law. 2009. № 4. P. 63–73; It is the same. Concept and typology of law // Law and state. 2012. № 5. P. 12–25.
3. *Voblikov V.Y.* Understanding the modern Russian theory of law // CREDO NEW theoretical journal. 2006. № 3. URL : <http://www.credonew.ru/content/section/10>
4. *Surux V.M.* Logical foundations of the General theory of law. Vol. 1. Elemental composition. M., 2004. P. 139; *Tolstik V.A.* From pluralism of law understanding to the struggle for the maintenance of law // State and law. 2004. № 9. P. 14–15; *Avdeeva N.V.* Integrative theory of legal consciousness in modern Russia: Avtoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Nizhny Novgorod, 2005. P. 2–4, 9; *Anosova M.M.* Modern system normative approach to law-understanding and law-enforcement: problems of theory and practice: autoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. Vladimir, 2007. P. 8.
5. *Baitin M.I.* Essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). M., 2005. P. 97.
6. *Lapaeva V.V.* Types of legal understanding: legal theory and practice. M., 2012. Pp. 6-7, 13-15.
7. *Chestnov I.L.* Dialogical ontology of law in the postmodern situation // Jurisprudence. 2001. №3. P. 46.
8. *Mamut L. S.* Legal ideas of classical liberalism in the context of modern jurisprudence. Legal ideas and institutions in historical and theoretical discourse. M., 2008. P. 169.
9. *Martyshin O.V.* Are the main types of understanding of law Compatible? // State and law. 2003. № 6. P. 14. By the way, O.E. Leist, considering the positive-normative, natural-legal and sociological approaches, also comes to the conclusion that «these understandings of law are as true as they are disputed»: Leist O.E. the Essence of law. M., 2002. P. 274.
10. In the same place.
11. *Demidov A.I.* On the methodological situation in law // Jurisprudence. 2001. № 4. P. 14–15.
12. *Stovba A.V.* On the change of essence, or What is law in the era of post-metaphysics // Jurisprudence. 2008. № 1. P. 159.
13. *Khokhlov E.B.* Legal chimeras as a problem of modern Russian legal science // Jurisprudence. 2004. № 1. P. 4–6.
14. *Lapaeva V.V.* Types of legal understanding: legal theory and practice. M., 2012. P. 27.

15. *Адо П.* Что такое античная философия? М., 1999. С. 42.
16. *Коркунов Н.М.* История философии права. Пособие к лекциям. СПб., 1908. С. 9–15.
17. *Платон.* Законы // Платон. Сочинения : в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 190.
18. Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 644.
19. *Гегель Г.В.* Наука логики. СПб., 1997. С. 136.
20. *Нерсесянц В.С.* Право – математика свободы. М., 1996.
21. *Алексеев С.С.* Право: методологические подходы к исследованию // Вопросы философии. 1983. № 3. С. 116; *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 1–2, 275; *Морозова Л.А.* Теория государства и права. М., 2003. С. 274, 275; *Варламова Н.В.* Предметно-методологическое единство и дифференциация теоретического знания о праве // Ежегодник либертарно-юридической теории. Выпуск 1. М., 2007. С. 14–15, 27.

15. *Ado P.* What is ancient philosophy? M., 1999. P. 42.
16. *Korkunov N.M.* History of philosophy of law. Manual for lectures. SPb., 1908. P. 9–15.
17. *Platon.* The Laws / Plato. Compositions : In 3 t. T. 3. Part 2. M., 1972. P. 190.
18. Philosophical encyclopedic dictionary. M., 1989. P. 644.
19. *Hegel G.V.* Science of logic. SPb., 1997. P. 136.
20. *Nersesyants V.S.* the Right – mathematics of freedom. M., 1996.
21. *Alekseev S.S.* Law: methodological approaches to research // Questions of philosophy. 1983. № 3. P. 116; *Leist O.E.* Essence of law. Problems of theory and philosophy of law. M., 2002. P. 1–2, 275; *Morozova L.A.* Theory of state and law. M., 2003. P. 274, 275; *Varlamova N.B.* Subject-methodological unity and differentiation of theoretical knowledge of law // Yearbook of libertarian legal theory. Issue 1. M., 2007. P. 14–15, 27.

Иваненко Игорь Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры административного
и финансового права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
ivanenko.igor@mail.ru

Григорян Алина Ашотовна

студентка 3 курса
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
ivanenko.igor@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУТА ФИНАНСОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуются вопросы финансовой ответственности, обосновывается ее выделение в качестве самостоятельного вида юридической ответственности и ограничения от административной ответственности. Как полагает автор, в основе своей, финансовые правоотношения носят имущественный характер, что предопределяет воздействие на правонарушителей с помощью присущих для финансового права форм. Любое финансовое правонарушение приносит вред финансовым интересам общественно-территориальных образований (государству или муниципальному образованию).

Ключевые слова: финансовая ответственность, юридическая ответственность, финансовое правонарушение.

Современный этап экономического развития России характеризуется увеличением количества различных правонарушений в финансовой сфере, в особенности налогового и бюджетного законодательства. По данным Счетной палаты РФ за 2017 год были выявлены финансовые правонарушения на сумму 1,865 трлн руб. По словам председателя контрольно-счетного органа, данная сумма превысила показатель предыдущего года в два раза [1]. Все это повышает актуальность исследования вопросов института финансовой ответственности.

На протяжении многих лет в юридической науке существует дискуссия, касающаяся правовой природы финансовой ответственности. Анализ различных трудов теоретиков в области финансового права позволяет выделить три самостоятельных подхода к юридической природе данно-

Igor N. Ivanenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
ivanenko.igor@mail.ru

Alina A. Grigoryan

Student 3 courses
Law department,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
ivanenko.igor@mail.ru

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE INSTITUTE'S FINANCIAL RESPONSIBILITY

Annotation. The article examines the issues of financial responsibility, justifies its allocation as an independent type of legal responsibility and delimitation from administrative responsibility. The author believes, fundamentally, financial relationships are property that predetermines the impact on offenders by using the inherent financial law forms. Any financial offence brings harm to the financial interests of public entities (State or municipal education).

Keywords: financial responsibility, legal responsibility, financial offense.

го института. Ряд ученых утверждает о том, что финансовая ответственность является не особым видом юридической ответственности, а выступает в качестве разновидности административной (Е.С. Белинский, А.П. Алехин) [2]. Согласно другим взглядам, финансовая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, но при этом у нее присутствует некоторое сходство с административной, сторонниками данного подхода являются Г.С. Гуревич, А.В. Брызгалин [3].

Третий подход заключается в том, что финансовая ответственность выступает самостоятельным видом юридической ответственности (Ю.А. Крохина, А.А. Мусаткина и другие). [4, с. 37]. Данный факт обосновывается тем, что финансовое право является самостоятельной отраслью права, которое по мере развития зако-

нодательства было выделено из административного права. Данное выделение не могло произойти частично с оставлением института ответственности в административном праве. Непосредственно наличие ответственности выступает в качестве обязательной черты метода регулирования общественных отношений, а также дополнительным критерием, показывающим самостоятельность отрасли права.

По нашему мнению, данная позиция является верной, так как в качестве самостоятельного основания для применения мер государственного принуждения в сфере правонарушений в области финансового законодательства выступает финансовое правонарушение. В основе своей, финансовые правоотношения носят имущественный характер, что предопределяет воздействие на правонарушителей с помощью присущих для финансового права форм. Любое финансовое правонарушение приносит вред финансовым интересам общественно-территориальных образований (государству или муниципальному образованию). Большую свою часть данные правонарушения представляют собой неисполнение тех или иных денежных обязательств, например, путем невнесения в необходимый срок всей суммы налога.

Также следует отметить, что к лицам, которые совершили финансовое правонарушение, применяется наказание непосредственно в рамках финансовой ответственности, реализация которой заключается как раз в применении к таким правонарушителям конкретных финансовых санкций [5, с. 57].

Финансовая санкция в виде денежного взыскания представляет собой форму возложения на правонарушителей обязанности возместить определенную сумму денежных средств или претерпеть лишения имущественного характера в пользу власти.

Ю.А. Крохина утверждает, что финансовые санкции, как в виде пеней, так и штрафов имеют между собой общую юридическую природу, но при этом между ними существуют и отличительные признаки. Единая правовая природа финансовых санкций подчеркивается в Бюджетном кодексе РФ [6], на основании п. 2 или ст. 41 и пени, и штрафы являются налоговыми доходами бюджетов. Также, в российском финансовом праве у санкций есть еще один общий аспект, существенно отличающий финансовую ответственность от других видов. Любые виды финансовых санкций не могут быть поглощены никакими другими: штрафы взыскиваются на основании принципа сложения, а недоимки как и пени взыскиваются до момента полного возмещения всего причиненного ущерба.

В качестве основания, которое позволяет выделить финансовую ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности, выступает проявление самостоятельности отрасли финансового права, а также наличие специфики предмета и метода правового регулирования, как в области финансового права, так и финансо-

вой ответственности, действующей в таких сферах публичных правоотношений как каналоговые, бюджетные, валютные и банковские.

При этом в качестве факультативных критериев можно отметить:

1) наличие конкретных кодифицированных нормативно-правовых актов (Бюджетный и Налоговый кодексы), федеральных законов, а также различных подзаконных нормативно-правовых актов, которые устанавливают и регулируют отношения в сфере финансовой ответственности;

2) наличие нормативно-правовой регламентации порядка привлечения к финансовой и административной ответственности.

Серьезным пробелом современного финансового законодательства можно отметить тот факт, что в нем не получило закрепление понятия финансовой ответственности. Помимо этого, вопросы, касающиеся ее формы и оснований, регламентированы крайне нечетко.

По мнению С.Е. Батырова, финансовая ответственность представляет собой правоотношение, которое возникает из правонарушений, установленных со стороны законодательства финансовых обязательств, которые выражаются в применении к правонарушителям мер, носящих финансово-правовой характер и приводящих к наступлению негативных имущественных последствий вследствие отрицательной оценки со стороны государства данного противоправного виновного деяния, обеспечивающихся государственным принуждением [7, с. 14].

Такие ученые, Л.Г. Вострикова, Ю.А. Крохина [8, с. 104] полагают, что наличие позитивной финансовой ответственности обосновывается добровольным выполнением субъектами финансового права их обязанностей, а также обладает наличием следующих юридических признаков: присутствием связи с нормами финансового права (устанавливающими финансово-правовой статус субъекта), выступают в качестве юридической обязанности, гарантирована со стороны государственного принуждения, реализация осуществляется посредством правомерного поведения в рамках общих финансовых правоотношений.

Относительно финансовой ответственности необходимо сказать, что этот вид ответственности необходимо закрепить в финансово-правовых нормах в виде конкретной модели поведения, а также ей необходимо исполнять превентивную функцию, которая заключается в предупреждении социально-опасных правонарушений.

Сущность и содержание финансовой ответственности определяют ее цели. Эти цели прямо не были закреплены в законодательстве, но теоретиками финансовой ответственности выделяются цели и задачи на основании внутриотраслевых нормативно-правовых актов.

В качестве фактического основания финансово-правовой ответственности выступает финансовое правонарушение.

Важно сказать о том, что в настоящее время отсутствует также и конкретное понятие «финансовое правонарушение», но при этом в Бюджетном и Налоговом кодексах РФ закреплены понятия «налоговое правонарушение» и «бюджетное правонарушение».

В теории юридической науки под финансовым правонарушением понимается общественно-опасное, противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), которое совершено субъектом финансового права в несоблюдении основных положений финансового законодательства, за которое следует финансово-правовая ответственность, предусмотренная законодательством РФ.

Оптимально выделение целей финансовой ответственности можно выразить с помощью ее функций, представляющих собой ключевые направления данного института, как самостоятельного вида юридической ответственности.

Финансовой ответственностью предполагаются две ключевые цели: охранительная и стимулирующая. Под охранительной функцией понимается применение разнообразных средств защиты и охраны со стороны государства за нарушения в имущественной сфере, а стимулирующей – поощрение разными способами от государства различных субъектов финансового права, кото-

Литература:

1. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации в 2017 году. URL : http://audit.gov.ru/activities/annual_report/921/ (дата обращения 11.11.2018).
2. *Белинский Е.С.* К вопросу о правовой природе ответственности по налоговому законодательству // *Хозяйство и право*. 1995. № 8. С. 110–114. № 9. С. 88–93.
3. *Брызгалин А.В.* Налоговая ответственность: Применение гл. 16 Налогового кодекса РФ. М. : *Налоги и финансовое право*, 2005 г.
4. *Мусаткина А.А.* О соотношении административно-правовой и финансово-правовой ответственности // *Административное право и процесс*. 2016. № 3. С. 36–40.
5. *Мирошник С.В.* Финансово-правовая ответственность как институт финансового права // *Современная теория финансового права: научные и практические аспекты развития институтов общей части финансового права: Материалы международной научно-практической конференции*. М., 2012. С. 57–58.
6. *Крохина Ю.А.* Финансовое правонарушение: понятие, состав и санкции // *Финансовое право*. 2004. № 3. С. 16–20.
7. *Батыров С.Е.* Финансово-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.

рые надлежащим образом осуществляют свои обязанности в сфере финансовых правоотношений. Помимо основных функций можно также выделить факультативные, например, восстановительная, карательная, превентивная и воспитательная.

Таким образом, механизм финансовой ответственности заключается в следующем: государством предоставляются для физических и юридических лиц экономические свободы, заключающиеся в их праве реализовывать разнообразные операции с финансовыми средствами, но при этом государством устанавливаются определенные правовые обязанности для субъектов финансового права, которые они должны исполнять. Если же данные предписания не выполняются, то по отношению к нарушителям финансово-правовых норм применяется ряд особых мер государственного принуждения, влекущих также дополнительные обременения имущественного характера.

Поэтому в заключении можно сделать вывод о том, что финансовая ответственность является обособленной мерой защиты со стороны государства, у нее есть собственная правовая природа, а также она выступает в качестве действенного механизма для предотвращения различных правонарушений в финансовой сфере.

Literature:

1. Report on the work of the accounts chamber of the Russian Federation in 2017. URL : http://audit.gov.ru/activities/annual_report/921/ (accessed 11.11.2018)
2. *Belinsky E.S.* On the question of the legal nature of liability under tax law // *Economy and law*. 1995. № 8. P. 110–114. № 9. P. 88–93.
3. *Bryzgalin A.V.* Tax liability: Application of Chapter 16 of the Tax code of the Russian Federation. M. : *Taxes and financial law*, 2005
4. *Musatkina A.A.* On the ratio of administrative-legal and financial-legal responsibility // *Administrative law and procedure*. 2016. № 3. P. 36–40.
5. *Miroshnik S.V.* Financial and legal responsibility as an Institute of financial law // *Modern theory of financial law: scientific and practical aspects of the development of institutions of the General part of financial law: Proceedings of the international scientific and practical conference*. M., 2012. P. 57–58.
6. *Krokhina Y.A.* Financial offence: concept, composition, and sanctions // *Financial law*. 2004. No. 3. P. 16–20.
7. *Batyrov S.E.* Financial and legal responsibility: autoref. dis. ... kand. the faculty of law. sciences'. – M., 2003. 23 p.

8. *Вострикова Л.Г.* Финансовое право : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЗАО Юстицинформ, 2009. С. 104.

9. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. от 11.10.2018) // Российская газета, № 153–154, 12.08.1998.

8. *Vostrikova L.G.* Financial law : textbook for universities. 4th ed., Rev. and extra. M. : Yustitsinform, 2009. P. 104.

9. Budget code of the Russian Federation from 31.07.1998 № 145-FZ (ed. from 03.08.2018, with izm. from 11.10.2018) // RossiyskayaGazeta, № 153–154, 12.08.1998.

Иваненко Игорь Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
административного и финансового права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
ivanenko.igor@mail.ru

Очаковский Виктор Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
административного и финансового права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
victor.ochakovsky@list.ru

Пастухов Михаил Михайлович

студент 3 курса
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И. Т. Трубилина
pastuxov_mixail@mail.ru

Igor N. Ivanenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
ivanenko.igor@mail.ru

Viktor A. Ochakovsky

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Administrative and Financial Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
victor.ochakovsky@list.ru

Mikhail M. Pastukhov

Student 3 courses
Law department,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
pastuxov_mixail@mail.ru

**ИНСТИТУТ РЕЦИДИВА
НАЛОГОВОГО
ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

■ ■ ■

Аннотация. В данной работе проведен анализ правовых и практических аспектов института рецидива налогового правонарушения в налоговом законодательстве РФ. Проведен анализ судебной практики и позиции судов по вопросам повторного правонарушения и аналогичного правонарушения. Были предложены конкретные меры по совершенствованию налогового законодательства по исследуемому вопросу.

Ключевые слова: налоговое правонарушение, налоговый рецидив, повторное правонарушение, аналогичное правонарушение, пробыл в праве.

■ ■ ■

По результатам налоговых проверок производятся начисления налогов, сборов, пеней, а в случае выявленных несоответствий субъект налоговых правонарушений привлекается к налоговой ответственности. В данных ситуациях нередко случаи применения налоговыми органами положений Налогового кодекса об отягчении соответствующей ответственности и увеличения размера данного правонарушения

**INSTITUTE FOR THE RECORD
OF TAX OFFENSES
IN THE TAX LAW
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

■ ■ ■

Annotation. This work analyzes the legal and practical aspects of the institution of a tax offense recurrence in the tax legislation of the Russian Federation. The analysis of judicial practice and the position of the courts on issues of re-offense and a similar offense. Concrete measures were proposed to improve the tax legislation on the issue under study.

Keywords: tax offense, tax recurrence, repeated offense, similar offense, gap in the right.

■ ■ ■

относительно первоначального его значения, установленного в НК РФ.

Данная практика имеет место быть, благодаря наличию в Налоговом кодексе дополнительных санкций по отношению к налоговым рецидивистам. Последнее понятие означает повторное совершение лицом налогового правонарушения. В данной ситуации повторность определяется

совершением правонарушения лицом, ранее уже привлекавшимся к ответственности за аналогичное правонарушение. Исходя из положений НК РФ (п. 2 ст. 112 НК РФ), рецидив являетсяотягчающим налоговую ответственность обстоятельством [1].

На суд или налоговый орган возложена обязанность по установлению отягчающих обстоятельств. Однако в случаях, когда налоговая инспекция вынесет решение о том, что имела место быть повторность правонарушения, суд, в свою очередь, может занять противоположную позицию по данному вопросу и встать на сторону налогоплательщика [2. с. 12.].

Содержание п. 2 ст. 112 НК РФ говорит о том, что основанием для правомерного назначения штрафа суд или налоговая инспекция обязаны установить два основания:

– привлечение к налоговой ответственности лица ранее;

– аналогичность прошлого налогового правонарушения, тому которое было совершено вновь.

Для того, чтобы определить является ли лицо ранее привлеченным к налоговой ответственности, необходимо обратиться к положениям п. 3 ст. 112 НК РФ, в которых сказано о том, что лицо, с которого был взыскан штраф, считается подвергнутым санкции в период 12 месяцев с момента вступления соответствующего в законную силу решения налогового органа или суда.

С определением момента начала исчисления 12-месячного срока практических проблем не возникает, поскольку он формально определен. Однако весьма затруднительным может быть вопрос о том, является ли правонарушение повторным с точки зрения его совершения. Для того, чтобы ответить на данный вопрос необходимо установить:

а) возникновение отягчающего обстоятельства в случае, если субъект налогового правонарушения был привлечен к ответственности на момент принятия инспекцией решения, которое предусматривало повышенную санкцию;

б) возможность наложения на субъект налогового правонарушения повышенного штрафа, при условии, если лицо на момент совершения повторного правонарушения не было привлечено к ответственности за допущенное аналогичное деяние.

Формального закрепления данные вопросы в НК РФ на сегодняшний день не получили. Однако данные проблемы нашли свое отражение в Постановлении Президиума ВАС РФ от 25.05.2010 № 1400/10 [3]. В данном Постановлении сказано о том, что увеличение штрафа на 100 % возможно, при условии, если ранее лицо уже было привлечено к ответственности за аналогичное деяние. Таким образом, суд определил повторность как отягчающее обстоятельство, которое приводит к штрафу в двойном размере. Исходя из данных положений, инспекторы не

вправе применять удвоенный штраф, если новое правонарушение было совершено до привлечения к ответственности по предшествующему.

Схожую правовую позицию по данному вопросу отразил ВС РФ в своем определении от 10.04.2015 № 309-КГ15-2246 [4]. В данном определении суд подчеркнул следующее: отягчающее обстоятельство возникает исключительно в случае установления факта совершения аналогичного правонарушения в течение 12 месяцев с момента вступления в законную силу решения налогового органа или суда, которым субъект налогового правонарушения привлечен к налоговой ответственности за налоговое правонарушение, которые было ранее. Исходя из этого, суд делает акцент на следующем: отягчающее обстоятельство возникает, только в случае установления факта совершения аналогичного правонарушения.

Для иллюстрации данных решений рассмотрим следующую правовую модель. Решение о привлечении к ответственности юридического лица за совершение соответствующего налогового правонарушения вступило в законную силу 1 июня 2018 года. После этой даты юридическое лицо считается привлеченным к ответственности в течение последующих 12 месяцев, а именно до 2 июня 2019 года (НК РФ п. 6.1. Порядок исчисления сроков, установленных законодательством о налогах и сборах). 1 ноября 2018 года, то есть спустя 5 месяцев, юридическое лицо привлекли к налоговой ответственности за правонарушение, которое оно совершило 15 февраля 2018 года. В данном случае налоговый орган не вправе привлечь юридическое лицо к дополнительной ответственности в форме повышенного штрафа, поскольку на момент совершения правонарушения (15 февраля 2018 года) в отношении субъекта налогового правонарушения еще не было вынесено какого-либо соответствующего решения о привлечении к налоговой ответственности. Таким образом, юридическим фактом в данной ситуации являются не только даты принятия решений судом или налоговым органом, но и определенный момент совершения налогового правонарушения.

Отсюда следует, что налоговые органы должны установить соответствующий факт аналогичного правонарушения в течение 12 месяцев с момента вступления в законную силу решения суда или налогового органа, которым субъект соответствующего правонарушения был привлечен к налоговой ответственности за совершение предыдущего правонарушения.

Далее рассмотрим другой проблемный аспект, обозначенный в начале исследуемой темы, а именно аналогичность ранее совершенного налогового правонарушения тому, которое было совершено вновь.

Исходя из положений п. 2 ст. 122 НК РФ, аналогичность является условием правомерности привлечения субъекта налогового правонарушения к ответственности за повторное деяние. Однако понятие «аналогичность налогового право-

нарушения» формально не определено НК РФ. Следствием данного правового пробела является то, что вопрос об аналогичности тех или иных правонарушений сотрудники налоговых органов в каждом конкретном случае определяют из правовой природы тех или иных совершенных правонарушений.

Поскольку НК РФ понятие «аналогичность» не раскрывает, то можно применять как формальный подход, так и содержательный.

В случае формального подхода аналогичным будет являться то правонарушение, предусмотренное той же нормой, по которой ранее налогоплательщик подвергался санкциям.

В случае же содержательного подхода аналогичность должна определяться, исходя из аналогичности составов правонарушений. Так, налоговый орган, который привлек юридическое лицо к ответственности по ст. 123 НК РФ за то, что оно как агент не производило перечисления налога с доходов иностранной компании. В данной ситуации налоговый орган удвоил штраф, вследствие того, что организация ранее уже привлекалась к ответственности по ст. 123 НК РФ за неперечисление в бюджет НДС. В данной ситуации очевидно, что объективная сторона ранее совершенного налогового правонарушения отличается от вменяемого (решение ФНС России от 09.02.2016 № СА-4-9/1907) [5].

Подобный пример есть и в судебной практике. Например, юридическое лицо привлекли к ответственности за неуплату налога на прибыль. Ранее компания не уплатила НДС, штраф за повторность удвоили. Суд первой инстанции встал на сторону юридического лица и указал на то, что эти правонарушения не аналогичны, однако, апелляция и кассация указали: для признания лица, совершившим аналогичное правонарушение, не имеет значения за неуплату какого налога его наказывали ранее (постановление АС Западно-Сибирского округа от 23.07.2015 № Ф04-20950/2015) [6].

Проанализировав судебную практику о налоговых правонарушениях, можно сделать вывод о том, что эта же судебная практика выработала определение аналогичного правонарушения. Так, в постановлении ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.06.2010 № А33-10481/2009 сказано, что аналогичным правонарушением является в том случае, если лицо повторно совершает правонарушение, предусмотренное той же статьей главы 16 НК РФ или тем же пунктом той же статьи (постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 02.07.2008 № Ф08-3713/2008) [7].

Также аналогичность определяется не только статьей НК РФ, но и действиями, которые образуют объективную сторону налоговых правона-

рушений. Например, схожими по правовой природе деяния будут являться неправомерные не перечисление налога агентом в установленный срок (ст. 123 НК РФ), к такому выводу пришел Минфин России в письме от 24.07.2012 № 03-02-08/64 [8].

Другим примером аналогичности по правовой природе правонарушений будет являться повторная неявка в налоговый орган по повестке для допроса в качестве свидетеля, к данному решению пришел ФАС Восточно-Сибирского округа в своем постановлении 13.03.2012 № А74-1519/2011 [9].

В качестве примера не аналогичности деяния в силу различия в правовой природе будет являться неуплата налога и несвоевременное представление налоговой декларации, к такому выводу пришел Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении 17.04.2013 № А05-10565/2012 [10].

Проанализировав основные практические и правовые аспекты института рецидива налогового правонарушения и выделив основные проблемы касательно его недостаточной правовой регламентации в Налоговом законодательстве РФ, нам представляется весьма целесообразным внести в НК РФ определенные изменения. А именно для устранения правовых пробелов в сфере рецидива налогового правонарушения дополнить п. 2 ст. 112 НК РФ подпунктом первым и подпунктом.

Во-первых, включить в п. 2. ст. 112 НК РФ пп. 1 и изложить в следующей редакции: «Налоговый орган должен установить факт совершения аналогичного правонарушения в течении 12 месяцев с момента вступления в законную силу решения налогового органа или суда, которым налогоплательщик был привлечен к налоговой ответственности за совершение предыдущего правонарушения».

Во-вторых, включить в п. 2. ст. 112 НК РФ пп. 2 и изложить в следующей редакции: «Аналогичным правонарушениям является то, правонарушение, которое налогоплательщик совершает рамках статьи той же главы НК РФ, что и первоначальное правонарушение».

На наш взгляд введение данных норм в действующий налоговый кодекс:

а) конкретизирует институт рецидива налогового правонарушения в налоговом законодательстве;

б) устранил правовые пробелы, приведенные ранее в данной работе;

в) позитивно скажется на практике правоприменения ст.112 НК РФ.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824.

Literature:

1. Tax code of the Russian Federation (part one) of 31.07.1998 № 146-FZ (as amended on 03.08.2018) // collected legislation of the Russian Federation, n 31, 03.08.1998, article 3824.

2. Курдюк П.М. Мелкие преступления: взаимосвязь или размывание границ административной и уголовной ответственности? / П.М. Курдюк, Ю.И. Чернов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 139.

3. Постановлению Президиума ВАС РФ от 25.05.2010 № 1400/10.

4. Определение ВС РФ от 10.04.2015 № 309-КГ15-2246.

5. Решение ФНС России от 09.02.2016 № СА-4-9/1907.

6. Постановление АС Западно-Сибирского округа от 23.07.2015 № Ф04-20950/2015.

7. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.06.2010 № А33-10481/2009.

8. Письмо Минфина России от 24.07.2012 № 03-02-08/64.

9. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 13.03.2012 № А74-1519/2011.

10. Постановление ФАС Северо-Западного от 17.04.2013 № А05-10565/2012.

2. Kurduyk P.M. Minor offenses: the relationship or the blurring of boundaries of administrative and criminal liability? / P.M. Kurduyk, Y.I. Chernov // Bulletin of Krasnodar University of the Russian interior Ministry. 2018. №139.

3. The decree of the Presidium of the SAC dated 25.05.2010 № 1400/10.

4. Definition of the armed forces from 10.04.2015 № 309-КГ15-2246.

5. Decision of the Federal tax service of 09.02.2016 № SA-4-9/1907.

6. AC resolution of the West Siberian district of 23.07.2015 № F04-20950/2015.

7. Resolution of the Federal East Siberian region from 29.06.2010 № А33-10481/2009.

8. Letter № 03-02-08/64 of the Ministry of Finance of 24.07.2012.

9. Resolution of the Federal Vostochno-Siberian district from 13.03.2012 № А74-1519/2011.

10. Resolution FAS North-West of 17.04.2013 № А05-10565/2012.

Каракай Марина Игоревна
адъюнкт кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет
МВД России
karakay.marina@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА «ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассмотрены точки зрения разных авторов, нормы законодательства понятия «имущественный вред» (содержание, значение). С использованием формально-юридического метода формируется авторское определение имущественного вреда, в статье анализируется проблема соотношения понятий «имущественный вред» и «материальный вред», дается обзор имеющихся в юридической литературе позиций по вопросу разграничения указанных терминов.

Ключевые слова: законодательство, имущество, имущественный вред, материальный вред, потерпевший, преступление, возмещение, упущенная выгода.

Российская Федерация рассматривает человека, его права и свободы в качестве высшей ценности. Тем самым, демонстрируя свое представление о взаимоотношении: государства и личности, вынося на передний план именно личность. В статье 2 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. При этом, для реализации этого принципа имеют большое значение, социальные функции каждого отдельного человека, его ответственность перед другими людьми, государством и обществом в целом. Только лишь в этом случае принцип признания человека высшей ценностью может распространиться в равной степени на каждого члена общества.

Согласно статье 52 Конституции Российской Федерации, «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». В силу пункта 1 части 1 статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уголовное производство преследует цель защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений [2].

Marina I. Karakay
Graduated in a Military Academy
of Department of Criminal Proceedings,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
karakay.marina@mail.ru

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPT AND CONTENT OF THE TERM «PROPERTY DAMAGE» IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. In this article the points of view of different authors, norms of the legislation of the concept «property harm» (the maintenance, value) are considered. Using the formal-legal method, the author's definition of property damage is formed, the article analyzes the problem of the relationship between the concepts of «property damage» and «material damage», provides an overview of the positions available in the legal literature on the issue of differentiation of these terms.

Keywords: legislation, property, property damage, material damage, victim, crime, compensation, lost profit.

Исходя из этого конституционного положения и толкования норм материального права в уголовно-правовой отрасли, потерпевший имеет право участвовать в уголовном преследовании обвиняемого, причем ему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, и расходов, понесенных им вследствие его участия в уголовном процессе.

Приступая к исследованию сущности и значения имущественного вреда в действующем российском законодательстве, следует отметить, что преследуя основную цель, выраженную в защите общественных и государственных интересов, нарушенных преступлением, государство не должно игнорировать интересы каждого лица, пострадавшего от преступления [4, с. 159]. Как нам представляется, организация работы по возмещению причиненного преступлением ущерба, должна активно проводиться на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в том числе и в процессе проведения досудебных процессуальных проверок. Однако до направления уголовного дела в суд на стадии расследования этому направлению процессуальной деятельности уделяется несоизмеримо меньше внимания, чем процессу доказывания, обеспечению прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Согласно данным МВД

РФ за 2018 года, процент возмещения вреда в России составил 12,5 %, в Краснодарском крае 4,1 %. [4]. Из приведенной выше статистики видно, что обеспечение права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, реализуется не в полной мере. В связи с этим, возмещение вреда, причиненного преступлением и принятие мер по его обеспечению, восстановление нарушенных прав потерпевшего приобретают особую значимость. Уголовно-процессуальный закон, используя термин «имущественный вред», не закрепляет его определения. Нет единого мнения относительно данного термина среди учёных-юристов [5, с. 42]. Так, по мнению Г.Ф. Шершеневича, имущественный вред охватывается понятием «убытки», которые в любом случае нельзя отождествлять с моральным вредом. Убытки всегда являются фактическим ущербом, так как они заключаются в снижении стоимости имущества [6, с. 151]. Добавим, что при совершении преступления само имущество может не потерять своей ценности, однако оно выбывает из законного владения лица, пострадавшего от его совершения. Самойлова Ж.В. утверждает, что «имущественный вред может проявляться как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды» [7, с. 124–127]. С вышеуказанными точками зрения мы не можем полностью согласиться, так как, по нашему мнению, имущественный вред – это вред, направленный конкретно на имущество потерпевшего, а убытки, которые несет потерпевший в связи с совершением в отношении его имущества преступного деяния, больше можно отнести к материальному вреду, который в нашем понимании имеет более широкое толкование. Небезосновательно П.П. Гуреев полагал, что имущественный вред понимается как «уничтожение или уменьшение имущества блага, а также другие нарушения имущественных прав граждан, которые наступили в результате преступления» [8, с. 112]. Даная позиция, наиболее верная по нашему мнению.

Анализ законодательства и приведенных авторских позиций относительно исследуемого вопроса позволил нам предложить свое авторское определение термина «имущественный вред», который необходимо понимать как негативное последствие, наступившее вследствие совершения преступного деяния, направленного на конкретное имущество лица, в чьей собственности оно находится, и обладающее качественными и количественными характеристиками. На

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 06.03.2019).

наш взгляд необходимо соотносить понятие «имущественный» с понятием «материальный вред», и установить их соотношение и взаимосвязь. Некоторые авторы считают понятие «материальный ущерб» и «имущественный вред» равнозначными, другие усматривают существенную разницу между этими понятиями.

Так, по мнению З.З. Зинатуллина, понятие материального ущерба шире, чем понятие имущественного вреда, обосновывая это тем, что материальные лишения возникают не только при причинении имущественного вреда, но и при физическом ущербе, нанесенном человеку, что влечет за собой такие же лишения в виде денежных расходов на восстановление здоровья, погребение и т.д. [9, с. 7] Нельзя не согласиться с данной точкой зрения, однако, в данном определении необходимо указать умысел, направленный на конкретное имущество потерпевшего.

Аналогичное мнение разделяет А.Л. Сидоренко, определяя понятие «материальный вред» шире имущественного, потому что имущественный – это вред только наличному имуществу, а материальный вред характеризует все изменения в материальной сфере пострадавшего (например, упущенная выгода) [10, с. 13]. Альперт С.А. и Азаров В.А. в своих работах не разделяют понятия материального и имущественного вреда [11, с. 11], считая их одинаковыми по значению, с чем мы не можем согласиться [12, с. 26]. Все вышесказанное дает нам возможность сделать следующие выводы, материальный ущерб является понятием наиболее «широким», и не идентичен имущественному вреду, но включает в себя этот вред сам по себе, поскольку материальный ущерб возникает не только в результате посягательства на имущественные отношения. При причинении имущественного вреда преступный умысел виновного направлен именно на конкретное имущество, потерпевшего. Материальный же вред может возникнуть вследствие затрат в виде денежных средств на восстановление здоровья, которому был нанесен вред в результате преступных действий, денежной компенсации на восстановление психического здоровья от причиненного преступлением морального вреда, так же сюда можно включить вопросы реабилитации лица от незаконного уголовного преследования, упущенную выгоду. Таким образом, материальный вред возникает не только при посягательстве на собственность гражданина, но и на личность потерпевшего и его права.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (is accepted by national vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ).

2. Criminal procedure code of the Russian Federation» of 18.12.2001 № 174-FZ (as amended on 06.03.2009).

3. *Духовский М.В.* Русский уголовный процесс. М., 1905 // Хрестоматия по уголовному процессу России : учебное пособие / М.В. Духовский; Под ред. Э.Ф. Куцова М. : Городец, 1999. 272 с.
 4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2018 год. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/15304733> (дата обращения 03.02.2019).
 5. *Лозовский Д.Н.* Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализация в практике борьбы с организованной преступной деятельностью : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 382 с.
 6. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права по изданию 1907 г. М. : СПАРТАК, 1995. 556 с.
 7. *Самойлова Ж.В.* Возмещение имущественного вреда потерпевшему от преступления в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3(122). 4 с.
 8. *Гуреев П.П.* Защита личных и имущественных прав. М. : Наука, 1964. 110 с.
 9. *Зинатуллин З.З.* Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань. 1974. 99 с.
 10. *Сидоренко Э.Л.* Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб, 2003. 380 с.
 11. *Альперт С.А.* Защита в советском уголовном процессе прав и законных интересов лиц, понесших имущественный ущерб от преступления. Харьков. 1984. 36 с.
 12. *Азаров В.А.* Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Омск. 1995. 34 с.
3. *Dukhovskoy M.V.* Russian criminal process. M., 1905 // reader in criminal proceedings of Russia : textbook / Under the editorship of E.F. Kuzova M. : Gorodets, 1999. 272 p.
 4. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for 2018. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/15304733>(date of application 03.02.2009).
 5. *Lozovsky D.N.* Criminalistic doctrine of methods of investigation of crimes and its implementation in the practice of combating organized criminal activity: abstract dis. doctor of law: SPb, 2011. 382 p.
 6. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian civil law in 1907. M. : SPARTAK, 1995. – 556 p.
 7. *Samoylova Zh.V.* Compensation of property damage to the victim of a crime in the Russian criminal proceedings // Bulletin of the Orenburg state University. 2011. № 3(122). 4 p.
 8. *Gureev P.P.* Protection of personal and property rights. M. : Nauka, 1964. 110 p.
 9. *Zinatullin Z.Z.* Compensation of material damage in criminal proceedings. Kazan. 1974. 99 p.
 10. *Sidorenko E.L.* Negative behavior of the victim and the criminal law. SPb, 2003. 380 p.
 11. *Alpert S.A.* Protection in the Soviet criminal process of the rights and legitimate interests of persons who have suffered property damage from the crime. Kharkov. 1984. 36 p.
 12. *Azarov V.A.* Problems of theory and practice of protection of property interests of the person in criminal proceedings. Omsk. 1995. 34 p.

Карлеба Владимир Александрович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
karleba@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.В.

Аннотация. В статье анализируется состояние борьбы правоохранительных органов Российской Федерации с легализацией (отмыванием) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем в период становления капиталистической системы хозяйствования в период с 1991–2002 годы. Указанный период времени был самым благоприятным для легализации денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, так как в Российской Федерации просто не существовало нужды в доказывании законности источника появления денежных средств. По поводу происхождения капиталов, как правило, вопросы никогда, никем и никому не задавались. Причинными факторами создавшегося положения являлось несовершенство правовой базы и невозможность правоохранительных органов противостоять лавине легализованного криминального капитала. Полное бездействие правоохранительных органов в этой области поставили под угрозу национальную безопасность страны и, в конечном итоге, сам факт существования государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, капитализация российской экономики, кланово-олигархический капитализм, криминально-бюрократическая элита, приватизация, экономическая преступность, легализации денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, коррупция, комитет по финансовому мониторингу (КМФ), экспорт капитала, эмиграция капитала.

Проводимая в России 1991–2001 гг. государственная политика «дикой» капитализации российской экономики привела к тяжелым последствиям. Экономические «ошибки» российского правительства, допущенные в области отпуска цен в начале 1990-х годов, ускорили процесс расхищения государственного достоя-

Vladimir A. Karleba
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of Criminal Procedure,
Kuban State Agricultural University
karleba@mail.ru

PECULIARITIES OF LEGALIZATION (LAUNDERING) OF FUNDS AND OTHER PROPERTY, OBTAINED BY CRIMINAL MEANS IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE END OF XX – EARLY XXI CENTURIES

Annotation. The article analyzes the state of the struggle of the law enforcement agencies of the Russian Federation with the legalization (laundering) of funds and other property obtained by criminal means during the period of the capitalist economic system establishment in the period from 1991–2002. This period of time was most favorable for the legalization of funds and other property obtained by criminal means, since in the Russian Federation there was simply no need for «laundering» money. Regarding the origin of fund, as a rule, the questions by anyone or to anyone were never asked. The cause factors of the current situation were due to the imperfection of the legal base and the impossibility of law enforcement agencies to resist the avalanche of legalized criminal capital. The total omission of law enforcement agencies in this area lay down at stake the national security of the country and, ultimately, the very existence of the state.

Keywords: national security, capitalization of the Russian economy, crony capitalism, criminal bureaucratic elite, privatization, economic crime, funds laundering and other criminal assets, corruption, committee on financial intelligence (CFI), capital export, capital emigration.

ния, что вполне соответствовало жизненным интересам криминально-бюрократической элиты, которая открыто и на «законной основе» получила государственные инвестиционные ресурсы для своих частных предприятий, исполняющих роль посредников в торговле.

Одновременно, с целью ограничения размеров инфляции, правительство резко повысило размеры налоговых платежей и взвинтило ставки кредитов, что также не спасло расползающуюся по швам экономику, однако способствовало укреплению позиций организованной преступности в банковской сфере. Возврат кредитов и контроль банков стали основной сферой деятельности криминальных структур.

Проведенная правительством приватизация, в результате которой денег от распродажи не получили ни правительство, ни приватизируемые предприятия, а предприятия не получили эффективного собственника, способного управлять или хотя бы контролировать управление, также соответствовала интересам криминальных структур.

В середине 1990-х годов общественные и экономические отношения в России кардинально изменились и повлекли изменения в самой преступности, как по масштабу, так и по степени разрушительного влияния на общественную жизнь, функционирование и безопасность государства. В отличие от общественных отношений, характерной особенностью изменений преступных проявлений явилось то, что эти изменения произошли стремительно, и общество не успело адекватно отреагировать на них.

В июне 1998 года, действующий тогда Генеральный прокурор России Ю. Скуратов заявил, что Россия находится в такой ситуации, «когда бездействие правоохранительных органов может поставить под угрозу национальную безопасность страны и, в конечном итоге, сам факт существования государства» [1].

По оценкам экспертов, период времени с 1991–2001 гг. был самым благоприятным для легализации денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем. Несовершенство правовой базы и невозможность правоохранительных органов противостоять лавине легализованного криминального капитала, свели, на нет, все попытки общественности и правоохранительных органов, поставить под контроль финансовую основу преступности. «В России просто не существовало нужды в «чистке» денег. Вопросы по поводу происхождения ваших капиталов, как правило, никогда и никем и никому не задаются. Достаточно того, что вы просто им владеете» [2], указывал ведущий западный криминолог Фил Вильямс.

Автору настоящего исследования приходилось лично сталкиваться с проблемными вопросами борьбы с экономическими преступлениями этого периода времени [3].

Так, низкий профессиональный уровень следственных работников и коррупция в системе правоохранительных органов не позволяли привлекать экономических преступников к уголовной ответственности. Основным аргументом коррумпированных чиновников являлся тезис, что накопление первоначального капитала во всех периодах истории носит криминальный характер, а

поэтому ради «демократического» развития экономики страны и нарождающегося класса бизнесменов возможны нарушения законов при условии благотворительности последних в сферы социальной и правоохранительной деятельности.

Достаточно наглядно отражает сложившуюся ситуацию и работа российских правоохранительных органов по противодействию легализации преступных доходов, а именно расследованию преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174 – 1 УК РФ.

По данным ВНИИ МВД России, в 1997 г. было выявлено 241 преступление, в 1998 г. – 1003, в 1999 г. – 965, 2000 г. – 1784 [4]. На эти же данные ссылаются в своих исследованиях В.М. Алиев [5], Ю.В. Коротков [6] и Т.В. Молчанова. [7] В свою очередь, Т.В. Молчанова отмечает, что в 2001 г. было выявлено в России 1439 преступлений и в 2002 г., соответственно, 1076 [8], однако, приведенные нами данные не в полной мере соответствуют материалам из других источников.

Так, в аналитических материалах МВД России указывается, что в 1997 году выявлено только 207 (–36) фактов легализации денежных средств и имущества, добытых незаконным путем [9], а по данным ГИЦ МВД России в 2002 г. выявлено 1129 (+53) преступлений, связанных с легализацией денежных средств или иного имущества, добытых преступным путем [10].

По данным ВНИИ МВД России, были направлены в суд уголовные дела, в которых нашло подтверждение следующие количество выявленных преступлений: 1997 г. – 149, 1998 г. – 745, 1999 г. – 679, 2000 г. – 1091 [11]. По данным Следственного комитета при МВД РФ, в 2001 г. были направлены в суд уголовные дела о 973 фактах отмытия незаконных доходов [12]. Эти же данные приводятся в исследовании В.М. Алиева, за исключением того, где он указывает на то, что в 1997 г. в суд было направлено уголовные дела на выявленные не 149, а 166 эпизодов преступной деятельности (+17) [13].

Большие расхождения в источниках и в количестве привлеченных к уголовной ответственности лиц за этот вид преступления, а также осужденных.

По данным ВНИИ МВД России, в 1997 г. привлечено к уголовной ответственности 17 чел., соответственно в 1998 г. – 55, 1999 г. – 65, 2000 г. – 92 [14]. В свою очередь, Коротков Ю.В. приводит данные о привлеченных к уголовной ответственности за 1997 г. – 16 чел. (–1) [15]. Вместе с тем, в исследовании В.М. Алиева указано, что в 1997 г. привлечено к уголовной ответственности за указанные преступления 26 чел. (+9), в 1998 г. – 107 (+52) [16], а по сведениям, которые были переданы ВНИИ МВД РФ в Управление Организации Объединенных Наций по контролю за наркотиками и предупреждению преступности, было привлечено к уголовной ответственности за отмытие незаконных доходов в 1999 г. – 105 чел.

(+40) [17]. По данным Следственного комитета при МВД РФ в 2001 г. было привлечено к уголовной ответственности за отмывание незаконных доходов 108 чел. [18].

В аналитическом обзоре практики борьбы с легализацией доходов, полученных от незаконной деятельности в сфере экономики, ВНИИ МВД РФ отмечается, что по ст. 174 УК РФ было осуждено в 1997 г. 5 чел., в 1998 г. – 21, в 1999 г. – 21, в 2000 г. – 28 чел., а всего за указанный период – 75 чел. [19]. Эти же данные приводит в своем исследовании и Т.В. Молчанова [20]. Вместе с тем, А. Истомина и др. утверждают, что осуждено по ст. 174 УК РФ в 1998 г. всего 8 чел. (–13), в 1999 г. – 11 чел. (–10) [21]

Настораживал тот факт, что за 1997-2001 гг. в России выявлено всего 7 фактов совершения легализации преступных доходов работниками кредитно-финансовой и банковской систем. Среди работников органов государственной власти и местного самоуправления не выявлено ни одного случая легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества полученных преступным путем, что может вызвать только недоумение, при существующем уровне коррупции в стране [22].

С 2002 г. ГИЦ МВД России стал публиковать официальные данные по количеству зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. ст. 174 и 174-1 УК РФ. Так, в 2002–2003 гг. было выявлено 1129 и 620 преступлений, а количество преступлений, по которым были направлены уголовные дела в суды, соответственно – 613 и 465, привлечено к уголовной ответственности лиц – 52 и 46 [23]. Официальные сведения об осужденных лицах за преступления, связанные с легализацией преступных доходов, за этот период времени не опубликованы.

Литература:

1. Интервью Генерального прокурора России Ю. Скуратова «Интерфаксу». 1998, июнь.
2. Российская организованная преступность: новая угроза? / Пер. с англ. А. Гостенева. М. : КРОНПРЕСС, 2000. С. 35–36.
3. Например, в апреле 1993 года Первомайского РОВД г. Краснодара было возбуждено уголовное дело № 45866 по факту контрабанды совершенной сотрудниками фирмы «Аква» и передано по подследственности в следственный отдел Управления министерства безопасности России (УМБР) по Краснодарскому краю. В процессе расследования уголовного дела было установлено, что директор фирмы Орлова заключила 26 июня 1992 года контракт с венгерской фирмой «МА-ВА-КФТ» на продажу последней минеральных удобрений (они являлись стратегическим сырьем) в общем количестве 19000 тонн. Таможенным органам Краснодарского края Орлова предоставила другой контракт, а именно о совместной деятельности фирмы «Аква» с указанной венгерской фирмой. В фиктивном договоре оговаривалось, что удобрения вывозятся в Венг-

Указанные данные о количестве возбужденных и оконченных уголовных дел за 2002–2003 гг. мало достоверны, если обратиться к данным о выявленных фактах легализации преступных доходов органами финансовой разведки (Комитет по финансовому мониторингу). По заявлению ее бывшего руководителя В. Зубкова, в 2002–2003 гг., Комитет по финансовому мониторингу (КМФ) передал правоохрательным органам 235 материалов о 22477 финансовых операциях юридических и физических лиц, имеющих признаки отмывания преступных доходов, на общую сумму более 101,5 млрд руб. и 31 материал по подозрению в причастности к финансированию терроризма. Одновременно, от правоохрательных органов поступило более 400 материалов в форме запросов и ориентировок, и по каждому 5-ому материалу фигуранты расследований совпали с имеющейся информацией в органах финансовой разведки, а это – еще не менее 200 материалов на возбуждение уголовных дел. Таким образом, за последние два года только КФМ выявил и подтвердил более 500 случаев отмывания преступных доходов, однако, по материалам КФМ было возбуждено всего 15 уголовных дел с суммой преступного дохода 2,8 млрд руб. и 20 млн дол. США [24]. По заявлению В. Зубкова, в 2003 г. судами было вынесено только 6 обвинительных приговоров за преступления, связанные с отмыванием преступных доходов, и осуждено 6 человек [25].

Приведенные выше данные подтверждают наши выводы о том, что не существовало в указанный период времени четкой картины о состоянии преступности в России, связанной с легализацией преступных доходов, в том числе, в силу отсутствия достоверной статистики по этому вопросу [26].

Literature:

1. Interview of the Procurator General of Russia Skuratov Yu. for Interfax. 1998. June.
2. Russian organized crime: a new threat? / Tr. from English. A. Gosteneva. M. : KRONPRESS, 2000. P. 35–36.
3. For example, in April 1993, the criminal case No. 45866 was opened in the Pervomaisky ROVD (Regional Department of Internal Affairs) in Krasnodar due to illegal trafficking by employees of the «Aqua» company and was transferred to the investigation branch of the Seat of the Ministry of Security (IBSMS) of the Krasnodar Territory. During the investigation of the criminal case, it was established that the director of the company Orlova had executed on June 26, 1992 the contract with the Hungarian company «MA-VA-KFT» for the sale of the latest mineral fertilisers (they were strategic raw materials) in a total of 19,000 tons. Orlova has provided the customs authorities of the Krasnodar Territory with another contract, namely, on the joint activities of the «Aqua» company with this Hungarian company. The sham contract stipulated that the fertilisers are exported to Hungary for processing,

рию на переработку, срок возвращения их в Россию 1 июля 1993 г. В дальнейшем, Орлова 24 сентября 1992 года вывезла по таможенным документам 58 вагонов хлористого калия в количестве 4000 тонн на сумму 6 млн 144 тыс. руб. в Венгерскую республику. В декабре 1992 года и январе 1993 года на счет фирмы «Аква» в акционерный «ЮГ» банк гор. Краснодара поступили денежные средства в сумме 185 тыс. долл. США от фирмы «МА-ВА-КФТ», якобы для приобретения оборудования для переработки удобрений, через банк г. Нью-Йорка, а так же деньги в сумме 68 тыс. долл. от венгерской фирмы поступили в Германию на расчетный счет дочери Орловой в «Великс» банке г. Баден-Баден. Каких либо других операций между указанными фирмами не осуществлялось, и удобрения в Россию не вернулись. Заключение агрохимической экспертизы установлено, что все перечисленные удобрения являются готовым продуктом, переработке не подлежат, и срок их хранения истек в марте 1993 года. В декабре 1993 года уголовное дело приняла к производству прокуратура Краснодарского края, сущность занятой позиции которой сводилась к тому, что Орлова стала жертвой международных мошенников. 30 декабря 1993 года уголовное дело было прекращено за отсутствием в действия Орловой состава преступления. См.: Уголовное дело № 45866 (П-66452) по факту контрабанды стратегического сырья Орловой и др. Архив Федеральной службы безопасности по Краснодарскому краю.

4. Аналитический обзор практики борьбы с легализацией доходов, полученных от незаконной деятельности в сфере экономики, с предложениями подготовленный ВНИИ МВД РФ (исх. № 1489 от 10.12.01 г.).

5. *Алиев В.М.* Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 37.

6. *Коротков Ю.В.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с легализацией (отмыванием) незаконных доходов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 87.

7. *Молчанова Т.В.* Криминологическая характеристика и профилактика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 4.

8. *Молчанова Т.В.* Криминологическая характеристика и профилактика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 4.

9. Состояние правопорядка в Российской Федерации и основные результаты деятельности органов внутренних дел и внутренних войск в 1998 году / Аналитические материалы. М., 1999. С. 17.

their deadline for return to Russia is July 1, 1993. Further, on September 24, 1992, Orlova exported to the Hungarian Republic, due to customs documents, 58 wagons of potash chloride in total of 4,000 tons in the amount of 6 million 144 thousand rubles. In December 1992 and January 1993, on the account of the «Aqua» company in the joint-stock «YUG» bank of Krasnodar were received the money in the amount of 185 thousand US dollars from the «MA-VA-KFT» company, allegedly for the purchase of equipment for the processing of fertilisers, through the New York Bank, as well as the money in the amount of 68 thousand dollars from a Hungarian company were received in Germany to the current account of Orlova's daughter in Velix Bank of Baden-Baden. There were no other transactions between these companies, and the fertilizers have not return to Russia. The conclusion of the agrochemical examination established that all the fertilisers listed are finished products, cannot be recycled, and their storage period expired in March 1993. In December 1993, the prosecutor's office of the Krasnodar Territory took over the criminal case, the essence of taken position was that Orlova had become a victim of international fraudsters. On December 30, 1993, the criminal case was dismissed due to the absence of corpus delicti in Orlova's actions. See: Criminal case № 45866 (П-66452) due to illegal trafficking of strategic raw materials by Orlova and others. Federal Security Service archive in the Krasnodar Territory.

4. Analytical review of the practice of combating the legalization of proceeds received from illegal activities in the economy, with proposals prepared by the All-Union Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ref. № 1489 of December 10, 2001).

5. *Aliyev V.M.* Theoretical foundations and applied problems of combating the legalization (laundering) of proceeds received by illegal means // Extended abstract of dissertation dr. of legal sciences. M., 2001. P. 37.

6. *Korotkov Yu.V.* Criminal law and criminological aspects of the fight against the legalization (laundering) of fraudulent funds : dis ... cand. of legal sciences. M., 1998. P. 87.

7. *Molchanova T.V.* Criminological characteristics and prevention of the legalization (laundering) of funds or other property received by criminal means // Extended abstract of dissertation of candidate of legal sciences. M., 2003. P. 4

8. *Molchanova T.V.* Criminological characteristics and prevention of the legalization (laundering) of funds or other property received by criminal means // Extended abstract of dissertation of candidate of legal sciences. M., 2003. P. 4.

9. The state of law and order in the Russian Federation and the main results of the internal affairs agencies activities and internal forces in 1998 / Analytical materials. M., 1999. P. 17.

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2002 года. ГИЦ МВД России. М., 2003. С. 16.
11. Аналитический обзор практики борьбы с легализацией доходов, полученных от незаконной деятельности в сфере экономики, с предложениями подготовленный ВНИИ МВД РФ (исх. № 1489 от 10.12.01 г.).
12. Обзор практики расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем подготовленный Следственным комитетом при МВД России (исх. № 17/3 – 842 от 23.01.02 г.).
13. *Алиев В.М.* Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 37.
14. Аналитический обзор практики борьбы с легализацией доходов, полученных от незаконной деятельности в сфере экономики, с предложениями подготовленный ВНИИ МВД РФ (исх. № 1489 от 10.12.01 г.).
15. *Коротков Ю.В.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с легализацией (отмыванием) незаконных доходов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 87.
16. *Алиев В.М.* Теоретические основы и прикладные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем // автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2001. С. 37.
17. Русский капитализм и отмывание денег. Глобальная программа борьбы с отмыванием денег. Управление Организации Объединенных наций по контролю за наркотиками и предупреждению преступности. Нью-Йорк, 2001. С. 26.
18. Обзор практики расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем подготовленный Следственным комитетом при МВД России (исх. № 17/3 – 842 от 23.01.02 г.).
19. Аналитический обзор практики борьбы с легализацией доходов, полученных от незаконной деятельности в сфере экономики, с предложениями подготовленный ВНИИ МВД РФ (исх. № 1489 от 10.12.01 г.).
20. *Молчанова Т.В.* Криминологическая характеристика и профилактика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : автореф. дис ... кандидата юрид. наук. М., 2003. С. 4
10. The state of crime in Russia in January-December 2002. Main Information Centre of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. M., 2003. P. 16.
11. Analytical review of the practice of combating the legalization of proceeds received from illegal activities in the economy, with proposals prepared by the All-Union Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ref. № 1489 of December 10, 2001.)
12. Review of the investigating practice of the legalization (laundering) of funds or other property received by criminal means prepared by the Investigative Committee attached to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ref. № 17/3 – 842 of January 23, 2002)
13. *Aliyev V.M.* Theoretical foundations and applied problems of combating the legalization (laundering) of proceeds received by illegal means // Extended abstract of dissertation dr. of legal sciences. M., 2001. P. 37.
14. Analytical review of the practice of combating the legalization of proceeds received from illegal activities in the economy, with proposals prepared by the All-Union Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ref. № 1489 of December 10, 2001.).
15. *Korotkov Yu.V.* Criminal law and criminological aspects of the fight against the legalization (laundering) of fraudulent funds : dis ... cand. of legal sciences. M., 1998. P. 87.
16. *Aliyev V.M.* Theoretical foundations and applied problems of combating the legalization (laundering) of proceeds received by illegal means // Extended abstract of dissertation dr. of legal sciences. M., 2001. P. 37.
17. Russian capitalism and money laundering. Global anti-money laundering program. United Nations Office of drug control and prevention of criminality. New York, 2001. P. 26.
18. Review of the investigating practice of the legalization (laundering) of funds or other property received by criminal means prepared by the Investigative Committee attached to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ref. № 17/3 – 842 of January 23, 2002.)
19. Analytical review of the practice of combating the legalization of proceeds received from illegal activities in the economy, with proposals prepared by the All-Union Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ref. № 1489 of December 10, 2001.).
20. *Molchanova T. V.* Criminological characteristics and prevention of the legalization (laundering) of funds or other property received by criminal means // Extended abstract of dissertation of candidate of legal sciences. M., 2003. P. 4

21. *Истомин А.* Состояние уголовного законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) / А. Истомин, Т. Устинова, В. Бурковская, Е. Четвертакова // Уголовное право. 2001. № 2. С. 40.

22. *Молчанова Т.В.* Криминологическая характеристика и профилактика легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 19.

23. См.: Состояние преступности в России за 2002, 2003 г. // ГИЦ МВД РФ.

24. Выступление председателя Комитета по финансовому мониторингу В. Зубкова на III Международном экономическом и финансовом форуме представителей международных финансовых организаций и финансовых разведок (2 февраля 2004), Выступление председателя Комитета по финансовому мониторингу В. Зубкова на расширенной коллегии Комитета Российской Федерации по финансовому мониторингу (10 марта 2004).

25. Интервью председателя Комитета по финансовому мониторингу В. Зубкова Интерфаксу-АФИ. М., № 004. 19 февраля.

26. См.: «Методические рекомендации по практике выявления, квалификации, документирования и расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174-1 УК РФ с анализом следственной практики по уголовным делам данной категории» подготовленные ГСУ ФСНП РФ (исх. № 18/4650 от 28 октября 2002 г.)

21. *Istomin A.* The state of criminal legislation on liability for crimes in the economic activity sphere (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation) / A. Istomin, T. Ustinova, V. Burkovskaya, E. Chetvertakova // Criminal Law. 2001. № 2. P. 40.

22. *Molchanova T.V.* Criminological characteristics and prevention of the legalization (laundering) of funds or other property received by criminal means // Extended abstract of dissertation of candidate of legal sciences. M., 2003. P. 19.

23. See: The state of crime in Russia for 2002, 2003 // Main Information Centre of Ministry of Internal Affairs of the Russian.

24. Speech of the Chairman of the Committee on financial intelligence V. Zubkov at the III International Economic and Financial Forum of Representatives of International Financial Organizations and Financial Intelligence (February 2, 2004), Speech of the Chairman of the Committee on financial intelligence V. Zubkova on the grand board of the Committee of the Russian Federation on financial intelligence (March 10, 2004).

25. Interview of Chairman of the Committee on financial intelligence V. Zubkov Interfax-AFI. M. № 004. February 19th.

26. See: «Methodical recommendations on the practice of identifying, qualifying, documenting and investigating crimes under Art. 174, 174-1 of the Criminal Code of the Russian Federation with analysis of the investigative practice in criminal cases of this category» prepared by the Federal State Tax Service of the Federal Tax Police Service of the Russian Federation (Ref. № 18/4650 of October 28, 2002).

Карпов Олег Вячеславович

старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
okarp67@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

Баранова Анна Васильевна

студентка факультета
права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
anya kot99@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМОСТИ
ПРАКТИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ И ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА**

■ ■ ■
Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия органов внутренних дел с представителями гражданского общества по вопросам обеспечения правопорядка. Проанализировав различные периоды развития нашего общества, авторы приходят к выводу о необходимости и важности такого сотрудничества. В подтверждение этого приводятся и некоторые статистические данные. О признании этого на федеральном уровне свидетельствует и принятие соответствующих нормативно-правовых актов. В частности, речь идет о Федеральном законе от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка, целью принятия которого явилось закрепление механизма привлечения граждан к охране общественного порядка на основе принципа добровольности. Более подробный анализ форм практического взаимодействия общественности и органов правопорядка проведен на примере конкретного субъекта Российской Федерации. Сделан

Oleg V. Karpov

Senior Teacher
Departments of Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
okarp67@mail.ru

Sergei A. Semenov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
kurlak09@rambler.ru

Anna V. Baranova

Student of faculty
Rights and Managements,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
anya kot99@mail.ru

**ON THE IMPORTANCE
OF PRACTICAL COOPERATION
BETWEEN LAW ENFORCEMENT
AGENCIES AND CIVIL SOCIETY
IN THE FIELD OF PUBLIC ORDER**

■ ■ ■
Annotation. The article is devoted to the analysis of the interaction of the internal Affairs bodies with representatives of civil society on the issues of law enforcement. After analyzing the different periods of development of our society, the authors come to the conclusion about the need and importance of such cooperation. In support of this are presented and some statistical data. The adoption of the relevant legal acts also testifies to the recognition of this at the Federal level. In particular, we are talking about the Federal law of 02.04.2014. № 44-FZ «On the participation of citizens in the protection of public order, the purpose of which was to consolidate the mechanism of attracting citizens to the protection of public order on the basis of the principle of voluntariness. A more detailed analysis of the forms of practical interaction between the public and law enforcement agencies is carried out on the example of a specific subject of the Russian Federation. It is concluded that the stability and security of modern

вывод о том, что стабильность и безопасность современного общества невозможно обеспечить без тесного взаимодействия полиции и населения.

Ключевые слова: гражданское общество, органы правопорядка, полиция, охрана общественного порядка, взаимодействие, общественные организации, добровольные народные дружины, пресечение правонарушений, содействие полиции, профилактика правонарушений.

society cannot be ensured without close interaction between the police and the population.

Keywords: civil society, law enforcement bodies, police, public order protection, interaction, public organizations, voluntary national teams, suppression of offenses, assistance of police, prevention of offenses.

История развития нашей страны и накопленный годами практический опыт показывают, что в решении многих задач государству просто необходима тесная взаимосвязь с представителями гражданского общества, особенно, если речь идет о таких сферах как безопасность и правопорядок. Определенную роль в данном случае играют различные негосударственные формирования правоохранительной направленности, которые оказывают содействие государственным структурам в борьбе с возникающими противоправными явлениями.

Изучению проблем в данной области посвящены работы многих авторов, среди которых есть и ученые, и практические работники, например, Томин В.Т., Беляева О.В., Павловский В.В. и целый ряд других. «Взаимодействие» в их исследованиях рассматривается в широком смысле, включая все возможные формы: использование средств массовой информации, общественный контроль, публичность деятельности ОВД, оценка этой деятельности со стороны общества [1, с. 12], и др.

Суть исследования заключается в изучении практического опыта взаимодействия органов правопорядка и гражданского общества через создание и функционирование негосударственных образований правоохранительной направленности на примере конкретного региона.

Целью работы является подтверждение необходимости дальнейшего развития и укрепления практического сотрудничества и взаимодействия органов внутренних дел и общества.

Достигнуть указанной цели возможно при условии решения следующих задач:

- 1) определение нормативной основы взаимодействия полиции и негосударственных формирований;
- 2) изучение их основных задач, функций и форм деятельности;
- 3) исследование статистических данных и показателей практической деятельности.

Институт взаимодействия гражданского общества и правоохранительных органов существует уже не первый век. Вспоминая советские годы, в качестве примера такого взаимодействия можно

привести народные дружины. Данные объединения оказывали практическое содействие органам милиции по укреплению общественного порядка, стояли на страже норм социалистического общежития, а также боролись с антиобщественными проявлениями. Подобные дружины имели авторитет у населения, дружинников слушались даже самые злые нарушители.

Такие дружины состояли в большинстве своем из граждан с повышенным правосознанием и чувством справедливости. Благодаря этому, они являлись ярким примером того, какими именно качествами должен обладать активный участник общественной и государственной жизни страны.

В настоящее время поддержка гражданами органов полиции также является одним из направлений взаимодействия в области охраны правопорядка. Эта форма позволяет практически реализовать один из многочисленных принципов деятельности правоохранительных органов: общественное доверие. Это значит, что полиция при реализации задач в области охраны общественного порядка активно взаимодействует с различными общественными объединениями правоохранительной направленности и гражданами [2, ст. 10], а те, в свою очередь, оказывают государственным структурам всемерную поддержку.

Необходимо отметить, что вопрос взаимодействия регулярно поднимается на заседаниях Общественного совета Министерства внутренних дел Российской Федерации [3]. Содействие граждан органам полиции в настоящее время является приоритетной задачей Министерства, поскольку участие населения в правоохранительной деятельности играет существенную роль в достижении поставленных перед органами задач. Именно совместные усилия есть залог успешности противостояния росту преступности.

Для подтверждения этого приведем некоторые цифры, рассмотрим, как способствуют общественные формирования органам полиции в осуществлении их задач и функций. Так, например, в 2014 году при содействии общественных формирований (народных дружин, казачьих объединений, правозащитных организаций) было раскрыто около 9000 преступлений, выявлено порядка 220000 административных правонарушений, задержано свыше 170000 человек [4]. Во многом это стало возможным с вступлением в

силу Федерального закона от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» [5].

Что являлось основной целью принятия данного закона? Во-первых, он регулирует и совершенствует механизм привлечения населения к охране общественного порядка. Во-вторых, принцип добровольности привлечения граждан, лежащий в основе Закона, несомненно, должен оказать положительное воздействие на состояние безопасности общества.

Инициативность граждан в оказании содействия полиции в поддержании правопорядка, поимке преступников, пресечении правонарушений и преступлений позволяют эффективнее бороться с преступностью. Так, граждане участвуют в пресечении и предотвращении преступлений и правонарушений еще на стадии, когда преступник и правонарушитель высказывает намерения их совершить [6, с. 384]. Для граждан, участвующих в подобной деятельности, в приоритете должны быть задачи по охране собственности, семьи, детей, общества, именно это и влияет на состояние защищенности не только отдельного человека, но и всей страны в целом.

Взаимодействие органов полиции с обществом в области предотвращения и раскрытия преступлений и правонарушений осуществляется посредством различных форм. Одной из наиболее распространенных является формирование различных организаций правоохранительной направленности, к которым, например, относятся казачьи формирования. Последнее время отмечается позитивными тенденциями в области тесного сотрудничества между органами внутренних дел и подобными организациями [7].

Еще одно важное направление данного взаимодействия – это непосредственная работа с населением, то есть профилактические работы, целью которой является предупреждение совершения правонарушений. Кроме того, создавая на своем примере позитивные образцы проявления активной гражданской позиции, добровольные формирования ведут работы по привлечению граждан к участию в охране общественного порядка, вовлекая в свои ряды новых членов.

Рассмотрим, как практически осуществляется взаимодействие общественности с правоохранительными органами на примере одного из регионов Российской Федерации. УМВД России по Владимирской области вопросам взаимодействия с общественными объединениями уделяет особое внимание, а все потому, что данные объединения за время своего существования доказали свою эффективность в сфере охраны общественного порядка, раскрытия преступлений, предотвращения и пресечения правонарушений.

Спектр действий такого рода формирований очень широк – от патрулирования улиц до участия в профилактических рейдах и оказания помощи в обеспечении безопасности во время мероприятий с массовым участием граждан [8, с. 70].

Представители добровольных народных отрядов помогают полиции выполнять свои обязанности, в том числе, в области охраны общественного порядка, информируют органы внутренних дел об угрозах общественному порядку, оказывают помощь в розыске пропавших без вести. Совместная деятельность народных бригад добровольцев и полиции в области обеспечения правопорядка и предупреждения преступности способствует повышению доверия граждан к правоохранительным органам и снижению криминальной напряженности на улицах и в общественных местах.

Для наглядности приведем статистику деятельности гражданских объединений в рассматриваемом направлении: по итогам первого полугодия 2018 года члены народных дружин привлекались к участию в мероприятиях, связанных с охраной общественного порядка на территории региона 1088 раз, при этом было задействовано более 2500 человек, при участии которых выявлено и пресечено 5739 административных правонарушений (в том числе, с использованием средств автоматической фото-видео фиксации «Арена»). По информации, предоставленной дружинниками, было раскрыто и направлено в суд 11 уголовных дел. Таким образом, статистика свидетельствует об ощущении пользы, которую приносят общественные объединения правоохранительной направленности, что наглядно характеризуется соответствующими цифровыми показателями [9].

Управлением МВД России по Владимирской области продолжается реализация мероприятий по повышению эффективности и престижа участия граждан в охране общественного порядка на территории области.

На территории Владимирской области в целях оказания помощи полиции функционируют следующие общественные организации: «Новый Рубеж» (город Гусь-Хрустальный), народная дружина «Октябрьского района города Владимира», народная дружина «Ленинского района города Владимира», дружина «Ильинского сельского поселения Меленковского района», дружина «Муниципального образования Паустовское Вязниковского района», «Первый КТОС» (город Кольчугино), «ДНД ГИБДД Киржачского района», «Народная дружина по содействию обеспечению безопасности дорожного движения города Владимира», «Мотор» (Ковровский район), дружина «Казачий патруль Вязниковского района» [9].

Все указанные дружины внесены в региональный реестр народных дружин, а все ее члены прошли серьезную проверку прежде, чем вступить в ряды дружинников. Каждый член ДНД имеет удостоверение и нагрудный знак, которые выдаются на время обеспечения охраны общественного порядка.

Что же входит в функции общественных дружин? Прежде всего, это:

– осуществление совместного с полицейскими несения патрульно-постовой службы на улицах и в общественных местах;

– проведение профилактических мероприятий с участием уполномоченными и сотрудниками ПДН;

– участие в охране общественного порядка при проведении культурно-массовых и иных общественных мероприятий;

– выявление и пресечение преступлений в сфере природоохранной деятельности.

На основании выше изложенного, мы видим, что современное гражданское общество не представляется без взаимодействия полиции и населения. Стоит отметить, что данное взаимодействие способствует поддержанию стабильности правоотношений в области правопорядка и безопасности. Как население рассчитывает на помощь полиции, представляющей собой государственный институт, призванный защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, так и полиция, в свою очередь, рассчитывает на помощь населения в обеспечении безопасности граждан.

Литература:

1. *Беляева О.В.* Взаимодействие и сотрудничество органов внутренних дел и общества в современной России // Вестник Московского Университета МВД России. 2015. № 4. С. 10–14.
2. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 года № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел РФ: указ Президента РФ от 28.07.2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31. Ст. 4712.
4. Официальный сайт МВД России. URL : <https://mvd.ru/news/item/2571439> (дата обращения 28.03.2019).
5. Об участии граждан в охране общественного порядка: федер. закон от 2 апр. 2014 года № 44-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 14. Ст. 1536.
6. *Щербakov О.Н.* Отдельные аспекты участия граждан в охране общественного порядка // Административное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 382–396.
7. Об участии граждан в охране общественного порядка. URL : https://psj.ru/saver_magazines/detail.php?ID=78532 (дата обращения 28.03.2019).
8. *Ильин П.О.* Особенности деятельности народных дружин из числа реестровых казачьих обществ, привлекаемых органами внутренних дел МВД России к охране общественного порядка // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 4-2. С. 68–75.

Подводя итог рассмотрению вопроса о необходимости практического взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества в сфере охраны правопорядка, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, создание и деятельность добровольных народных дружин является одной из самых действенных форм такого практического взаимодействия, вносящей реальный вклад в решение государственных задач в области охраны общественного порядка и формирования обстановки защищенности личности.

Во-вторых, и деятельность государственных структур и общественных формирований в данной области должна осуществляться строго в соответствии с действующим законодательством.

В-третьих, в процессе такого взаимодействия не должно иметь место подмены полномочий государственных органов негосударственными формированиями, пусть даже и в благих целях.

Literature:

1. *Belyaeva O.V.* Interaction and cooperation of the internal Affairs bodies and society in modern Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. № 4. P. 10–14.
2. About police: Feder. the law of 7 February. 2011 № 3-FZ // *Sobr. legislation Grew. Confederations.* 2011. № 7. Article 900.
3. About the statement of Regulations on Public Council at the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation of 28.07.2011 // *SOBR. legislation Grew. Confederations.* 2011. № 31. Art. 4712.
4. The official website of the Ministry of internal Affairs of Russia. URL : <https://mvd.ru/news/item/2571439> (accessed 28.03.2019).
5. On the participation of citizens in the protection of public order: Feder. law of 2 apr. 2014 № 44-FZ // *SOBR. legislation Grew. Confederations.* 2014. № 14. Article 1536.
6. *Shcherbakov O.N.* Some aspects of citizens ' participation in the protection of public order // *Administrative and municipal law.* 2016. № 5. P. 382–396.
7. On the participation of citizens in the protection of public order. URL : https://psj.ru/saver_magazines/detail.php?ID=78532 (accessed 28.03.2019).
8. *Ilyin P.O.* Features of activity of national teams from among the register Cossack societies involved by law-enforcement bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia in protection of a public order / *News of the Tula state university. Economic and jurisprudence.* 2014. № 4-2. P. 68–75.

9. Мониторинг взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества. URL : [https //мвд.рф/мониторинг-взаимодействия-с-институтами](https://мвд.рф/мониторинг-взаимодействия-с-институтами) (дата обращения 28.03.2019).

9. Monitoring interaction of the MIA of Russia with the institutions of civil society. URL : [https // MVD.RF «monitoring-interaction-with-institutions](https://MVD.RF/monitoring-interaction-with-institutions) (accessed 28.03.2019).

Лозовский Денис Николаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mai.ru

Санкин Алексей Игоревич

аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mai.ru

Фефелов Василий Николаевич

аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mai.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
СОВЕРШЕННЫЕ В СОСТАВЕ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ**

Аннотация. В статье проанализирована судебно-следственная практика по преступлениям в сфере незаконной банковской деятельности, совершенным в составе организованной группы. Авторами проведен криминалистический анализ преступных групп, предложены рекомендации по повышению эффективности расследования исследуемой категории преступлений.

Ключевые слова: преступления в сфере незаконной банковской деятельности, организованная преступная группа, методика расследования преступлений в сфере экономики.

Область обращения денежных и валютных ценностей, а также ценных бумаг – важный развивающийся элемент Российской экономики. В настоящее время финансовая сфера является наиболее привлекательной для осуществления преступной деятельности, способы совершения таких деяний весьма разнообразны. Под финансовыми преступлениями понимаются общественно опасные деяния, в сфере финансово-экономических отношений связанные с формированием, распределением и использованием

Denis N. Lozovsky

Doctor of Jurisprudence,
Associate Professor,
Professor of Criminalistics
and Legal Informatics Department,
Kuban State University
dlozovsky@mai.ru

Alexey I. Sankin

Post-graduate Student
of the Department of Criminology
and Legal Informatics,
Kuban State University
dlozovsky@mai.ru

Vasilii N. Fefelov

Graduate Student
of Department of Criminalistics
and Legal Informatics,
Kuban State University
dlozovsky@mai.ru

**SEPARATE ASPECTS
OF INVESTIGATION OF CRIMES
IN THE SPHERE OF ILLEGAL BANK
ACTIVITY MADE AS A PART
OF ORGANIZED GROUP**

Annotation. In article judicial and investigative practice on the crimes in the sphere of illegal bank activity committed as a part of organized group is analysed. The criminalistic analysis of criminal groups is carried out, recommendations about increase in effectiveness of investigation of the studied category of crimes are offered.

Keywords: crimes in the sphere of illegal bank activity, organized criminal group, a technique of investigation of crimes in the sphere of economy.

финансовых ресурсов государства, органов местного самоуправления и иных хозяйствующих субъектов, за которые уголовным законодательством Российской Федерации предусмотрена ответственность.

В числе прочих, к финансовым преступлениям относится незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), то есть, осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения

(лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Предметом данного вида преступлений являются, прежде всего, денежные средства в рублях и иностранной валюте, ценные бумаги, пластиковые карты, используемые при совершении расчетных операций физическими и юридическими лицами.

Сложность в расследовании такого вида преступлений обусловлена тем, что лица, участвующие в совершении преступлений, зачастую, обладают профессиональными познаниями в области банковской деятельности, что позволяет им длительное время избегать выявления со стороны правоохранительных органов незаконных операций, в кратчайшие сроки обналачивать и получать денежные средства, а также совершать действия по сокрытию преступлений (ликвидировать юридические лица, исказить бухгалтерскую отчетность, уничтожить документы, и т.д.).

В большинстве случаев финансовые преступления совершаются организованными преступными группами, число участников в которых достигает десятков человек, и которые отличаются:

- устойчивостью, стабильностью состава и сплоченностью ее участников, основанной на единстве их мотивов и целей, заключающихся в извлечении личной материальной выгоды, устойчивостью преступных связей и слаженностью их действий.

- подчиненностью рядовых членов группы ее руководителям;

- дисциплиной всех участников с четким распределением между ними ролей и функций, предупреждением и исключением при планировании преступления возможностей совершения непредвиденных, случайных, хаотичных, спонтанных или несогласованных действий, а равно возможностей изобличения и задержания;

- полной осведомленностью всех участников о преступном характере и общественной опасности совершаемых действий, которым планировалось придать видимость законности;

- наличием в распоряжении соучастников материальных и технических ресурсов, используемых для осуществления преступной деятельности;

- тщательностью подготовки и планирования совершения преступления с определением своих преступных ролей и обязанностей для каждого из участников группы, согласно которым должны были осуществляться определенные действия на различных стадиях совершения преступления;

- постоянством форм, методов, навыков и способов совершения преступных деяний;

- высокой степенью конспирации при ведении преступной деятельности с целью недопущения возможности выявления и пресечения незакон-

ных действий правоохранительными органами, а также привлечения участников к уголовной ответственности;

- сокрытием участниками организованной преступной группы своих незаконных действий и созданием видимости легальной деятельности подконтрольных им юридических лиц;

- уверенностью участников в безнаказанности их преступных действий;

- длительным периодом ведения преступной деятельности.

Целью совершения незаконных банковских операций для клиентов является:

- сокрытие от государственного контроля проводимых сделок;

- оптимизация сроков проведения расчетов по сделкам;

- уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей в бюджет;

- получению наличных денежных средств, не отраженных в официальных бухгалтерских документах хозяйствующего субъекта.

Преступники разрабатывают завуалированные схемы совершения преступлений, позволяющие им получать наличные денежные средства в кратчайшие сроки в крупных и особо крупных размерах [1].

Проанализируем одно из изученных уголовных дел [2]. В ходе следствия было установлено, что М., имея организаторские способности, а также опыт работы в сфере брокерской и дилерской деятельности на рынке ценных бумаг и деятельности по управлению ценными бумагами, имея умысел на незаконное извлечение дохода в особо крупном размере, создал на территории г. Москвы организованную группу для последующего совершения тяжкого преступления – незаконной банковской деятельности (банковских операций) без регистрации, с извлечением дохода в особо крупном размере. М. сам принимал решения о проведении незаконных финансовых операций по счетам находящихся под контролем членов организованной группы организаций; давал указание подчиненным лицам о выдаче и получении от клиентов нелегального банка наличных денежных средств; организовал учреждение и приобретение долей юридических лиц, реквизиты которых использовались в целях незаконной банковской деятельности; принимал решения об использовании реквизитов и печатей организаций при проведении конкретных финансовых операций; контролировал текущие расходы организованной группы и распределял извлекаемый незаконный доход между ее членами; использовал возможности подконтрольных ему и соучастникам компаний, являющихся профессиональными участниками рынка ценных бумаг и оказывающих услуги клиентам по осуществлению брокерской и дилерской деятельности на рынке ценных бумаг. При этом, М. как лично, так и через привлеченных им лиц, руководил деятельностью привлекаемых к осуществлению не-

законных банковских операций физических лиц, которые, под видом совершения фиктивных сделок купли-продажи ценных бумаг в контролируемых членами организованной группы брокерских компаниях, получали наличные денежные средства для их последующей передачи клиентам организованной группы.

Для сокрытия своей незаконной деятельности, М., совместно с С., осуществлял ведение бухгалтерской отчетности, составление и представление в налоговые органы подложной налоговой и бухгалтерской отчетности – деклараций, балансов и приложений к ним, а также договоров купли-продажи ценных бумаг, распоряжений к ним, в том числе распоряжений на вывод денежных средств с брокерских счетов и счетов ДЕПО, для создания видимости законной финансово-хозяйственной деятельности юридических лиц, используемых в целях осуществления незаконной банковской деятельности.

Суть противоправной схемы при совершении преступления состояла в том, что в качестве

Литература:

1. *Рудов Д.Н.* К вопросу о расследовании незаконной банковской деятельности (по материалам расследования незаконной банковской деятельности пунктов приема платежей) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 46–49.

2. Приговор Савеловского районного суда г. Москвы от 10.04.2018 по делу № 01-0119/2018.

основания для перечисления денежных средств использовались сделки купли-продажи ценных бумаг. Для незаконного обналичивания денежных средств ценные бумаги перемещались на счета ДЕПО физических лиц, задействованных в противоправной схеме. В дальнейшем, денежные средства снимались физическими лицами с банковских счетов в расчетно-кассовых центрах банков. А при возникновении подозрений со стороны сотрудников банков к снятию крупных сумм наличных денежных средств, ими предоставлялись подложные договора купли-продажи ценных бумаг. Полученные таким образом наличные денежные средства в дальнейшем передавались клиентам нелегального банка.

Таким образом, проблемы расследования уголовного дела были обусловлены созданием сложной схемы преступления, его совершением организованной группой, наличием у её руководителя опыта и знаний в сфере рынка ценных бумаг, планированием и тщательным сокрытием результатов преступной деятельности.

Literature:

1. *Rudov D.N.* To a question of investigation of illegal bank activity (on materials of investigation of illegal bank activity of collection points for payments) // Problems of law-enforcement activity. 2017. № 3. P. 46–49.

2. A sentence of Savelovsky district court of Moscow of 10.04.2018 on case № 01-0119/2018.

Нилова Лариса Алексеевна

старший научный сотрудник,
Центр исследования проблем
исполнения уголовных наказаний
и психологического обеспечения
профессиональной деятельности
сотрудников УИС,
Федеральное казенное учреждение
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний»
lar.nilova2014@yandex.ru

Larisa A. Nilova

Senior Researcher,
Center for performance research
criminal penalties and psychological
support professional activities
of employees of the UIS,
Federal State Institution
«Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments»
lar.nilova2014@yandex.ru

**СОВРЕМЕННЫЕ ПУТИ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОСУЖДЕННЫХ НА
ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ**

**MODERN WAYS
OF IMPLEMENTATION
OF THE RIGHT
OF JUNIOR CONDEMNED
FOR PSYCHOLOGICAL HELP**

■ ■ ■
Аннотация. В статье анализируются условия для осуществления и пути реализации права несовершеннолетних осужденных на психологическую помощь, закрепленного в Уголовно-исполнительном кодексе. Основным объектом изучения данного вопроса выступает деятельность специалистов психологических лабораторий воспитательных колоний и следственных изоляторов ФСИН России. На основании статистических данных, характеризующих деятельность психологической службы за 2018 год, автор выделяет несколько направлений работы психологов с несовершеннолетними осужденными и, анализируя динамику изменения количественных показателей, дает им оценку с точки зрения реализации права осужденных на психологическую помощь.

■ ■ ■
Annotation. The article analyzes the conditions of implementation and the ways to implement the right of convicts to psychological assistance, enshrined in the Penal Code. The main object of study of this issue is the work of specialists of psychological laboratories of educational colonies of the Federal Penitentiary Service of Russia. Based on statistical data on the activities of the psychological service for 2018, the author identifies several areas of work of psychologists with convicted juveniles and, analyzing the dynamics of changes in quantitative results, gives them an assessment in terms of the realization of the right of convicts to psychological assistance.

■ ■ ■
Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, учреждения, психологическая помощь, несовершеннолетние осужденные, сотрудники, психологическая лаборатория, диагностика, психокоррекционная работа, консультации, социально-психологическая обстановка.

■ ■ ■
Keywords: penitentiary system, institutions, psychological assistance, juvenile convicts, employees, psychological laboratory, diagnostics, psychocorrectional work, counseling, socio-psychological environment.

■ ■ ■
Процесс гуманизации законодательства, направленный на повышение соразмерности наказания и правонарушения, затрагивает, прежде всего, подростков, что способствует сокращению числа лиц, достигших 18 лет, в местах лишения свободы. При этом всем лицам, находящимся в местах лишения свободы, уголовно-исполнительный кодекс гарантирует право на психологическую помощь [3]. Оказать психологическую помощь – значит содействовать человеку в решении «разнообразных проблем, порождаемых душевной жизнью человека в социуме» [2, с. 26]. Важным аспектом деятельности психо-

■ ■ ■
логической службы уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС) является психологическое сопровождение подозреваемых, обвиняемых и осужденных подростков, изолированных от общества.

■ ■ ■
Психологическая работа с несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях (далее – ВК) Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) России во многом способствует соблюдению правонарушителями установленного порядка отбывания наказания и готовит их к последующей ресоциализации после освобождения.

Мониторинг психологической работы с несовершеннолетними правонарушителями, осуществляемый на протяжении последних лет, имеет важное практическое значение для улучшения качества психологической помощи в местах лишения свободы.

Анализ деятельности психологических лабораторий (далее – ПЛ) в ВК и следственных изоляторах временного содержания (далее – СИЗО) ФСИН России показал, что по многим количественным показателям, характеризующим разные направления деятельности, в 2018 году, в сравнении с 2017 годом, наблюдается снижение [1]. В некоторой степени это связано с уменьшением количества несовершеннолетних подозреваемых обвиняемых осужденных, попадающих в места лишения свободы.

В настоящее время в УИС функционирует 23 ВК, лимит наполнения которых составляет 6380 человек. При этом штатная численность составляет 56 должностей психолога, т.е. на одного психолога может приходиться свыше ста трудных подростков. Увеличение некомплекта персонала, который в среднем составляет 5,4 %, приводит к тому, что в некоторых территориальных органах УИС нагрузка на одного психолога составляет около 180 подростков [1, с. 4].

Кроме того, за отчетный период, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ), увеличилось почти на одну треть количество сотрудников психологических лабораторий, не имеющих базового психологического образования и лишь прошедших переподготовку. Через ВК за 2018 год прошло 3315 несовершеннолетних осужденных, в большинстве это 16–17-летние подростки, пребывание которых в местах лишения свободы совпало с сенситивным периодом развития, и они нуждаются в особом внимании психолога. Такое положение требует первоочередного решения кадровых вопросов, связанных с обеспечением права несовершеннолетних правонарушителей на психологическую помощь. Снижение количества специалистов и недостаточный уровень их профессиональной подготовки приводит к тому, что не все подростки могут получить помощь своевременно и качественно.

При этом наблюдается значительный рост количества проведенных психодиагностических исследований. Так в течение 2018 года было обследовано 12520 несовершеннолетних осужденных, что почти на треть больше, чем в 2017 году. Среднее число мероприятий диагностического характера на одного сотрудника ПЛ возросло на 15 % [1, с. 7].

Наблюдается резкое увеличение числа несовершеннолетних осужденных с повышенной агрессивностью и возбудимостью, требующих проведения постоянного психокоррекционного вмешательства. Такая работа с подростками осуществляется на индивидуальном и групповом уровнях воздействия. Каждому подростку в течение 2018 года, в среднем около 5 раз, оказывалась индивидуальная психологическая помощь. В тоже время увеличивается групповая психокор-

рекционная работа, которая имеет определенные преимущества, но менее эффективна при решении индивидуальных проблем. Каждый психолог ВК в 2018 г., в среднем, осуществил около 100 групповых психокоррекционных мероприятий [1, с. 9].

Большое значение для стабилизации обстановки в учреждениях УИС имеет участие психологов в разрешении межличностных и межгрупповых конфликтов среди несовершеннолетних. К сожалению, психологи, по разным причинам, в том числе и в связи с перегруженностью, меньше стали привлекаться к этой работе.

Психологическая подготовка к условно-досрочному освобождению (далее – УДО) является одним из важных направлений деятельности психологов ВК. В 2018 году по УДО была освобождена четверть среднесписочной численности осужденных подростков. В 2018 году с целью подготовки осужденных к УДО было проведено 433 обследования. На основании полученных результатов были составлены психологические характеристики, которые являются основанием для досрочного освобождения. Психологическая работа с осужденными в рамках их подготовки к УДО позволяет объективно оценить произошедшие изменения личности бывшего правонарушителя и составить прогноз его поведения после освобождения, что является немаловажным фактором в предотвращении повторной преступности среди несовершеннолетних [1, с. 15].

Еще одним направлением профессиональной деятельности психологов, обеспечивающим право несовершеннолетних осужденных, подозреваемых и обвиняемых, на психологическую помощь, является проведение индивидуального психологического консультирования по вопросам, требующим участия специалиста в этой области. Психологическая помощь подростку оказывается в решении его личностных психологических проблем, связанных с профориентацией, развитием, самоактуализацией и разрешением кризисных и проблемных ситуаций. В 2018 году психологами было проведено почти 13 тысяч индивидуальных консультаций для несовершеннолетних осужденных ВК [1, с. 16].

Особую значимость для адаптации несовершеннолетних к условиям изоляции от общества, имеет постоянно поддерживаемый психологами контакт с родственниками, который включает также психологическое консультирование родителей подростков. В 2018 году значительно выросло число консультаций, проведенных психологами ВК для родственников осужденных.

Кроме того, важной функцией психологической службы является проведение просветительской работы с несовершеннолетними осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми. Распространение среди подростков необходимых психологических знаний, которые могут способствовать пониманию осужденными себя, других людей, жизненных ситуаций, осознанию причин случившихся событий и принятию реальности, важно

для процесса гармонизации развивающейся личности. В 2018 году психологи ВК провели свыше 1600 мероприятий в виде лекций и групповых бесед просветительского и психопрофилактического характера.

Психологи проводят изучение социально-психологической обстановки (далее – СПО) среди подозреваемых, обвиняемых, осужденных. В каждой воспитательной колонии в среднем было проведено около 8 таких мероприятий, которые способствовали решению следующих задач:

Уточнение:

а) степени удовлетворенности или неудовлетворенности осужденных, подозреваемых и обвиняемых условиями отбывания наказания или содержания;

б) особенностей взаимоотношений между ними и характер взаимодействия с сотрудниками учреждения.

Литература:

1. *Фёдоров А.Ф.* Анализ психологической работы с несовершеннолетними осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми в 2018 году: аналитический обзор с предложениями / А.Ф. Фёдоров, Е.А. Малетина, Н.В. Донскова, О.Г. Годованец, УВСПр ФСИН России. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2019. 22 с.
2. *Бондаренко А.Ф.* Психологическая помощь: теория и практика. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Независимая фирма «Класс», 2001. 336 с.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019). Статья 12. п. 6.1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/cac0879099ffd6531e6d0f734585167849e5689f/ (дата обращения 02.04.2019).

Выработка рекомендаций заинтересованным отделам и службам по улучшению СПО.

Предоставление начальнику учреждения информации о мнении осужденных относительно сложившейся обстановки в учреждении, с целью устранения причин их недовольства, законного или субъективного.

Анализ деятельности психологической службы с несовершеннолетними подростками в местах лишения свободы показывает, что реализация права несовершеннолетних осужденных на психологическую помощь осуществляется достаточно эффективно в различных направлениях оказания психологической помощи. Психолог в значительной мере способствует воспитательному и исправительному процессу, проводимому совместно с другими службами. Следует также отметить, что, несмотря на существующие недостатки, психологическая служба УИС вносит значительный вклад в гуманизацию процесса отбывания наказания в местах лишения свободы.

Literature:

1. *Fyodorov A.F.* The analysis of psychological work with the minor convicts, suspects accused in 2018: the state-of-the-art review with offers / A.F. Fyodorov, E.A. Maletina, N.V. Donskova, O.G. Godovanets, UVSPR of FSIN of Russia. M. : FKU Scientific Research Institute FSIN of Russia, 2019. 22 p.
2. *Bondarenko A.F.* Psychological assistance: theory and practice. Prod. the 3rd, испр. and additional M. : Klass independent firm, 2001. 336 p.
3. The Penal Code of the Russian Federation of 08.01.1997 № 1-FZ (an edition of 27.12.2018) (with amendment and additional, вступ. in force from 08.01.2019). Article 12. item 6.1. □URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/cac0879099ffd6531e6d0f734585167849e5689f/ (date of address 02.04.2019).

Оспичев Игорь Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Югорский государственный университет
iospichev@mail.ru

Igor M. Ospichev

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of the Department of State
and Law Disciplines,
Yugra State University
iospichev@mail.ru

АМОРАЛЬНЫЙ ПОСТУПОК КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье рассмотрены термин «аморальный проступок», юридические основания для увольнения работников, проведен анализ данного аспекта в Трудовом кодексе Российской Федерации, а также, определен перечень категорий работников, которые могут быть уволены за совершение аморального проступка, а также конкретизирован порядок их увольнения по данному основанию.

Ключевые слова: аморальный проступок, увольнение, воспитательная функция, моральные устои.

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – Трудовой кодекс Российской Федерации) [1] в пункте 8 части 1 статьи 81 части 8 среди оснований для расторжения трудового договора по инициативе работодателя среди оснований для прекращения трудового договора выделяются такие основания, как совершение работником, выполняющим воспитательные функции, аморального право нарушения, несовместимого с продолжением этой работы. Однако это положение остается спорным и по сей день.

Возникают вопросы о том, что само по себе является аморальным проступком?

Средства массовой информации изобилуют сообщениями о безнравственных деяниях, регулярно совершаемых учителями с завидной регулярностью. Очень часто ученики, коллеги и общественность выступают в защиту уволенных, считая наложение дисциплинарных взысканий незаконным. Учитывая, что категория «нравственность» не является законной и трудно поддающейся определению, возникает целый ряд вопросов относительно уместности использования этого слова при перечислении оснований для увольнения.

Понятие «аморальный проступок» незакреплено в Трудовом кодексе РФ иных правовых актах в связи с его ценочным характером и связью с нормами морали. В настоящее время этот про-

IMMORAL CONDUCT AS A GROUND FOR TERMINATION OF EMPLOYMENT

Annotation. The term «immoral offence», legislative bases for dismissal of workers are considered in this article, the analysis of this aspect in the Labor Code of the Russian Federation is carried out, and the list of categories of workers who can be dismissed for commission of immoral offense is also defined and also the order of their dismissal on this basis is concretized.

Keywords: immoral transgression, dismissal, educational function, moral principles.

бел заполняется только доктринальными точками зрения, а так же сложившейся судебной практикой.

Так, К.Н. Гусов в своей работе понимает аморальные действия (бездействие) как «виновные действия (бездействие), нарушающие основные нравственные нормы общества и противоречащие содержанию служебно-трудовой функции, дискредитирующие служебно-педагогические, служебные полномочия круга лиц» [3, с. 126].

Если попытаться наметить перечень действий, то на практике, чаще всего, аморальными считаются: хулиганство; употребление алкоголя и наркотиков в общественных местах и вовлечение в эти действия несовершеннолетних; драки; проклятия в присутствии несовершеннолетних и др.

Под моралью понимаются «моральные нормы поведения, отношения с людьми, а также сама мораль» [2, с. 92].

Таким образом, невозможно четко определить поступок «аморальный» и «моральный», особенно с учетом того, что в конкретном обществе существуют и развиваются собственные ценности.

В различных судебных решениях, помимо банального физического воздействия, были признаны, например, сексуальные домогательства

со стороны учителя спортивной школы [3]; избивания одного учителя другими [4], произнесение клятвы коллеге [5]; поощрение учителем использования телефонов учащимися при прохождении ЕГЭ [6]; принуждение ученика ко лжи [7].

Так, например, доводы апелляционной жалобы истца о том, что произошедший конфликт с коллегой не может быть признан аморальным проступком при выполнении ею должностных функций по педагогической деятельности, судебная коллегия учитывает, что в трудовом законодательстве не содержится определения аморального проступка и не устанавливается каких-либо критериев, на основании которых проступок лица, выполняющего воспитательные функции, может быть признан аморальным, в связи с чем, работодателю предоставлена возможность самостоятельно решить данный вопрос в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

В то же время, конфликт с применением физического воздействия к коллеге по работе – это не только нарушение положений Устава вуза, но и общепринятых в обществе норм поведения, несовместимое с деятельностью преподавателя. В воспитательные функции педагога входит, в числе прочего, демонстрация воспитанникам (студентам) уважительного отношения к коллегам, умения погасить конфликт и не вовлекать в конфликтные ситуации воспитанников (студентов), чего истцом в данном случае сделано не было.

При изложенных обстоятельствах, а также, принимая во внимание особенности работы истца в учебном заведении, ее должностные обязанности, совершенный ею проступок (в рабочее время, на территории работодателя, во время учебного процесса, в присутствии учащегося) обоснованно признан работодателем аморальным, поскольку он нарушает принятые в обществе нравственные нормы, нормы морали, правила поведения в обществе, как в целом, так и в коллективе, противоречащие содержанию учебно-трудовой функции преподавателя, несовместимого с продолжением работы преподавателем и влечет за собой применение дисциплинарной ответственности, в том числе в виде увольнения по инициативе работодателя [8].

Данный пример, показывает, как на практике работодатель может самостоятельно принять решение об аморальности проступка, уволив работника по соответствующей статье ТК РФ.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правонарушение, противоречащее общепринятым нормам и правилам (появление в общественных местах в состоянии опьянения, непристойная клятва, драка, поведение, унижающее человеческое достоинство т.д.), считается аморальным [4]. Во многих решениях суды пытаются дать свое определение, которое, по сути, сводится к этому – аморальным поведением можно считать поведение, неприемлемое для большинства членов общества, которые наделяют этого чело-

века особыми социальными ожиданиями, соответствующими его социальному статусу и роли.

Увольнение возможно не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка (не считая определенных в ч. 3 ст. 192 ТК РФ промежутков времени), шести месяцев – со дня совершения.

День обнаружения – день, в который непосредственному руководителю работника стало известно о произошедшем. Увольнение возможно за совершение поступка и не по месту работы – оно в этом случае относится к дисциплинарному взысканию оно не будет и порядок увольнения, установленный ст. 193 ТК РФ не соблюдается. По прошествии года уволить работника по данному основанию (ч. 5 ст. 81) уже нельзя.

В случае, если работник является педагогическим, его могут уволить по ст. 336 ТК РФ, а не по п. 8 ч.1 ст. 81 ТК РФ. Так, в одном из дел, по ч. 2 п. 1 ст. 336 была уволена воспитательница (она, согласно рапортам свидетелей, схватила воспитанника за ворот одежды сзади и грубо, с силой, толкнула в сторону матери, хотя сама утверждала, что ребенку угрожала опасность, и ее действия были обоснованы).

Категория «аморальный» субъективна, однако неизбежна. Невозможно предусмотреть перечень всех возможных действий, негативно влияющих на развитие зрелой личности. Таким образом, суды должны принимать решения, зачастую руководствуясь только собственной совестью и правосознанием. Зачастую учителя увольняются за совершение аморального проступка, заставляя их писать заявление по собственной воле. Показательна в этом отношении история учителя А.В. Шкуриной. Ее уволили за телефонный звонок на экзамене, потому что она забыла снять телефон с пиджака. Руководство школы сочло это действие аморальным и несовместимым с дальнейшей педагогической деятельностью и настаивало на написании ею заявления об отставке.

Мария Шестопалова, учительница, которая была вынуждена написать заявление об отставке после того, как сообщила, что разместила отчеты о гомосексуализме и конкретные фотографии на своей странице в социальной сети, имела похожую историю.

Как видно из приведенных выше примеров, существует проблема в области принуждения к увольнению с работы лиц, выполняющих воспитательные функции, в отсутствие аморального акта, но с тем, чтобы это означало, что он существует.

Похоже, можно прийти к выводу, что смешение рабочего времени с остальным временем сотрудника не всегда уместно. Отстранение от должности за безнравственное правонарушение при исполнении служебных обязанностей является обязательным, если это наносит ущерб нравственному и физическому развитию подопечных или есть основания подозревать наличие такого влияния в будущем. Если деяние совер-

шено вне рамок образовательных функций (т.е. вне рабочего времени) или в присутствии учащегося, даже в образовательной или иной подобной организации, увольнение является несколько необоснованным: работодатель не имеет четких оснований подозревать, что работник сделает это с учащимися в течение определенного периода времени или подаст отрицательный пример. В этом случае доказанное совершение уголовного преступления лицом, выполняющим воспитательные функции, всегда должно рассматриваться как аморальное деяние. На практике крайне редки случаи, когда работника не увольняют за безнравственное поведение (например, выговор может быть вынесен за безнравственное действие, оскорбляющее руководителя детского сада [5]).

Следует отметить, что при анализе судебной практики было выявлено незначительное количество споров, в которых суд признал бы увольнение незаконным.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // «Собрание законодательства РФ». 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. *Бойко А.В.* К вопросу об аморальном проступке как основании для увольнения работника // Молодой ученый. 2018. №16. С. 192–193.
3. *Гусов К.Н.* Трудовое право России : учебник / К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова. М. : ТК Велби, Изд-во Проспект. 2004. 236 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2004. № 6.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.08.2012 по делу № 11-16725. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C&req=card&page=splus&ts=34182839701149736859899684>
6. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.08.2015 по делу № 33-12118/2015. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=34182839701149736859899684&cacheid=B55480A071752D870C7C1CF58B254465&mode=splus&base=SOPV&n=216540&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#ajvxejn2ao>
7. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 21.03.2016 по делу № 33-3706/2016. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=34182839701149736859899684&cacheid=31A91BF091F1DC19A3E6BDEBA65873AF&mode=splus&base=SOPV&n=265854&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#2pcs77508de>

Исходя из вышеизложенного, предлагаем следующие рекомендации:

Исключить из пункта 8 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации возможность увольнения работника за безнравственное поведение вне места работы (при этом всегда рассматривать совершение работником уголовного преступления, а также грубо аморальное оскорбление учащегося).

При увольнении ученика на этом основании необходимо принимать во внимание присутствие учеников в акте.

При выборе меры дисциплинарного воздействия работодатель должен учитывать авторитет лица для учащихся, а также качества, проявленные работником в ходе образовательной деятельности, и его опыт, мнение коллег предполагаемого нарушителя и мнение законных представителей учащихся.

Literature:

1. The labour code of the Russian Federation of 30.12.2001 № 197-FZ (as amended on 27.12.2018) // «Collection of legislation of the Russian Federation». 07.01.2002. № 1 (part 1). Article 3.
2. *Boyko A.V.* On the issue of immoral misconduct as a basis for dismissal of an employee // Young scientist. 2018. №16. P. 192–193.
3. *Gusov K.N.* Labor law of Russia : textbook / K.N. Gusov, V.N. Tolkunova. M. : TK velbi, Publishing house Prospect. 2004. 236 p.
4. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.03.2004 N 2 (edition of 24.11.2015) «about application by courts of the Russian Federation of the Labor code of the Russian Federation» // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation». 2004. № 6.
5. Appeal determination of the Moscow city court of 14.08.2012 in the case № 11-16725. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C&req=card&page=splus&ts=34182839701149736859899684>
6. Appeal determination of the Supreme court of the Republic of Bashkortostan of 18.08.2015 in the case № 33-12118/2015. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=34182839701149736859899684&cacheid=B55480A071752D870C7C1CF58B254465&mode=splus&base=SOPV&n=216540&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#ajvxejn2ao>
7. Appeal determination of the Supreme court of the Republic of Tatarstan of 21.03.2016 in the case № 33-3706 / 2016. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=34182839701149736859899684&cacheid=31A91BF091F1DC19A3E6BDEBA65873AF&mode=splus&base=SOPV&n=265854&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#2pcs77508de>

8. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 06.09.2012 по делу № 33-4989/2012. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=C9733BF4AD09D5497D4CC44D6A039765&mode=splus&base=SOPV&n=58854&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#1iwu9g9x8zp>

9. Апелляционное определение Пензенского областного суда от 27.09.2016 по делу № 33-3457/2016. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=1029565413ECE520311E52FD849A0846&mode=splus&base=SOPV&n=320731&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#2pynfr8g7de>

10. Определение Московского городского суда от 12.12.2014 № 4Г/7-12360/14. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=0F73F6294981B2166118C7EA84CAA8FB&mode=splus&base=RAMSMARB&n=786017&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#6v3yapifqn8>

11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 31.05.2016 г по делу № 33-8915/2016. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=33761A7ACF3EE0E7A153492B864D2DFE&mode=splus&base=SOUR&n=77017&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#13oelxmt0ak>

8. Appeal determination of the Saratov regional court of 06.09.2012 in the case № 33-4989/2012. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=C9733BF4AD09D5497D4CC44D6A039765&mode=splus&base=SOPV&n=58854&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#1iwu9g9x8zp>

9. Appeal determination of the Penza regional court of 27.09.2016 in the case № 33-3457/2016. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=1029565413ECE520311E52FD849A0846&mode=splus&base=SOPV&n=320731&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#2pynfr8g7de>

10. Determination of the Moscow city court of 12.12.2014 № 4G/7-12360/14. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=0F73F6294981B2166118C7EA84CAA8FB&mode=splus&base=RAMSMARB&n=786017&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#6v3yapifqn8>

11. Appeal determination of Sverdlovsk regional court from 31.05.2016 g on business № 33-8915/2016. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=341828397011149736859899684&cacheid=33761A7ACF3EE0E7A153492B864D2DFE&mode=splus&base=SOUR&n=77017&rnd=958EA9F73799654323BC2AECDAFFC16C#13oelxmt0ak>

Очаковский Виктор Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
административного и финансового права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
victor.ochakovsky@list.ru

Крутова Яна Александровна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
navona2005@yandex.ru

Найдёнова Мария Николаевна

студентка 3 курса
юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
naiddenova@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ НАДЕЛЕНИЯ
ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ
ОТДЕЛЬНЫМИ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ
ПОЛНОМОЧИЯМИ
(НА ПРИМЕРЕ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Авторами проведено исследование таких понятий как «передача», «делегирование» и «наделение». В качестве примера приводится опыт нормотворческой деятельности органов власти Краснодарского края, в части наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, полномочие, органы государственной власти, местное самоуправление.

Н а протяжении уже более 15 лет успешно реализуются практика по наделению органов местного самоуправления отдельными госу-

Viktor A. Ochakovskii

Candidate of Law Sciences,
Associate of Professor
of Administrative and Financial Law,
Kuban State University Agricultural University
name of I.T. Trubilin
victor.ochakovsky@list.ru

Yana A. Krutova

Candidate of Law Sciences,
Associate of Professor
of Administrative and Financial Law,
Kuban State University Agricultural University
name of I.T. Trubilin
navona2005@yandex.ru

Maria N. Naydenova

Student 3 courses
Law Department,
Kuban State University Agricultural University
name of I.T. Trubilin
naiddenova@mail.ru

**FEATURES OF LEGAL REGULATION
OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
BODIES WITH SEPARATE
STATE POWERS
(ON THE EXAMPLE
OF KRASNODAR REGION)**

Annotation. The article deals with the peculiarities of legal regulation of local self-government bodies allocation to certain state powers. The authors conducted a study of such concepts as «transfer», «delegation» and «allotment». As an example, the experience of standard-setting activities of the authorities of the Krasnodar region, in terms of giving local authorities state powers.

Keywords: local self-government bodies, authority, public authorities, local self-government

дарственными полномочиями. За эти годы многие субъекты Федерации воспользовались своим правом по наделению органов местного само-

управления отдельными государственными полномочиями, в силу главы 4 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1].

Однако, как и многие процессы правоприменения, рассматриваемая процедурасопровождается определенными проблемами, в контексте взаимодействия государства и местного самоуправления. В данной статье мы предпримем попытку исследовать причины и условия их возникновения.

Первоначально следует обратить внимание на то, что такие понятия как «передача», «делеги-рование» и «наделение» достаточно часто используются в нормотворческой деятельности как в публичном, так и в частном праве. Например, в нормах:

а) главы 5. «Безвозмездная передача земельных участков, находящихся в федеральной собственности, в муниципальную собственность или в собственность субъектов Российской Федерации» Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ [2];

б) статьи 224 «Передача вещи» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ [3];

в) статьи 88 «Передача персональных данных работника» Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ [4];

г) приказа Федерального агентства научных организаций от 24 июня 2015 года № 295 «О делегировании права принятия решения о временном ограничении права работника на выезд за пределы Российской Федерации» [5];

д) статьи 6 «Порядок наделения судей полномочиями» Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [6];

е) статьи 5 «Наделение акциями работников народного предприятия» Федерального закона от 19 июля 1998 года № 115-ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» [7];

ж) правила 2.1. «Наделение судьи полномочиями» Правил организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза [8];

з) главы 4 «Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями» Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Толковый словарь русского языка определяет термин «передача» [9], как вручение (в распоряжение, владение) объекта передачи каким-нибудь способом кому-нибудь. Как правило, в юридической науке термин «передача» используется в качестве характеристики отделения,

исключения из компетенции, перехода, прав и/или обязанностей от одного субъекта (например, физического или юридического лица, государственного органа или предприятия/учреждения), другому субъекту правоотношений. Таким образом, передача отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления – есть регулирование полномочий органа местного самоуправления, характеризующееся отчуждением конкретного полномочия или полномочий из компетенции органа государственной власти и включением данных полномочий в компетенцию местного самоуправления [10].

Термин «наделение» в словаре Ожегова раскрывается как «возможность распределяя, предоставлять, дать что-нибудь» [11]. В юриспруденции термин «наделение», как правило, определяется в качестве одностороннегоневолеизъявления одного субъекта правоотношения по отношению ко второму субъекту при отчуждении, переходе полномочий.

Обращаясь к исследованию значения понятия «делеги-рование» как особого способа передачи отдельных государственных полномочий, определим следующие его признаки:

– регулирование объема полномочий органов местного самоуправления происходит на принципах равенства и доброй воли;

– передача путем делегирования осуществляется только в отношении одного органа местного самоуправления, а не нескольких или всех;

– делегирование всегда оформляется договором.

Договор по своей правовой природе предполагает равенство сторон и процедуру согласования предмета договора, т.е. порядка передачи и реализации отдельных государственных полномочий, и выглядит более предпочтительнее с точки зрения муниципальных образований. Однако, по-нашему мнению, возможность заключения таких договоров с каждым муниципальным образованием выглядит нерационально, проблематично и обременительно.

При исследовании особенностей наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, следует учитывать, что в ч. 2 ст. 132 Конституции Российской Федерации определены требования, выполнение которых обязательно при возложении отдельных функций государственных органов на местное самоуправление, а именно:

– наделение органов местного самоуправления государственными полномочиями осуществляется только законом. Это может быть как федеральный закон, так и закон, принятый субъектом Федерации;

– подобный закон в императивном порядке должен обеспечиваться материальными и финансовыми составляющими для решения задач, возлагаемых на органы местного самоуправления;

– наличие обязательного аудита исполнения государственных полномочий, переданных местным органам самоуправления [12].

В силу объективных причин растет количество случаев, когда органы местного самоуправления наделяются государственными полномочиями, не сочетающимися с вопросами местного значения.

Так, например, Закон Краснодарского края от 10 апреля 2017 года № 3597-КЗ «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Краснодарского края отдельными государственными полномочиями Краснодарского края по формированию и утверждению списков граждан Российской Федерации, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций регионального и межмуниципального характера на территории Краснодарского края, и членов семей граждан Российской Федерации, погибших (умерших) в результате этих чрезвычайных ситуаций» [13] наделил органы местного самоуправления государственными полномочиями в области формирования и утверждения списков граждан, пострадавших в результате ЧС регионального и межмуниципального характера на территории края.

Очевидно, что подобные государственные полномочия являются дополнительной нагрузкой муниципалитетов и способствуют смещению вопросов местного значения на второй план. В свою очередь, за ненадлежащее осуществление государственных полномочий муниципалитеты несут ответственность.

Литература:

1. Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
2. Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
3. Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.
5. СПС «Гарант».
6. Российская газета. 1992. № 170. 29 июля.
7. Собрание законодательства РФ. 1998. № 30. Ст. 3611.
8. СПС «Гарант».
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ООО «Издательство Онискс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. С. 945.
10. См. подробнее: *Палий В.М.* Модели правового взаимодействия государственных органов и

Тот же вывод, на наш взгляд, можно сделать и проанализировав положения Закона Краснодарского края от 26 декабря 2005 г. № 976-КЗ «О наделении органов местного самоуправления в Краснодарском крае государственными полномочиями по поддержке сельскохозяйственного производства» [14], наделяющий органы местного самоуправления полномочиями по государственной поддержке сельскохозяйственного производства.

Полагаем, что при возникновении идеи и потребности наделения органов местного самоуправления государственными полномочиями, первоначально следует обращать внимание на соотношение вновь полученных полномочий с уже имеющимся кругом вопросов обеспечения жизнедеятельности местного населения. Передаваемые муниципалитету полномочия должны быть по своему содержанию максимально приближены к вопросам местного значения [15].

Негативно в этом отношении высказывается В. И. Васильев. Он полагает, что в результате законотворчества последних лет, концепция полномочий органов местного самоуправления, заложенная в первоначальной редакции Федерального закона № 131-ФЗ, оказалась существенно поколебленной [16].

Частично разделяя его мнение, отметим, что чрезвычайно необходимо сохранить дух и назначение самого института местного самоуправления. Перегружая местные органы дополнительными полномочиями мы рискуем утратить целеполагающее назначение рассматриваемого нами института – решение вопросов местного значения исходя из интересов населения.

Literature:

1. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. St. 3822.
2. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2001. № 44. St. 4147.
3. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. St. 3301.
4. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. № 1. St. 3.
5. SPS «Garant».
6. Russian newspaper. 1992. № 170. July 29.
7. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1998. № 30. St. 3611.
8. SPS «Garant».
9. *Ozhegov S.I.* Dictionary of Russian language. / S.I. Ozhegov; under the General editorship of Professor L.I. Skvortsova. 24th ed., Rev. M. : LLC «Publishing house Oniks»: LLC «publishing House «World and Education», 2005. P. 945.
10. См. read more: *Paliy V.M.* Models of legal interaction of the state bodies and bodies of local

органов местного самоуправления: теоретический и исторический аспекты : монография / В.М. Палий, П.М. Курдюк, В.А. Очаковский. Краснодар : КубГАУ, 2014. 164 с.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ООО «Издательство Ониск» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2005. С. 478.

12. Курдюк П.М. Правовое регулирование взаимодействия органов государственного и муниципального управления : монография / П.М. Курдюк, Н.В. Павлов, В.А. Очаковский. Краснодар : изд-во «Эпомен», 2019. 94 с.

13. Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru

14. Кубанские новости. 2006. № 6. 17 января.

15. Игнатюк Н.А. Муниципальное право : учебник / Н.А. Игнатюк, А.А. Замотаева, А.В. Павлушкин. М. : ЗАО Юстицинформ, 2004. С. 278–280.

16. Васильев В.И. О функциональном назначении местного самоуправления // Журнал российского права. 2007. № 7.

self-government: theoretical and historical aspects : monograph / V.M. Paliy, P.M. Kurduk, V.A. Ochakovskii. Krasnodar : Kubsau, 2014. 164 p.

11. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language. / S.I. Ozhegov; under the General editorship of Professor L.I. Skvortsova. 24th ed., Rev. M. : LLC «Publishing house Oniks»: LLC «publishing House «World and Education», 2005. P. 478.

12. Kurduk P.M. Legal regulation of interaction of bodies of state and municipal management : monograph / P.M. Kurduk, N.V. Pavlov, V.A. Ochakovskii. Krasnodar : publishing house «Epomen», 2019. 94 p.

13. Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru

14. Kuban news. 2006. № 6. 17 Jan.

15. Ignatyuk N.Ah. Municipal law : textbook / N.Ah. Ignatyuk, A.A. Zamotayev, A.V. Pavlushkin. M. : Yustitsinform, 2004. P. 278–280.

16. Vasiliev V.I. On the functional purpose of local self-government // Journal of Russian law. 2007. № 7.

Петренко Елена Геннадьевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры государственного
и международного права,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина

Клец Анна Олеговна

магистрант юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина

**ИНСТИТУТ
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАЦИИ
В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

Аннотация. В настоящей статье исследуются этапы развития института медиации в зарубежных странах (США, КНР, Франция, Италия). Анализируется опыт стран, трудности, с которыми государства сталкиваются в процессе применения процедуры медиации. Предлагаются перспективы дальнейшего развития и правового регулирования медиации в Российской Федерации. Выводы иллюстрируются конкретными примерами, заимствованными из практики зарубежных стран.

Ключевые слова: медиация, институт, процедура, разрешение конфликтов, судебное урегулирование, опыт.

Медиация – это признанный и востребованный метод разрешения конфликтов в большинстве стран (США, Китай). Результатом является облегчение государственных судов, более глубокое изучение конфликта, достижение удовлетворения требования каждой стороны конфликта, экономия денег. В виду традиций и менталитета граждан той или иной стороны, институт медиации довольно трудно ввести в жизнь людей и заставить население выбирать внесудебный способ разрешения конфликтов, так происходит во Франции и Италии. Но, несмотря на данный факт, институт медиации существует почти в каждом государстве и получает все большее развитие, в том числе, и в России. Тема представляет актуальность, поскольку всегда интересен для Российской Федерации положительный и отрицательный опыт зарубежных стран, трудности, с которыми государства сталкиваются в процессе применения процедуры медиации.

Вопрос о создании института современной процедуры медиации стал возникать на рубеже XX-

Elena G. Petrenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the State and International Law,
Kuban State
Agricultural University
name of I.T. Trubilin

Anna O. Klets

Undergraduate of Law Department,
Kuban State
Agricultural University
name of I.T. Trubilin

**INSTITUTE
OF MODERN MEDIATION
IN FOREIGN COUNTRIES**

Annotation. This article examines the stages of development of the institution of mediation in foreign countries (USA, China, France, Italy). Analyzes the experience of countries, the difficulties that States face in the process of applying the procedure of meditation. Prospects for the further development and legal regulation of meditation in the Russian Federation are proposed. The conclusions are illustrated with concrete examples borrowed from the practice of foreign countries.

Keywords: mediation, institution, procedure, conflict resolution, judicial settlement, experience.

XXI вв. и местом его зарождения принято считать США. Именно в Америке в начале XX века появляется новый этап развития экономики, что приводит к тому, что страна сталкивается с новыми конфликтами в обществе, а именно, спорами между профсоюзами и работодателями за условия труда и размер заработной платы. Данные конфликты привели к забастовкам, массовым увольнениям и остановке работы фабрик. Государство в 1947 г. находит решение в создании специальной службы, которая выступает в качестве нейтрального посредника, а именно, появляется Федеральная служба посредничества (медиации) и примирения [1, 73]. Параллельно создаются локальные негосударственные организации для решения конфликтов в семьях, между соседями и малообеспеченные лицами, которые способствуют снижению числа обращений в государственный суд и закрепляют за собой более дешевую и быструю процедуру решения спора.

Важным этапом развития медиации в США послужила особенность гражданского процесса в

целом. Согласно американскому законодательству, гражданский процесс никогда не был дешевым. Все судебные издержки стороны оплачивали самостоятельно, поэтому особенно в экономических спорах суммы судебных издержек достигали астрономических вершин, в связи с чем, склонение общества к медиации являлось очевидным выбором.

Не судебные формы решения споров стали важным звеном американской правовой системы и легко получили распространение. Они возникли как альтернатива государственному правосудию и противопоставляют дорогой, формальной и длительной судебной процедуре свои существенные преимущества, такие как конфиденциальность, равноправие сторон, возможность контролировать ход процесса, и конечно, более низкую стоимость разрешения спора и экономию времени, которая может измеряться в годах [2, с. 532].

Сейчас в США медиаторы участвуют в каждом деле, в каждом переговорах, особенно если дело касается политики, предпринимательства или экономики. В стране издается «Ежеквартальный журнал медиации», в котором отражаются проблемы, связанные с применением альтернативной процедуры и варианты их решения. Однако помимо журнала существует Национальный институт разрешения диспутов, в сферу компетенции которого входит разработка более эффективных способов и форм медиации. В США медиация закрепилась как на государственном, так и на частном уровне. Каждый штат по своему усмотрению регулировал деятельность медиаторов, что заставило в 2001 году централизованно закрепить данную процедуру путем принятия «Единообразного акта медиации».

Довольно широкое применение процедуры медиации можно отметить в КНР. Цель медиации в Китае – это разрешить конфликт мирным путем, добиться того, чтобы конфликтующие стороны сами пришли к верному решению, которое будет устраивать их обоих и не доведет конфликт до суда, а именно «добиться полюбовного разрешения спора».

В КНР стремятся избежать обращения в государственный суд, так как, во-первых, считается, что китайские суды имеют предубеждение в пользу административно-государственной стороны спора. Во-вторых, многие судьи являются неопытными, поскольку после Культурной революции судьи назначались не из профессионалов-юристов, а из отставных военных и государственных служащих. В-третьих, концепция независимого суда КНР по сей день остается под большим сомнением населения Китая, таким образом, государственные суды рассматриваются как органы, обеспечивающие реализацию политических целей государственных органов. В виду данных особенностей судебной системы КНР, у китайцев исторически сложилось использование неофициальных методов для разрешения спора, поскольку обращение к официальным методам будет означать признание вины, а далее приведет к тому, что будет вынесено реше-

ние в пользу государственного органа в любом споре.

В связи с вышеуказанными факторами, Китай стал единственной страной в мире, где медиация (в китайской специфике конфликтология) закреплена в Конституции (ст. 111) [3]. Благодаря конституционному закреплению, а также в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом КНР, были созданы массовые организации для доступности в реализации процедуры медиации жителями страны.

Включение института медиации в Конституцию КНР позволило включить эту процедуру в систему государственной исполнительной власти, полностью подчинить ее государству и предать облик государственного института [4, с. 32].

Во Франции, Италии процедура медиации приживается с трудом. В 2010г. Правительство Италии принимает решение максимально узаконить процедуру медиации, создав нормативный правовой акт, который устанавливает обязанность проведения процедуры медиации по широким категориям гражданских дел. В данный критерий вошли такие гражданские дела, как дела о недвижимости, завещаниях и наследовании, банковских договорах и убытках, причиненных в результате медицинской халатности. Из данного нормативного правового акта следует, что спорящим сторонам необходимо сделать попытку пройти через процедуру медиации до начала судебного процесса. Если они не в состоянии сделать это и началось судебное разбирательство, то суд должен приостановить разбирательство и установить крайний срок для проведения сторонами процедуры медиации [5, с. 161].

После вступления в силу норм, устанавливающих обязательную медиацию, в отношении ее прозвучало много жесткой критики. Долгое разбирательство кажется итальянцам более надежной процедурой, чем скоростные решения, которые предлагаются медиацией. Таким образом, обязательная медиация, по мнению итальянцев, вступает в противоречие с основными правами, закрепленными в Конституции Италии, а именно, с правом на доступ к правосудию и принципом равенства. Итальянцы начали требовать право на свободное обращение в суд с целью отстоять свои права. В итоге, нормы об обязательной медиации были оспорены в Конституционном суде Италии, и после многочисленных отложений Суд вынес свое решение в декабре 2012 г., указав на то, что эти нормы являются неконституционными. Однако важно подчеркнуть, что суд действовал весьма умело и в своем решении прописал, что правила о медиации были признаны не соответствующими Конституции, но только по формальной причине, а именно, по причине того, что, по мнению Суда, Правительство превысило свои полномочия, делегированные ему парламентом для цели урегулирования института медиации. Иными словами, Суд не рассматривал никаких вопросов по существу, и, в частности, он не вынес никакого решения по вопросу о соответствии обязательной медиации

праву на доступ к суду и надлежащей правовой процедуре. В любом случае непосредственным эффектом решения, принятого Судом, была отмена института обязательной медиации. Добровольная медиация и медиация по предложению суда продолжает существовать и сегодня, но не может «похвастаться» эффективностью.

В РФ медиация представляется довольно новым институтом, хотя многие отмечают, что ее основа была заложена в СССР. Но реально лишь с 1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон от 27.07.2010 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (действует в ред. от 23.07.2013 г.).

Однако, несмотря на хорошие достижения в развитии института медиации в России и его законодательном закреплении, он остается мало востребованным. Опыт других стран доказывает, что примерно 10 % всех судебных разбирательств могут быть урегулированы путем медиации, а это - немаленькое число. Следовательно, такая форма разрешения конфликтов может быть продуктивной и для России. В настоящее время суды Российской Федерации остаются окруженными. Ряд законодательных актов, принятых для разгрузки судебной системы не сильно помогают в этом. Люди все равно общаются в суд для решения спора и получения государственного заверенного решения. В свою очередь, Федеральный закон о медиации, несмотря на изменения 2013 года, остается относительно непонятным и имеет множество отсылочных норм на правила проведения процедуры медиации, утвержденные организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Такая регламентация является отступлением от закона и чревата нарушением прав граждан, тем более, что правовой статус

Литература:

1. *Аллахвердова О.В.* История развития медиации / О.В. Аллахвердова, Е.Н. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 6 Вып. 2. Ч. II. С. 73.
2. *Чепурнов М.А.* Анализ применения альтернативных методов урегулирования споров США и России // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина. Сборник научных статей и тезисов по материалам Международной научно-практической конференции. Издательство : Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород). 2017. С. 532–538.
3. Законодательство Китая / Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). URL : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
4. *Марков С.М.* Медиация в России и Китае: сходства и различия в трактовке альтернативной процедуры разрешения споров (медиации) / С.М. Марков, А.О. Шарапова // American scientific

«саморегулируемых организаций» медиаторов не вполне ясен.

Проблемой в остановке развития института медиации в России также является отсутствие квалифицированных кадров, поскольку нет обучения основам медиации в университетах на юридических факультетах.

В отличие от США, КНР, в России наиболее распространенным способом защиты нарушенных прав остается судебная форма защиты, хотя Конституция Российской Федерации предоставляет возможность гражданам самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Представляется, что суд зачастую не является оптимальным решением, в связи с высокими судебными издержками, волокитой, наносит вред деловым отношениям сторон и придает нежелательную огласку обстоятельствам спора. Перегрузка судебных органов в свою очередь отрицательно сказывается на эффективности деятельности, сроках и качестве выносимых решений [6, с. 23]. Как показывает практика зарубежных стран, институт медиации существенно облегчает судебную систему. Однако его реализация должна быть четко прописана в нормативных правовых актах государства.

Институт медиации подстраивается и модернизируется под современное общество. В некоторых странах он является неотъемлемой частью судопроизводства (США), в других – наоборот является не популярной процедурой (Франция). Однако каждая страна признает, что медиация – это примирительная процедура, в основе которой лежат переговоры конфликтующих сторон с участием медиатора (посредника) с целью выработки взаимовыгодного соглашения сторон по спорным вопросам.

Literature:

1. *Allahverdova O.V.* The history of the development of mediation / O.V. Allahverdova, E.N. Ivanova // Bulletin of St. Petersburg University. 2007. Ser. 6th. Issue 2 H. II. P. 73.
2. *Chepurnov M.A.* Analysis of the use of alternative dispute resolution methods in the United States and Russia // Actual problems of modern forms of protection of human and civil rights and freedoms. Collection of scientific articles and theses on the materials of the International scientific-practical conference. Publisher : Novgorod State University. Yaroslavl the Wise (Veliky Novgorod). 2017. P. 532–538.
3. Chinese legislation / Constitution of the People's Republic of China 1982. (amended 1988, 1993, 1999, 2004). URL : http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
4. *Markov S.M.* Mediation in Russia and China: similarities and differences in the interpretation of an alternative procedure for resolving disputes (mediation) / S.M. Markov, A.O. Sharapova //

journal. Издательство : Global Science Center LP (Прага). 2017. № 11. С. 32–39.

5. *Сильвестри Э.* Медиация по предписанию суда: итальянский опыт // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 161–168.

6. *Коровяковский Д.Г.* Процедура медиации в России и в Великобритании: сравнительно-правовая характеристика // Российский судья. 2014. № 12. С. 23–25.

American scientific journal / Publisher: Global Science Center LP (Prague). 2017. № 11. P. 32–39.

5. *Silvest E.* Mediation by court order: Italian experience // Bulletin of the civil process. 2015. № 3. P. 161–168.

6. *Korovyakovsky D.G.* Mediation procedure in Russia and in Great Britain: comparative legal characteristic // Russian judge. 2014. № 12. P. 23–25.

Руденко Александр Викторович
доктор юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
krimkubsu@mail.ru

Пятница Елизавета Юрьевна
аспирантка кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
elizaveta5friday@gmail.com

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СУДЬЮ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

■ ■ ■
Аннотация. Актуальность настоящего исследования заключается в каждодневной угрозе психологического воздействия на судью при отправлении им правосудия. В статье говорится о неравном положении участников арбитражного процесса и судьи. Авторы сравнивают понятия «влияние» и «психологическое воздействие». Особое внимание ими уделяется проблеме психологического воздействия. В статье определены способы осуществления психологического воздействия на суд.

Ключевые слова: арбитражный процесс, предмет доказывания, независимость, состязательный процесс, влияние, психологическое воздействие, нейролингвистическое программирование, гипноз, способы психологического воздействия.

■ ■ ■
Статья 5 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» устанавливает основные задачи арбитражных судов в Российской Федерации: защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предприятий, учреждений, организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Арбитражный суд как судебный орган по разрешению экономических споров и иных дел, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, выступает в судебном процессе в роли независимого арбитра, принимая при этом законное, обоснованное и мотивированное решение. Вместе с тем, необ-

Alexander V. Rudenko
Doctor of Jurisprudence,
Assistant Professor,
Head of Criminalistics Law Department,
Kuban State University
krimkubsu@mail.ru

Elizaveta Yu. Pyatnitsa
Graduate Student of department
of criminalistics and legal informatics
Kuban State University
elizaveta5friday@gmail.com

ON THE RELEVANCE OF THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL IMPACT ON THE JUDGE IN THE ARBITRATION PROCESS

■ ■ ■
Annotation. The relevance of this study is the daily threat of psychological impact on the judge in the administration of justice. The article refers to the unequal position of the participants of the arbitration process and the judge. The author compares the concepts of «influence» and «psychological impact». Special attention is paid to the problem of psychological impact. The article defines the ways of psychological impact on the court.

Keywords: arbitration process, the subject of proof, independence, adversarial process, influence, psychological impact, neurolinguistic programming, hypnosis, methods of psychological impact.

■ ■ ■
ходимо помнить, что в арбитражном процессе преобладает конфронтация сторон. Наиболее «острой» частью судебного заседания являются прения сторон, где можно наблюдать максимально напряженную обстановку. Каждая сторона, обосновывая позицию по делу, стремится внушить свою точку зрения. Суд должен содействовать достижению соглашения сторон, разрешению конфликта на основе норм права и обстоятельств дела, контролируя процесс переговоров между ними, ведь именно суд отвечает за установление предмета доказывания в арбитражном процессе (часть 2 статьи 66 АПК РФ, пункт 1 части 1 статьи 270 АПК РФ). Однако, безусловно, лица, участвующие в деле, также определяют предмет доказывания.

Осуществление указанных задач судопроизводством и правильно устанавливать предмет доказывания в условиях состязательного процесса,

зачастую, затруднено в силу оказания психологического воздействия. Это понятие – сложное, на законодательном уровне не закреплено, поэтому необходимо сравнить его с содержанием близкого к нему понятием – «влияние».

В психологии понятие «влияние» рассматривается как процесс и результат изменения индивидом или группой людей мнений, установок, ценностей, представлений, оценок, намерений и поведения индивидов или группы людей в ходе взаимодействия с ними. Влияние в процессе психологического воздействия – результат деятельности субъекта воздействия, приводящий к изменению каких-либо особенностей личности объекта, его сознания, подсознания и поведения [1].

Термин «влияние» шире чем «психологическое воздействие». Психологическое воздействие – это разновидность влияния. В данном случае имеется в виду влияние, приводящее к изменению психологических регуляторов конкретной активности человека, т.е. затрагиваются психологические механизмы, влияющие на активность человека, а не воздействие непосредственно на тело человека или ситуацию, в которой он находится. Влияние представляет собой больше естественный процесс, косвенный, а воздействие – искусственный, целенаправленный.

Таким образом, психологическое воздействие – целенаправленный процесс оказания влияния субъектом-отправителем на психику, чувства и мысли субъекта-адресата с целью побуждения его к определенному поведению.

Лица, участвующие в деле, «вооружаясь» своими процессуальными правами, применяют различные способы психологического воздействия, оказываемого на судью: убеждение, внушение, нападение, заражение, формирование благосклонности, манипуляция и др.

Так, в одном из дел Арбитражного суда Краснодарского края по исковому заявлению А. к обществу, В., С. о признании недействительным протокол общего собрания участников общества от 02.03.2016 в части избрания генерального директора, обязывании ИФНС исключить из ЕГРЮЛ сведения о генеральном директоре – А. Истец воспользовался таким способом психологического воздействия как «формирование благосклонности». В судебном заседании были представлены фотоматериалы, касающиеся его деятельности, которые характеризовали истца с положительной стороны.

Также, например, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) Н. обратился в Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд с апелляционной жалобой на определение суда первой инстанции, где в обоснование своей жалобы использовал способ психологического воздействия – «нападение». В тексте жалобы содержались следующие фразы: «песочно-воздушные доктрины», «неотстраняемый судья», «судья не как арбитр, а как сторона», «абсурдные определения будут низложены».

В обоих случаях подобные атаки были отражены, суд проявил устойчивые навыки противодействия оказываемому воздействию.

Также, нельзя не сказать о приеме, воздействующем на сферу подсознания – нейролингвистическое программирование (далее – НЛП). В названии соединено 3 элемента, содержание которых раскрывает специальный сайт, посвященный НЛП:

– «Нейро» – определяет связь с нашей неврологической системой, т.е. определяет путь использования наших органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния. Физиология и мышление человека функционируют как одна система;

– «Лингвистическое» – определяет связь между языком, используемым человеком, и его жизненным опытом. Лексические модели являются выражением образа мышления и в большей или меньшей степени отражают внутреннюю сущность человека;

– «Программирование» – позволяет исследовать и изменять переживания и опыт. Программа – это совокупность действий, предназначенных для достижения определенного результата. Достигнутые результаты и воздействия, которые мы оказываем на себя и других людей, являются следствием личностной программы. Осознав элементы личностных программ, в какой последовательности эти элементы воспроизводятся в поведении или мышлении, люди могут управлять собственными переживаниями, состоянием и поведением [2].

Таким образом, мы видим многогранный процесс взаимодействия мозга, языка и тела, оказывающий влияние на поведение людей, отражающийся на чувственном восприятии, ощущениях, мыслях, поступках.

Клеандров М.И., например, задается вопросом о возможности гипнотического воздействия на судью при осуществлении им правосудия. Исследователя интересуют случаи «выхода» конкретного судебного акта за «пределы» судебного усмотрения, когда грубо, цинично нарушается прямое правовое предписание либо игнорируется конкретная императивная норма без какой-либо мотивации. Фактически, гипнотическое воздействие относится к технике НЛП. Легче всего гипнотизёру вызывать измененное состояние сознания у гипервнушаемых людей. Также, «назначенная» гипнотизером «операция» может быть осуществлена и с отсрочкой исполнения – психологи хорошо знают приемы так называемого отсроченного гипноза, когда жертве дается установка выполнить конкретное дело завтра и забыть о нем, что жертва и сделает, а главное – забудет об этом. Поэтому – кто знает, кто в состоянии определить – не причина ли вынесения «странного», абсолютно неадекватного решения/приговора/определения судьей именно отсроченное гипнотическое на него воздействие: судья это сделал, в данном случае находясь под отсроченным гипнотическим внушением? Судья

после вынесения подобного судебного акта может себе удивляться, но не больше – пересмотреть и изменить его он не в состоянии по процессуальным причинам, а спросить его, почему он вдруг вынес такой «странный» вердикт, никто попросту не вправе, поскольку это запрещено законом. Сам же судья, естественно, и не подозревает, что это не он фактически осуществил правосудие по данному делу [3].

Однако единства мнений в вопросе о существовании гипноза нет. Так, Николас Спанос утверждает, что гипноза как физиологического состояния не существует. По его мнению, гипноз – не изменяет состояние сознания, это всего лишь поведение, вызванное повышенной мотивацией, где загипнотизированный, желая удостовериться в эффективности гипноза и убедить в этом окружающих, начинает поддаваться влиянию гипнотизёра и интерпретирует свои действия как навязанные извне [4].

Каждый из нас осознанно/неосознанно в какой-либо степени оказывает влияние на окружающих и одновременно становится субъектом-адресатом такого влияния. Мы постоянно сталкиваемся с психологическими воздействиями, вопрос о понятии, сущности, видах, которых до сих пор однозначно не определен.

Криминалистикой выработаны тактические приёмы и рекомендации, основанные во многом на знании психологии, понимании поведения и психологического состояния людей, выступаю-

щих в той или иной роли участниками предварительного и судебного следствия по уголовным делам. Так, можно назвать такие известные работы как Воробьев Г.А. «Тактика и психологические особенности судебных действий», Ратинов А.Р. «О допустимости и правомерности некоторых тактических приемов», Васильев А.Н. «Тактика отдельных следственных действий». Однако, имплементации знаний юридической психологии в арбитражный процесс, для целей суда в судебном разбирательстве, до сих пор не произошло, хотя судьи арбитражных судов остро нуждаются в овладении такого рода приёмами. Ведь, зачастую, недобросовестные представители сторон используют и недопустимые приёмы психологического воздействия на судью.

Психологическое воздействие на судью может осуществляться лицами, участвующими в деле, поэтому всегда существует угроза подвергнуться данному воздействию. Судья, исполняя свою роль в ходе оказания противодействия психологическому воздействию участников процесса, ограничен рамками закона и кодексом судейской этики.

Чем страшно гипнотическое воздействие, например, так это тем, что официально подобные воздействия не зарегистрированы, нет никакой статистики. «Потерпевшим» здесь будет являться справедливое правосудие. Однако, несмотря на то, что проблема латентна, требуются реальные механизмы противостояния ей. «Предупреждён – значит вооружён».

Литература:

1. *Шейнов В.П.* Манипулирование сознанием. Мн. : Харвест, 2015.
2. URL : <http://www.nlp-system.com>
3. *Клеандров М.И.* О возможности гипнотического воздействия на судью при осуществлении им правосудия // Российский судья. 2006. № 1.
4. *Спанос Н.П.* Поведение в гипнозе: когнитивная, социальная, психологическая перспектива // Research Communications in Psychology, Psychiatry and Behavior. 1982.

Literature:

1. *Shainov V.P.* Manipulation of consciousness. Mn. : Harvest, 2015.
2. URL : <http://www.nlp-system.com>
3. *Kleandrov M.I.* On the possibility of hypnotic effect on the judge in the exercise of justice // Russian judge. 2006. № 1.
4. *Spanos N.P.* Hypnotic behavior: A cognitive, social, psychological perspective // Research Communications in Psychology, Psychiatry and Behavior. 1982.

Савин Андрей Александрович
преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Семенов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ВОПРОСА О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

■ ■ ■

Аннотация. В статье исследуется проблема правовой неурегулированности вопроса оказания профессиональной правовой помощи лицам, не способным в полной мере или вовсе неспособным эти функции осуществлять самостоятельно при рассмотрении в отношении них вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. Актуализируется вопрос фактического доступа и начала оказания защиты адвокатом привлекаемому лицу и необходимости осуществления защиты как таковой. Мотивация необходимости регулирования в указанной уголовно-правовой плоскости иными лицами правоприменительного процесса, их действия или бездействия также затрагиваются. Оцениваются и сопоставляются мнения ученых, которые уже рассматривали похожие вопросы в своих работах, однако не пришли к единому мнению по ним. Поднимается на обсуждение вопрос об оказании юридической помощи не всем без исключения лицам из указанной категории, а только из числа тех, которые создают реальную опасность обществу как лица, склонные к совершению противоправных деяний.

Ключевые слова: принудительные меры, психические заболевания, право на защиту, меры медицинского характера, роль защитника, представитель, правоприменительный процесс, применение медицинских мер, ограничение прав, невменяемость, преступное деяние.

■ ■ ■

Andrey A. Savin
Lecturer at the Department
of Public Law of the Faculty of Law
and Management,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Aasavin33@mail.ru

Sergei A. Semenov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of public legal disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
kurlak09@rambler.ru

THE LEGAL CONFLICT IN THE IMPLEMENTATION OF PROTECTION WHEN CONSIDERING APPLICATION OF COMPULSORY MEASURES OF A MEDICAL NATURE

■ ■ ■

Annotation. In the present article explores the problem of legal regulation of provision of professional legal assistance to persons unable to fully or completely incapable of these functions independently when considering them in relation to the question of the application of compulsory measures of a medical nature. The question of actual access and the beginning of the defense by a lawyer to the person involved and the need for protection as such is being actualized. The motivation for the need to regulate the law enforcement process in this criminal-legal plane by other persons, their actions or omissions are also affected. The opinions of scientists who have already considered similar issues in their works, but have not come to a consensus on them, are evaluated and compared. The question of providing legal assistance not to all persons from this category without exception, but only from among those who create a real danger to society as persons prone to commit illegal acts is raised for discussion.

Keywords: coercive measures, mental illness, the right to protection, measures of a medical nature, the role of the defender, the representative, the enforcement process, the use of medical interventions, restriction of rights, the insanity, criminal act.

■ ■ ■

Конституция РФ гарантирует право на защиту от незаконного уголовного преследования всем без исключения гражданам, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Нередко возникают случаи невозможности предоставления указанного права лицам, которые не могут осознавать в полной мере или частично всю суть предоставляемой им государственной формы защиты в силу своего психического состояния. В этот момент и проявляется неурегулированность рассматриваемого вопроса, что в свою очередь, обосновывает актуальность рассматриваемой в статье проблемы. С учетом сведений, которые являются результатом скрупулезных подсчетов, по состоянию на 2017 год общая численность населения нашей страны составила 146,8 млн человек, из которых 2,7 % страдают заболеванием психики [1, с. 37]. Это, по нашему мнению, очень серьезные негативные показатели. С учетом подтвержденных статистических данных нельзя не согласиться с необходимостью продолжения изучения проблемы правовой неурегулированности вопроса процедуры применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших противоправные деяния, о целесообразности привлечения внимания к проблеме, т.к. фактически затрагиваются интересы неограниченного числа лиц и внутригосударственного регулирования существования общества.

Ранее данный вопрос затрагивался учеными юристами в работах, которые, по нашему мнению, не достаточно акцентировали свое внимание на проблеме правовой неполноты и отсутствия четкого регулирования отношений в сфере защиты прав граждан находящихся в болезненном психическом состоянии [2, с. 158–159; 2, с. 76–95]. С учетом долгосрочной концепции повышения уровня жизни населения страны и ее качества, разработанного и притворяемого в жизнь общества [3], настоящее исследование не может не затронуть интересующихся данной тематикой.

Лица, привлекаемые к ответственности за совершение противоправных деяний, уголовных преступлений подлежат привлечению к ответственности в целях восстановления социальной справедливости, как того требует уголовное законодательство. Это обязанность государства, однако в обязанности входит и предоставление гарантий от незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Любой уголовный процесс является процессом состязательным, что в любом случае подразумевает последовательное предоставление председательствующему судье сторонами-участниками судебного разбирательства доказательств вины и невиновности привлекаемого лица. Кроме того, уголовный процесс существует для соблюдения интересов общества и его граждан. Не могут быть соблюдены права и гарантии незаконного привлечения к ответственности при отсутствии для этого необходимых условий и средств. Под средствами понимается деятельность участников уголовно-процессуальных отношений в рамках действующего законодательства. Стороны в

уголовном процессе – представитель государственного обвинения и представитель – адвокат, каждый осуществляет функции, которыми наделен в силу закона.

В частности, закон об адвокатуре гарантирует каждому привлекаемому к уголовной ответственности лицу оказание профессиональной юридической помощи с учетом принципов честности, разумности и добросовестности [4]. Только при неукоснительном соблюдении данных принципов возможно вести речь о полноценном соблюдении Конституционных прав граждан. В данном аспекте немаловажным является регулирование отношений, складывающихся из оказания квалифицированной юридической помощи защитником-адвокатом лицам, в отношении которых также рассматриваются вопросы применения принудительных мер медицинского характера.

Учитывая, что лицо считается нуждающимся в квалифицированной юридической помощи уже с момента его фактического задержания, адвокат допускается к нему незамедлительно. Случается, что поведение задержанного, постановка его речи, иные нестандартные общепринятым нормам и манерам поведения в сложившейся ситуации дают основание усомниться в его нормальном психическом состоянии. Подобная ситуация ставит органы следствия перед выбором о необходимости проведения дальнейшего предварительного расследования в отношении задержанного лица или же о расследовании уголовного дела только учитывая факт произошедшего до установления его вменяемости. Очевидно, что лицо, страдающее психическим заболеванием и не отдающее отчет своим действиям не может являться субъектом преступления, в связи с чем и работа по его изобличению в совершенном противоправном деянии не осуществляется. Но, тем не менее, даже находясь в явно психически болезненном состоянии, задержанному (подозреваемому) должно быть предоставлено право на квалифицированную защиту его прав и интересов.

Ряд исследователей данного вопроса отмечают, что рассмотрение вопроса применения принудительных мер медицинского характера не является только вопросом, которое непосредственно направлено на решение задач уголовного судопроизводства [5, с. 78–82]. Основной целью процедуры предварительного расследования в связи с совершенным лицом противоправным деянием состоит в изобличении лица его совершившего, при условии, что условно виновный может в полной мере осознавать всю противоправность совершенного деяния и характер наступивших в связи с этим последствий. Также лицо должно осознавать всё бремя и последствия налагаемого на него судом наказания, все тяготы, ограничения и лишения, которые он несет в связи с исполнением приговора. Целью же производства о применении принудительных мер медицинского характера является ограничение лица, страдающего психическим недугом, совершившего противоправное деяние от общества в целях недопущения им совершения новых

противоправных деяний, угрозы причинения угрозы обществу и, в том числе, самому себе.

Уголовным законодательством Российской Федерации постановлено как при рассмотрении вопроса о виновности лица в совершении им противоправного деяния в рамках предварительного расследования, так и при рассмотрении вопроса о применении принудительных медицинских мер по уголовным делам, и в том и в другом случае необходимо устанавливать причастность лица к совершенному преступлению [6]. Однако указанное постановление только вскользь рассматривает вопрос об оказании квалифицированной юридической помощи причастным к противоправным деяниям лицам, в первую очередь нуждающимся в применении принудительных медицинских мер. Но несмотря на фактическое отсутствие данного регулирования указанным постановлением, очевидно, что никакие мероприятия по изобличению или применению медицинских мер не могут быть проведены без участия в процессе адвоката. Напрашивается вывод, что уж если уголовное преследование в отношении лица, которое в силу своего психического состояния не может отвечать за совершенное противоправное деяние, то и уголовное преследование в отношении такого лица осуществлять нет никакого смысла. На наш взгляд, с учетом приведенных доводов, полагаем, что и в фактическом участии защитника-адвоката в процедуре рассмотрения вопроса о принудительных мерах медицинского характера нет необходимости.

С одной стороны бесспорным доводом указанного факта является то, что во первых лицо не осознает или не в полной мере осознает, какой вопрос рассматривается судом в отношении него, во вторых не понимает, за что с ним проводятся какие-либо манипуляции, т.е. относится к происходящему относится индифферентно. В данной ситуации о каком представлении интересов задержанного, о какой защите прав личности может идти речь, если само привлекаемое лицо не может понимать характер происходящего. В силу закона позиция защитника-адвоката не может отличаться от позиции по делу своего подзащитного [4]. Определенная сложность в данном вопросе возникает у адвоката в том, что лицо, чье психическое состояние вызывает сомнение, само не может четко определиться в своей позицией, самостоятельно привести доводы своей непричастности и невиновности, определиться в своем отношении к совершенному противоправному деянию, к признанию или непризнанию своей вины.

Уголовное законодательство четко регулирует порядок применения в отношении лица, совершившего противоправное деяние, принудительных мер медицинского характера [7]. Суд не может принять решение о применении указанных мер к лицу только лишь на основании ходатайства органов следствия, дознания или по собственной инициативе. В свою очередь, к выводу о необходимости применения в отношении совершившего противоправное деяние принудительных мер медицинского характера, решается ис-

ключительно комиссией медицинских работников, специализирующихся на психиатрических заболеваниях. При необходимости, если установить необходимость применения медицинских мер не удается сразу, привлекаемое лицо может быть направлено для более глубокого обследования его психического состояния в стационарное медицинское учреждение.

Участие в процессе о рассмотрении вопроса о применении принудительных мер медицинского характера прокурора является обязательным. Однако он не всегда выполняет роль государственного обвинителя по причине наличия в его полномочиях и надзорных функций за соблюдением законодательства, в связи с чем возникает вопрос о необходимости участия адвоката в уголовном процессе о принудительных мерах привлекаемого пока еще условно-виновного лица. В целом напрашивается вопрос о целесообразности участия в процессе защитника, если его функции, при рассмотрении вопроса о применении медицинских мер, по сути, принимает на себя прокурор – представитель государственного обвинения и надзирающий за законностью в одном лице. При таких обстоятельствах теряется основной принцип правоприменительного уголовного процесса – принцип состязательности сторон. Некоторые исследователи рассматривают сторону защиты в судебном процессе как антипод стороны обвинения в частности и уголовного преследования в целом [8]. Понимая, что психически больное лицо, должно быть помещено под наблюдение специалистов-медиков в том числе и в целях избежания причинения вреда самому себе и окружающим, адвокат фактически поддерживает позицию органов предварительного следствия, изложенную в соответствующем постановлении. Фактически роль адвоката в рассматриваемом деле сводится к осуществлению представительства, что уже являлось предметом диссертационного исследования [9]. Полагаем, что озвученная в диссертации роль адвоката в процессе о рассмотрении вопроса о принудительных медицинских мерах не противоречит Федеральному закону об адвокатской деятельности в РФ и направлена исключительно на соблюдение прав и законных интересов привлекаемого лица, однако в силу психического состояния последнего, не способного воспринимать в полной мере последствия совершенного им противоправного деяния и последствия, которые могут в связи с этим последовать. Но если все участники процесса заинтересованы в направлении психически больного лица под наблюдение медицинской организации, то усматривается противоречие в применении законодательства о профессиональной юридической помощи привлекаемому лицу. Если участие защитника-адвоката по указанной категории дел является обязательным, то участие защитника-представителя обязательным не признается.

С учетом приведенного анализа отношений по обозначенному проблемному вопросу нельзя не признать о необходимости более углубленного научного изучения и правового регулирования

порядка оказания квалифицированной юридической помощи лицу, в отношении которого принимается решение о применении к нему принудительных мер медицинского характера в связи с

Литература:

1. Социально значимые заболевания населения в России в 2017 году (статистические материалы). М., 2018. С. 37(69).
2. *Щерба С.П.* Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих психическими и физическими недостатками : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 158, 159.; *Полов Е.А.* Адвокат – участник уголовного процесса : монография. Новосибирск : ГМУ им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова, 2012. С. 76–95.
3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47. Ст. 5489.
4. ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» 64-ФЗ от 2002 года (в ред. от 27.07.2017 г. № 269-ФЗ).
5. *Николюк В.В.* Кальницкий В.В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск. 1990. С.78-82.
6. Постановление Конституционного суда РФ от 20.11.2007 № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений ст. 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева».
7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ в ред. от 23.04.2018 г № 114-ФЗ.
8. *Давлетов А.А.* Адвокат-представитель в уголовном процессе // Бизнес, Менеджмент и Право, 2015. № 1.
9. *Суховерхова Е.В.* Предварительное следствие по делам о принудительных мерах медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

его причастностью к совершению противоправного деяния и создающего общественную опасность окружающим и самому себе.

Literature:

1. Socially significant diseases of the population in Russia in 2017 (statistical materials). M., 2018. C. 37(69).
2. *Scherba S.P.* Theoretical bases and features of criminal proceedings in cases of persons suffering from mental and physical disabilities : dis. ... d-ra yurid. sciences'. M., 1990. P. 158, 159.; *Popov E.A.* Lawyer – participant of criminal process : monograph. Novosibirsk : Novosibirsk state medical University them. Admiral F.F. Ushakov, 2012. P. 76–95.
3. About the Concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2020 : the order of the Government of November 17, 2008 № 1662-R // SOBR. legislation Grew. Confederations. 2008. № 47. article 5489.
4. Federal law «On advocacy and advocacy in the Russian Federation» 64-FZ of 2002 (as amended on 27.07.2017 № 269-FZ).
5. *Nikolyuk V.V.* Criminal-procedural activity on application of compulsory measures of medical character / V.V. Nikolyuk, V.V. Kalnitsky. Omsk. 1990. P. 78–82.
6. The decision of the constitutional court of the Russian Federation from 20.11.2007 № 13-P «on business about check of constitutionality of several provisions of the article. 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 and 445 of the criminal procedure code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens S.G. Islamskogo, O.B. Lobashova and V.K. Matveev».
7. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ as amended on 23.04.2018 № 114-FZ.
8. *Davletov A.A.* Lawyer-representative in criminal proceedings.//Business, Management and Law, 2015. № 1.
9. *Suhoverhov E.V.* A Preliminary investigation of the cases of compulsory measures of a medical nature : dis. ... kand. the faculty of law. Sciences. M., 2013.

Смирнов Александр Михайлович

кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
Research Institute
of the Federal Penitentiary
Service of Russia
Milena.555@mail.ru

**МАЛОЛЕТСТВО КАК ПРИЗНАК
БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ
ЛИЦА ПРИ ИЗНАСИЛОВАНИИ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И КВАЛИФИКАЦИИ**

**SMALLERY AS A SIGN
OF A HUMAN STATE
OF A PERSON WHEN RAPEING:
SOME QUESTIONS OF THEORY
AND QUALIFICATION**

■ ■ ■
Аннотация. Автор статьи предпринял попытку изложить в обобщенном виде теоретическую парадигму научного понимания малолетства как юридически значимого признака беспомощного состояния лица при изнасиловании. Автор полагает, что малолетний возраст не всегда выступает условием, определяющим беспомощность лица при изнасиловании, в связи с чем квалификация рассматриваемого преступного деяния по этому признаку должна производиться индивидуально в каждом конкретном случае с учетом.

■ ■ ■
Annotation. The author of the article published an article in a generalized form of the theoretical paradigm of the scientific understanding of early childhood as a legally significant sign of a person's helpless state during rape. The author believes that the young age is not always a conditional condition determining the unreasonableness of a person during rape.

■ ■ ■
Ключевые слова: изнасилование, физическая сила, беспомощное состояние, малолетний возраст, малолетний.

■ ■ ■
Keywords: rape, physical strength, helpless state, young age, young.

■ ■ ■
Изнасилование является одним из наиболее тяжких преступлений, посягающих на личность. В Россия всегда отличалась довольно высокими показателями данного преступления. Например, согласно анализу данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2017 г. (на время подготовки настоящей статьи данные за 2018 г. еще не сформированы) за совершение таких преступлений было осуждено 2339 человек, что само по себе не мало.

■ ■ ■
са Российской Федерации (УК РФ). Не является и исключением рассматриваемое нами преступное деяние, среди оценочных признаков, характеризующих его объективную сторону выступает беспомощное состояние потерпевшей.

За совершение этого преступления в России всегда была предусмотрена уголовная ответственность, поскольку общественная опасность этого деяния, отличающегося, пожалуй, самой большой степенью безнравственности и аморальности, признавалась таковой на всем протяжении развития Российского государства и общества.

Согласно анализу диспозиции ст. 131 УК РФ указанное состояние потерпевшей является одним из юридически значимых и конструктивных признаков объективной стороны изнасилования, в связи с чем, необходимо иметь представление, что характеризует это состояние.

Практика показывает, что при раскрытии и расследовании любых преступных деяний наибольшее затруднение у сотрудников дознания и следствия вызывает выявление и установление оценочных признаков, содержащихся в диспозициях статей Особенной части Уголовного кодек-

По мнению некоторых исследователей, беспомощным состоянием потерпевшей от изнасилования необходимо признавать такое ее состояние, находясь в котором она по причине субъективного состояния или объективных условий не может оказать насилующему ее лицу какого-либо реальное противостояние (сопротивление). При таком состоянии преступнику достаточно только контролировать волю потерпевшей и не применять к ней никакого физического воздействия для нивелирования ее возможного или реального сопротивления ему. Данное состояние может быть на лицо помимо воли насильника или же он может ввести насилуемую им жертву в

него, применив насилие (как физическое, так и психическое) [1].

Интерес для теоретического исследования рассматриваемого состояния имеет дефиниция Е.В. Топильской, которая под беспомощным состоянием потерпевшей при изнасиловании предлагает понимать такое ее состояние, в котором оно лишено какой-либо возможности принимать меры к самосохранению или самозащите, или же не оказывать какого-либо сопротивления в силу непонимания ею характера совершаемых с нею действий [2].

В соответствии с п. 5 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», изнасилование может быть признано, если оно осуществлено с использованием рассматриваемого в статье состояния потерпевшего от него лица только в тех случаях, когда это лицо, по причине своего возраста (малолетнее или престарелое лицо), обусловившего характер физического или психического состояния (например, физические недостатки, отставание в психическом или интеллектуальном развитии, слабоумие или другое психическое расстройство, а также иное болезненное либо бессознательное состояние) или иных юридически значимых обстоятельств не могло осознавать значение и характер производимых с ним сексуальных действий либо оказать сопротивление виновному. Вместе с тем, для привлечения виновного к уголовной ответственности за изнасилование оно должно полностью осознавать, что ее жертва находится в беспомощном состоянии. Считаем этот подход в юридической практике вполне обоснованным и справедливым.

В уголовно-правовой доктрине сформировалось убеждение, получившее широкое распространение, о том, что малолетний возраст жертвы изнасилования необходимо причислять к беспомощному состоянию при посягательстве на ее половую неприкосновенность [3].

Вместе с тем, по поводу возможности лица женского пола, не достигшего указанного возраста, сопротивляться или не сопротивляться своему насильнику, что предопределяет наличие состояния беспомощности при изнасиловании, в науке уголовного права существует определенная дискуссия, основанная на существовании двух противоположных точек зрения.

Например, по мнению А.С. Капитунова, который признает беспомощное состояние в любом случае при не достижении лицом четырнадцатилетнего возраста, объясняет свою позицию тем, что в этом возрасте лицо в силу, своего психологического и (или) социального развития, уровня умственного, интеллектуального, психического и физического развития не способно оказать сопротивление насильнику. Более того, данный исследователь идет дальше, предлагая признавать состояние беспомощности у лиц и более старшего возраста, которые по этим же признакам, обусловившим их определенную недораз-

витость в социальном и сексуальном плане, не способны или оказать сопротивление насильнику или понять характер совершаемых с ними действий [4].

Приверженцы другой (противоположной) точки зрения достаточно обосновано считают, что в современном мире, при нынешних условиях развития научно-технического прогресса, распространения знаний и т.д., девочки, не достигшие четырнадцати лет, вполне уже осведомлены о том, что представляет собой половое сношение, как и для чего оно осуществляется.

Например, Т.А. Коргутлова приходит к правильному, по нашему мнению, выводу о том, что девочки в возрасте двенадцати-четырнадцати лет уже достаточно ориентированы в вопросах половых взаимоотношений. В этой связи, юридически устоявшееся соотношение «возраст – беспомощное состояние» уже не столь стабильно и однозначно и должно решаться индивидуально в каждом конкретном случае с учетом степени умственного и физического развития потерпевших и степени их осведомленности в вопросах секса [5].

В этой связи стоит согласиться с мнением Н.Н. Коновалова, который справедливо обращает внимание на то, что возраст жертвы не может выступать одним-единственным и безапелляционным критерием, устанавливающим ее состояние беспомощности. Здесь необходимо учитывать и иные критерии: особенности развития ребенка, характер его воспитания, уровень знаний о сексуальной жизни и характере ее проявления в общественных отношениях и т.д. Правоприменительной практике, например, известны случаи, когда сексуальные действия с тринадцатилетней (и двенадцатилетней) девочкой квалифицировались по ст. 134 УК РФ (половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста). В этой связи, если малолетняя девочка полностью понимает характер, значение и вероятные последствия совершаемых с нею сексуальных действий, то признавать ее лицом, находящимся в беспомощном состоянии, нет никаких оснований [6].

Как справедливо отмечает Т.А. Коргутлова, определенные затруднения в правоприменительной практике вызывает юридическая оценка «добровольного» полового сношения совершеннолетнего лица мужского пола с малолетней девочкой. В некоторых случаях суды выносили решение об отношении таких сексуальных девиаций (отклонения от половой морали) к изнасилованию. Однако сам по себе малолетний возраст девочки не может выступать и признаваться условием для квалификации полового сношения с ней при ее согласии на вступление в половую связь, как изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Как насильственный половой акт вопреки видимой «добровольности» следует рассматривать только такие ситуации, когда по причине своего малолетства, интеллектуальной недоразвитости и т.п. потерпевшая заведомо для виновного не

могла осознавать характер осуществляемых с нею действий. В остальных случаях совершенное деяние образует состав преступления, предусмотренный ст. 134 УК РФ [5].

Таким образом, малолетний возраст не всегда выступает условием, определяющим беспомощность лица при изнасиловании, в связи с чем,

Литература:

1. *Дыдо А.В.* Изнасилование: проблемы уголовно-правовой квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006.
2. *Топильская Е.В.* Беспомощное состояние потерпевшего от преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1992.
3. *Смирнов А.М.* Половая преступность несовершеннолетних. М. : Юрлитинформ, 2015.
4. *Капитунов А.С.* Насильственные половые преступления против несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
5. *Коргутлова Т.А.* Половые преступления: теоретические и практические аспекты // Современное право. 2009. № 10. С. 138–144.
6. *Коновалов Н.Н.* Беспомощное состояние потерпевшего лица при насильственных действиях сексуального характера и изнасиловании // Российский следователь. 2013. № 14. С. 19–22.

квалификация рассматриваемого преступного деяния по этому признаку должна производиться индивидуально в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела, особенно уровня интеллектуального развития потерпевшего лица в вопросах секса, половой морали, а также ее физического развития.

Literature:

1. *Dydy A.V.* Rape: problems of criminal law qualification : author. dis. ... cand. legal sciences. Vladivostok, 2006.
2. *Topilskaya E.V.* The helpless state of the victim of a crime : author. dis. ... cand. legal sciences. SPb., 1992.
3. *Smirnov A.M.* Juvenile sex crime. M. : Yurлитinform, 2015.
4. *Kapitunov A.S.* Violent sex offenses against minors : author. dis. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2006.
5. *Korgutlova T.A.* Sex crimes: theoretical and practical aspects // Modern law. 2009. № 10. P. 138–144.
6. *Konovalev N.N.* Helpless state of the injured person during sexual assault and rape // Russian investigator. 2013. № 14. P. 19–22.

Тарькин Владимир Константинович

доцент,
кафедра уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет

Тулиёва Виктория Витальевна

студентка 4 курса
юридического факультета,
Юго-Западный
государственный университет
tulyova@yandex.ru

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОБЕГОВ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается такая актуальная и важная проблема деятельности исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы, как профилактика побегов, так как они отрицательно отражаются как на самом беглеце, так и на пенитенциарном учреждении. На основе данных официальной статистики проведен анализ совершения побегов, а также рассмотрены вопросы, которые непосредственно связаны с побегом заключенных из мест, где они отбывают назначенное им наказание.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, побег, осужденный, предупреждение преступлений, места лишения свободы, оперативная обстановка, превентивные меры.

Деятельность исправительных учреждений, где осужденными не совершаются преступления, свидетельствует о том, что в их работе функционирует эффективная система по реализации средств исправления, обеспечения предупреждения нарушений осужденными установленного порядка отбывания наказания, а также преступлений.

На сегодняшний день значительное место среди преступлений, которые совершаются в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, занимают побег. Они отрицательно отражаются как на самом беглеце, так и на пенитенциарном учреждении.

По мнению Н.П. Барабанова, побег – это тайный и скрытый способ оставления исправительных учреждений осужденными, а также уход за их пределы с оказанием или без оказания воздействия на лиц, которые осуществляют охрану, а также других сотрудников, или совершенный с применением насилия, оружия или предметов, используемых в качестве оружия, нападением на охрану и завладением оружия, причинением

Vladimir K. Tarykin

Associate Professor,
Department of Criminal Law,
South-West State University

Victoria V. Tulyova

Student 4 courses
Law Department,
South-West State University
tulyova@yandex.ru

PREVENTION OF ESCAPES FROM DEFENSE

Annotation. This article deals with such an urgent and important problem of the activities of correctional institutions of the penitentiary system, such as prevention of escapes, since they negatively affect both the fugitive and the penitentiary institution. On the basis of official statistics, an analysis of the escape has been carried out, as well as issues that are directly related to the escape of prisoners from places where they are serving their sentence.

Keywords: penitentiary system, correctional institutions, escape, convict, crime prevention, places of detention, operational situation, preventive measures.

вреда здоровью указанных и других лиц либо их убийством [2, с. 43].

Согласно статистическим данным, размещенным на официальном сайте Федеральной службы исполнения наказаний, за последние 3 года общее число зарегистрированных преступлений среди лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, составило в 2016 году – 851, из них побегов – 101, в 2017 году – 875, из них побегов – 106, а в 2018 году – 913, из них 103 преступления – это побег [6]. Несмотря на то, что число преступлений с каждым годом увеличивается незначительно, побег занимает третью позицию среди самых распространенных преступлений в исправительных учреждениях. Таким образом, данная проблема на сегодняшний день является актуальной.

Побег осужденного из мест лишения свободы является преступлением, которое препятствует реальному исполнению приговора и осуществлению задач и целей наказания, а также служит одним из способов уклониться от наказания.

Одно из основных направлений деятельности Федеральной службы исполнения наказаний России – обеспечение надежной изоляции осужденных, которые отбывают наказание в местах лишения свободы.

Действующее в нашей стране законодательство серьезно рассматривает вопросы, которые непосредственно связаны с побегом заключенных из мест, где они отбывают назначенное им наказание. В то же время, практическая деятельность исправительных учреждений показывает, что для части осужденных исправительный процесс не приносит позитивных результатов, так как, не желая отказаться от антиобщественных взглядов и привычек, в определенных ситуациях, они вновь совершают преступления.

Для успешной организации профилактической работы по предупреждению побегов осужденных из мест лишения свободы необходимо учитывать их количественные и качественные показатели, которые отражают сведения о численности осужденных, количестве убывших из учреждения и прибывших в него, уголовно-правовую характеристику личности [4, с. 245]. Данные сведения позволяют обеспечить оптимальное распределение осужденных по отрядам и объектам работы, так как повышенная концентрация осужденных отрицательной направленности в одном месте может привести к осложнениям оперативной обстановки и возникновению факторов, способствующих совершению побегов.

Исправительные учреждения обладают практическими знаниями и навыками в области предупреждения и пресечения данной категории преступлений.

Все действия сотрудника по профилактике и пресечению побегов определяются его профессиональной компетентностью, мотивацией и готовностью к действиям в экстремальных ситуациях. Высокая бдительность, профессиональная и психологическая подготовка, служебная дисциплина, физическая закалка, сплоченность коллектива – важнейшие условия успешного выполнения служебных задач при чрезвычайных происшествиях.

В первую очередь, важную роль при предотвращении побегов осужденных из мест лишения свободы играет психологическая система подготовки сотрудников исправительного учреждения.

Данная система, по-нашему мнению, должна включать:

1. Метод ситуативно-образной психорегулирующей тренировки. Он заключается в мысленном воспроизведении ситуации побега, а также вариантов развития эмоций во время совершения побега.

2. Метод активной мышечной релаксации. Данный метод реализуется через выполнение ряда простейших упражнений, благодаря которым может снижаться непроизвольное напряжение мускулатуры, что помогает значительному снижению тревожности.

3. Методы повышения эффективности специальных видов профессиональной деятельности, а именно стрельбы, приемов борьбы и т.д.

4. Различные методики, которые направлены на развитие познавательных процессов: внимания, памяти, мышления [3, с. 61].

Причины побегов, по мнению большинства авторов, посвятивших работы исследованию данной проблемы, кроются также и в личности осужденного.

Так, по мнению О.В. Мазура, первопричиной совершения побега из мест лишения свободы является криминогенная направленность личности осужденного, так как именно она формирует и мотивирует осужденного на совершение преступления. Второй причиной, по мнению Г.Ф. Хохрякова, является общность интересов осужденных в условиях изоляции от общества, сложившаяся ситуация и обстановка [5, с. 162].

На наш взгляд, немаловажную роль в изучении личности осужденного играют и социально-демографические характеристики, а именно семейное положение на момент совершения побега. Всем известно, что семья – это основа, которая в большинстве случаев позитивно влияет на формирование личности осужденного, а также оказывает антикриминогенное воздействие. Осужденные, имеющие семью, реже совершают побег, и, как правило, не нарушают установленный порядок отбывания наказания, поэтому сотрудникам исправительных учреждений необходимо реализовывать в процессе индивидуального воспитательного и профилактического воздействия возможности семейных отношений.

Для предупреждения рассматриваемого вида преступления также необходимо знать его основные способы совершения. В научной литературе имеется огромное количество информации о способах совершения побегов из мест лишения свободы, но данные способы различными учеными и практиками рассматриваются неоднозначно. Это объясняется тем, что постоянно реформируется уголовно-исполнительная система России, всё больше появляется новых способов совершения побегов и усовершенствуются старые.

Наиболее точной, как нам кажется, является классификация, которую представляет Р.М. Морозов. Он подразделяет способы совершения побегов на разные группы:

1. Побег, которые сопряжены с преодолением линии ограждений исправительного учреждения, а также связанные с использованием коммуникаций, подкопов.

В целях предупреждения эффективен постоянный осмотр не только инженерно-технических средств охраны, но и прилегающей к нему местности, так как во многих случаях преступления стали возможны в связи с потерей бдительности часовыми караула. Для предупреждения побегов через подкопы немаловажное значение имеют систематические обысковые мероприятия в жи-

лых и производственных зонах, комиссионный осмотр помещений на территории исправительных учреждений.

2. Побег, которые совершаются при транспортировке на огражденных, постоянно или временно охраняемых объектах (побег путем укрытия в тайниках, побег «на рывок», нападение на сотрудников и т.д.).

В предупреждении побегов с использованием укрытий или оборудованием тайников наиболее эффективны тщательные обыски производственных зон исправительных учреждений, надлежащий надзор за осужденными в рабочее время, выявление и пресечение незаконных связей их с работниками, обеспечивающими контроль за использованием технологического оборудования и инструментов, а также назначенными для контроля за погрузкой (разгрузкой) и сопровождением транспортных средств на территории жилой и производственной зон.

3. Побег, совершаемые лицами, содержащимися в колонии-поселении, и осужденными, пользующимися правом бесконвойного передвижения (самовольное оставление территории исправительной колонии-поселения; нарушение маршрута движения и т.д.).

4. Иные способы совершения побегов. К данной группе может относиться ряд уникальных способов побега [2, с. 45].

В данном случае осужденные, которые организуют побег, тщательно готовят план, привлекают сообщников, подкупают сотрудников администрации учреждения и т.д. Одно из самых коварных ухищрений осужденных – это стремление их войти в доверие к лицам караула и использовать их беспечность и ротозейство для реализации своих преступных замыслов [1, с. 137].

На наш взгляд, к сложившимся ситуациям и обстановке совершения побегов из мест лишения свободы необходимо отнести следующие обстоятельства:

– недостаточный контроль и надзор за осужденными;

Литература:

1. *Байбарин А.А.* Организация охраны и конвоирования в уголовно-исполнительной системе: учеб. пособие / А.А. Байбарин, В.К. Тарькин; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2018. 216 с.

2. *Дечкин О.М.* Предупреждение побегов из мест лишения свободы / О.М. Дечкин; Под общ. ред. Заслуженного юриста РФ, д.ю.н., проф. В.А. Уткина // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. Межрег. научн-практ. конф., Томск 20–21 апреля 2017 г. Выпуск 5; Томский ИПКР ФСИН России. Томск : Изд-во ООО «Офсет ЦЕНТР», 2017. С. 42–46.

– неосведомленность администрации учреждения о преступных намерениях осужденных;

– неорганизованность подразделений и служб учреждений;

– слабое изучение личностей осужденных, их связей;

– недостатки в обысковой работе и в оборудовании инженерно-технических средств охраны и надзора за осужденными и т.д.

С нашей точки зрения, в целях обеспечения более эффективной работы структурных подразделений учреждений и органов ФСИН России по предупреждению побегов, необходимо проводить ряд мероприятий:

Во-первых, непрерывно выявлять причины и условия, которые способствуют совершению побегов, а также принимать меры по их устранению.

Во-вторых, постоянно обследовать территорию учреждения, камеры, отряды с использованием биолокационного метода обнаружения подкопов.

В-третьих, повышать уровень индивидуально-профилактической работы с лицами, склонными к совершению побега.

И наконец, в-четвертых, повышать контроль за организацией служебной деятельности учреждений УИС со стороны профильных служб и кураторов от территориальных органов ФСИН России.

Таким образом, благодаря данному комплексу превентивных мер, будут достигаться максимально эффективные результаты в предупреждении побегов из мест лишения свободы. Также необходимо отметить, что деятельность администрации исправительных учреждений по предупреждению побегов осужденными из мест лишения свободы должна представляться системной, где в тесном взаимодействии будут участвовать и работать все подразделения и отделы. Ведь поверхностная работа или недоработка одного подразделения накладывает отпечаток на деятельность других служб и отделов исправительного учреждения.

Literature:

1. *Baybarin A.A.* The organization of protection and escorting in the penitentiary system: studies. manual / A.A. Baybarin, V.K. Tarykin; South-Zap. state un-t. Kursk, 2018. 216 p.

2. *Dechkin O.M.* Prevention of escapes from places of deprivation of liberty // Penal system: pedagogy, psychology and law: mater. Mezhhreg.scientific practical Conf., Tomsk April 20–21, 2017 / under the general. ed. Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. V.A. Utkin. Issue 5; Tomsk IPKR FSIN Russia. Tomsk : Publishing House of Offset CENTER, 2017. P. 42–46.

3. *Жидовцова Ю.В.* Особенности работы по предотвращению побегов из мест лишения свободы. Законодательство и практика. № 1(38). 2017. С. 60–62.

4. *Михайлова М.М.* Криминальная деформация личности под воздействием условий мест лишения свободы / М.М. Михайлова, В.К. Тарыкин; Ред. кол.: А.А. Гребеньков (отв. ред.) и др. // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. по материалам VII Междунар.заочной науч.-практ. конф., 15–16 декабря 2016 года; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2017. С. 409–414.

5. *Никишова П.М.* Организация работы учреждений и территориальных органов ФСИН России по предупреждению побегов / П.М. Никишова; Под общ. ред. Заслуженного юриста РФ, д.ю.н., проф. В.А. Уткина // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всерос. науч.-практ. конф-ции, Томск 19–20 апреля 2018 г. : в 2 ч. /, выпуск 6; Томский ИПКР ФСИН России. Томск : ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2018. Ч. 1. С. 162–166.

6. Федеральная служба исполнения наказаний: URL : <http://фсин.рф/>

3. *Zhidovtsova Yu.V.* Features of work to prevent escapes from places of detention. Legislation and practice. №1(38). 2017. P. 60–62.

4. *Mikhailova M.M.* Criminal deformation of a person under the influence of conditions of places of detention / M.M. Mikhailova, V.K. Tarykin // Criminal law in an evolving society: problems and prospects: Coll. scientific Art. on materials VII International. correspondencenauch.-practical. Conf., December 15–16, 2016 / ed. Col. : A.A. Grebenkov (otv. Ed.) Et al.; South-Zap.state un-t - Kursk, 2017. P. 409–414.

5. *Nikishov P.M.* Organization of work of institutions and territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Prevention of Shoots / P.M. Nikishov; Ed. ed. Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. V.A. Utkina // Penal system: pedagogy, psychology and law: materials Vseros. scientific-practical Conf-tion, Tomsk April 19–20, 2018: at 2 am, issue 6; Tomsk IPKR FSIN Russia. Tomsk : PKU DPO Tomsk IPKR FSIN of Russia, 2018. Part 1. P. 162–166.

6. The Federal Penitentiary Service. URL : <http://fsin.rf/>

Умархаджиева Седа Руслановна
старший преподаватель
кафедры теории
и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет
seda.umarkhadzhieva@mail.ru

МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ

Аннотация. В представленной статье рассматривается защита прав и интересов несовершеннолетних, как одна из форм обеспечения правосудия в отношении несовершеннолетних. Автором предлагается идея внедрения отдельного института социальных работников в отечественную систему ювенальной юстиции. Сделан вывод о необходимости создания института социальных работников при ювенальной юстиции, учитывая эффективность ее деятельности по реализации правосудия в отношении несовершеннолетних преступников.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, социальная работа, социальная защита, несовершеннолетний правонарушитель, судебный процесс.

На современном этапе одним из дестабилизирующих факторов российского общества, на протяжении длительного времени остаётся криминализация несовершеннолетних. Возрастающие масштабы подростковой преступности, как правило, носящие организованный и групповой характер, представляют подлинную угрозу социально-экономической безопасности государства в целом. Поэтому одним из первоочередных задач государства и общества, должна оставаться создание благоприятной социальной среды для успешной социализации и воспитания подрастающего поколения, формирование необходимых условий для их всестороннего физического и духовного развития.

В современных реалиях обстоятельствами привлечения лиц, не достигших 18 лет, в сферу уголовно-процессуальных правоотношений выступают не только отрицательные факторы социального процесса, но и несовершенство всей системы предупреждения и предотвращения преступности несовершеннолетних. Как мы знаем, сегодня основной мерой предупреждения подростковой преступности и сдерживающим фактором остается уголовное наказание и ответственность. Вместе с тем, несовершеннолетнее лицо выступает не только в роли субъекта правонарушения, но и объектом высокой право-

Seda R. Umarchadzhieva
Senior Teacher
Departments of the Theory
and Technologies of Social Work
Chechen State University
seda.umarkhadzhieva@mail.ru

PLACE OF SOCIAL WORK IN THE SYSTEM OF JUVENILE JUSTICE

Annotation. The presented article considers the protection of the rights and interests of minors as one of the forms of ensuring juvenile justice. The author proposes the idea of introducing a separate institute of social workers into the domestic juvenile justice system. The conclusion is made about the need to create an institute of social workers in juvenile justice, given the effectiveness of its activities to implement justice in juvenile offenders.

Keywords: juvenile justice, social work, social protection, juvenile offender, litigation.

вой защиты, так как несовершеннолетние входят в наиболее уязвимые и слабозащищенные группы населения. Важным механизмом решения проблем несовершеннолетних, учитывающий всевозможные обстоятельства правонарушения с целью максимальной поддержки благополучия несовершеннолетних, является ювенальная юстиция. Ювенальная юстиция реализует более гуманный подход к подростковым правонарушениям, исходя из возрастных особенностей и социальной незрелости подростков.

Ювенальная юстиция, реализуя один из своих важных принципов, как социальная незащищенность несовершеннолетних предстоящих перед судом, инициативно использует неюридические знания [2, с. 28], а именно - изучает социальные условия жизни и социально-психологические признаки личности правонарушителя. Получение неюридической информации о несовершеннолетнем правонарушителе, входит в компетенцию социального работника, осуществляющий свою деятельность на конкретной территории взаимодействуя с государственными и негосударственными органами и организациями по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Поэтому особая роль в области ювенальной юстиции отводится социальной работе.

Следует отметить, что российский опыт взаимодействия работников судебных органов и социальных служб по осуществлению судопроизводства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних преступников, повышает доступность правосудия несовершеннолетних правонарушителей как социально незащищенных групп населения. Как важный компонент, социальная работа подключается в систему работы по рассмотрению судебного дела несовершеннолетнего правонарушителя с самого начала ее реализации. В зависимости от принятого решения по отношению к несовершеннолетнему правонарушителю, социальная работа способна заменить наказание, в том случае, если суд обязал подсудимого пройти курс социально-педагогической реабилитации [4]. Специалист по социальной работе, сопровождающий несовершеннолетнего правонарушителя, действует на основе двух принципиальных моделей: реабилитационной и восстановительной. Реабилитационная модель действует на основе детоцентризма, центральное место в решении проблем занимает ребенок. Восстановительная модель направлена на формирование необходимых благоприятных условий для воспитания ответственного поведения у подростков, оказавшиеся в криминальной ситуации. На основании принципов восстановительного правосудия, социальный работник готовит предложение о возможности использования судом по отношению к подростку реабилитационных мероприятий, вместо карательных мер, с целью воспитания и социальной адаптации подростков, которые оказались в конфликте с законом. Для реализации мер по защите прав несовершеннолетнего правонарушителя, социальный работник готов примирительные процедуры, добивается того, чтобы судебный приговор носил не карательный, а воспитательный и реабилитационный характер. С момента поступления уголовного дела в суд и до начала срока судебного разбирательства, специалист по социальной работе реализует свои функции в отношении дела несовершеннолетнего по изучению социальных условий его жизни, социально-психологических особенностей его личности.

Здесь необходимо отметить, что в российском правовом поле не утвердились понятия «социальное исследование» и «социальный работник ювенальной юстиции», то есть, в уголовном процессе как таковом отсутствует стадия социального исследования социальным работником ситуации правонарушения. Хотя, не взирая на отсутствие правового закрепления этих понятий, данные институты фактически работают в отечественной системе правосудия. Хотя, во многих зарубежных странах, на подростка правонарушителя составляется специальное досье на основе социального исследования, где содержатся данные о его личностных особенностях, условиях жизни в семье, которое ведет судья, либо службы надзора, педагоги и др. [1, с. 48]. Также предусмотрено законом, участие социального работника в судебном разбирательстве, где он может выступать в роли адвоката, защищая интересы несовершеннолетнего.

Что касается Российской Федерации, то вопрос о внедрении ювенальной юстиции по международным стандартам и нормам, находится только на стадии становления, несмотря на то, что данный институт фактически реализуется. Учитывая изменения, происходящие в обществе, возникает острая необходимость в создании разветвленной системы защиты прав несовершеннолетних, которая будет способна оказывать необходимую помощь на уровне общепринятых мировых стандартов, лицам несовершеннолетнего возраста. Следовательно, процесс становления ювенальной юстиции влечет за собой необходимость формирования института новых специалистов, которые должны будут обладать знаниями и навыками работы с асоциально настроенными несовершеннолетними.

Таким образом, внедряя опыт зарубежных стран по реализации ювенальной юстиции, мы считаем, что для нашей страны целесообразнее закрепить на нормативно-правовой основе институт социального работника при ювенальной юстиции.

На наш взгляд, потребность в привлечении специалистов по социальной работе к институту ювенальной юстиции обусловлена следующими факторами:

Сегодня Россией утверждены такие международные документы, как Конвенция ООН о правах ребенка; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; «Эр-Риядские руководящие принципы» для предупреждения преступности среди несовершеннолетних; «Пекинские правила», касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

В выше приведенных международных документах упоминается необходимость социального исследования жизненных обстоятельств, в результате которых совершено конкретное нарушение закона несовершеннолетним, также о компетентных органах, готовящих этот доклад. До вынесения судебного разбирательства компетентные органы должны иметь готовое заключение о результатах социального исследования (информация о фактах жизни несовершеннолетнего, о социальном, семейном окружении и т.д.). Например, в 16 правиле Пекинских правил, установлено, что за исключением мелких правонарушений, во всех остальных случаях до вынесения окончательного судебного приговора, важность детального изучения условий жизни подростка правонарушителя и обстоятельств, побудивших к совершению правонарушения, с целью содействия вынесению судом благоразумного решения по делу [3]. В данном правиле отмечается потребность в надлежащих социальных службах, которые обязаны профессионально подготовить доклад о результатах социального обследования.

Безусловно, чтобы поднять отечественное ювенальное правосудие до заявленных мировых

стандартов, имеющийся арсенал судебного инструментария будет недостаточным. Отечественные суды, адвокатура и прокуратора действующие на сегодняшний день, не в состоянии обеспечивать необходимый должный уровень социальной помощи по реабилитации и защите прав несовершеннолетних правонарушителей. Поэтому вопрос о становлении и утверждении отечественной системы ювенальной юстиции, влечет за собой необходимость в формировании института социальных работников, при ювенальной юстиции по защите прав и интересов несовершеннолетних.

Социальный работник в ювенальной юстиции, выполняющий роль помощника судьи, проводит реабилитационные мероприятия и открывает для подростка возможности вернуться к нормальным социальным связям с окружающими, также реализующий своевременные меры по предупреждению преступности в среде несовершеннолетних лиц. Реализуя свои задачи находится в постоянном взаимодействии с органами следствия, судом, прокуратурой, семьями несовершеннолетних, комиссиями по делам несовершеннолетних, с сотрудниками образовательных учреждений и другими компетентными государственными и общественными организациями, способные влиять в силу своих полномочий на выполнение социальным работником установленных задач.

Литература:

1. *Бертранд У.* Защита прав несовершеннолетних во Франции. История вопроса // Демографические и экономические аспекты ювенальной юстиции. М., 2008. С. 48–49.
2. *Леженникова И.М.* Участие социальных работников при судах в процессе отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (история и современность) // Администратор суда. М. : Юрист, 2010. № 2. С. 27–29.
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). URL : www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16183#01346349096431383 (дата обращения 25.03.2019).
4. *Чередова Е.А.* Взаимодействие социальной работы и ювенальной юстиции в сфере работы с несовершеннолетними правонарушителями // Журнал научных публикаций аспирантов и докторов. 2010. № 7. URL : <http://www.jurnal.org/articles/2011/uri10.html> (дата обращения 25.03.2019).

Таким образом, в ювенальной юстиции социальным работником признается лицо, обладающее знаниями в сфере психологии, социологии, юриспруденции и навыками разрешения семейных конфликтов, оказания как непосредственной социальной поддержки и помощи несовершеннолетнему в рамках судопроизводства, проводимого в отношении последнего, также и сообщая с сотрудниками правоохранительных органов, затрагивающие интересы и права несовершеннолетнего. Исходя из этого, ювенальная юстиция наделяет социального работника специфическими полномочиями, обязанностями и правами отличными от других участников судебного процесса. Приведенное обстоятельство призывает о необходимости выделения в отечественной системе ювенальной юстиции отдельного института социальных работников. Положительный зарубежный и отечественный опыт ряда субъектов России по внедрению института социальных работников ювенальной юстиции, доказывают эффективность ее деятельности по реализации правосудия в отношении несовершеннолетних преступников. Мы можем с уверенностью отметить, что данный институт имеет огромный потенциал для улучшения обстановки в сфере подростковой преступности и защиты их прав в процессе судопроизводства. Однако для отечественной системы судопроизводства ключевой проблемой остается отсутствие законодательной базы по вопросам прав, обязанностей и финансирования института социальных работников при ювенальной юстиции.

Literature:

1. *Bertrand U.* Protection of the rights of minors in France. Background // Demographic and economic aspects of juvenile justice. M., 2008. P. 48–49.
2. *Lezhennikova I.M.* The participation of social workers in the courts in the administration of juvenile justice (history and modernity) // Court Administrator. M. : Lawyer, 2010. № 2. P. 27–29.
3. The United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (the Beijing Rules) (Adopted on 29.11.1985 by Resolution 40/33 at the 96th plenary meeting of the UN General Assembly). URL : www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=16183#01346349096431383 (address: 25.03.2019).
4. *Cheredova E.A.* The interaction of social work and juvenile justice in the work with juvenile offenders // Journal of scientific publications of graduate students and doctors. 2010. № 7. URL : <http://www.jurnal.org/articles/2011/uri10.html> (appeal date 03/25/2019).

Фисун Алина Витальевна
студентка,
Волгоградский
государственный университет
alina-fisun2016@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. Данная статья освещает отдельные вопросы становления оперативно-разыскной деятельности в России на дореволюционном этапе её развития в период с 1864 по 1917 год. Обращается внимание на то, что именно в середине XIX века оперативно-разыскная деятельность впервые была выделена законодателем в качестве объекта правового регулирования. Охарактеризованы некоторые шаги законодателя в области регламентации оперативно-разыскной деятельности в рассматриваемый период. В заключении сделан вывод о том, что в исследуемый период времени была проделана значительная работа в области правового регулирования оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, уголовный процесс, уголовный розыск, судебная реформа 1864 года, сыскная полиция, дознание.

С о времён зарождения цивилизации и до настоящего времени такой способ добывания необходимой тайной информации, как оперативно-разыскной деятельность, являлся наиболее эффективным [6, с. 121]. Где и когда зародилась оперативно-разыскная деятельность, не представляется возможным установить точно. Однако остаётся несомненным тот факт, что ещё в первобытные времена люди производили действия, подобные тем, которые современные учёные-юристы именуют оперативно-розыскными мероприятиями, и производились эти действия, например, для выведывания лучших мест охоты и рыбной ловли, намерений враждебных племен и т.д. [10, с. 41]. Значительно позднее, методы оперативно-разыскной деятельности, сформировавшиеся в недрах разведывательной и контрразведывательной деятельности государства, стали применяться им и в целях борьбы с преступностью [10, с. 41].

В российском законодательстве оперативно-разыскная деятельность как таковая относительно недавно получила правовую регламента-

Alina V. Fisun
Student,
Volgograd State University
alina-fisun2016@mail.ru

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF OPERATIONAL RESEARCH ACTIVITIES IN RUSSIA

Annotation. This article covers specific issues of the development of operational-search activity in Russia at the pre-revolutionary stage of its development from 1864 to 1917. It is noted that in the middle of the XIX century, the operational-search activity was first identified by the legislator as an object of legal regulation. Some steps of the legislator in the field of regulation of operational-search activities in the period under review are characterized. It is concluded that the legislator in the study period of time has done significant work in the field of legal regulation of operational search activities.

Keywords: operatively-search activity, operative-search measures, criminal proceedings, criminal investigation, judicial reform of 1864, detective police, inquiry.

цию [8, с. 95; 10, с. 41]. Так, в научной литературе отмечается, что впервые оперативно-разыскная деятельность была выделена в качестве объекта правового регулирования в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года [5, с. 107; 6, с. 123], хотя сами примеры применения методов оперативно-разыскной деятельности можно найти ещё в истории Киевской Руси [10, с. 41]. В этой связи исследование историко-правового развития правового регулирования оперативно-разыскной деятельности в России представляется достаточно актуальным.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 года, ставшим одним из основополагающих актов судебной реформы, были внесены существенные правовые и организационные изменения в работу полиции (ст. 249–260, 269–271) [6, с. 123]. Кроме того, в соответствии с Наказом судебным следователям и Наказом полиции о производстве первоначальных исследований производство предварительного расследования полностью возлагалось на специальных чиновников – судебных следователей, в то время как к компе-

тенции полиции было отнесено «лишь производство первоначальных изысканий для определения того, что в происшествии есть состав преступления или проступка» [4, с. 20].

Между тем, если на месте «происшествия, заключающего в себе признаки преступного деяния» [9] отсутствовали судебный следователь, прокурор или его товарищ, статья 252 Устава уголовного судопроизводства устанавливала, что в таком случае полиция должна была начать производство «надлежащего о нем дознания» [9].

В ходе производства дознания полиция получала право на использование в своей работе таких методов, как проведение розысков, негласное наблюдение и словесные расспросы [6, с. 123]. Статья 254 Устава уголовного судопроизводства обращала особое внимание на то, что при производстве дознания полиция была обязана действовать, «не производя ни обысков, ни выемок в домах» [9]. В этом запрете можно усмотреть такой современный законодательный принцип оперативно-розыскной деятельности, как принцип негласности [6, с. 124].

По окончании дознания полиция, согласно статье 255 Устава уголовного судопроизводства, передавала всю собранную информацию следователю. В связи с этим Кругликовым А.П. был сделан вывод о том, что дознание «имело место лишь до начала предварительного следствия, помогало ему установленными законом средствами» [3, с. 191].

В контексте исследуемого периода времени важно отметить и такой нюанс, что именно в связи с проведением судебной реформы 1864 года такие методы получения необходимой для раскрытия преступления информации, как опрос и допрос, впервые в истории отечественной правовой науки получили законодательное разграничение [2, с. 99].

Так, опрос в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (статья 254) был известен под названием «словесные расспросы» [9] и относился к мерам, предпринимаемым органами дознания. Допрос, который в тексте Устава уголовного судопроизводства (статья 258) носил название «формального допроса» [9], представлял собой «следственное действие, предназначенное для получения судебных доказательств» [2, с. 99].

Литература:

1. *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. / Ф.А. Брокгауз., И.А. Ефрон СПб., 2003. 1898. Т. 24
2. *Горюнов В.Е.* Становление опроса как оперативно-розыскного мероприятия. // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 4(15). С. 95–102.
3. *Кругликов А.П.* Дознание и предварительное следствие по Уставу уголовного судопроизводства

Затем с 1866 года начался процесс по созданию системы органов сыскной полиции. Первое отделение сыскной полиции появилось в Санкт-Петербурге, затем в Варшаве (1874 г.), Киеве (1880 г.), Москве (1881 г.), Риге (1888 г.), Одессе (1898 г.) [7, с. 117]. Кандидатов для несения сыскной службы подвергали особым испытаниям и проверкам. Создание отделений сыскной полиции в указанных городах стало началом создания системы органов уголовного розыска по всей стране.

Общегосударственная система органов сыскной полиции была полностью сформирована только к 1908 году. К этому моменту отделения сыскной полиции функционировали уже в 89 городах страны [7, с. 117].

В этот же период времени появилась и нормативная база деятельности сыскной полиции [7, с. 118], а именно Закон 1908 года «Об организации сыскной части».

В соответствии с указанным Законом, к субъектам производства розыска по делам общеуголовного характера были отнесены отдельный корпус жандармов, военная контрразведка и сыскная полиция [6, с. 124]. Законом указанные выше субъекты оперативно-розыскной деятельности были обязаны проводить исключительно негласный розыск без права применять меры принудительного характера (в частности, задержание лиц, подозреваемых в совершении преступления). В Законе 1908 года также были сформулированы задачи и обязанности сыскных отделений, к которым относились:

- 1) производство розыска по делам общеуголовного характера;
- 2) производство дознания по преступлениям, неподследственным следователям;
- 3) выполнение отдельных поручений прокуроров и судебных следователей [6, с. 124–125].

В заключение, можно сделать вывод о том, что законодателем в исследуемый период времени была проделана значительная работа в области правового регулирования оперативно-розыскной деятельности. В частности, была заложена правовая основа взаимодействия органов дознания и предварительного следствия, элементы которого применяются и в настоящее время.

Literature:

1. *Brokgauz F.A.* Encyclopedic Dictionary: 86 t. / Brokgauz F.A., Efron I.A. SPb., 2003. 1898. T. 24
2. *Goryunov V.E.* Formation of the survey as an operational search activity. // Law and order: history, theory, practice. 2017. № 4(15). P. 95–102.
3. *Kruglikov A.P.* Inquiry and Preliminary Investigation under the Charter of Criminal

ства 1864 года и Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: некоторые сопоставления // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 190–195.

4. *Маркушин А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность полиции в раскрытии и расследовании преступлений : учеб. пособие для вузов / А.Г. Маркушин, Н.А. Аменицкая; Под ред. А.Г. Маркушина. М. : Издательство Юрайт, 2019. 323 с.

5. *Музеев А.И.* Из истории нормативного регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности / А.И. Музеев, М.-В.Е. Толстая // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 107–109.

6. *Паталашко С.В.* История возникновения оперативно-розыскной деятельности и ее развитие в дореволюционной России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2(7). С. 121–125.

7. *Рассказов В.Л.* Историография Сысской полиции Российской Империи // Юрист-Правоведъ. 2015. № 2(69). С. 117–120.

8. *Сыпачев А.Ю.* Этапы становления гласного содействия населения правоохранительным органам в России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1(10). С. 95–102.

9. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года. URL : <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 11.04.2019 г.)

10. *Якупов Р.Х.* Наука об оперативно-розыскной деятельности в России: этапы и перспективы развития // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 4(31). С. 41–45.

Proceedings of 1864 and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Some Comparisons. // The judiciary and the criminal process. 2014. № 3. P. 190–195.

4. *Markushin A.G.* Operational-search police activities in the detection and investigation of crimes: studies. manual for universities / A.G. Markushin, N.A. Amenitskaya; by ed. A.G. Markushina. M. : Publishing house Yurayt, 2019. 323 p.

5. *Museev A.I.* From the history of regulatory use of the results of operational-search activities / A.I. Museev, M.-V.E. Tolstaya // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2015. № 2(20). P. 107–109.

6. *Patalashko S.V.* The history of the operational and investigative activities and its development in pre-revolutionary Russia // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 2 (7). P. 121–125.

7. *Rasskazov V.L.* Historiography of the Detective Police of the Russian Empire. // Yurist-Pravoved. - 2015. № 2 (69). P. 117–120.

8. *Sypachev A.Yu.* Stages of the formation of public assistance to law enforcement agencies in Russia. // Legal science and law enforcement practice. 2010. № 1(10). P. 95–102.

9. Statut of criminal procedure of November 20, 1864. URL : <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (appeal date 11.04.2019).

10. *Yakupov R.Kh.* The science of operational investigative activities in Russia: stages and development prospects // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008. № 4(31). P. 41–45.

Хоменко Светлана Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Таганрогский институт управления
и экономики
svetkhom@gmail.com

Карягина Анжелика Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и процесса,
Таганрогский институт управления
и экономики
a.karyagina@tmei.ru

Борисова Анна Анатольевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Таганроге
banet06021979@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В РОССИИ

Аннотация. Коррупция сопровождает человеческое общество с момента появления первых государственных образований. Проблема противодействия ей во все времена и во всех государствах сохраняла особую актуальность. В настоящей статье рассматривается такое явление, как коррупция в социально-правовом аспекте. Авторы раскрывают трактовку этого понятия современными учеными и анализируют ее содержание. Кроме того, авторы исследуют причины коррупции и основные формы ее проявления.

Ключевые слова: коррупция, социально-правовое явление, причины коррупции, коррупционные сети, коррупциогенность.

Исходя из результатов многочисленных исторических исследований, можно сделать вывод о том, что явление коррупции сопровождает общество на протяжении всей его истории, начиная со времен формирования первых государственных образований. При этом всплески коррупционной преступности возникают в перио-

Svetlana M. Khomenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law and
Procedure of the Taganrog
Institute of Management and Economics
svetkhom@gmail.com

Anzhelika V. Karyagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law
and Process of the Taganrog
Institute of Management and Economics
a.karyagina@tmei.ru

Anna A. Borisova

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Humanities
and Natural Sciences,
Polytechnic Institute (Branch) of DSTU
in Taganrog
banet06021979@mail.ru

SOCIAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF CORRUPTION IN RUSSIA

Annotation. Corruption has been accompanying human society since the appearance of the first state formations. The problem of counteracting it at all times and in all states remained especially topical. In this article, a phenomenon such as corruption is considered in the social and legal aspect. The author reveals the interpretation of this concept by modern scientists and analyzes its content. In addition, the author investigates the causes of corruption and the main forms of its manifestation.

Keywords: corruption, social and legal phenomenon, causes of corruption, corruption networks, corruption.

ды крупных социальных потрясений и иногда приводят к полному уничтожению законности и одновременному росту зависимости населения от произвола чиновников. Коррупционная преступность в нашей стране представляет собой выстроенную сеть, в рамках которой происходят постоянные неформальные, нелегальные взаи-

модействия между должностными лицами, предпринимателями и т.д. При этом участники этих взаимоотношений связаны друг с другом взаимными обязательствами.

Коррупционные сети сформированы «между государственными и муниципальными служащими по вертикали управления в одном органе власти, а также по горизонтали на различных уровнях управления между органами разных ветвей власти и частным бизнесом» [4, с. 102]. В результате деятельности этой коррупционной системы в большей части случаев взаимоотношения должностных лиц и органов власти с бизнесменами, простыми гражданами выходят за рамки закона. В результате через коррупционную сеть в России проходит несколько раз большая доля валового национального продукта, чем в других развитых странах. Это является препятствием для развития российской экономики.

Актуальность рассматриваемой темы подтверждается статистикой коррупции в России. Так, ежегодно происходит повышение размера средней взятки. В 2008 году он составлял 9 тысяч рублей, в 2009 – 23 тысячи рублей, в 2010 – 61 тысячу рублей, в 2011 – 236 тысяч рублей. По данным Генеральной Прокуратуры РФ, средняя сумма взятки в 2018 году составила 609 тысяч рублей. Следовательно, за такой небольшой период времени размер средней взятки увеличился в 26 раз.

Коррупционная преступность наносит большой материальный ущерб экономике нашей страны. Так, например, в 2012 году были выявлены факты коррупции в фирме «Росагролизинг» и Министерстве сельского хозяйства, нанешие ущерб порядка 39 млрд рублей. Ущерб от коррупции при подготовке к Олимпиаде в Сочи составляет около 17 млрд рублей. Губернатор Сахалина А. Хорошавин был задержан в марте 2015 года на своем рабочем месте и в ходе обыска был обнаружен 1 млрд рублей наличными, 800 ювелирных изделий, а также ручка стоимостью 36 млн рублей. Хорошавина обвинили в получении взяток на общую сумму в 522 млн рублей. В 2017 году главу Минэкономразвития А. Улюкаева осудили за получение взятки в 2 млн долларов. Нами приведены наиболее яркие примеры раскрытых коррупционных преступлений, но в России ежегодно выявляется несколько десятков тысяч подобных преступлений. При этом необходимо учитывать, что подавляющее количество коррупционных преступлений являются латентными.

Необходимо отметить, что по оценке Всемирного банка коррупция в России достигает 48 % ВВП [2, с. 34]. В 2018 году неправительственной организацией по противодействию коррупции Transparency International был опубликован новый индекс восприятия коррупции, в котором специалисты оценивали страны по возможности подкупа должностных лиц, принимая во внимание непрозрачность бизнеса, наличие свободы у средств массовой информации, а также прав и свобод у граждан.

Российские чиновники часто утверждают, что по сравнению с коррупцией в зарубежных странах в нашей стране не все так плохо, периодически проводятся показательные расследования, но, по мнению независимых экспертов, такая борьба с коррупцией похожа на бой с лернейской гидрой: одну голову рубишь, а на ее месте отрастает сразу несколько других. В настоящее время, согласно индексу восприятия, по коррупционным показателям Россия находится на 149 месте, то есть рядом со странами третьего мира.

Коррупционными правонарушениями являются проступки, содержащие признаки коррупции, запрещенные нормами права под угрозой юридической ответственности. К числу основных видов коррупционных правонарушений относятся: гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки, административные проступки и уголовные преступления. Гражданско-правовые коррупционные деликты – это деяния, обладающие коррупционными признаками, но не являющиеся преступлениями. К их числу относятся: нарушения правил дарения, нарушения порядка предоставления услуг, предусмотренных соответствующими статьями ГК РФ и других законодательных актов.

Дисциплинарными коррупционными проступками являются такие правонарушения, как использование публичным служащим либо служащим коммерческой или иной негосударственной организации своего статуса для получения преимуществ вопреки установленному законодательством порядку несения соответствующей службы, за которое предусмотрено дисциплинарное взыскание. Административные коррупционные проступки – это административные правонарушения, совершенные с использованием служебного положения с целью получения незаконных преимуществ. Коррупционные уголовные преступления – это предусмотренные нормами УК РФ общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на авторитет публичной службы, выражающиеся в незаконном получении государственным, муниципальным или иным публичным служащим, либо служащим коммерческой или иной организации, каких-либо преимуществ, либо в предоставлении последним таких преимуществ.

Распространение коррупции напрямую зависит от развития общественных отношений, складывающихся в государстве. Так, государству, в условиях расширения и интенсификации экономических, финансовых, технических и иных связей и зависимостей в обществе, приходится усиливать роль административного регулирования. В результате бюрократия приобретает определенную независимость, злоупотребление которой в корыстных целях служит питательной почвой для коррупционных проявлений при попустительстве со стороны граждан и институтов гражданского общества.

У коррупции отсутствует единое общепринятое определение, но существует ряд трактовок. В соответствии с узкой трактовкой, коррупцией является получение взяток государственными

чиновниками и должностными лицами за оказание ими услуг различным физическим и юридическим лицам. В соответствии с широкой трактовкой, коррупцией является любое преступление, в основе которого лежит злоупотребление должностным положением. Примером использования широкой трактовки коррупции является определение коррупции, данное междисциплинарной группой по коррупции Совета Европы. В соответствии с ним «коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного должностного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений, и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других» [1, с. 56].

Коррупция в настоящее время является серьезнейшей опасностью для нашей страны, так как она представляет собой упорядоченную систему, целью которой является извлечение прибыли из коррупционной деятельности и инвестирование ее в дальнейшее развитие коррупции. Она настолько вросла в систему государственного управления, что, если предположить возможность мгновенной ликвидации коррупции в России, она может привести к серьезному экономическому и социальному кризису.

Главной причиной появления коррупции является коррупциогенность. К числу коррупциогенных факторов относятся:

- неопределенность правовых норм;
- закрытость или непрозрачность правоприменительных процедур;
- отсутствие контроля общественности над распределением и использованием бюджетных средств и внешних заимствований;
- наличие каучуковых норм права и т.д.

Одной из основных причин широкого распространения данной проблемы является безответственность власти. В последнее десятилетие высшее руководство нашей страны, а в особенности экс – Президент Д.А. Медведев, выступали инициаторами принятия эффективных мер для противодействия коррупции. В результате этого было принято большое количество нормативных правовых актов, были внесены изменения в действующее законодательство. Однако для эффективного противодействия коррупционной преступности необходимо, чтобы была обеспечена неотвратимость наказания за участие в ней, в особенности для представителей высших эшелонов власти, крупных предпринимателей, лидеров криминальных структур и т.д. В противном случае, примеры безнаказанности указанных лиц будут деморализовать, и развращать население, а также способствовать повсеместному распространению низовой коррупции.

Следующей причиной являются особенности личности коррупционеров. Искаженное сознание,

в первую очередь, способствует отклонениям в деятельности государственных, муниципальных служащих от нормативных моделей их статусов и статусов органов, в которых они работают, от должностных регламентов и характеристик. Также этому способствует их невысокий уровень общей культуры и профессионализма. Для решения этой проблемы необходимо до зачисления на должности лиц и в процессе их профессиональной деятельности систематически осуществлять проверку уровня и глубины их знаний, например, путем проведения аттестации и конкурсов, собеседований и специальных антикоррупционных тестов.

Коррупция является необходимым элементом для функционирования различных преступных систем, в том числе и контрабандной преступности. По мнению экспертов из России, контрабандным путем в отдельные периоды вывозилось до 20 % добываемой нефти, до сих пор осуществляется вывоз древесины, цветных и редкоземельных металлов, всех стратегических товаров, оружия. Взамен осуществляется импорт алкогольной продукции и некоторых продуктов питания, наркотических веществ, ядов, оружия. В результате контрабандная преступность наносит серьезный ущерб экономике России, ее обороноспособности; становится невозможным прогрессивное развитие страны.

Опасность коррупции заключается еще в том, что она постепенно распространяет свое влияние на новые сферы общественных отношений, которые ранее были от нее защищены. К их числу относятся: правоохранительная деятельность, сфера высших эшелонов власти и т.д. В результате к настоящему времени практически не осталось ни одного органа государственной власти, коррупционные услуги которого не были бы востребованы.

Рассмотрим распределение российского рынка коррупционных услуг между различными ветвями власти. Большую часть этого «рынка» занимает исполнительная власть, на ее долю приходится 98,97 % общего объема рынка коррупционных услуг. Далее следует ветвь судебной власти, занимающая 0,86 % коррупционного рынка. Закрывает данный список законодательная власть, занимающая 0,17 % рынка коррупционных услуг. При этом, наибольший коррупционный доход в коррупционной деятельности исполнительной власти приносят: нефинансовая контрольная и надзорная деятельность (34,6 %); лицензирование (34,2 %); фискальное взимание налогов и налоговый контроль (22 %) [3, с. 84].

Еще одной причиной несокрушимости коррупции является невозможность создания эффективной модели противостояния коррупции, вытекающей, в том числе, из несовпадения нравственных стандартов гражданского общества с этикой государственной и негосударственной службы. К числу этических коррупционных нарушений можно отнести: присутствие на банкетах, устраиваемых организациями, контроль над деятельностью которых входит в компетенцию того или иного государственного служащего; публичное

неделовое и регулярное общение с людьми, имеющими судимость за корыстные преступления; проживание в апартаментах или пользование автомобилем, стоимость которых несопоставима с размером жалования государственного служащего; зарубежные командировки за счет заинтересованных лиц и т.п.

Итак, коррупционную сеть крайне сложно ликвидировать по ряду причин.

Во-первых, в существовании этой сети заинтересованы не только коррупционеры, получающие основной доход от ее деятельности, но и относительно честные чиновники, не берущие взяток, так как система создана таким образом,

что через коррупционные сети они получают большую часть своих законных доходов и вне этих сетей просто не смогут существовать, то они и не будут никак противостоять коррупционной деятельности.

Во-вторых, коррупционная сеть достигла такой степени развития, что даже в случае принудительной смены всего аппарата чиновников, включая самых высокопоставленных, она не прекратит своего существования, и приходящие на смену новые кадры смогут восстановить связь с оставшимися чиновниками и продолжить эту противозаконную деятельность, поэтому коррупция является одной из самых опасных непосредственных угроз безопасности России.

Литература:

1. *Артемов В.Ю.* Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции : научно-практическое пособие. М., 2016. С. 56.
2. *Васильцов С.В.* Социально-экономические проблемы преодоления коррупции: коллективная монография. СПб., 2015. С. 34
3. *Дахов И.Г.* Противодействие коррупции в системе управления народным хозяйством: монография. М., 2015. С. 84.
4. *Спектор Е.И.* Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции. М., 2013. С. 102.

Literature:

1. *Artemov V.Yu.* Legal protection of the persons reporting about the corruption facts: scientific and practical grant M., 2016. P. 56.
2. *Vasiltsov S.V.* Socio-economic problems of overcoming corruption: collective monograph. SPb., 2015. P. 34
3. *Dakhov I.G.* Anti-corruption in the system of management of the national economy: monograph. M., 2015. P. 84.
4. *Spector E.I.* The Role of business structures in combating corruption. M., 2013. P. 102.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Юридический институт
им. М.М. Сперанского,
Владимирского государственного
университета имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
alyonapov@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Гудков Анатолий Иванович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
gudkovaniv@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ
РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам законодательного регулирования рекламной деятельности, а также предложены пути их решения. Рекламная деятельность является важным элементом рыночных отношений, она обеспечивает нормальное развитие конкуренции, способствуя продвижению на рынок товаров и услуг, и организует, тем самым, эффективную предпринимательскую деятельность. В настоящее время рекламная деятельность оказывает все более значимое влияние на успешность развития предпринимательства.

Ключевые слова: реклама, рекламная деятельность, рекламный договор, реклама в сети интернет, юридическая ответственность.

Elena V. Shanazarova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
Assistant Professor of Financial Law
and Customs Activities
of Law Institute named
after M.M. Speransky,
Vladimir State University named
after Alexander and Nikolay Stoletov
alyonapov@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service Executions
of Punishments
daniilzykov@mail.ru

Anatoliy I. Gudkov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor Public Disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
gudkovaniv@yandex.ru

**THE MAIN PROBLEMS
OF LEGISLATIVE REGULATION
OF ADVERTISING ACTIVITIES
AND THE WAYS
OF THEIR SOLUTION**

Annotation. The article is devoted to the disclosure of the main problems of legislative regulation of promotional activities, as well as suggested ways to solve them. Advertising activity is an important element of market relations, it ensures the normal development of competition, promoting the promotion of goods and services to the market and thereby organizes effective business activities. Currently, advertising activity has an increasingly significant impact on the success of the development of entrepreneurship.

Keywords: advertising, advertising, advertising contract, advertising on the Internet, legal liability.

Действующий Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – ФЗ «О рекламе») [1] определил, что «реклама – информация распространяемая любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке». При анализе требований, предъявляемых к рекламе, невозможно не отметить наличие большого количества оценочных понятий. Правовое регулирование общественных отношений сложно представить без оценочных понятий. Они (оценочные понятия) обеспечивают гибкость правовой регламентации, при этом, данные понятия и термины необходимо, прежде всего, связать со смыслом правового документа. Неопределенность законодательных признаков (а это, больше всего, относится именно к описанию самого деяния) порождает на практике большие трудности при применении правовых норм, что, в свою очередь, нередко приводит и к нарушению законности. Наличие общих указаний создает возможность субъективизма в правовой оценке поведения, необоснованного сужения или расширения пределов действия норм права. В настоящее время в сфере конкурентных правоотношений, действия законодательства в сфере рекламы проблемными являются:

– определение «некорректного сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами» (пп. 1. ч. 2. ст. 5 ФЗ «О рекламе»);

– критериев «побуждения к совершению противоправных действий» (пп. 1 ч. 4. ст. 5 ФЗ «О рекламе») и т.п. В силу этого, возрастает роль правоприменителя в обеспечении законности в указанных сферах.

Законодателем указано на некоторые особенности регулирования рекламы определенными способами (в телепрограммах, периодических печатных изданиях, радиопрограммах), то логичным и юридически эффективным было бы определить особенности распространения рекламы через Интернет. Сегодня наиболее важным является вопрос борьбы со СПАМом, не урегулированы вопросы обычных, т.н. «баннерных» загрузок сайтов. В этой связи, говоря о терминах, отметим, что спам – это массовая рассылка рекламы лицам, которые не выражали желания их получать. Распространение данного вида рекламных рассылок нарушает ряд положений рекламного законодательства, которое в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» не допускается. В целом, нарушение законодательства о рекламе несет за собой гражданско-правовую и административную ответственность.

Главной проблемой «спамминга» является и то, что он приносит имущественный ущерб пользователям Интернета. Рекламные сообщения создают блокировку пользователю к доступу к информации и к сайту, в связи с чем, пользователь вынужден оплачивать их получение.

Реклама в интернете представляет собой двухступенчатую структуру. Первой ступенью является внешняя реклама, размещаемая рекламодателем у издателей. Ее видами являются: баннеры, байрики, текстовые блоки, вставки и другие рекламные носители, размещаемые на тематических и популярных сайтах. К этому же можно отнести рекламу в поисковых системах. Внешнюю рекламу можно назвать пассивной рекламой, так как она не находится под контролем пользователя. Пользователь видит рекламу только как следствие взаимодействия с сайтом. Этим данная ступень очень похожа на типичную рекламу в СМИ. Например, человек покупает газету, чтобы почитать свежие новости, а не ознакомиться с рекламным объявлением. Второй ступенью является сам веб-сайт, на который попадают пользователи после нажатия на ссылку или баннер. Эту операцию можно назвать активной, поскольку пользователь по своей воле и под своим контролем перешел на рекламу [2].

Согласимся с позицией А.С. Микаевой [3] и отметим, что основными проблемами правового регулирования рекламы в сети Интернет, нуждающимися в скорейшем нормативно-правовом урегулировании, являются:

1. Распространение экстремистских материалов в сети Интернет.
2. Пропаганда, незаконная реклама наркотических средств и психотропных веществ.
3. Незаконное распространение порнографических материалов в сети Интернет.

В целом, можно отметить, что реклама такого рода очень слабо контролируется государством, поскольку по своим масштабам она огромна и по статистике большинство запросов в Интернете связаны именно с этой социально-опасной тематикой.

Таким образом, подводя итог, отметим, что на сегодняшний день, несмотря на наличие закона, регулирующего отношения в сфере рекламы, остается ещё большое количество актуальных социально и общественно значимых вопросов, требующих скорейшего разрешения. Для решения вышеперечисленных проблем в сфере правового регулирования рекламы необходимо:

- 1) пересмотреть понятийный аппарат правового института рекламы, возможно, изменить некоторые положения в новом ФЗ «О рекламе» с учетом уменьшения их оценочного характера. В ФЗ «О рекламе» реклама определяется как информация. Однако, не смотря на то, что понятие рекламы весьма близко к понятию информации, вместе с тем, имеет и отличительные особенности. Информация как понятие является более широким по своему содержанию, нежели понятие «реклама». Реклама – разновидность информации. Общность этих понятий заключается в том, что оба они представляют собой деятельность по распространению определенных данных. Таким образом, целесообразнее опреде-

лить понятие реклама как деятельность, посредством которой распространяются рекламные данные;

2) на сегодняшний день, сеть Интернет, фактически, представляет собой масштабную информационно-телекоммуникативную площадку для осуществления различных видов экономической, в том числе, и для предпринимательской деятельности. Необходимо создание раздела в ФЗ «О рекламе», посвященного правовому регулированию рекламных отношений в сети Интернет. Юридическая конструкция указанных норм может быть применена по аналогии с иными видами способов распространения рекламы в рамках

Литература:

1. Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О рекламе» // Российская газета. 2006. 15 марта.

2. *Кострикова А.С.* Актуальные проблемы правового регулирования в сети Интернет / А.С. Кострикова, М.Л. Макаревич // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 8(26). С. 67–75.

3. *Микаева А.С.* Проблемы правового регулирования в сети интернет и их причины // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 29–32.

4. *Микаева А.С.* Правовые аспекты борьбы с правонарушениями в сети Интернет / А.С. Микаева, Л.И. Тараненко // Вестник Московского государственного университета приборостроения и информатики. 2014. № 58.

одной статьи. Необходимо регламентировать в Законе, что размещение рекламы на интернет-сайте возможно исключительно в случае, если данный интернет-сайт является зарегистрированным в установленном законом порядке как средство массовой информации.

Для решения указанных проблем в сфере правового регулирования рекламной деятельности необходимо усовершенствовать нормативно-правовую базу, в частности внести изменения в Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» и ужесточить меры наказания за изготовление и распространение рекламы ненадлежащего характера.

Literature:

1. Federal law of 13.03.2006, № 38-FZ (as amended on 27.12.2018) «On advertising» // Rossiyskaya Gazeta. 2006. 15 Mar.

2. *Kostrikova A.S.* Actual problems of legal regulation in the Internet / A.S. Kostrikova, M.L. Makarevich // Innovative economy: prospects of development and improvement. 2017. № 8(26). P. 67–75.

3. *Mikaeva A.S.* Problems of legal regulation in the Internet and their causes // Actual problems of Russian law. 2016. № 9. P. 29–32.

4. *Mikaeva A.S.* Legal aspects of combating offenses on the Internet / A.S. Mikaeva, L.I. Taranenko // Bulletin of the Moscow state University of instrument making and Informatics. 2014. № 58.

Шульга Antonina Константиновна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
международного частного
и предпринимательского права.
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
antonina.bolshakova@inbox.ru

Antonina K. Shulga

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
at the Department of Private International
and Business Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
antonina.bolshakova@inbox.ru

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

**COMPARATIVE
CHARACTERISTICS
OF BANKRUPTCY OF CITIZENS
IN THE RUSSIAN FEDERATION
AND FOREIGN COUNTRIES**

Аннотация. В статье анализируется содержание правового регулирования несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации и сравнивается с банкротством граждан в зарубежных странах, рассматриваются наиболее частые вопросы при подаче заявления, учитывается различная судебная практика и делаются выводы о совершенствовании законодательства о несостоятельности (банкротства) российских граждан, с учетом зарубежного опыта и под влиянием современных рыночных отношений.

Annotation. The article analyzes the content of legal regulation of insolvency (bankruptcy) of citizens in the Russian Federation and compares it with the bankruptcy of citizens in foreign countries, considers the most common issues when submitting an application, takes into account the different judicial practice and makes conclusions about the improvement of the insolvency law (bankruptcy) of Russian citizens, taking into account foreign experience and under the influence of modern market relations.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, реструктуризация долгов, реализация имущества, мировое соглашение, кредитор, должник, финансовый управляющий, долг.

Keywords: insolvency, bankruptcy, debt restructuring, sale of property, settlement agreement, creditor, debtor, financial Manager, debt.

Рыночные отношения под влиянием множества негативных внешних факторов на фоне экономического кризиса ведут к трансформации финансовых институтов. В свою очередь, рыночные отношения способствовали развитию специфического рода отношений, как кредитные. Кредитование стимулировало покупательную способность населения, а также послужило фактором ускорения экономической деятельности в различных сферах жизнедеятельности общества. Не обладая достаточной грамотностью, не оценивая свои возможности, а именно ухудшения платежеспособности в случае изменений экономики, граждане РФ стали активно использовать кредиты, предоставляемые банками. Именно финансовый кризис 2008 года дал понять, что сотни российских граждан стали должны перед банками, быстро росла просроченность. Нужно было решать проблему, которая стала приобретать массовый характер. Необходимость в урегулировании банкротства физических лиц назрела остро. Реальные доходы населения упали, жизнь стала существенно дороже.

дать в начале 2000-х годов, но в первой редакции закон о банкротстве физических лиц был принят лишь в 2012 году. Закон предусматривал возможность банкротства для граждан с суммой долга свыше 50 тысяч рублей. На эту редакцию закона обрушился шквал критики и к третьему чтению в 2014 году он претерпел сильные изменения. На сегодняшний день нормативную базу банкротства образует Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [1].

Основная задача данного Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» состоит в недопущении должником неисполнения своих обязательств по долгам. Порядок признания гражданина банкротом регламентирован 10 главой ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В процессе рассмотрения дел, связанных с банкротством граждан используются механизмы реструктуризации задолженностей физического лица, реализация гражданином имущества, а также применяется мировое соглашение.

В России необходимость в законодательной возможности банкротства граждан стали обсуж-

Реструктуризации долгов – освобождением от уплаты банковских процентов, пеней и штрафов.

Мировое соглашение альтернативная процедура, которая решает вопрос должника и кредиторов через «посредника» финансового управляющего. Процедура реализации имущества предполагает, что все имущество физического лица образует конкурсную массу, кроме имущества, на которое взыскание не может быть обращено.

Арбитражным судом может быть принято заявление о признании физического лица банкротом только при условии, что размер требований к физическому лицу образует не меньше пятисот тысяч рублей, а также при условии, что данные требования не исполнены в срок трех месяцев с периода возникновения данных требований.

К новым инструментам в институте несостоятельности можно отнести образование Единого федерального реестра сведений о банкротстве. В данном реестре отображается информация о банкротах-гражданах, а также банкротях юридических лиц [2].

На практике, перед гражданином должником возникают некоторые проблемные вопросы. Например, возможно ли банкротство гражданина, если размер неисполненных им обязательств меньше 500 тысяч рублей? Согласно п. 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве и п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 45 от 13.10.2015 года гражданин вправе объявить себя банкротом при наличии признаков неплатежеспособности, указанных в пункте 3 статьи 213.6 Закона о банкротстве [3]. Т.е, если гражданин предвидит реальную возможность того, что он не в состоянии удовлетворить требования своих кредиторов в полном объеме, то он может обращаться с заявлением, даже если сумма долга не достигла 500 тысяч рублей.

Нужно отметить, что все вопросы, связанные с банкротством гражданина, это вопросы, касающиеся исключительно граждан Российской Федерации.

Ныне действующие нормативные акты о несостоятельности не закрепляет, возможно ли использовать нормы права к гражданам-иностранцам. Как законодатель, так и Верховный суд не решил эту сложную задачу. Однако, на этот счет имеется интересный судебный прецедент. Так, Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа произвел реструктуризацию долга, имеющегося у гражданки Украины, в результате которого ее ежемесячный платеж по кредитному обязательству превышал доход в два раза. При этом, судом было учтено, что данная гражданка давно работает и живет в России и имеет недвижимость. Как указал судья М. Беспалов, данное решение интересы иностранных кредиторов гражданки Кузнецкой не ущемляет, даже если таковые найдутся. В этой процедуре банкротства они участвовать вправе, а также вправе отстаивать свои интересы. В своих выводах судья Беспалов М. отталкивался от международного принципа *Lex fori concursus*: процедура банкротства регламентируется законодательством того государства, от имени которого выступает суд, ве-

дущий дело о несостоятельности. Как отмечено в акте суда, в международной практике подсудность устанавливается, отталкиваясь от так называемого «центра основных интересов должника», а также учитывается место жительства гражданина-должника [4].

Однако по аналогичным делам принимаются и иные решения. Так, Арбитражный суд города Москвы по делу № А40-186978/15 в котором рассматривалось банкротство лица, ранее являвшегося совладельцем крупного автодиллерского центра «ГК «Независимость». Суд прекратил производство по данному делу сославшись на то, что законодательство о несостоятельности распространяется лишь на граждан России [5].

Если говорить о несостоятельности граждан (физических лиц) за рубежом, в разных странах процедура различается и существенно отличается от российского законодательства. Например, процедура банкротства граждан в США, Великобритании, Германии и Канады отличается жесткостью по отношению к должнику. Банкрот может лишиться имущества некоторых гражданских прав.

В США банкротство определяется специальными судами по делам о несостоятельности на основании Кодекса о банкротстве. В соответствии с общепринятыми правилами, банкротство имеет место в тех случаях, когда должник объявляется неплатежеспособным либо кредитором, либо на основании его собственного заявления. В этом случае его имущество распределяется в определенных долях среди кредиторов в счет погашения обязательств. Ежели должник попытается скрыть имущество, или несколько раз регистрирует заявление о несостоятельности, или направляет ложные ходатайства, банкротство признается фиктивным. Фиктивное банкротство в соответствии с уголовным законодательством США относится к федеральным преступлениям. В течение 10 лет запись о банкротстве остается в кредитной истории.

Также, и в Германии дела о банкротстве физических и юридических лиц подлежат рассмотрению только в судебном порядке. Порядок рассмотрения дел и объявления процедуры банкротства закреплен законодательными актами ФРГ о несостоятельности физических и юридических лиц. В соответствии с законодательством, процедура банкротства официально начинается, когда должник не может удовлетворить в течение продолжительного времени требований кредиторов. Когда должник самостоятельно заявляет о признании его неплатежеспособным, начинается сам процесс. В компетентный суд вносится заявление об открытии конкурсного производства, а также заявление об освобождении лица от остатков долга, но до этого нужно постараться во внесудебном порядке достичь договоренности с кредитором об уменьшении задолженности. В случае не достижения такой договоренности, размер задолженности формально устанавливается в процессе конкурсного производства.

В процедуре несостоятельности (банкротства) одной из самых нелицеприятных процедур считается описание имущества. К примеру, ежели должник не использует в рабочих целях собственный автомобиль, то этот автомобиль относят к предмету роскоши. Если должник имеет в собственности жилой дом или квартиру, он будет принужден к продаже этой недвижимости для погашения долга, а сам переезжает в арендованное жилье. После этого начинает истекать срок контроля за благосостоянием должника, который продлжается до 6 лет вместе с периодом конкурсного производства. В этот период все имущество и доходы должника, подлежащие аресту, передаются уполномоченному лицу по управлению этим имуществом в целях распределения среди кредиторов. Если по истечении 6 лет платежеспособность должника не восстановлена, дело о несостоятельности подлежит закрытию, а физическое лицо приобретает окончательный статус «Банкротство физического лица» и аннулируются все оставшиеся долговые требования.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru/document/>
2. Единый федеральный реестр сведений обанкротств. URL : <http://bankrot.fedresurs.ru/>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» п. 11 // Российская газета от 19 октября 2015 г. № 235, в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, декабрь 2015 г. № 12.
4. Определение от 30 июня 2016 г. по делу № А81-6187/2015 Арбитражный суд Ямало-Ненецкого АО (АС Ямало-Ненецкого АО). URL : <http://sudact.ru/arbitral/doc/PCyEG60qmoQJ/>
5. Определение от 26 февраля 2016 г. по делу № А40-186978/2015 Арбитражный суд города Москвы (АС города Москвы). URL : <http://sudact.ru/arbitral/doc/YnpRQfUGHCUX/>

Таким образом, можно подвести итоги и выделить положительные и отрицательные моменты признания несостоятельным (банкротом) гражданина. В Российской Федерации законодательное регулирование не предусмотрело возможности признания банкротом иностранного гражданина на территории Российской Федерации. Посредством имеющейся судебной практики по этому вопросу мы убедились в том, что, несмотря на отсутствие нормы в законе, судебные решения были. Следует законодательно урегулировать вопрос о признании банкротом иностранных граждан проживающих на территории РФ.

Ссылаясь на опыт и зарубежную практику США, необходимо довести до сведения должника-гражданина России то, что его запись о банкротстве будет сохраняться в кредитной истории на протяжении 10 лет. На наш взгляд, эта норма обоснована, так как гражданин долгое время будет восстанавливать свою платежеспособность, и не будет способен исполнять свои обязательства перед кредиторами.

Literature:

1. Federal law of 26.10.2002 N 127-FZ «On insolvency (bankruptcy)» // SPC «ConsultantPlus». URL : <http://www.consultant.ru/document/>
2. Unified Federal register of bankruptcy data. URL : <http://bankrot.fedresurs.ru/>
3. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2015 № 45 «About some questions connected with introduction of the procedures applied in insolvency (bankruptcy) of citizens» item 11 // RossiyskayaGazeta of October 19, 2015 № 235, in the Bulletin of the Supreme court of the Russian Federation, December 2015. № 12.
4. Definition of June 30, 2016 in the case № А81-6187/2015 the Arbitration court of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (as of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) // Mode to access: <http://sudact.ru/arbitral/doc/PCyEG60qmoQJ/>
5. Definition of February 26, 2016 in the case № А40-186978/2015 Arbitration court of Moscow city (AU). URL : <http://sudact.ru/arbitral/doc/YnpRQfUGHCUX/>

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Азитов Рустам Шарипович

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономики машиностроения,
Альметьевский филиал
Казанского национального
исследовательского технического
университета им. А.Н. Туполева – КАИ,
rustam15278@mail.ru

Rustam Sh. Azitov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economy
of Mechanical Engineering,
Almetyevsk branch
of the Kazan National
Research Technical University
named after A.N. Tupolev – KAI
rustam15278@mail.ru

**О РОЛИ ДОМОХОЗЯЙСТВ
КАК СКРЫТЫХ УЧАСТНИКОВ
РЫНКА ТРУДА**

**ABOUT THE ROLE
OF HOUSEHOLDS
AS HIDDEN PARTICIPANTS
OF LABOUR MARKET**

Аннотация. В статье рассмотрено скрытое воздействие личных домохозяйств наемных работников на баланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда.

Актуальность: при проведении исследований рынка труда, зачастую упускается влияние такого фактора, как необходимость выполнения наемным работником помимо своих трудовых обязанностей, еще и самых различных трудовых функций в рамках собственного домохозяйства, на что также требуются ресурсы работника, и в первую очередь его время.

В результате проведенного исследования рассмотрены наиболее вероятные причины и механизмы воздействия института домохозяйств на предложение рабочей силы на рынке труда.

Annotation. In article the hidden impact of personal households of hired workers on balance of supply and demand of labor in labor market is considered.

Relevance: when carrying out researches of labor market, influence of such factor as need of performance by the hired worker besides the labor duties, also the most various labor functions within own household is often missed on what the worker's resources, and first of all his time are also required. As a result of the conducted research the most probable causes and mechanisms of impact of institute of households on the proposal of labor on work market are considered.

Ключевые слова: спрос, предложение, рынок труда, домохозяйство, домашние хозяйства, скрытое воздействие.

Keywords: demand, offer, labor market, household, households, hidden influence.

Домохозяйство представляет собой обособленную ячейку общества, в рамках которой происходит производство общественного продукта, его потребление, а также воспроизводство рабочей силы, то есть самого человека. Может состоять из одного человека или более, а также может состоять из одной семьи или другой группы людей [1].

Понятие домохозяйства основано на бытовом укладе, в рамках которого отдельные лица или группы лиц обеспечивают себя пищей и всем необходимым для жизни [2]. Охарактеризовать какую-либо группу людей в качестве самостоятельной экономической единицы можно в случае наличия у данной группы ряда основных признаков домохозяйства:

- совместное проживание и обустройство быта;
- совместное ведение хозяйства;

– обладание определёнными ресурсами;

– самостоятельность в принятии хозяйственных решений [3].

Таким образом, очевидным признаком домохозяйства, даже состоящего из одного человека, является необходимость выполнять какую-либо работу, связанную с самообслуживанием и обеспечением своего быта и быта других членов домохозяйства при их наличии, заниматься ведением личных дел, и восстановлением своей работоспособности.

Иными словами, наемному работнику необходимо заниматься бытовыми делами – готовить, поддерживать санитарный порядок в жилище, заниматься воспитанием детей, заботиться о престарелых родственниках, оформлять различные документы, оплачивать счета, посещать врачей, уделять время на сон и отдых, в т.ч. на хобби, общение с друзьями и т.п.

Таким образом домохозяйства являются институтом, обеспечивающим восстановление и воспроизводство рабочей силы. Если у работника нет возможности надлежащим образом отдыхать и восстанавливаться, его работоспособность падает, а эффективность его трудовой деятельности снижается, что не может не сказываться на качестве производимой продукции, принимаемых решений, или оказываемых услуг.

Изначально индустриализация, начавшаяся в странах Европы, имела в качестве сырьевой базы трудовых ресурсов практически неограниченный резерв мигрировавших в город в поисках заработка крестьян, готовых выполнять по 14–16 часов в сутки неквалифицированную работу на заводах и фабриках за небольшую плату, поэтому вопрос качества жизни и восстановления таких рабочих не имел актуальности. Однако уже второе поколение таких рабочих имело более высокие социальные ожидания, и во второй половине XIX века в промышленно развитых странах начались движения за сокращение рабочего времени. Одновременно происходило усложнение технологических процессов и оборудования, в связи с чем обучение персонала стало требовать определенных вложений в привлеченный человеческий капитал, в частности в виде обучения, в связи с чем стала возникать необходимость эти вложения сохранять, т.е. с одной стороны удерживать рабочих на предприятии, с другой – заботиться о поддержании их работоспособности.

Результатом такой эволюции стало зарождение в начале XX века научного подхода к организации труда путем совершенствования его организации на основе достижений науки и передового опыта, с тем чтобы повысить эффективность использования каждого конкретного квалифицированного работника.

Именно научная организация труда (НОТ) позволяет наиболее оптимальным образом использовать и удерживать имеющиеся у субъекта экономики человеческие ресурсы, позволяя избегать их перегрузок и преждевременного износа.

Научный подход к организации труда рекомендует в среднем 40-часовую рабочую неделю, с тем, чтобы работники могли восстанавливаться,

Литература:

1. *Хавиланд В.А.* Антропология. Белмонт, Калифорния : Уодсворт. 2003.
2. Принципы и рекомендации в отношении переписей населения и жилого фонда. – Организация Объединенных Наций Нью-Йорк, 2009.
3. *Пузанов Г.М.* Статистика домашних хозяйств основная информационная база для исследования уровня жизни населения // Вопросы статистики. 2010. № 11. С. 21.

а так же заниматься личными делами в рамках домохозяйства.

Иными словами наемный работник не может проводить все активное время суток на своем рабочем месте, как бы это не казалось выгодно работодателю, т.к. у любого наемного работника фактически имеется второй работодатель в лице его личного домохозяйства, требующего не меньше, а иногда и больше сил и времени работника, чем основная работа. В ряде случаев трудовая деятельность в рамках домохозяйства выступает в роли прямого конкурирующего агента на рынке труда, в частности речь идет о низкооплачиваемых рабочих местах, относимых к профессиям, считающимся «женскими».

Необходимо понимать, что предлагая невысокую заработную плату на должностях не требующих серьезного физического труда, субъект экономики сможет привлечь, либо трудовых мигрантов, (если нет законодательных ограничений), либо пенсионеров, либо, и скорее всего – женщин. Почему в основном именно женщины соглашались на такую работу? Ответ представляется довольно простым: для согласившихся на такую работу женщин в большинстве случаев в приоритете именно домашнее хозяйство, а работа по трудовому договору рассматривается ими всего лишь как возможность дополнительного заработка в пользу семейного бюджета, основными донорами которого являются другие члены домохозяйства.

Еще одним условием, предъявляемым такими сотрудниками к своему работодателю – это наличие достаточного для ведения домашних дел свободного времени. Поэтому, если предложить такому персоналу сверхурочную работу, в 9 случаях из 10 они от нее откажутся даже за двойную оплату, именно потому, что в приоритете – домашнее хозяйство, и предлагаемая работодателем материальная компенсация за дополнительно потраченное на рабочем месте время в ущерб интересам домохозяйства, будет для них явно недостаточной.

Иными словами домохозяйства, ввиду необходимость затрат времени работника на ведение домашних дел, представляют собой фактор, влияющий на предложение рабочей силы на рынке труда.

Literature:

1. *Haviland W.A.* Anthropology. Belmont, CA : Wadsworth. 2003
2. Principles and recommendations for population censuses and housing stock. – United Nations New York, 2009.
3. *Puzanov G.M.* Statistics of households the main information base for a research of the standard of living of the population//statistics Questions. 2010. № 11. P. 21.

Акопова Елена Сергеевна
доктор экономических наук,
профессор кафедры
коммерции и логистики,
Ростовский государственный
экономический университет
akopova-sovet@mail.ru

Попова Людмила Константиновна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры информационных
технологий и защиты информации,
Ростовский государственный
экономический университет
popova_plk@mail.ru

Пиливанова Елена Кшгоровна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры коммерции и логистики,
Ростовский государственный
экономический университет
popova_plk@mail.ru

ГЛОБАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЦИФРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Аннотация. Целью данной статьи является освещение вопроса глобальной конкурентоспособности цифрового потенциала транспортной инфраструктуры. Как отмечают авторы, конкурентоспособность цифровизации в транспортной системе обеспечивается: автоматизацией и оптимизацией процессов, повышением скорости обслуживания, Digital взаимодействием, аналитикой и большими данными, встроенными в ключевые транспортные процессы, алгоритмами искусственного интеллекта и машинного обучения.

Ключевые слова: глобальная конкурентоспособность, транспортная инфраструктура, цифровой потенциал, цифровая экономика, цифровая трансформация.

На сегодняшний день рынок транспортной инфраструктуры – один из самых динамично развивающихся в глобальном мировом сообществе. От эффективности функционирования транспортной инфраструктуры, уровня его конкурентоспособности зависит продуктивность работы других отраслей промышленности, следовательно, и общественно-экономического благосостояния [1].

Транспортная инфраструктура представляет собой неотъемлемый элемент любой экономической системы. Ее полезный эффект детерми-

Elena S. Akopova
Doctor of Economics,
Professor of Department
of Commerce and Logistics,
Rostov State Economic University
akopova-sovet@mail.ru

Lyudmila K. Popova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Information Technology
and Information Protection,
Rostov State Economic University
popova_plk@mail.ru

Elena Ksh. Pilivanova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Department
of Commerce and Logistics,
Rostov State Economic University
popova_plk@mail.ru

GLOBAL COMPETITIVENESS OF THE DIGITAL POTENTIAL OF THE TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Annotation. The purpose of this article is to highlight the global competitiveness of the digital potential of the transport infrastructure. The competitiveness of digitalization in the transport system is ensured by: automating and optimizing processes, increasing service speed, Digital interaction, analytics and big data embedded in key transport processes, algorithms of artificial intelligence and machine learning.

Keywords: global competitiveness, transport infrastructure, digital potential, digital economy, digital transformation.

нирован перемещением созданной другими отраслями материального производства продукции от места производства к местам потребления, что априори исключает существование транспортной продукции вне процесса, где ее производство, реализация и потребление сведены воедино [2]. Особую актуальность оптимизация транспортной инфраструктуры приобретает в сфере цифровой экономики.

В рамках данной статьи речь пойдет о цифровом потенциале транспортной инфраструктуры, который является драйвером социально-эконо-

мического развития. Цифровые технологии активно проникают во все сферы социально жизнедеятельности и бизнеса, и, транспортная отрасль, бесспорно, является одним из узловых направлений

XXI столетия, ознаменовавшего начало эпохи бурной цифровой трансформации.

Цифровизация представляет собой создание нового продукта в цифровой форме. Например, динамический учебный курс с мультипликацией или интерактивная система комментирования документа – это уже цифровизация. Продукт, созданный на базе цифровизации, уже невозможно перенести на физические носители без существенной потери его качества, поэтому цифровизация позволяет сделать бизнесу существенный рывок и получить новые конкурентные преимущества. Использование огромной силы цифровизации в эпоху развития информационно-коммуникативных технологий может стать ключом к успеху, в том числе открытия новых цифровых путей развития транспортной инфраструктуры.

Действительно, цифровизация общества сегодня – это и глобальный тренд, и российские реалии [3], и даже один из приоритетных национальных проектов. В «дорожной карте» большое значение придается Цифровым технологиям, и представляется, что использование высоких технологий будет являться главным условием развития и конкурентоспособности транспортной отрасли. Так, о перспективах развития и повышения конкурентоспособности транспортной инфраструктуры в системе цифровой экономики впервые было заявлено в программе «Цифровая экономика в РФ». В данной программе цифровая экономика определяется как модель управления хозяйством, построенная с максимальным применением компьютерных технологий, которая позволит вывести на новый уровень повседневную жизнь человека, оптимизировать производственные отношения, образование, структуру экономики [4].

В соответствии с программой «Цифровая экономика», как отмечают А.И. Гутковская и Е.А. Гутковская, уже в 2019 г. запускаются пилотные

проекты автоматизированного парковочного пространства – их будет порядка десяти, а в 2024 г. в десяти «умных» городах общественный транспорт станет беспилотным [5].

На 12-м международной форуме и выставке «Транспорт России» по вопросу глобальной конкурентоспособности цифрового потенциала в транспортной отрасли выступал заместитель председателя Правительства РФ М.А. Акимов в рамках панельной дискуссии «Единая транспортная платформа». Так, он отметил, что «транспортная сфера – это идеальный объект для цифровой трансформации, в которой кроется огромный потенциал эффективности бесшовной доставки грузов и новых сервисов для пассажиров» [6].

Фактически, у цифровой трансформации есть два направления:

– первое – это автоматизация и роботизация существующих бизнес-процессов в транспортной системе для минимизации участия в них человека;

– второе – это масштабирование полученной системы управления с целью создания экспоненциальной организации. Причем под экспоненциальной организацией подразумеваются организации, масштабируемость которых как минимум в десять раз выше, чем у других организаций, работающих в той же сфере [7]. Согласно оценкам М.А. Акимова, цифровые технологии могут поднять эффективность российской транспортной инфраструктуры примерно на 35 %, обеспечив тем самым глобальную конкурентоспособность [6].

Как показывают исследования [8; 9], в 2015 г. доля применения цифровых технологий в транспортной отрасли была не ниже, чем в среднем по предпринимательскому сектору экономики РФ (в отрасли связи, обрабатывающих производствах, строительстве, торговле), а по некоторым показателям значения выше средних.

Нами был проведен анализ индикаторов цифровой экономики, представленных в Статистическом сборнике ВШЭ (табл. 1) [9].

Таблица 1

Использование специальных программных средств на предприятиях транспорта, в %*

Виды специальных программных средств	Транспортная инфраструктура
Системы электронного документооборота	60,8
Для реализации финансово-экономических расчетов в электронном виде	54,6
Для решения организационных, управленческих и экономических задач в транспортной промышленности	57,9
Для управления закупками и продажами товаров, услуг, работ	38,5
Для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими и средствами и технологическими процессами	29,2
Для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети	25,9
Обучающие программы	23,5

Глобальная конкурентоспособность цифрового потенциала транспортной инфраструктуры обеспечивается [10]:

– во-первых, автоматизацией и оптимизацией процессов в транспортной инфраструктуре (например, запуск собственных мобильных прило-

жений: таргетированное информирование жителей; карта «Тройка», технологии ApplePay/SamsungPay, AliPay, посредством мобильных приложений);

– во-вторых, повышением скорости обслуживания [11];

– в-третьих, Digital взаимодействием, аналитикой и большими данными, встроенными в ключевые транспортные процессы (например, внедрение Wi-Fi во всем городском транспорте пользователя транспортной системы; установление онлайн-табло на остановках о времени прибытия);

– в-четвертых, принятием решений в режиме реального времени; алгоритмами искусственного интеллекта и машинного обучения [12].

Развитие национальной транспортной системы в современных условиях предполагает выработку стратегии повышения конкурентоспособности транспортных компаний на глобальном мировом рынке транспортных услуг [13], т.е. ориентацию на мировые стандарты, основные цели достижения которых, следующие:

1) рост мобильности грузов и пассажиров за счет инновационных систем цифрового управления, развития общественного пассажирского транспорта;

2) цифровая модернизация транспортной сети, прежде всего, развитие автомагистралей, скоростного транспорта по международным стандартам, оптимизация маршрутной сети за счет использования современных IT-технологий для повышения конкурентоспособности транспортной системы;

Литература:

1. Аколова Е.С. Развитие информационных технологий в сфере транспортной инфраструктуры как индикатор экономической глобализации / Е.С. Аколова, Л.К. Попова, С.Ю. Нестеров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 10.

2. Natalia V. Przhedetskaya. Information and communication technologies as a means of increasing effectiveness of marketing and cluster / Natalia V. Przhedetskaya, Elena P. Kulkova, Veronika V. Sheveleva, Elena S. Akopova, Anastasia V. Kaplina // Espacios. Vol. 33 (№ 42). Year 2018. P. 33. URL : <http://www.revistaespacios.com>

3. Гафиатулина Н.Х. Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 23–27.

4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL : <http://static.government.ru/media/files>

3) интеграция российской транспортной инфраструктуры в международную транспортную структуру, расширение экспорта транспортных услуг. Продвижение цифровой повестки по линии Евразийского экономического союза (ЕАЭС) «будет содействовать дальнейшей интеграции государств-членов и их включенности в глобальный процесс цифровой трансформации» [14, с. 96].

Сегодня ключевыми направлениями стратегического документа – «Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.» определены: цифровая трансформация отраслей экономики, в том числе транспорта, рынков товаров, услуг; развитие цифровой инфраструктуры и обеспечении защищенности цифровых процессов. Экономический эффект от реализации цифровой повестки достаточно очень весом. Так, по оценкам экспертов, только прирост валового внутреннего продукта Союза за счет цифровизации к 2025 г. может составить до 10 % [7].

Для продвижения на мировые транспортные рынки необходимо повышение конкурентоспособности, в частности, за счет логистической деятельности, увеличение доли высокорентабельных грузовых перевозок [15].

В целом, формирование единого цифрового пространства транспортной системы является перспективным и важным направлением цифровой повестки ЕАЭС и дает дополнительный импульс формированию новых идей и предложений, которые могут быть использованы при реализации «дорожных карт», а также дальнейшей цифровой трансформации транспорта и повышения его глобальной конкурентоспособности.

Literature:

1. Akopova E.S. The development of information technologies in the field of transport infrastructure as an indicator of economic globalization / E.S. Akopova, L.K. Popova, S.Yu. Nesterov // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 10.

2. Natalia V. Przhedetskaya. Information and communication technologies as a means of increasing effectiveness of marketing and cluster / Natalia V. Przhedetskaya, Elena P. Kulkova, Veronika V. Sheveleva, Elena S. Akopova, Anastasia V. Kaplina // Espacios. Vol. 33 (№ 42). Year 2018. P. 33. URL : <http://www.revistaespacios.com>

3. Gafiatulina N.Kh. Information network environment as a factor of influence on the social health of Russian students / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 1. P. 23–27.

4. The program «Digital Economy of the Russian Federation», approved by the Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 № 1632-p. URL : <http://static.government.ru/media/files>

5. *Гутковская А.И.* Развитие цифровой экономики на железнодорожном транспорте / А.И. Гутковская, Е.А. Гутковская // *Огарев-Online*. 2018. С. 1–7.
6. Российский транспортный портал. URL : https://rtp.expert/news/6120-maksim_akimov_transportnaia_otrasl_dolzhna_poproshchatsia_svidamitransporta
7. *Андреева Г.Н.* Развитие цифровой экономики в России как ключевой фактор экономического роста и повышения качества жизни населения : монография / Г.Н. Андреева, С.В. Бадальянц, Т.Г. Богатырева и др. Н. Новгород, 2018. 131 с.
8. Цифровая гонка: какие технологические решения изменят мировую экономику и как России не остаться в прошлом. URL : <https://iq.hse.ru/digital/>
9. Индикаторы цифровой экономики // Статистический сборник ВШЭ. URL : <https://www.hse.ru/primarydata/ice2017>
10. *Zelikov V.A.* Model of Management of the risk component of Intermodal transport: Information and communication technologies of transport logistics / V.A. Zelikov, E.S. Akopova, E.K. Pilivanova, L.K. Popova // *Advances in intelligent system and computing*. 2018. Т. 726. С. 668–675.
11. *Akopova E.S.* Marketing mechanisms for the development of transport infrastructure of Russia and the EU / E.S. Akopova, N.V. Przhedetskaya, P.V. Taranov, L.N. Roshchina // *European Research Studies Journal*. 2017. Т. 20. № 1. P. 188–197.
12. *Акопова Е.С.* Управление автомобильными транспортно-логистическими предприятиями: совершенствование качества обслуживания : монография / Е.С. Акопова и др. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2017. 170 с.
13. *Акопова Е.С.* Российская автомобильная транспортная инфраструктура: проблемы развития в условиях экономической глобализации / Е.С. Акопова, С.Ю. Нестеров, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 11. С. 141–144.
14. *Ларин О.Н.* Вопросы трансформации рынка транспортно-логистических услуг в условиях цифровизации экономики / О.Н. Ларин, В.П. Курпьяновский. *International Journal of open Information technologies*. 2018. Vol. 6, № 3. P. 95–101.
15. *Пиливанова Е.К.* Логистические аспекты организации розничной торговли мегаполиса (на примере Ростова-на-Дону) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2006. 24 с.
5. *Gutkovskaya A.I.* The development of the digital economy in railway transport / A.I. Gutkovskaya, E.A. Gutkovskaya // *Ogarev-Online*. 2018. P. 1–7.
6. Russian transport portal. URL : https://rtp.expert/news/6120-maksim_akimov_transportnaia_otrasl_dolzhna_poproshchatsia_svidamitransporta
7. *Andreeva G.N.* The development of the digital economy in Russia as a key factor in economic growth and improving the quality of life of the population : monograph / G.N. Andreeva, S.V. Badalyants., T.G. Bogatyreva et al. N. Novgorod, 2018. 131 с.
8. Digital race: what technological solutions will change the world economy and how Russia will not remain in the past. URL : <https://iq.hse.ru/digital/>
9. Indicators of digital economy//Statistical collection of the HSE. URL : <https://www.hse.ru/primarydata/ice2017>
10. *Zelikov V.A.* Model of Management of the risk component of Intermodal transport: Information and communication technologies of transport logistics / V.A. Zelikov, E.S. Akopova, E.K. Pilivanova, L.K. Popova // *Advances in intelligent system and computing*. 2018. Т. 726. С. 668–675.
11. *Akopova E.S.* Marketing mechanisms for the development of transport infrastructure of Russia and the EU / E.S. Akopova, N.V. Przhedetskaya, P.V. Taranov, L.N. Roshchina // *European Research Studies Journal*. 2017. Т. 20. № 1. P. 188–197.
12. *Akopova E.S.* Management of automobile transport and logistics enterprises: improving the quality of service : monograph / E.S. Akopova and others Rostov n/D. : RGEU (RINH), 2017. 170 p.
13. *Akopova E.S.* Russian automobile transport infrastructure: problems of development in the context of economic globalization / E.S. Akopova, S.Y. Nesterov, S.I. Samygin // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2017. № 11. P. 141–144.
14. *Larin O.N.* Issues of transformation of the transport and logistics services market in the conditions of digitalization of the economy / O.N. Larin, V.P. Kupriyanovskiy // *International Journal of open Information technologies*. 2018. Vol. 6. № 3. P. 95–101.
15. *Pilivanova E.K.* Logistic aspects of the organization of retail trade in a megacity (on the example of Rostov-on-Don) : author. dis. ... cand. econ. sciences. Rostov n/D., 2006. 24 p.

Альнакула Мажд

аспирант кафедры финансов,
инвестиций и инноваций,
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
fliginskih@bsu.edu.ru

Флигинских Татьяна Николаевна

доктор экономических наук,
профессор кафедры финансов,
инвестиций и инноваций,
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
fliginskih@bsu.edu.ru

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ И КОНТРОЛЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ

Аннотация. В данной статье рассмотрены методологические подходы, которые содержат показатели, необходимые для анализа данных, предоставляемых коммерческими банками, с целью достижения результатов по эффективности деятельности коммерческих банков и их соответствия международным и российским стандартам банковского контроля, установленным Центральным банком.

Ключевые слова: банковский контроль, коммерческие банки, эффективность, деятельность банка, оценка подхода, показатели.

Банковский контроль играет важную роль в поддержании финансовой стабильности и эффективности банков посредством непрерывной работы в рамках директив Центрального банка России. Примером тому служит положение ЦБ РФ от «3» декабря 2015г. № 509-П «О расчете величины собственных средств (капитала), обязательных нормативов и размеров (лимитов) открытых валютных позиций банковских групп», а также правила и положения, установленные международными стандартами в качестве Базельского комитета (I – II – III), регулирующие работу банков [8].

Базель – III добавил некоторые изменения к применению Базеля II для повышения эффективности банковского сектора. Изменения отражены в следующем:

– новые условия к минимальной достаточности капитала с учетом перемен в частном кредитном риске (CVA);

– новые условия для покрытия капитала банков от рисков в отношении центральных контрагентов;

Alnakoula Majd

Graduate Student
of the Department of Finance,
Investment and Innovation
Belgorod State National
Research University
fliginskih@bsu.edu.ru

Tatiana N. Fliginskih

Doctor of Economic Sciences,
Professor of the Department of Finance,
Investment and Innovation
Belgorod State National
Research University
fliginskih@bsu.edu.ru

APPROACHES TO ASSESSMENT AND CONTROL OF ACTIVITY OF COMMERCIAL BANKS

Annotation. In this article methodological approaches which contain the indicators necessary for the analysis of the data provided by commercial banks for the purpose of achievement of results on efficiency of activity of commercial banks and their compliance to the international and local standards of bank control established by the Central bank are considered.

Keywords: banking supervision, commercial banks, efficiency, bank performance, evaluation, approach, indicators.

– повышения условий качественного характера, например не допускать высокий уровень долговой нагрузки, как по балансовым, так и по забалансовым позициям банка (Базель – III – левейдж) [1, с. 3].

Коммерческие банки на втором уровне российского банковского сектора играют важную роль в российской экономике с присутствием России в рыночной экономике. Это происходит через функции и деятельность, осуществляемую коммерческими банками, так как значительная часть денежных потоков в стране осуществляется через банковские операции. Поэтому важно поддерживать эффективную финансовую стабильность коммерческих банков путем осуществления эффективной денежно-кредитной политики в области контроля за осуществлением коммерческих банковских операций, снижения рисков, улучшения доходов, сокращения издержек и других мер, которые повышают эффективность деятельности коммерческих банков [2].

Финансовые кризисы в мире доказали, что доступ к финансовым рынкам ограничен института-

ми, которые пользуются финансовой стабильностью, поэтому оценка эффективности коммерческих банков и повышение эффективности коммерческих банков требует изучения и разработки научной концепции.

Соответственно, сбалансированная система показателей позволяет проводить всесторонний контроль за деятельностью и отношениями в коммерческих банках, а также выявлять и влиять на все положительные и отрицательные изменения на разных уровнях управления.

Процесс контроля за банковской деятельностью коммерческих банков ориентирован на систематические подходы, которые основаны на тщательном изучении Банка и анализе показателей, особенно для организации с внутренними и внешними контактами. Появляется необходимость для получения наилучшего результата и достижения взаимосвязи между частями, вызывающими проблемы. Поэтому необходимо раз-

работать решение проблем, основанных на доказательствах, для достижения более эффективных управленческих решений.

Иностранные коммерческие банки уделяют огромный интерес анализу финансовой деятельности. В банковской сфере у них есть концепция «высокоприбыльного банковского дела» и ее основные принципы – это увеличение доходов, снижение издержек и эффективное банковское управление.

Система банковского контроля должна иметь всю необходимую информацию и данные о банке для мониторинга и аудита финансовой отчетности банков, особенно банков, имеющих рыночную долю, для определения эффективности банка в управлении имеющимися финансовыми ресурсами и его соблюдении банковских правил и процедур. Мониторинг и аудит это следующие данные, приведенные в таблице 1: [4, с. 42].

Таблица 1

Система показателей мониторинга коммерческих банков

Общие показатели мониторинга	Частные
Достаточность капитала	Состав и качество капитала, достаточность, возможные направления использования капитала, рентабельность капитала
Ликвидности	Состав и структура ликвидных активов, доступ на рынок план ликвидности
Качество активов	Состав, концентрация, резервы
Обязательства	Состав, концентрация
Доходы	Прибыльность, показатели доходности, прогнозные значения показателей доходности и смета доходов и расходов
Концентрация риска	Важнейшие продукты и рынки, рыночные риски, позиции по рискам
Сведения о руководстве банка	Соответствие и квалификация, состав совета директоров, культура ведения бизнеса, корпоративное планирование и стратегия
Система внутреннего контроля	Процесс принятия решений, система управления рисками, лимиты и нормативы, информационные технологии, отчетность, кадровая политика и т.д.

Различные отчеты подготовлены в соответствии с данными в зависимости от их характера, которые делятся на качество и количество. Эти отчеты направляются в регулирующие органы, которые проводятся ежемесячно, ежеквартально или ежегодно, в дополнение к отчетам, требуемым регулирующими органами, когда это необходимо, или заранее известно, например, с конкретными рисками или типами транзакций, которые отражаются за пределами баланса.

Анализ показателей позволяет проверить и произвести сравнительный анализ с группой однородных банков и проверке соблюдения Банком лимитов и контроля, установленных регулирующими органами. Некоторые факторы и коэффициенты, которые поддерживают конкретные требования пруденциального регулирования, такие как коэффициенты достаточности капитала или коэффициенты ликвидности, а также коэффициенты рентабельности и неплатежеспособности, которые отражены в финансовой отчетности Банка. Подход основан на нескольких показателях, которые представим в виде групп индикаторов:

1. Коэффициентный метод для оценки результатов деятельности банков:

– прибыльность; эффективность; структура доходов; маржа.

2. Коэффициентный метод для оценки рисков резервов и структуры баланса:

– кредитный риск; капитал; структура баланса.

3. Коэффициентный метод для оценки динамики деятельности банка.

Методологические методы анализа данных, предоставляемых коммерческими банками, могут быть классифицированы на основе методов оценки, приведенных в таблице 2:

В нашем исследовании мы рассмотрим в сравнении модель CAMELs и модель «В. Кромонава». Модель CAMELs: американская рейтинговая система оценки банков США, разработанная в 1978 году Федеральной резервной системой (ФРС). Хотя модель больше используется для внешней оценки эффективности деятельности коммерческого банка, она полезна и для внутреннего пользования менеджмента банка и других заинтересованных сторон. Данная модель состоит из шести элементов: достаточности капитала, качества активов, управления, прибыли, ликвидности и чувствительности.

C – Capitaladequacy – адекватность и достаточность капитала;

- A – Assetquality – качество активов;
 M – Management – менеджмент и оценка методов управления;
 E – Earnings – прибыль или рентабельность;
 L – Liquidity – ликвидность;
 S – Sensitivity – чувствительность к риску.

Методика «CAMELs» является эффективным инструментом для оценки инструмента и раннего доступа к проблемам, с которыми может столкнуться банк. «CAMELs» анализирует публичные заявления и всю внутреннюю информацию в банке. Эта модель основана на качестве активов, прибыльности, ликвидности, достаточности капитала. Эта модель также связана с качеством управления. Исходя из полученных результатов, Банк оценивает показатели, используемые этой моделью, которые приведены в таблице 3 [5].

Таблица 2

Методологические подходы к оценке деятельности коммерческих банков

Методики к оценке деятельности коммерческих банков	
Зарубежные методики	Российские методики
Статистические: FIMS SAABA	Центральный Банк РФ: Указание Банка России от 15 апреля 2015г. № 3624-У; Указание Банка России от 11.03.2015 № 3586-У; Указание Банка России от 11.05.2014 № 3277-У (с изменениями на 26 декабря 2017 года)
Коэффициентные: BAKIS	Методики рейтинговых агентств и авторские методики: В. Кроморова; Издания «коммерсант»; Агентства эксперт; АЦФИ; Ицрейтинг
Рейтинговые: CAMELs CAP PATROL	

Составлено автором

Таблица 3

Индикаторы модели «CAMELs»

Индикаторы	Форма расчет
K1 – индикатор достаточности основного капитала	Основной капитал / активы, взвешенные с учетом риска * 100 %
K2 – индикатор достаточности совокупного капитала	Совокупный капитал/ активы, взвешенные с учетом риска* 100 %
Ср – абсолютная величина совокупного риска активов	Нестандартные активы * 0,2 + сомнительные активы * 0,5 + убыточные активы *1,0
КА – качество активов	Ср/ основной капитал
Кчпиндикатор прибыльности	Чистая прибыль / средний размер активов* 100 %

Эта модель основана на оценке от 1 до 5 на банк на основе шести компонентов Индикаторов. Оценка выглядит следующим образом [7, с. 397]:

1–2: банк в хорошей форме и способен противостоять всем рискам, которым он может подвергнуться.

3: У банка есть много серьезных проблем, которые необходимо решить, что может привести к проблемам с ликвидностью банка.

4–5: Банк находится в плохом состоянии и должен немедленно вмешаться в управление банком и Центральный банк.

Модель «В. Кроморова» анализирует данные, собранные на основе экономически однородных групп, следующим образом [6]:

Частный капитал, обязательства по требованию, обязательный резервный фонд, общие обязательства, юридический фонд, ликвидные активы,

операционные активы и защита капитала. Эта модель широко используется в России при финансовой оценке кредитных организаций. Рейтинг основан на показателях, указанных в таблице 4.

Модель «CAMELs» – глобальная модель «Виталия Кроморова». Это форма оценки российских коммерческих банков, как и другие модели оценки банковской деятельности, указывает на достоинства и недостатки, которые можно увидеть в следующей таблице.

В связи с этим, вопросы, связанные с развитием подходов к оценке достаточности капитала хозяйствующих субъектов, которые позволяют раскрыть адекватную и справедливую величину данного показателя являются первостепенными и требуют детального изучения и разработки [9].

Преимущества и недостатки подходов к оценке банковской деятельности приведены в таблице 5.

Таблица 4

Индикаторы модели «В. Кромонова»

Индикаторы	Форма расчета	Стандартное значение
K1 – Генеральный коэффициент надежности	ССБ РА	1,0
K2 – Коэффициент немедленной ликвидности	ВЛА ОБ	1,0
K3 – Кросс-коэффициент	ОБ РА	3,0
K4 – Общий коэффициент ликвидности	ЛА + ЗК + ФОР ОБ	1,0
K5 – Коэффициент капитальнообеспечения	ЗК СК	1,0
K6 – Коэффициент капитализации.	СК УК	3,0
N – индекс надежности	$45 \cdot K1 + 20 \cdot K2 + 10 \cdot K3/3 + 15 \cdot K4 + 5 \cdot K5 + 5 \cdot K6/3$	≤ 100

Таблица 5

Преимущества и недостатки моделей оценки банковской деятельности

Модель	Преимущества	Недостатки
CAMELS	классификация банков в соответствии с единым стандартом; стандартизация стиля отчетности; сокращение времени оценки и сосредоточение внимания на шести ключевых элементах; опира на цифровую классификацию и тем самым увеличение доверия; комплексная классификация	не показывать точные проценты статуса активов банка; не придает значения изменениям, которые могут произойти в бюджете банка; трудность стабилизации веса в течение всего периода оценки; опора на объективность и эффективность аналитиков
В. Кромонова	сравнение с идеальным банком; прозрачность учебной программы и постоянное совершенствование; простота и надежность; долговечность и объективность	отсутствие показателей рентабельности; неоднозначность стандартов надежности; определение весовых значений

Составлено автором

Из вышеизложенного мы видим, что существует множество способов и средств для оценки эффективности деятельности коммерческих банков, поэтому следует использовать методологию, совместимую с банком и окружающей средой, характер деятельности Банка, риски, которым он подвергается, и т.д.

Таким образом, исследование позволило систематизировать зарубежные и российские модели и подходы к оценке деятельности коммерческих банков, а также выявить преимущества и недостатки для каждой модели процесса оценки деятельности банков. Считается сложным применение их на практике, поэтому необходимо представить следующие результаты при оценке эффективности банков:

Литература:

1. Банковский надзор: европейский опыт и российская практика / Под редакцией Микаэ а Олсена. М., 2005. URL : <https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2005/html/bankingsupervisioneurussia2005ru.pdf>

2. *Альнакула Мажд*. Подходы к управлению операционными рисками на основе положений

– Во-первых, используйте две модели служебной аттестации для получения более надежных результатов по деятельности банка;

– Во-вторых, не полагаться только на местные модели и использовать глобальные модели;

– В-третьих, используйте подход, соответствующий деятельности банков, и характер данных банка.

В свете этих результатов регулирующие органы могут определить, соблюдают ли банки правила и положения, регулирующие банковское дело.

Literature:

1. Banking supervision: European experience and Russian practice / Edited by Mickae and Olsen. M., 2005. URL : <https://www.ecb.europa.eu/press/pr/date//2005/html/bankingsupervisioneurussia2005ru.pdf>

2. *Alnakoula Majd*. Approaches to operational risk management based on the provisions of the Basel

Базельского комитета по банковскому надзору. Актуальные проблемы экономического развития Ж сб. Докл. А 45. 2016. 305 с.

3. Трошин В.А. Проблематика оценки финансовой устойчивости коммерческого банка // Молодой ученый. 2014. № 10. С. 263–266. URL : <https://moluch.ru/archive/69/11752/> (дата обращения 18.09.2018).

4. Неретина. Е.А. Современные концепции эффективности деятельности коммерческого банка / Е.А. Неретина, Е.В. Солдатова // Финансы и кредит. 2010. № 13(397). С. 14–15.

5. Трохов М.Е. Банковский надзор и контроль в стратегии развития банковского сектора : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. М., 2007. 127 с.

6. Жучкова А.А. Особенности управления информационной безопасностью коммерческих банков // Социальное и экономическое развитие АТР: проблемы, опыт, перспективы. 2017. № УДК 004.514. С. 68–73.

7. Гусев А.Е. Анализ эффективности методики Кромона для оценки финансовой устойчивости банка // Теория и практика современной науки. 2017. № 5(23). С. 238–243.

8. Таджеддинова А.Э. Система рейтинговой оценки CAMELS в условиях российского банковского сектора // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2015. № 2. С. 397–400.

9. Флигинских Т.Н. Развитие риск-ориентированной оценки достаточности капитала компаний / Т.Н. Флигинских, Х.З. Олейви // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2.

Committee on Banking Supervision. Actual problems of economic development Zh. Report A 45 2016–305 с.

3. Troshin V.A. Problems of assessing the financial stability of a commercial bank // Young scientist. 2014. № 10. P. 263–266. URL : <https://moluch.ru/archive/69/11752/> (handling date: 09/18/2018).

4. Neretina. E.A. Modern concepts of commercial bank performance / E.A Neretina, E.V Soldatova // Finance and credit. 2010. № 13(397). P. 14–15.

5. Trokhov M.E. Banking supervision and control in the development strategy of the banking sector : dis. ... cand. econ of sciences: 08.00.10. M., 2007. 127 p.

6. Zhuchkova A.A. Features of information security management of commercial banks // Social and economic development of the ATP: problems, experience and prospects. 2017. № УДК 004.514. P. 68–73.

7. Gusev A.E. Analysis of the effectiveness of the Kromonov methodology for assessing the financial stability of the bank // Theory and practice of modern science. 2017. № 5(23). P. 238–243.

8. Tadjedinova A.E. CAMELS Rating System in the Russian Banking Sector // Gorny Analytical Bulletin. 2015. № 2. P. 397–400.

9. Fliginskikh T.N. Development of risk-oriented assessment of capital adequacy of the companies / Fliginskikh T.N., Olejvi H.Z. // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2019. № 2.

Дементьев Марк Романович
аспирант кафедры государственного
и муниципального управления,
Российский экономический
университет имени Г.В.Плеханова
demmark@mail.ru

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗУЕМОГО МЕХАНИЗМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы практического применения критериев оценки эффективности государственных учреждений. Как отмечает автор, власть в любом государстве реализуется посредством тех или иных институтов и реализуется через систему государственных органов и учреждений, в связи с чем, в качестве критериев оценки эффективности власти на всех уровнях целесообразно использовать критерии эффективности деятельности именно данных органов и учреждений. При этом, очевидна необходимость применения научно и практически обоснованных критериев оценки эффективности органов власти и их структурных подразделений.

В качестве объекта исследования в настоящей статье выбраны применяемые показатели оценки эффективности деятельности государственных учреждений в Российской Федерации. Цели исследования: анализ методик оценки эффективности деятельности государственных учреждений в Российской Федерации.

Задачи исследования: проанализировать критерии оценки эффективности деятельности государственных учреждений на основе опыта их практического применения в регионах Российской Федерации.

Гипотеза исследования: адекватная оценка показателей эффективности деятельности государственных учреждений является неотъемлемой составляющей комплексной оценки эффективности деятельности органов государственной власти в целом.

Методы исследования: анализ, синтез и научная абстракция.

Достигнутые результаты: проанализированы применяемые критерии оценки эффективности деятельности государственных учреждений в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственное управление, муниципальное управление, профессионализм, оценка эффективности, критерии эффективности, эффективность государственных учреждений.

Mark R. Dementev
Graduate Student of department
of the public and municipal administration,
Russian Economic
University name of G.V. Plekhanov
demmark@mail.ru

THE ANALYSIS OF THE USED MECHANISM OF ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF PUBLIC INSTITUTIONS

Annotation. In article questions of practical application of criteria for evaluation of efficiency of public institutions are considered.

The power in any state is implemented by means of these or those institutes and is implemented through the system of public authorities and institutions in this connection as criteria for evaluation of efficiency of the power at all levels it is expedient to use criteria of efficiency of activity of these bodies and institutions. At the same time need of application scientifically and almost reasonable criteria for evaluation of efficiency of authorities and their structural divisions is obvious.

As a research object in the present article the applied indicators of assessment of efficiency of activity of public institutions in the Russian Federation are chosen.

Research objectives: analysis of techniques of assessment of efficiency of activity of public institutions in the Russian Federation.

Research problems: to analyse criteria for evaluation of efficiency of activity of public institutions on the basis of experience of their practical application in regions of the Russian Federation.

Research hypothesis: adequate assessment of indicators of efficiency of activity of public institutions is the integral component of complex assessment of efficiency of activity of public authorities in general.

Research methods: analysis, synthesis and scientific abstraction.

The achieved results: the applied criteria for evaluation of efficiency of activity of public institutions in the Russian Federation are analysed.

Keywords: public administration, municipal management, professionalism, efficiency assessment, criteria of efficiency, efficiency of public institutions.

Целостная система оценки эффективности расходования бюджетных средств оказывает определяющее влияние на мотивацию участников бюджетного процесса и является основным фактором в их стремлении к достижению запланированных результатов [1]. Оценка эффективности деятельности государственных учреждений с позиций качества оказываемых государственных услуг, как правило, проводится на основе балльно-рейтинговых методов [2]. С целью совершенствования деятельности госучреждений органами государственной власти, в настоящее время разработаны и утверждены методики оценки эффективности деятельности государственных учреждений соответствующего уровня. Данные методики направлены на определение показателей эффективности деятельности госучреждений [3] и включают следующие основные критерии: эффективность основной деятельности учреждения, показатели исполнительской дисциплины, эффективность оказания госуслуг и исполнения государственных функций, эффективность кадровой работы, эффективность использования бюджетного финансирования и критерии информационной открытости учреждения. Перечисленные критерии оцениваются баллах, после чего составляется сводный рейтинг результатов на основании которого могут быть приняты управленческие решения, или разработаны рекомендации, направленные на повышение эффективности.

Литература:

1. Рыкова И.Н. Совершенствование подходов к системе оценки эффективности государственных программ Российской Федерации / И.Н. Рыкова, Т.В. Фокина // Серия «Экономика и Право». № 9–10. 2014.
2. Казакова Н.А. Методика комплексной оценки эффективности деятельности государственных учреждений / Н.А. Казакова, Е.А. Федченко, Б.С. Маматов // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). № 10–12(80). 2013. С. 31–38.
3. Приказ Минфина РФ № 182н, Минэкономразвития РФ № 674 от 23.12.2010 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и реализации отраслевых (ведомственных) планов повышения эффективности бюджетных расходов», «Система Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108831/028bc2d1582cafc59a63f2c78ca8b7d2f0108873/ (дата обращения 12.04.2019).

На наш взгляд, описанная система, применяемая при разработке методик оценки эффективности деятельности государственных учреждений, основанная на разработанных федеральным центром рекомендациях и применяемая как в отношении государственных учреждений как федерального, так и регионального уровня нуждается в дальнейшем совершенствовании и уточнении, во-первых, потому, что меняются технологии и внешние условия функционирования государственных учреждений, во-вторых, потому, что ряд критериев нуждается в уточнении и дополнении.

В частности, необходима детальная проработка перечня оцениваемых параметров эффективности основной деятельности учреждения, исходя из ее направленности, а также эффективности оказания государственных услуг. Напротив, показатели эффективности кадровой работы, вероятно, стоит исключить из перечня оценочных критериев эффективности госучреждения, поскольку, будучи бюджетной организацией, государственное учреждение весьма ограничено в вопросах конкуренции заработных плат на рынке труда. Данный показатель скорее актуален в отношении государственного органа, или публично-правового образования, к которому соответствующее госучреждение относится.

Literature:

1. Rykova I.N. Improvement of approaches to the system of assessment of efficiency of state programs of the Russian Federation / I.N. Rykova, T.V. Fokina // Economy and Right Series. № 9–10. 2014.
2. Kazakova N.A. Technique of complex assessment of efficiency of activity of public institutions / N.A. Kazakova, E.A. Fedchenko, B.S. Mamatov // Bulletin of the Russian State Trade and Economic University (RSTEU). № 10–12(80). 2013. P. 31–38.
3. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 182n, Ministry of Economic Development of the Russian Federation № 674 of 23.12.2010 «About the approval of Methodical recommendations about development and implementation of industry (departmental) plans of increase in efficiency of budget outlays», «System Consultant Plus». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108831/028bc2d1582cafc59a63f2c78ca8b7d2f0108873/ (date address 12.04.2019).

Идрисов Низам Рамисович
студент,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
nizam928@mail.ru

ОЦЕНКА И УЧЕТ УСЛОВНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

Аннотация. Статья посвящена анализу современной литературы, касающейся методов количественной оценки рисков по условным обязательствам в банковском секторе. В частности, были рассмотрены подходы к расчету потерь государства от банкротства коммерческого банка, потери от комплексного кризиса банковской системы, вероятность поддержки государством банка в случае банкротства и индекс условных обязательств банковского сектора BCLI. Помимо этого, были изучены факторы, способствующие увеличению рисков по условным обязательствам, а также рассмотрен российский опыт по учету и оценке условных обязательств, в том числе оценка необходимого объема докапитализации банковской системы в отношении к ВВП страны.

Ключевые слова: условные обязательства, обязательства банка, кредитные риски, риски банковского сектора, банковский кризис.

Последний мировой финансовый кризис 2008 года был спровоцирован, в том числе, нехваткой ликвидности банковского сектора и дестабилизацией межбанковского рынка вследствие некачественного учета рисков, что привело к банкротству нескольких крупных коммерческих банков, а затем к кризису всей банковской системы. Последствия данного кризиса привели к усилению контроля за деятельностью банков, различных экономических агентов как на национальном, так и на наднациональном уровне. Тем не менее функционирование банковской системы связано с рисками. Существует классификация рисков с разделением обязательств на прямые, условные и явные, неявные. Данная классификация также применима к коммерческим и центральным (национальным) банкам. Среди явных условных обязательств правительства по отношению к банкам выделяют, например, программы страхования депозитов, а к неявным – докапитализация банковской системы, выдача гарантий по банковскому долгу в период кризиса.

В целях более качественного учета и систематизации рисков по условным обязательствам, исследователи предложили классификацию явных условных обязательств центральных банков [3],

Nizam R. Idrisov
Student,
Financial University at the Government
of the Russian Federation
nizam928@mail.ru

EVALUATION AND ACCOUNTING OF CONTINGENT LIABILITIES FROM BANKING SECTOR

Annotation. The article is devoted to the analysis of modern literature on the methods of quantitative risk assessment of contingent liabilities in the banking sector. In particular, the approaches to calculating state losses from a bankruptcy of a commercial bank, losses from a complex crisis of the banking system, the likelihood of government support for a bank in case of bankruptcy, and the BCLI contingent liabilities index of the banking sector were considered. In addition, the factors contributing to the increase in risks for contingent liabilities were examined, and Russian experience in accounting and valuation of contingent liabilities was considered, including an assessment of the required volume of capitalization of the banking system in relation to the country's GDP.

Keywords: contingent liabilities, bank liabilities, credit risks, banking sector risks, banking crisis.

к которым, например, относятся гарантии по вкладам в коммерческих банках, гарантии возмещения потерь при колебании валютного курса и др.

Среди неявных условных обязательств Центрального банка авторы выделяют следующие обязательства:

– обеспечивать системную платежеспособность банковского (и финансового) сектора сверх явно-го обязательства;

– предоставлять ликвидность отдельным учреждениям и гарантировать определенные виды депозитов и/или других банковских активов частного сектора. Другими словами, предоставление ликвидности подразумевает финансовую поддержку со стороны центрального банка сверх правовой системы гарантий, а также санацию и рекапитализацию банков и небанковских финансовых учреждений.

Авторы данного исследования [3] считают, что вышеназванные обязательства следует дополнить обязательствами Центрального банка по поддержанию макроэкономической стабильности, такими как сохранение стабильного режима

валютного курса или, в более общем плане, достижение и поддержание стабильности цен, которые также должны рассматриваться сами по себе как неявные условные обязательства и, следовательно, должны также подлежать количественной оценке.

Существует объективная необходимость в проведении оценки возможных потерь от потенциальной материализации рисков по условным обязательствам в целях минимизации последствий. Для этой цели экономисты из национального университета Австралии предложили следующие методы оценки рисков по условным обязательствам [1].

Потенциальные вынужденные расходы банковского сектора от банкротства одного банка они предлагают оценивать следующим образом:

$$ELA_{it} = TAL_{it} \times PD_{it} \times LGD \times PSS_{it}$$

где TAL (Total adjusted liabilities) – совокупные скорректированные обязательства банка, которые включают в себя все текущие и долгосрочные обязательства банка за вычетом доли миноритарных акционеров и отложенных налогов (данные предоставляет Moody's analytics); PD (Probability of default) – вероятность банкротства заемщика / кредитного требования в течение определенного периода времени, обычно в течение 1 года (данные предоставляет Moody's analytics). Под банкротством понимается невыполнение обязательных платежей и (или) процентов по долгам [4]; LGD (Loss given default) – уровень потерь банка по кредитным требованиям в случае банкротства заемщика. Существуют разные виды LGD и методологии их оценки. Моделированием данного показателя занимались многие ученые. Обычно этот показатель принимали за 20 %, но затем начали также использовать диапазон значений [5]; PSS – Вероятность государственной поддержки, если банк i попадает в финансовый кризис в момент t . Когда он равен 1, это указывает на то, что рынки ожидают, что все потери будут покрыты правительством. Когда он равен 0, это указывает на то, что рынки ожидают, что все потери будут покрыты держателями долгов.

$$PSS_{it} = \left[1 - \left(\frac{CDS_{it}}{FVCDS_{it}} \right) \times (1 - S_{it}) \right]$$

Оценив ожидаемые потери по всем банкам, и, сложив эти результаты, получится показатель возможных потерь от всего банковского сектора. Однако результат, скорее всего, будет завышенным, так как государство не понесёт потерь, если один банк выкупит обанкротившийся (например, как это было с JPMorgan, который поглотил банк Bear Stearns в 2008 г.)

Основываясь на предположении, что вероятности дефолта отдельных банков независимы, оценка ожидаемых потерь государства от банкротства банковской системы выглядит следующим образом:

$$EL_t = \sum ELA_{it}$$

Однако на практике банкротство одного банка может повлечь за собой дефолты других банков, особенно в периоды финансового кризиса. Иными словами, системный риск может привести к коррелированным дефолтам среди банков, как это было во время недавнего финансового кризиса. Весь банковский сектор не будет сильно подвержен кризису если он хорошо диверсифицирован. Чем ниже корреляция между активами отдельных банков, тем лучше диверсификация банковского сектора.

Например, если все банки зависят от рынка недвижимости, то может наступить финансовый кризис, как это было в Ирландии в период с 2008 по 2013 гг., когда очень активно рос интерес к рынку недвижимости, который обеспечивал порядка 25 % ВВП страны. Следствием низких процентных ставок по кредитам стал рост выдаваемых кредитов, цены на жилье выросли почти в 4 раза. Помимо этого, средний объем условных банковских обязательств вырос с 1,9 % ВВП перед кризисом до 55,6% ВВП после кризиса. В результате обвала рынка недвижимости и мирового финансового кризиса наступил банковский кризис в Ирландии, которому предшествовал почти десятикратный рост выданных ипотечных кредитов. При этом стоимость поддержки банковской системы превысила 40 % ВВП [6].

В свою очередь, непредвиденные потери от банкротства банковского сектора могут быть рассчитаны как стандартное отклонение ожидаемых потерь от всего банковского сектора:

$$UL_t = \sqrt{\text{Var}(\sum_{i=1}^n ELA_{it})} = \sqrt{X_t \times \Sigma PD \times X_t}$$

где:

$X_t = TAL \times PSS \times LGD$, а ΣPD – это матрица вероятностей некоррелированного между собой банкротства банков.

На основе показателей ожидаемых потерь и непредвиденных расходов экономисты предложили индекс условных обязательств банковского сектора [2] (BCLI – Banking Sector Liability Index), который рассчитывается следующим образом: $BCLI_t = (EL_t + 2UL_t)$. Данный индекс комбинирует в себе множество положительных характеристик и, по мнению его авторов, может служить полезным инструментом для ранжирования стран по уровню условных обязательств банковского сектора и мониторинга их изменений. Однако авторы отмечают также недостатки индекса BCLI. Один из них, например, заключается в том, что BCLI не предназначен для измерения всех затрат (прямых и косвенных) банковских кризисов, а позволяет лишь оценить прямые затраты на финансовые расходы по поддержке банков.

Множество исследований посвящено изучению причин банковского кризиса. Однако особый интерес вызывают факторы, повышающие риск

потерь государства по условным обязательствам банковского сектора, среди которых выделяются следующие: большой объем банковского сектора; большое кредитное плечо банковского сектора, которое измеряется соотношением рыночной стоимости активов к рыночной стоимости собственного капитала; высокая волатильность в структуре портфеля активов у банков банковского сектора; высокая концентрация банковского сектора, когда основная его часть сосредоточена в нескольких банках.

В целях снижения рисков банковской системы, Банком России устанавливаются обязательные

нормативы для коммерческих банков, и ведется контроль за их соблюдением. В частности, была разработана методика расчета кредитного риска по условным обязательствам кредитного характера (см. инструкцию Банка России от 28.06.2017 № 180-И). В перечень таких обязательств входят:

– обязательства по выплате, возникающие у Банка России в случае невыполнения контрагентом своих обязательств перед кредиторами;

– обязательства банка предоставить средства на возвратной основе.

Таблица 1

Классификация кредитных рисков по условным обязательствам коммерческих банков

Группа	Состав
Высокий риск	Банковские гарантии и поручительства Гарантии платежа по чекам (аваль) Вексельные поручительства (аваль) Аккредитивы, индоссаменты, акцепты, уступка прав требования и др.
Средний риск	Аккредитивы Долгосрочные обязательства по осуществлению операций Неиспользованные кредитные линии/лимиты по предоставлению средств (долгосрочные) Обязательства выкупить ценные бумаги эмитента и др.
Низкий риск	Аккредитивы Неиспользованные кредитные линии/лимиты по предоставлению средств (краткосрочные) Краткосрочные обязательства по осуществлению операций и др.
Без риска	Обязательства по намеченным операциям (сделкам) Безоборотные и препоручительные индоссаменты векселей Неиспользованные кредитные линии/лимиты по предоставлению средств (с правом досрочного закрытия) и др.

По каждому риску на основе контрактной стоимости обязательства с учетом взвешивающих коэффициентов определяется суммарная величина кредитного риска (*KPB*), которая в дальнейшем используется в расчете нормативов достаточности капитала банка. Также по указанным рискам осуществляется резерв на возможные потери.

Однако, на усмотрение банка резерв на возможные убытки по некоторым рискам может не формироваться, если по оценке банка, данные риски не приведут к существенным убыткам. Одним из методов ограничения кредитных рисков по условным обязательствам и контроля за их управлением, является установление лимита по условным обязательствам.

Ежегодно Банком России проводится стресс-тестирование банковской системы, результаты которого публикуются в документе «Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора». По результатам анализа выявляется потенциальный масштаб потерь банков в случае кризиса, а также оценка необходимой докапитализации банковской системы. В связи с этим, формулу по расчету необходимого объема государственной поддержки в докапитализации банков (в % к ВВП) предложил И.В. Беляков в своей работе «О бюджетной стоимости банковских кризисов»:

$$X = S \times \frac{A}{GDP} \times (\Delta NPL \times L - \Delta ROA \times P)$$

где *S* – доля активов системно значимых банков в активах банковской системы; *A* – активы банковской системы; ΔNPL – рост доли проблемных ссуд в ходе кризиса; *L* – доля кредитования в активах банков; ΔROA – кризисное падение рентабельности активов; *P* – часть банковской прибыли к активам (*ROA*), дополнительно направляемая на формирование резервов на возможные потери по ссудам, *GDP* – ВВП.

В дальнейшем И.В. Беляков модернизировал данную формулу и представил её в своем новом исследовании «Анализ и учет неявных бюджетных обязательств, связанных с финансовой системой», в том числе предложив использовать для показателя ΔNPL сценарные условия. В новой редакции формула выглядит следующим образом:

$$X = S \times (\Delta NPL \times L - \Delta ROA \times P \times A) / GDP$$

Таким образом, в современное время наблюдается особый интерес к учету условных обязательств в банковском секторе, пруденциальное регулирование и надзор за которыми необходимы в целях сохранения финансовой устойчивости как банковской системы, так и всей страны. Экономисты стремятся разработать методики, позволяющие своевременно и качественно оценить риски по условным обязательствам. Однако в России данная проблема ещё недостаточно изучена и требует дальнейшего развития в научно-исследовательских работах.

Литература:

1. *Arslanalp S. Contingent Liabilities and Sovereign Risk: Evidence from Banking Sectors* / S. Arslanalp, Y. Liao (October 2012). CAMA Working Paper 43/2013 URL : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2294209>
2. *Arslanalp S. Contingent Liabilities from Banks: How to Track Them?* / S. Arslanalp, Y Liao. IMF Working Paper, № WP/15/255, December 2015. URL : <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15255.pdf>
3. Blejer, Mario I. and Schumacher, Liliana, Central Bank Use of Derivatives and Other Contingent Liabilities (March 2000). IMF Working Paper No. WP/00/66. URL : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.235799>
4. EDF Overview from Moody's Analytics. URL : <https://www.moodysanalytics.com/-/media/products/edf-expected-default-frequency-overview.pdf>
5. *Jon Frye. Loss Given Default as a Function of the Default Rate* // Moody's Risk Practitioner Conference Chicago, October 17, 2012. URL : <https://www.moodysanalytics.com/microsites/rpc/rpc2012/rpc2012/~media/C8F6D9F092324EBEB4E4F4A1A2E48A25.ashx>
6. *Laeven L. Systemic Banking Crises Database*. IMF Economic Review / L. Laeven, F. Valencia. 2013. Vol. 61. Iss. 2, P. 225–270. URL : [10.1057/imfer.2013.12](http://dx.doi.org/10.1057/imfer.2013.12)

Literature:

1. *Arslanalp S. Contingent Liabilities and Sovereign Risk: Evidence from Banking Sectors* / S. Arslanalp, Y. Liao (October 2012). CAMA Working Paper 43/2013 URL : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2294209>
2. *Arslanalp S. Contingent Liabilities from Banks: How to Track Them?* / S. Arslanalp, Y Liao. IMF Working Paper, № WP/15/255, December 2015. URL : <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15255.pdf>
3. Blejer, Mario I. and Schumacher, Liliana, Central Bank Use of Derivatives and Other Contingent Liabilities (March 2000). IMF Working Paper No. WP/00/66. URL : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.235799>
4. EDF Overview from Moody's Analytics. URL : <https://www.moodysanalytics.com/-/media/products/edf-expected-default-frequency-overview.pdf>
5. *Jon Frye. Loss Given Default as a Function of the Default Rate* // Moody's Risk Practitioner Conference Chicago, October 17, 2012. URL : <https://www.moodysanalytics.com/microsites/rpc/rpc2012/rpc2012/~media/C8F6D9F092324EBEB4E4F4A1A2E48A25.ashx>
6. *Laeven L. Systemic Banking Crises Database*. IMF Economic Review / L. Laeven, F. Valencia. 2013. Vol. 61. Iss. 2, P. 225–270. URL : [10.1057/imfer.2013.12](http://dx.doi.org/10.1057/imfer.2013.12)

Карепина Оксана Ивановна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры финансов,
Ростовский государственный
экономический университет
karepindima@mail.ru

Богославцева Людмила Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры финансов,
Ростовский государственный
экономический университет
b_ludmila@bk.ru

Богданова Оксана Юрьевна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры финансов,
Ростовский государственный
экономический университет
bogdanova1974@mail.ru

Oksana I. Karepina
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Finance,
Rostov State Economic University
karepindima@mail.ru

Ludmila V. Bogoslavtseva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Finance,
Rostov State Economic University
b_ludmila@bk.ru

Oksana Y. Bogdanova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Finance,
Rostov State Economic University
bogdanova1974@mail.ru

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОГРАММНО-ПРОЕКТНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается развитие государственного финансового контроля в условиях программно-проектного бюджетирования. Авторы отмечают, что в новых социально-экономических условиях трансформируются финансовые отношения России, модернизируется бюджетный процесс, что требует проведения углубленного исследования изменяющегося содержания государственного финансового контроля, его видов, форм, организации.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, программно-проектное бюджетирование, государственные программы, национальные проекты.

■ ■ ■

В новых социально-экономических условиях трансформируются финансовые отношения России, модернизируется бюджетный процесс, что требует проведения углубленного исследования изменяющегося содержания государственного финансового контроля, его видов, форм, организации, при условии сохранения концептуальной цели государственного финансового контроля, а именно, комплексного обеспечения интересов и прав органов государственной власти,

DEVELOPMENT OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE CONTEXT OF PROGRAM-PROJECT BUDGETING

■ ■ ■

Annotation. The article discusses the development of state financial control in terms of program-budgeting. The authors note that in the new socio-economic conditions, the financial relations of Russia are transforming, the budget process is being modernized, which requires an in-depth study of the changing content of state financial control, its types, forms, and organization.

Keywords: state financial control, program and project budgeting, state programs, national projects.

■ ■ ■

населения, коммерческих и некоммерческих организаций.

Сохранение и достижение цели государственного финансового контроля обусловлено, с одной стороны, взаимодействием участников бюджетного процесса, а, с другой стороны, замкнутым циклическим процессом проводимых контрольных мероприятий. Оба фактора отражают необходимость исключения финансовых нарушений и

махинаций между участниками и неучастниками бюджетного процесса.

В тоже время, процесс государственного финансового контроля (ГФК) как процесс финансовой деятельности органов контроля предполагает использование постоянно совершенствующихся видов и форм контроля в условиях цифровизации экономики.

Несмотря на то, что контроль является самостоятельным элементом управления финансовыми потоками, он оказывает воздействие на планирование и ход проведения проверки запланированных мероприятий. Функциональные элементы управленческого цикла государственного финансового контроля представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 – Функциональные элементы управленческого цикла ГФК

Субъект ГФК, получая объективную (достоверную) информацию о состоянии проверяемого объекта, может своевременно реагировать на происхождение изменений, корректировать управленческие решения, выбирая наиболее целесообразные варианты решения государственных вопросов.

Специфической чертой контроля является самостоятельность, поэтому его можно рассматривать как самостоятельный инструмент управления финансовыми ресурсами, финансовыми потоками. С организационной точки зрения, самостоятельность позволяет четко определить компетенции органов финансового контроля, создать новые институты со специфическими функциями контроля. Нам представляется, что можно говорить только об относительной самостоятельности контроля в аспекте достоверности получения результатов. Но сам процесс контроля требует его интеграции с другими компонентами (инструментами), органы контроля проверяют результаты деятельности проверяемого объекта на основании действующих нормативно-правовых актов. Поэтому органы финансового контроля участвуют в процессе государственного и отраслевого управления, подчиняясь государственному органу общей или отраслевой компетенции.

Являясь функциональным элементом процесса управления, государственный финансовый контроль направлен на решение стратегических социально-экономических задач, стоящих перед

экономикой и на современном этапе выполняет функции, представленные на рисунке 2.

Современный ГФК направлен на выявление и предупреждение финансовых нарушений в процессе управления государственными финансовыми ресурсами и собственностью, установление законности, целесообразности и связанных с ними операций в целях обеспечения реализации государственной финансовой политики [1].

Начиная с 2004 г. в бюджетный процесс активно внедрялись программные инструменты – ФЦП, ВЦП, доклады о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования, государственные (муниципальные) программы, направленные на повышение эффективности бюджетной политики, позволяющие решать различные проблемы экономического и социального характера, которые принципиально изменили формы и методы ГФК.

Новый этап в развитии программно-целевого бюджетирования был связан с начавшейся в 2010 году работой по преобразованию федерального бюджета в программный формат. Для достижения этих целей был разработан новый инструментарий – государственная программа. Под государственной программой понимается документ, определяющий цель, задачи, результаты, основные направления и инструменты государственной политики, направленные на достижение целей и реализацию приоритетов, установленных Концепцией долгосрочного социаль-

но-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, либо обеспечивающей реализацию в установленные сроки крупномасштабных мероприятий общенационального или международного значения.

В последние годы в Российской Федерации шла активная разработка и утверждение государст-

венных программ. По состоянию на начало 2018 г. насчитывается более 40 государственных программ, сгруппированных следующим основным группам: новое качество жизни; инновационное развитие и модернизация экономики; обеспечение национальной безопасности; сбалансированное региональное развитие; эффективное государство.

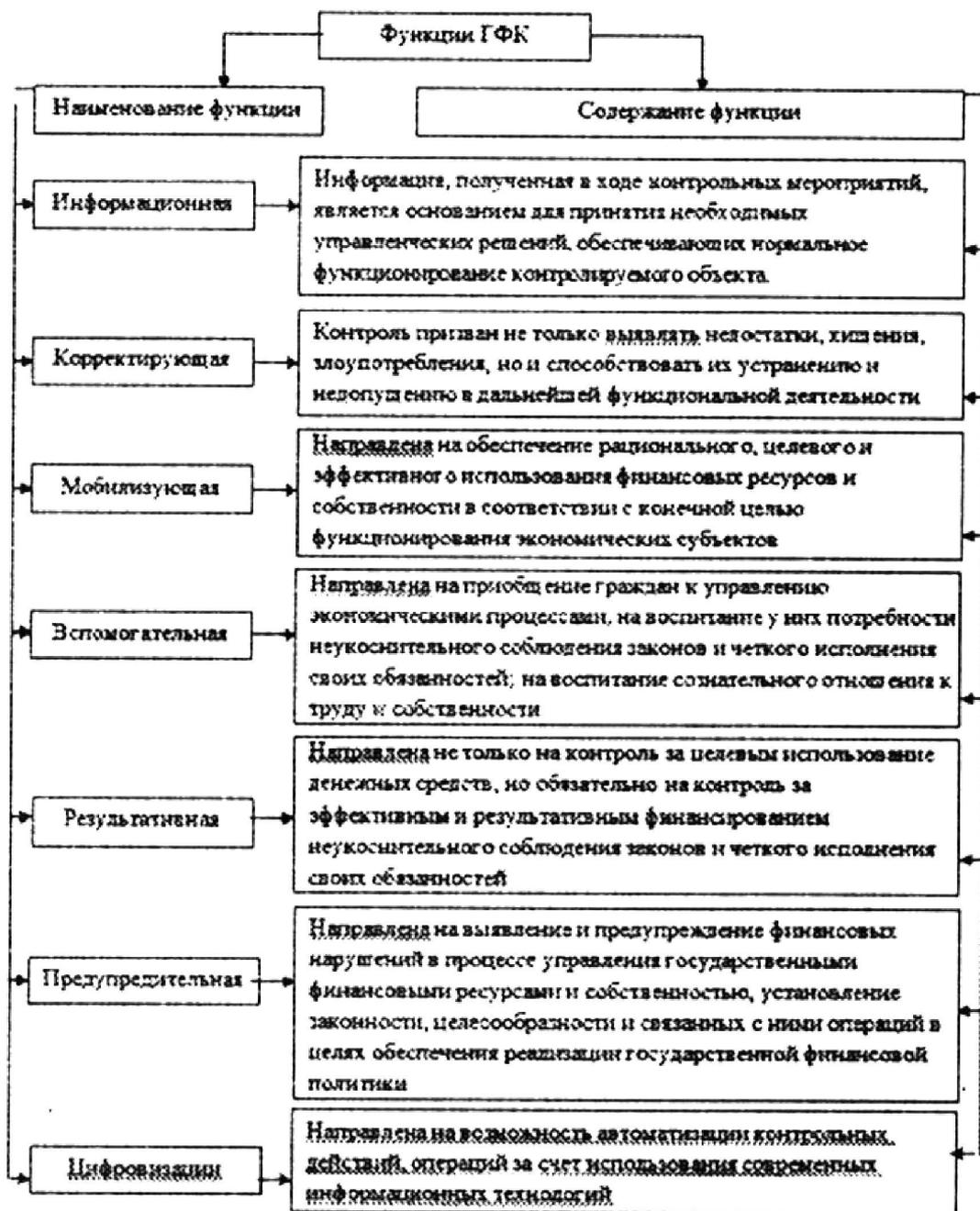

Рисунок 2 – Функции ГФК

В таблице 1 приведена структура программных расходов федерального бюджета в 2011–2018 гг.

Таблица 1

Структура программных расходов федерального бюджета в 2011–2018 гг., %

Показатель	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Расходы федерального бюджета, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Программные расходы федерального бюджета	0,3	2,2	54,9	51,7	66,8	63,4	65,5	81,3
В том числе по направлению:								
Новое качество жизни	0,3	0,4	30,1	27,5	41,9	39,4	40,5	50,0
Инновационное развитие и модернизация экономики		1,3	12,4	12,7	13,4	12,3	11,3	13,2
Эффективное государство			7,8	7,0	6,8	7,3	9,0	11,8
Сбалансированное региональное развитие		0,5	4,6	4,5	4,7	4,4	4,7	6,3

Анализ таблицы 1 свидетельствует о переводе федерального бюджета в программный формат достаточно быстрыми темпами. Если в 2011 и 2012 гг. удельный вес программных расходов в общей структуре расходов федерального бюджета составлял соответственно 0,3 и 2,2 %, то с 2013 г. расходы программного характера составляли уже более половины всех расходов программного бюджета, а в 2018 г. их удельный вес планируется довести до 80 %.

В общей структуре программных расходов преобладают расходы в рамках государственных программ, объединенных в блоки «Новое качество жизни» (государственные программы, связанные с развитием образования, здравоохранения, культурной и социальной сферы и т.д.) и «Инновационное развитие и модернизация экономики». Таким образом, необходимость эффективного внедрения и практического применения программно-целевых подходов в целях экономического роста страны, модернизации экономической инфраструктуры и повышении уровня жизни населения, потребовали развития новых форм и методов ГФК. Прежде всего, речь идет об аудите эффективности.

В последние годы Министерством финансов России была проделана значительная работа, направленная на повышение прозрачности государственных программ и улучшение качества системы отчетности, что призвано повысить результативность и качество ГФК. Так, с 2016 г. предполагалось отражение бюджетных ассигнований не только в разрезе государственных программ и подпрограмм, но и в разрезе основных мероприятий. Появилась возможность оценить, что конкретно планируется сделать, и что было выполнено в рамках реализации той или иной государственной программы или подпрограммы.

Развиваются и электронные ресурсы, призванные облегчить мониторинг за реализацией государственных программ и подпрограмм. Так, на интернет-сайте «Портал госпрограмм РФ» приведена актуальная информация, связанная с содержанием и практической реализацией государственных программ и подпрограмм, включая статистическую информацию, отчетность о фактических и плановых значениях целевых показателей государственных программ (в годовом, квартальном и месячном разрезе), перечень основных мероприятий и данные об их фактической реализации и связанных с ними целевых показателях государственных программ и подпрограмм. Практикуется размещение в общем доступе отчетов о выполнении государственных программ по итогам года, где даются разъяснения по фактам отрицательных отклонений фактических значений целевых показателей от плановых, что положительно влияет на прозрачность государственных программ и расширяет возможности их оценки со стороны органов ГФК [2].

Вместе с тем, как справедливо отмечается в экономической литературе, в настоящее время органы государственного финансового контроля не всегда определяют эффективность использования бюджетных средств. В современных условиях, по-прежнему, не достигнута предупредительная цель контроля на этапе планирования бюджетных ассигнований и конкретных достижимых показателей и мероприятий.

Несовсем удачная структура государственных программ и подпрограмм, достаточно расплывчатые и неоднозначные формулировки ряда целей, задач и целевых показателей государственных программ, отсутствие четкой иерархической взаимосвязи между ними, а также между госу-

дарственными программами и подпрограммами существенно затрудняют эффективность ГФК реализуемых мероприятий и самих программ.

Выступая на пленарном заседании Государственной Думы по вопросу о внесении изменений в ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов», Председатель Счетной палаты РФ А.Кудрин дал следующую оценку исполнению федерального бюджета в 2018 году. Расходы федерального бюджета могут увеличиться на 218 млрд руб. С учетом полномочий Правительства РФ по перераспределению отдельных статей и остатка средств на начало 2018г. в размере 657 млрд руб., общие расходы федерального бюджета могут увеличиться на 855 млрд руб. и ожидаемое их исполнение может составить 17447 млрд руб. Наибольшее увеличение бюджетных ассигнований предусматривается по государственным программам:

– «Развитие федеративных отношений и повышение ответственного управления государственными и муниципальными финансами» – 112,1 млрд руб.;

– «Управление государственными финансами и регулирование финансовыми рынками» – 40,9 млрд руб., в т.ч. 20 млрд руб. на внесение в капитал Внешэкономбанка;

– «Развитие образования» – 11,2 млрд руб.;

– «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» – 9,7 млрд руб.

По отдельным социальным программам предлагается снижение расходов ввиду их не востребо­ванности: по социальной поддержке – на 18 млрд руб., по содействию занятости – на 8,2 млрд руб., по социально-экономическому развитию Крыма и Севастополя – на 7,2 млрд руб., по развитию сельского хозяйства – на 5,4 млрд руб. А.Кудрин обратил внимание на то, что сокращение объемов финансирования не затрагивает изменения целевых показателей. Следующей проблемой явилось то, что на 1 октября 2018 г. не финансировались 9 подпрограмм государственных программ РФ: по безопасности труда, по авиационным приборам, по возобновляемым источникам энергии, по инвестиционным проектам в Байкальском регионе, по созданию медицинского кластера Кавказских Минеральных Вод, по развитию судоходства в Арктике и некоторым другим. Так же не финансировались в январе-сентябре 2018 г. две ФЦП: по развитию гражданской авиационной техники и по развитию уголовно-исполнительной системы. По указанным программам и двум ФЦП финансирование сократилось на 10,7 млрд руб., но по этим программам определены 35 показателей, по которым запланировано 13 контрольных событий. Имеет место вероятность недостижения новых показателей.

В этой связи Счетная палата РФ отмечает такие недостатки, как неисполнение или исполнение

расходов без изменения показателей государственных программ, такая взаимосвязь показателей не всегда прослеживается, недостаточно анализируется и, как следствие, не влияет, в конечном счете, на выделение бюджетных средств. Все вышеизложенное еще раз подтверждает необходимость усовершенствования инструментария анализа государственных программ, чтобы у органов законодательной и исполнительной власти, у граждан была объективная информация о реализации государственных программ.

В соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г., Россия должна совершить прорыв в экономике, инфраструктуре, технологиях и социальной сфере. Их реализация обеспечит благополучие и новое качество жизни россиян, широкие возможности для самореализации каждого человека, а также укрепить конкурентоспособность страны, добиться лидерства в тех сферах, которые определяют будущее России и всего мира. Правительством РФ сформирован детальный план такого прорыва, решительного продвижения вперед по каждому направлению. В достаточно сжатые сроки проведена серьезная работа, подготовлены 12 национальных проектов, в которых обозначены целевые показатели и практические механизмы их достижения, объемы финансирования. Правительством РФ задачи сгруппированы по этапам, срокам и ответственным исполнителям, построена система их реализации на принципах проектного подхода, определены конкретные механизмы их финансирования.

Таким образом, новым инструментом программного бюджетирования, внедряемым в бюджетный процесс с 2018 года, являются национальные проекты, которые потребуют разработки и внедрения новых методов ГФК, таких как встреча проверки при исключении дублирования.

Указом Президента РФ «О национальных и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» предусмотрена разработка национальных проектов по 12 направлениям: демография; здравоохранение; образование; жилье и городская среда; экология; безопасные и качественные автомобильные дороги; производительность труда и поддержка занятости; наука; цифровая экономика; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт.

По нашему мнению, принятые национальные проекты и государственные программы, с одной стороны, позволят задействовать управленческие и ресурсные возможности повышения социально-экономического развития страны, а, с другой стороны, являются новым объектом ГФК. Так, из федерального бюджета на финансирование национальных проектов в ближайшие шесть лет будет направлено 14 трлн руб. плюс еще 6 трлн руб. за счет средств государственных программ. За счет средств бюджетов субъектов

РФ будет направлено в течение шестилетнего периода около 18 трлн руб. Правительством РФ определены ответственные исполнители, ответ-

ственные члены правительства, за достижение национальных целей развития – это вице-премьеры.

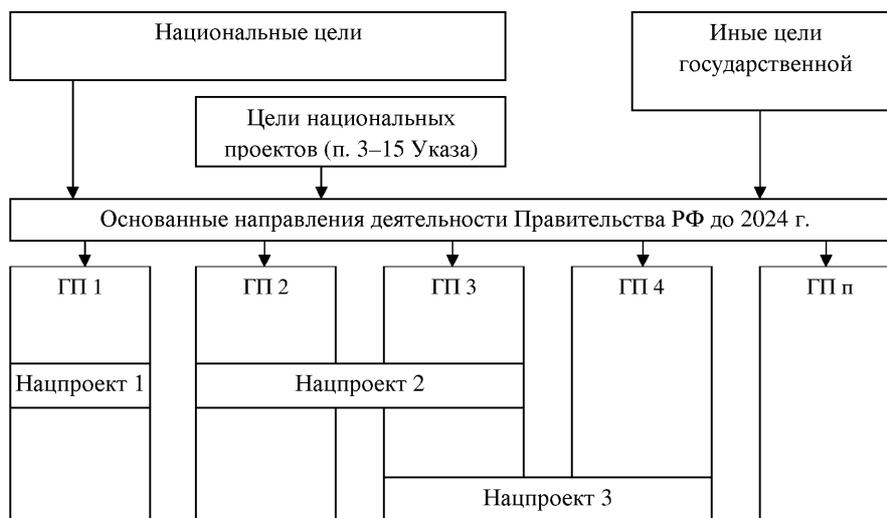

Рисунок 3 – Система целеполагания национальных проектов как новый объект ГФК

Ключевой национальной целью развития является достижение темпов экономического роста выше среднемировых и вхождение России в пятерку крупнейших экономик мира. Ее реализация является фундаментом для достижения результатов по другим направлениям. Для этого необходимо добиться повышения уровня инвестиционной активности с текущего уровня, 21 %, до 25 %. Таким образом, ежегодные темпы роста инвестиций должны составлять 6 %.

Необходимость совершенствования государственного финансового контроля в рамках программного бюджетирования становится его прерогативой в ходе реализации государственных программ. Безусловно, внедрение национальных проектов в бюджетный процесс приведет и к совершенствованию государственного финансового контроля, предстоит устранить нерешенные проблемы, связанные с проведением стратегического аудита в отношении государственных программ, а также внедрить новые методы финансового контроля, что потребует совершенствования бюджетного законодательства.

Кроме того, по нашему мнению, следует обратить внимание на необходимость создания системы регулярного мониторинга за национальными целями развития и национальными проектами, содержательного и оперативного мониторинга и контроля [3; 4]. Оперативный мониторинг и контроль будут проводиться за исполнением национальных проектов на регулярной основе на всех стадиях реализации – от проектирования мероприятия до его завершения. Система мониторинга будет охватывать как федеральный, так и региональный уровни, а его глубина позволит отслеживать динамику по каждой контрольной точке. Такая система станет инструментом, обеспечивающим объективной информацией для принятия управленческих и организационных решений.

Программные инструменты должны быть взаимосвязаны с документами стратегического планирования. Однако на сегодняшний день накопились проблемы в реализации государственных (муниципальных) программ, связанные с не совсем удачной их структурой, достаточно расплывчатыми и неоднозначными формулировками целей, задач и индикаторов, а также отсутствием четкой взаимосвязи между подпрограммами и мероприятиями.

Совершенствование методологического обеспечения процессов планирования и разработки государственных (муниципальных) программ должно осуществляться одновременно с созданием адекватной системы государственного финансового контроля. В условиях реализации программного бюджетирования возрастает роль государственного финансового контроля за расходами бюджета при реализации государственных программ и его взаимосвязи с элементами программно-целевого планирования и финансирования.

Мировой опыт показывает, что государствам, которые успешно внедрили программное бюджетирование, потребовалось достаточно много лет, чтобы отработать механизм аудита эффективности. Надо признать, что Россия находится в начале пути. В нормативно-правовой базе новый метод государственного финансового контроля называется по-разному: контроль реализации документов стратегического планирования, аудит реализуемости и результативности достижения стратегических целей социально-экономического развития. На наш взгляд, речь должна идти о стратегическом аудите, включающем контроль эффективности планирования и контроль эффективности исполнения документов стратегического планирования, в том числе государственных программ. Контроль эффективности государственных программ осуществляется как органами внутреннего государственного финансового контроля, так и органами внешнего госу-

дарственного финансового контроля. В ходе внутреннего контроля эффективности главные распорядители бюджетных средств, бюджетополучатели в целом отслеживают качество проделанной работы по планированию и использованию бюджетных средств. Роль внешнего контроля эффективности программы должна заключаться с одной стороны, в укреплении доверия общества к органам власти путем предоставления населению независимой и достоверной информации о результатах реализации государственной программы; с другой стороны, органы законодательной и исполнительной власти получают необходимую информацию для управления государственной программой. Анализируя организацию внутреннего и внешнего государственного финансового контроля [5; 6], можно отметить их слабое взаимодействие в процессе стратегического аудита, их разрозненность, что обусловлено недостатками законодательной базы.

Внедрение в бюджетную практику с 2019 г. национальных проектов, согласно Указу Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [7], требует создания единой системы внутреннего и внешнего государственного финансового контроля за планированием и реализацией национальных (федеральных) проектов.

Переход на программные принципы организации бюджетного процесса требует усиления стратегического аудита за разработкой и выполнением государственных программ. Однако на сегодняшний день не сформирована его законодательная база. В ФЗ «О стратегическом планировании» речь идет о государственном стратегическом контроле, о контроле реализации документов стратегического планирования; в ФЗ «О Счетной палате РФ» – об аудите реализуемости и результативности достижения стратегических целей социально-экономического развития.

Литература:

1. Бусалова С.Г. Внутренний государственный финансовый контроль в условиях цифровизации экономики / С.Г. Бусалова, Э.Р. Горчакова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 7. С. 34–38.
2. Мастеров А.И. Программно-целевое бюджетирование в России: проблемы и пути их решения // Финансы. 2018. № 5. С. 5–10
3. Богославцева Л.В. Концептуальные подходы реализации принципа открытости местных бюджетов как инструмента принятия муниципальных управленческих решений / Л.В. Богославцева, О.И. Карелина, О.Ю. Богданова // European Social Science Journal. 2017. № 5. С. 106–112.
4. Ivanova O.B. Financial transparency in budget sector of economy as a necessary condition of clustering / O.B. Ivanova, N.G. Vovchenko, E.D. Kostoglodova, L.V. Bogoslavtseva, S.N. Rukina, O.I. Karepina // International Journal of Trade and Global Markets. 2017. Т. 10. № 2–3. С. 207–216.

С целью повышения эффективности и результативности ГФК предлагается законодательно закрепить понятие стратегического аудита, подкрепив его оценочный характер. На основе рассмотрения сущностной характеристики государственного финансового контроля и изучения законодательной базы дано авторское определение стратегического аудита как комплекса оценочных мероприятий, включающих контроль эффективности планирования и контроль эффективности исполнения документов стратегического планирования, позволяющих получить объективную информацию для принятия управленческих решений субъектами публичной власти в отношении ограниченных финансовых ресурсов. Данное определение способствует развитию теории финансового контроля.[8]

Не вызывает сомнений, что государственные программы относятся к документам стратегического планирования, функционирование которых базируется на определенных принципах, нереализуемых должным образом, что подтверждается результатами стратегического аудита (контроля эффективности планирования и контроля эффективности исполнения государственных программ), осуществляемого как органами внешнего государственного финансового контроля, так и органами внутреннего государственного финансового контроля[9]. Имея общую цель – контроль за программными бюджетными расходами, эти органы действуют разрозненно и несогласовано, что обусловлено недостатками действующей законодательной базы.

Все вышеизложенное подтверждает необходимость дальнейших исследований теоретико-организационных аспектов государственного финансового контроля в условиях развития программно-целевых методов.

Literature:

1. Busalova S.G. Internal state financial control in the conditions of digitalization of the economy / S.G. Busalova, E.R. Gorchakova // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2018. № 7. P. 34–38.
2. Masters A.I. Program-targeted budgeting in Russia: problems and ways to solve them // Finance. 2018. № 5. С. 5–10
3. Bogoslavtseva L.V. Conceptual approaches to the implementation of the principle of openness of local budgets as a tool for making municipal management decisions / L.V. Bogoslavtseva, O.I. Karepina, O.Yu. Bogdanova // European Social Science Journal. 2017. № 5. P. 106–112.
4. Ivanova O.B. Financial transparency in budget sector of economy as a necessary condition of clustering / O.B. Ivanova, N.G. Vovchenko, E.D. Kostoglodova, L.V. Bogoslavtseva, S.N. Rukina, O.I. Karepina // International Journal of Trade and Global Markets. 2017. Т. 10. № 2–3. С. 207–216.

5. *Карепина О.И.* Развитие внутреннего государственного финансового контроля в России // Аудиторские ведомости. 2018. № 2. С. 54–57.
6. *Карепина О.И.* Развитие внешнего государственного финансового контроля в России // Человек и современный мир. 2018. № 5(18). С. 75–81.
7. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» от 7 мая 2018 г. URL : <http://www.consultant.ru>
8. *Карепина О.И.* Обзор изменений законодательства в сфере государственного финансового контроля / О.И. Карепина, С.Н. Меликсетян // Вопросы экономики и права. 2016. № 96. С. 19–23.
9. *Богославцева Л.В.* Контрольно-аудиторская деятельность органов Федерального Казначейства: специфика и перспективы // Аудиторские ведомости. 2018. № 3. С. 39–44.
5. *Karepina O.I.* Development of internal state financial control in Russia // Auditor lists. 2018. № 2. P. 54–57.
6. *Karepina O.I.* Development of external state financial control in Russia // Man and the modern world. 2018. № 5(18). P. 75–81.
7. Presidential Decree «On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» dated May 7, 2018. URL : [http // www.consultant.ru](http://www.consultant.ru).
8. *Karepina O.I.* Review of changes in legislation in the field of state financial control / O.I. Karepina, S.N. Meliksetyan // Issues of Economics and Law. 2016. № 96. P. 19–23.
9. *Bogoslavtseva L.V.* Audit activities of the Federal Treasury: specificity and prospects // Audit statements. 2018. № 3. P. 39–44.

Климовицкий Сергей Вениаминович

кандидат социологических наук,
ведущий научный
сотрудник ИСПИ РАН
serkl@mail.ru

Осипов Геннадий Васильевич

академик РАН,
руководитель
Объединенного центра социологии
и экономики знания ИСПИ РАН
osipov@ispr.ras.ru

Sergey V. Klimovitskiy

Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher,
Institute for Social and Political Research
of the Russian Academy
of Sciences (ISPR RAS)
serkl@mail.ru

Gennadii V. Osipov

Academician RAS,
Head of the United Center for
Sociology and Economics of Knowledge,
Institute for Social and Political Research
of the Russian Academy
of Sciences (ISPR RAS)
osipov@ispr.ras.ru

Влияние цифровизации экономики на рынок труда

■ ■ ■

Аннотация. В последнее десятилетие многие экономические развитые страны столкнулись с проблемами на рынке труда, в основе которых лежит цифровизация экономики. В статье анализируются такие проблемы, как структурная перестройка рынка труда под влиянием автоматизации, изменение условий труда и трудовых отношений, поляризация труда, распространение мобильной работы и нестандартных форм занятости. Хотя Россия по темпам цифровизации пока отстает от технологически более развитых стран, в условиях реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» российский рынок труда с большой вероятностью столкнется с теми же проблемами.

Ключевые слова: цифровизация экономики, рынок труда, автоматизация, занятость.

■ ■ ■

В последнее десятилетие многие экономические развитые страны столкнулись с проблемами на рынке труда, в основе которых лежит цифровизация экономики. Так, компании все в большей степени испытывают нужду в высококвалифицированных работниках, обладающих специализированными навыками. С другой стороны, происходит рост безработицы из-за того, что основной массе нуждающихся в трудоустройстве людей становится все сложнее найти работу в условиях возрастающих требований работодателей.

Ускоренное развитие и внедрение в экономику информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которое иногда называется «цифровой

IMPACT OF THE DIGITIZATION OF THE ECONOMY ON THE LABOUR MARKET

■ ■ ■

Annotation. In the last decade many economically developed countries have been confronted with problems on the labour market caused by the digitization of the economy. This paper analyzes such problems as the structural adjustment of the labour market under the influence of automatization, the transformation of work conditions and relations, labour polarization, the expansion of mobile work and non-standard employment. Although Russia by the rate of digitization still lags behind technologically advanced countries, under the realization of the National Programme “Digital Economy of the Russian Federation” Russian labour market will very likely face the same problems.

Keywords: digitization of the economy, labour market, automatization, employment

■ ■ ■

революцией», открыло новые возможности производства товаров и предоставления услуг за счет автоматизации рабочих мест и устранения пространственно-временных ограничений. В настоящее время влияние этой революции на экономический рост, в принципе, не подвергается сомнению. Гораздо более дискуссионным вопросом является влияние цифровизации на рынок труда.

Оценки в этом плане сводятся к трем основным сценариям. В соответствии с наиболее оптимистическим сценарием, цифровизация должна обеспечить непрерывный экономический рост, благами которого сможет воспользоваться все население. Более пессимистический сценарий

оценивает долю населения, которая получит основные блага от цифровизации в 20 %. В этом случае часть рабочих, заменяемых машинами, сможет получить свою долю благ, став владельцами части капитала. Наконец третий, вероятно, наиболее реалистичский сценарий предполагает фундаментальные структурные изменения на рынке труда, в результате которых занятость будет сильно варьировать в зависимости от отраслей, профессий и выполняемых задач [1].

Сторонники пессимистического сценария в качестве аргумента указывают на радикальное снижение в результате цифровизации предельной стоимости материальных затрат на производство. В этих условиях, как предполагается, даже самый низкооплачиваемый работник обойдется дороже умной машины [2]. Существуют прогнозы, согласно которым технологический прогресс в течение ближайших десятилетий угрожает потерей от 40 до 60 % рабочих мест в странах Европейского Союза [3], что сопоставимо с соответствующими американскими оценками, согласно которым в течение ближайших двадцати лет 47 % рабочих мест в США могут быть автоматизированы [4].

Впрочем, не все согласны со столь пессимистическими оценками. В действительности технологический прогресс затрагивает не только процессы, но также продукты и цены. В то время как рационализация процессов связана с сокращением рабочих мест, появление новых продуктивных создает. Кроме того, снижение цен на более стандартные продукты может сопровождаться их повышением на более инновационные, что, в свою очередь, будет способствовать росту спроса на рабочую силу в соответствующих отраслях [5].

Таким образом, цифровизация оказывает на рынок труда двоякий эффект. Хотя машины и заменяют людей в некоторых видах деятельности, они одновременно создают новые возможности для занятости. Иными словами, происходит структурная перестройка рынка труда. В будущем это может привести к тому, что низкотехнологические сферы занятости будут заменяться высокотехнологическими. В таблице 1 представлен прогноз перестройки рынка труда в условиях возрастающей цифровизации экономики [6, с. 23].

Таблица 1

Прогноз перестройки рынка труда в условиях цифровизации экономики

Отрасли с высоким риском автоматизации	Отрасли с невысоким риском автоматизации	Новые отрасли
Офисная работа; Торговля; Транспорт, логистика; Промышленное производство; Строительство; Некоторые формы финансовых услуг; Некоторые виды услуг: перевод, налоговые консультации и т.д.	Образование, искусство, СМИ; Правовые услуги; Менеджмент; Бизнес; Медицинские услуги; Компьютерное дело, инженерия, наука; Социальная работа; Некоторые виды услуг: стрижка, косметика, уборка и т.д.	Анализ данных; Социальные сети; Искусственный интеллект; Производство «умных» машин; Электронная торговля

Некоторые авторы указывают также на то, что автоматизации подвергаются скорее отдельные задачи, чем профессии, которые предполагают решение многочисленных и разнообразных задач. Таким образом, пока не будет создан универсальный искусственный интеллект человеческого уровня, автоматизироваться будут лишь отдельные задачи или наборы взаимосвязанных задач, а не профессии в целом. Это может привести к изменению содержания профессий или изменению их относительной важности, а не к полному исчезновению профессий [7, с. 19].

Что касается рутинного физического труда, то он был по большей части автоматизирован в развитых странах еще до наступления цифровой революции. Поэтому в настоящее время речь идет об автоматизации рутинного умственного труда (перевод, различные формы консалтинга и т.д.). С другой стороны, нерутинный физический труд, обычно используемый в сфере услуг и требующий особых навыков (стрижка, маникюр, уборка помещений и т.д.), практически невозможно автоматизировать. То же самое можно сказать о труде, связанном с человеческими интеракциями, который используется в сферах образования, здравоохранения, досуга и социальной работы. Поскольку в данных областях характер

задач определяется именно интеракциями между людьми, машины по определению не смогут выполнять эти задачи, пока не уподобятся людям. Что же касается нерутинного умственного труда, связанного с распознаванием образов и решением задач, который считается высшим проявлением человеческой деятельности, то эти виды задач в последнее время все в большей степени подвергаются автоматизации.

Важным является также влияние цифровизации на условия труда и трудовые отношения. С одной стороны, внедрение информационных технологий уже сейчас позволяет избавить работников от рутинных задач и свести к минимуму вероятность несчастных случаев. С другой стороны, обеспечиваемый этими же технологиями постоянный мониторинг их деятельности подрывает их чувства автономии и приватности. Кроме того, цифровизация процессов позволяет перевести на субконтракт и аутсорсинг растущее число задач даже в рамках традиционного производства, что создает менее благоприятные условия для работников в плане стабильности занятости и заработной платы.

Так, существует точка зрения, связывающая цифровизацию с наблюдающимся в настоящее

время в развитых экономиках постепенное снижение заработной платы, которое началось в 2013 году и продолжается до сих пор [8, с. 78]. Хотя это отчасти может объясняться низким экономическим ростом и доступностью рабочей силы, некоторые исследователи видят здесь влияние эффекта автоматизации [9, с. 9–14]. Основным аргументом является то, что цифровизация снижает возможности работников при заключении контракта. Иными словами, работник сводится к функции, которая испытывает на себе все большее давление со стороны машин. Подобные процессы особенно очевидны в таких сферах, как банковское дело, страхование и розничная торговля. Так, после финансового кризиса 2007 года многие банки пошли по пути автоматизации услуг, что привело к существенному сокращению персонала. Аналогичным образом, в сфере розничной торговли кассиры все в большей степени вытесняются системами автоматической оплаты. На агрегированном уровне это не приводит к потере рабочих мест, так как происходит переток рабочей силы в других отрасли, однако оказывает влияние на заработную плату.

Важным эффектом цифровизации является также поляризация труда. От цифровизации выигрывают в первую очередь квалифицированные работники, обладающие необходимыми когнитивными и социальными навыками. Доля таких рабочих мест в экономике демонстрирует рост, в то время как доля рутинного труда снижается [10, с. 2509–2506]. Такого рода поляризация происходит в большинстве стран ОЭСР. Это оказывает дополнительное давление на заработную плату работников средней и низкой квалификации. В перспективе, по мере развития цифровых технологий, поляризация рынка труда будет усиливаться. При этом в группу риска попадают все те, кто не успевает в достаточной степени повысить свою квалификацию.

Таким образом, возникает проблема обучения персонала с целью повышения занятости в секторах, где требуется квалифицированная и высококвалифицированная рабочая сила. При этом, согласно данным Европейской Комиссии, каждый второй работник в ЕС не обладает требуемой цифровой компетентностью, что может привести в ближайшем будущем к нехватке кадров не только в сферах, связанных с новыми технологиями, но и в тех, где эти технологии только начали внедряться [11, с. 48]. Такая ситуация требует перестройки всей системы профессионального образования, развития системы обучения на рабочем месте, а также новых методов обучения, включая массовые открытые онлайн-курсы.

Еще один эффект цифровизации на рынок труда связан с распространением нестандартных форм занятости, которые радикальным образом трансформируют отношения между работником и работодателем. Речь идет, прежде всего, о работе, осуществляемой посредством интернет-платформ. Платформа представляет собой структурированное виртуальное пространство (сеть), в котором происходит заказ товаров или

услуг, а транзакции координируются автоматическим образом. Помимо известных международных транспортных платформ вроде Uber и BlaBlaCar, а также платформы сдачи-аренды квартир Airbnb, сюда также относится растущее число платформ, предоставляющих работу фрилансерам в сферах управления, обслуживания клиентов, бухгалтерских и юридических услуг, программирования и бизнес-консалтинга [12, с. 7–11].

С экономической точки зрения, платформа является гибридом рынка и компании, в котором сеть обеспечивает баланс спроса и предложения, а управляющий алгоритм выполняет функции менеджмента. Платформы позволяют более эффективно использовать ресурсы и осуществлять транзакции с низкими издержками. Однако в существенной степени их успех обусловлен также возможностями обходить существующие регламенты и пользоваться плодами несправедливой конкуренции с традиционными компаниями [7, с. 19].

Платформы формально не являются работодателями и не несут соответствующих обязанностей. Таким образом, участвующие в этой форме нестандартной занятости работники исключены из системы социального страхования, а их занятость и заработная плата никак не гарантированы.

Платформы фактически создают параллельный рынок труда, отличающийся невероятной гибкостью как в плане контрактных обязательств, так и в плане рабочего времени. В результате снижается потребность в постоянных рабочих местах, что оказывает влияние на заработную плату в сферах традиционной занятости.

Открываемые современными ИКТ возможности в плане удаленной или мобильной работы также широко используются традиционными компаниями. В данном случае речь идет о полном или частичном выполнении работником своих профессиональных обязанностей вне основного рабочего места с использованием ПК или мобильного устройства, подключенных к интернету.

Мобильная работа осуществляется в соответствии со стандартным трудовым договором, гарантирующим занятость. Это предполагает определенный уровень доверия к сотрудникам со стороны работодателя, связанный с ослаблением контроля, а с их стороны – определенный уровень самоорганизации и умения планировать работу. В наибольшей степени удаленная работа распространена в таких отраслях, как ИКТ, инженерия, медицина, обрабатывающая промышленность [13, с. 76].

Преимущества мобильной работы для работодателей связаны с повышением производительности за счет лучшего использования рабочего времени и расширением возможностей привлечения высококвалифицированных специалистов. При этом ослабление непосредственного административного контроля компании часто компенсируется введением оплаты по результатам рабо-

ты или внедрением технических систем мониторинга, позволяющих отслеживать выполнение сотрудниками своих обязанностей.

Что же касается работников, то их мобильная работа привлекает гибким графиком и возможностью работать там, где им удобно. Важным преимуществом мобильной работы является также отсутствие отвлекающих факторов, неизбежных на традиционном рабочем месте.

Однако помимо очевидных плюсов для работодателя и работников, мобильная работа имеет и существенные минусы. Устранение традиционных пространственно-временных ограничений делает работника доступным в любое время и в любом месте, что приводит к его перегрузке. Как отмечается в докладе Европейского фонда по улучшению условий жизни и труда (Eurofound), несмотря на то что мобильная работа с использованием современных ИКТ создает условия гибкости, автономии и расширения возможностей, она также несет риски интенсификации труда и увеличения рабочего времени, а также стирания границ между работой и частной жизнью. Она также перекладывает традиционные обязанности работодателей по созданию безопасных и здоровых условий труда на самих работников [13, с. 2].

В качестве негативного эффекта мобильной работы указывается также изоляция работника и его неучастие в неформальном обмене информацией, происходящем на фиксированном рабочем месте. Отмечается, в частности, что мобильные работники не интегрированы в бизнес-процессы компании, так как работают над своими отдельными задачами. Поскольку электронная коммуникация не может в полной мере за-

менить непосредственное общение, это ведет к утрате мобильными работниками таких важных социальных навыков, как, например, способность к коллективной работе и толерантность. Кроме того, усилия по поддержанию эффективного обмена информацией в условиях дистанционной работы могут вести к стрессу [14, с. 57].

Что касается России, то пока по темпам цифровизации экономики она отстает от группы передовых стран на 7–10 лет [15, с. 81–83]. Вместе с тем, в 2017 году Правительством РФ была принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», предполагающая среди прочего другого «принятие мер, направленных на стимулирование экономической деятельности, связанной с использованием современных технологий, сбором и использованием данных» [16]. В связи с этим, согласно прогнозам Агентства стратегических инициатив МШУ «Сколково», к 2020 году могут исчезнуть 57 традиционных профессий и появиться 186 новых, а 19 % работников будут заменены роботами [17, с. 100–107].

Таким образом, российский рынок труда с большой вероятностью столкнется с теми же тенденциями, которые в настоящее время характерны для технологически более развитых стран. Высказываются, в частности, предположения об усилении перетока рабочих мест из производственной сферы в сферу услуг, а также о большей уязвимости женщин, среди которых меньше специалистов в области ИКТ [15, с. 81–83]. В связи с этим, изучение изменений, происходящих на рынке труда под влиянием цифровизации, представляет особую важность в свете реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Литература:

1. *Walwei U.* Digitalization and structural labour market problems: The case of Germany. ILO Research Paper № 17. International Labour Office, 2016.
2. *Rifkin J.* The Zero Marginal Cost Society: The internet of things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2014.
3. *Bowles J.* The computerisation of European jobs, 2014. URL : <http://bruegel.org/2014/07/the-computerisation-of-european-jobs>
4. *Frey C.B.* Future Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? / C.B. Frey, M.A. Osborne Oxford Martin School Working Paper, 2013.
5. *Applebaum E.* Labour market adjustments to structural change and technological progress / E Applebaum, R Schettkat. New York, 1990.
6. *Degryse C.* Digitalisation of the economy and its impact on labour markets. European Trade Union Institute Working Paper. Brussels, 2016. P. 23.

Literature:

1. *Walwei U.* Digitalization and structural labour market problems: The case of Germany. ILO Research Paper № 17. International Labour Office, 2016.
2. *Rifkin J.* The Zero Marginal Cost Society: The internet of things, the collaborative commons, and the eclipse of capitalism. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2014.
3. *Bowles J.* The computerisation of European jobs, 2014. URL : <http://bruegel.org/2014/07/the-computerisation-of-european-jobs>
4. *Frey C.B.* Future Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? / C.B. Frey, M.A. Osborne Oxford Martin School Working Paper, 2013.
5. *Applebaum E.* Labour market adjustments to structural change and technological progress / E Applebaum, R Schettkat. New York, 1990.
6. *Degryse C.* Digitalisation of the economy and its impact on labour markets. European Trade Union Institute Working Paper. Brussels, 2016. P. 23.

7. Eurofound. Automation, digitisation and platforms: Implications for work and employment. Luxembourg, 2018. P. 19.

8. World Economic Outlook. IMF. 2017. P. 78.

9. *Blix M.* The effect of digitalisation on labour market polarization and tax revenue // CESifo Forum. 2017. № 18(4). P. 9–14.

10. *Goos M.* Explaining Job Polarization: Routine-biased Technological Change and Offshoring / M. Goos, A. Manning, A. Salomons // American Economic Review. 2014. № 104. P. 2509–2526.

11. *Degryse C.* Digitalisation of the economy and its impact on labour markets. European Trade Union Institute Working Paper. Brussels. 2016. P. 48.

12. *Sundararajan A.* The future of work // Finance and Development. 2017. № 54(2). P.7–11.

13. Eurofound. New forms of employment. Luxembourg, 2015.

14. European Commission. The increasing use of portable computing and communication devices and its impact on health of EU workers. Luxembourg, 2010. P. 57.

15. *Сенокосова О.В.* Воздействие цифровизации на рынок труда России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 10(2). С. 81–83.

16. Правительство Российской Федерации. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL : <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

17. *Морозов М.А.* Развитие цифровой сервисной экономики и ее влияние на рынок труда / М.А. Морозов, Н.С. Морозова // Сервис Plus. 2018. № 1(12). С. 100–107.

7. Eurofound. Automation, digitisation and platforms: Implications for work and employment. Luxembourg, 2018. P. 19.

8. World Economic Outlook. IMF. 2017. P. 78.

9. *Blix M.* The effect of digitalisation on labour market polarization and tax revenue // CESifo Forum. 2017. № 18(4). P. 9–14.

10. *Goos M.* Explaining Job Polarization: Routine-biased Technological Change and Offshoring / M. Goos, A. Manning, A. Salomons // American Economic Review. 2014. № 104. P. 2509–2526.

11. *Degryse C.* Digitalisation of the economy and its impact on labour markets. European Trade Union Institute Working Paper. Brussels. 2016. P. 48.

12. *Sundararajan A.* The future of work // Finance and Development. 2017. № 54(2). P.7–11.

13. Eurofound. New forms of employment. Luxembourg, 2015.

14. European Commission. The increasing use of portable computing and communication devices and its impact on health of EU workers. Luxembourg, 2010. P. 57.

15. *Senokosova O.V.* The impact of civilization on the Russian labour market // Economy and business: theory and practice. 2018. № 10(2). P. 81–83.

16. The Government of the Russian Federation. «Digital Economy of the Russian Federation» Programme. URL : <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

17. *Morozov M.A.* Developing digital service economy and its impact on labour market / M.A. Morozov, N.S. Morozova // Service Plus. 2018. № 1 (12). P. 100–107.

Коновалова Татьяна Вячеславовна

кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Надирян София Леоновна

старший преподаватель
кафедры организации перевозок
и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

Кузьмина Марина Анатольевна

кандидат технических наук,
доцент кафедры организации
перевозок и дорожного движения,
Кубанский государственный
технологический университет
sofi008008@yandex.ru

МЕТОДЫ СНИЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЗАТРАТ ПРЕДПРИЯТИЯ ТОРГОВЛИ

Аннотация. В данной статье авторами рассмотрены методы снижения транспортно-логистических затрат предприятия торговли на примере одного из крупных сетевых торгово-производственных центров. В логистике экономический эффект возникает от уменьшения транспортных издержек. Анализируя расходы предприятия торговли на транспорт, можно выделить факторы, которые имеют наибольшее влияние на логистические издержки: объем товарооборота, маршрутная сеть, цены на транспортные услуги, организация транспортного обслуживания, структура товарооборота и др.

Ключевые слова: логистика, расходы, логистические издержки, транспортно-логистических затрат, транспортные услуги.

Логистические затраты (издержки) предприятия торговли – это сумма всех затрат, связанных с выполнением следующих логистических операций:

- размещением заказов на поставку товаров;
- закупкой, складированием поступающих товаров;

Tatyana V. Konovalova

Candidate of Economic Sciences,
Manager of Department of the Organization
of Transportations and Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Sofia L. Nadiryan

Senior Teacher
Departments of the Organization
of Transportations and Traffic,
Kuban State Technological University
sofi008008@yandex.ru

Marina A. Kuz'mina

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Organization
Transportations and Traffic,
The Kuban State
Technological University
sofi008008@yandex.ru

METHODS OF REDUCING TRANSPORT AND LOGISTICS COSTS OF TRADE ENTERPRISES

Annotation. In this article, the authors consider methods of reducing transport and logistics costs of trade enterprises on the example of one of the major network of trade and production centers. In logistics, the economic effect arises from the reduction of transport costs. Analyzing the costs of trade enterprises for transport, we can identify the factors that have the greatest impact on logistics costs: the volume of trade, route network, prices for transport services, organization of transport services, the structure of trade, etc.

Keywords: logistics, costs, logistic costs, logistic costs, transportation services.

- внутрипроизводственной транспортировкой;
- промежуточным хранением;
- отгрузкой;
- внешней транспортировкой,
- а также затратами на персонал, оборудование, помещение, складские затраты, информационно-коммуникационные.

В логистике экономический эффект возникает от уменьшения транспортных издержек [1; 2]. Анализируя расходы предприятия торговли на транспорт, можно выделить факторы, которые имеют наибольшее влияние на логистические издержки: объем товарооборота, маршрутную сеть, цены на транспортные услуги, организацию транспортного обслуживания, структуру товарооборота и др.

Рассмотрим методы снижения транспортно-логистических затрат предприятия торговли на примере одного из крупных сетевых торгово-производственных центров (ТЦ).

На рассматриваемом в статье предприятии торговли цена за перевозку зависит от пробега и грузоподъемности подвижного состава. Рассмотрим тарифы, соответствующие этим двум параметрам. На сегодняшний день появилась необходимость пересмотра установленных транспортных тарифов с добавлением промежуточного километража. Если ранее были установлены тарифы для 300 км, 400 км, 500 км, 600 км и 700 км, то теперь предлагается установить

тарифы для 350 км, 450 км, 550 км и 650 км. Такая необходимость появилась в следствие большого количества рейсов с пробегом, которые оплачивать по ставке в большую сторону невыгодно [3]. Например, 328 км оплачивать по ставке 400 км.

Дальнейшие расчеты разделим по пробегу, чтобы оценить транспортные расходы согласно каждому тарифу в таблицах 1–3.

Стоит отметить, что пробег до 50 км выходит за рейсы по г. Краснодару, и в связи с тем, что по городу практически отсутствуют пункты разгрузки для транспортного средства грузоподъемностью 3,5 т, для доставки товара используются автомобили грузоподъемностью 1,5 т.

Тарифная ставка соответственно с данной грузоподъемностью ниже, но доля транспортных расходов все равно превышает допустимую норму (установленную ТЦ для обеспечения планового финансового результата) в связи с небольшой суммой заказов, вывозимых транспортом.

Таблица 1

Транспортные расходы за декабрь 2018 г по ставке за 50 км пробега

Грузоподъемность транспортного средства, т	Количество рейсов	Пробег, км	Сумма заказа без НДС, руб.	Транспортные расходы, руб.	Транспортные расходы, %
1,5	1	29	153655	5321	3,46
1,5	1	33	141520	5321	3,76
1,5	1	34	86110	5321	6,18
1,5	1	39	80650	5321	6,60
1,5	1	40	127454	5321	4,17
1,5	1	42	77322	5321	6,88
1,5	1	44	56596	5321	9,40
1,5	1	45	185240	5321	2,87
1,5	1	47	134409	5321	3,96
1,5	2	48	57849	5321	9,20
1,5	1	49	196162	5321	2,71
1,5	1	49	97010	5321	5,49
1,5	1	49	161332	5321	3,30

Таблица 2

Транспортные расходы за декабрь 2018 г по ставке 500 км (на 1 рейс)

Грузоподъемность транспортного средства, т	Пробег, км	Сумма заказа без НДС, руб.	Транспортные расходы, руб.	Транспортные расходы, %
3,5	403	121282	13145	10,84
1,5	412	129435	10928	8,44
1,5	419	87407	10928	12,50
5	426	163902	16724	10,20
3,5	427	348746	13145	3,77
1,5	440	156456	10928	6,98
3,5	440	232771	13145	5,65
5	443	172623	16724	9,69
1,5	452	191915	10928	5,69
1,5	456	50984	10928	21,44
3,5	460	135447	13145	9,70
5	460	225794	16724	7,41
3,5	461	138541	13145	9,49
5	463	246457	16724	6,79
5	468	316142	16725	5,29

Таблица 3

Транспортные расходы за декабрь 2018 г по ставке 600 км (на 1 рейс)

Грузоподъемность транспортного средства, т	Пробег, км	Сумма заказа без НДС, руб.	Транспортные расходы, руб.	Транспортные расходы, %
1,5	519	125497	12187	9,71

На это, чаще всего, влияют еженедельные скидки в ТЦ, которые позволяют заказывать товар в больших объемах и дешевле, некорректная сборка заказов, некорректные заказы клиентов и дальнейшие «обнуления» позиций.

Рассмотрев данные за аналогичный период по 60 рейсам с пробегом до 100 км, можно сделать вывод о том, что маршруты с данным пробегом занимают наибольшую часть в отчетном периоде. Почти все они были совершены в г. Краснодар, у большинства рейсов доля транспортных расходов была значительно ниже нормы, что говорит о грамотном планировании и качественной сборке заказов. При этом, 91 % рейсов с пробегом от 50 до 100 км совершены автомобилями грузоподъемностью 3,5 т, так как у большинства клиентов пункты разгрузки позволяют принимать такой транспорт. При этом ставка на 3,5 т. немного выше ставки на 1,5 т, и даже при этом условии доля транспортных расходов осталась ниже нормы, установленной в ТЦ.

В таблицах 2 и 3 доля транспортных расходов превысила норму на всех рейсах. Таким образом, на маршрутах протяженностью более 400 км. проблема оплаты «непроеденного» пробега существенно влияет на транспортно-логистические издержки [4,5]. В связи с этим, целесообразно рассмотреть добавление тарифных ставок для промежуточного пробега, которые позволят более корректно и точно рассчитать транспортные расходы. Предлагается ввести тарифы как среднее арифметическое между двумя значениями пробега, в интервале которых находится искомый пробег (табл. 4).

Добавление промежуточных пробегов при расчете транспортных затрат необходимо для более точного отображения транспортных расходов, так как в большинстве случаев ТЦ переплачивает за перепробег, который фактически отсутствует. Описанный метод снижения транспортно-логистических затрат позволяет достигать экономии до 215 тыс. руб. в месяц на одном конкретном ТЦ.

Таблица 4

Тарифные ставки с учетом промежуточного пробега, руб.

Пробег, км	Грузоподъемность транспортного средства, т		
	1,5	3,5	5
50 км	5321,05	6081,2	8185,7
100 км	5955,85	6865,5	9191,95
150 км	6591,8	7650,95	10198,2
200 км	7154,15	8435,25	10868,7
250 км	7784,35	9220,7	11834,9
300 км	8412,25	10005	12820,2
350 км	9041,3	10789,875	13796,55
400 км	9670,35	11574,75	14772,9
450 км	10299,4	12359,625	15748,7
500 км	10928,45	13144,5	16724,5
550 км	11557,5	13929,375	17700,85
600 км	12186,55	14714,25	18677,2
650 км	12815,6	15499,125	19652,95
700 км	13444,65	16284	20628,7

Литература:

1. *Домбровский А.Н.* Научные проблемы экономики транспорта : учебное пособие / А.Н. Домбровский, Т.В. Коновалова, И.Н. Котенкова, С.Л. Надирян. Краснодар : Изд. «КубГТУ», 2017. 264 с.
2. *Изюмский А.А.* Повышение эффективности функционирования транспортно-логистических систем через воздействие на финансовые потоки / А.А. Изюмский, Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 168–172.
3. *Кирий К.А.* Оценка эффективности инвестиций в транспортно-логистических системах /

Literature:

1. *Dombrovsky A.N.* Scientific problems of transport Economics : training manual / A.N. Dombrovsky, T.V. Konovalova, I.N. Kotenkova, S.L. Nadiryan. Krasnodar : Publishing House. «Kuban state University», 2017. 264 p.
2. *Izyumsky A.A.* Improving the efficiency of transport and logistics systems through the impact on financial flows // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2017. № 10. P. 168–172.
3. *Kiriy K.A.* Evaluation of investment efficiency in transport and logistics systems / K.A. Kiriy, T.V. Ko-

К.А. Кирий, Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 8. С. 285–287.

4. *Коновалова Т.В.* Оптимизация инвестиций в транспортно-логистическую деятельность предприятия / Т.В. Коновалова, С.Л. Надирян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 3. С. 208–210.

5. *Коновалова Т.В.* Управление логистическими затратами на основе концепции затрат на качество. Прикладная логистика / Т.В. Коновалова, Л.С. Заровная, Л.Б. Миротин. 2008. № 3. С. 38–43.

novalova, S.L. Nadiryayn // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2014. № 8. P. 285–287.

4. *Konovalova T.V.* Optimization of investments in transport and logistics activities of the enterprise / T.V. Konovalova, S.L. Nadiryayn // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2013. № 3. P. 208–210.

5. *Konovalova T.V.* Management of logistics costs based on the concept of quality costs. Applied logistics / T.V. Konovalova, L.S. Zarovnaya, L.B. Mirotin. 2008. № 3. P. AFR.

Нестеренко Марина Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
nesterenko09@inbox.ru

Marina A. Nesterenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Department of Public Positive State
and Municipal Administration,
Kuban State Agrarian University
named of I.T. Trubilin
nesterenko09@inbox.ru

**УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ
ИНТЕГРАЦИИ БИЗНЕСА
В КОНТЕКСТЕ
МЕЖОТРАСЛЕВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

**MANAGEMENT OF PROCESSES
OF INTEGRATION OF BUSINESS
IN THE CONTEXT
OF INTERINDUSTRY
INTERACTION**

Аннотация. В статье рассматриваются фундаментальные научные задачи в части развития положений по эффективному управлению процессами интеграции бизнеса в контексте межотраслевого взаимодействия. Автором раскрывается сущность управления отраслевой интеграцией хозяйствующих субъектов в контекстном значении в системе становления биоэкономики как экономики «будущего». Им также определена возможность государственной политики региона как фактора управленческого воздействия внешней среды, направленной на развитие межотраслевого взаимодействия локальных хозяйствующих субъектов в части предпосылок развития «круговой экономики».

Annotation. In article fundamental scientific tasks regarding development of provisions in effective management of processes of integration of business in the context of interindustry interaction are considered. The essence of management of branch integration of economic entities in contextual value in the system of formation of bioeconomy as economies of «future» reveals. The possibility of state policy of the region as factor of administrative influence of the external environment aimed at the development of interindustry interaction of local economic entities regarding development prerequisites of «circular economy» is defined.

Ключевые слова: биоэкономика, «круговой» подход, страны Европейского союза, интеграция, агропромышленный комплекс, политика, Краснодарский край.

Keywords: bioeconomy, «circular» approach, countries of the European Union, integration, agro-industrial complex, policy, Krasnodar Region.

Современная отечественная аграрная политика предполагает рост конкурентоспособности и модернизации всей агропродовольственной цепи, что требует интеграции производственных, перерабатывающих и научных систем в соответствии с экономическими и социальными реалиями.

номика – это экономика, основанная на применении биотехнологий, использующих возобновляемое биологическое сырье. Ключевую роль здесь играет сельское хозяйство, поставляя основную массу первичных сырьевых ресурсов. Данная концепция сочетает в себе экологические, экономические и социальные аспекты и направлена на максимальное взаимодействие между растениями, животными, людьми и окружающей средой [3]. Стратегия развития Европы до 2020 г. (Europe 2020 Strategy), представляет собой план развития и экономического роста Европейского Союза на долгосрочную перспективу, в котором главную роль в выполнении поставленных задач имеет деятельность в сфере науки и инноваций. Согласно чему политика каждой из стран ЕС реализуется в соответствии с национальной стратегией «умной специализации» (RIS3) [6]. Подавляющее большинство европейских национальных и региональных стратегий RIS3 на период 2014–2020 гг. предусматривает поддержку и развитие биоэкономики [5].

Термин «биоэкономика» широко используется в мировой практике. В частности, политика каждой из стран Европейского союза реализуется в соответствии с национальной стратегией «умной специализации» (RIS3), предусматривающих поддержку и развитие биоэкономики [4].

Концепция биоэкономики, или «круговой экономики», как экономики будущего заключает в своей основе экономию, основанную на возобновляемом углероде, от производства и переработки, до валоризации побочных продуктов и биоотходов, одновременно направленных на получение добавленной стоимости и обеспечение продовольственной безопасности страны. Биоэко-

Биоэкономика – это та отрасль, которая интегрирует потенциал биотехнологических исследований и инноваций для экономики и общества в целом. В 2009 г. ОЭСР был представлен доклад «Биоэкономика 2030: разработка политической повестки дня». В 2012 г. Европейская комиссия презентовала первую европейскую стратегию развития биоэкономики. При этом понятие «биоэкономика» было определено следующим образом: «Биоэкономика охватывает производство возобновляемых биологических ресурсов и их превращение в продукты питания, корма, промышленные товары на био-основе и в биоэнергию. Она включает такие отрасли, как сельское хозяйство, лесное хозяйство, аквахозяйство, пищевую промышленность и целлюлозно-бумажное производство, а также химическую, биотехнологическую и энергетическую промышленности [6].

Современная отечественная аграрная политика Российской Федерации предполагает рост конкурентоспособности и модернизации всей агропродовольственной цепи, что требует интеграции производственных, перерабатывающих и научных систем в соответствии с экономическими и социальными реалиями.

Создание условий для перехода от экономики, основанной на ископаемых, к экономике на основе биомассы соответствует современным мировым тенденциям и в перспективе позволит укрепить автономию сельского хозяйства, в частности, сократить использование синтетических материалов (минеральных и фитосанитарных удобрений, антибиотиков), способствуя эффективности и эволюции агро-систем.

Понимание сущности управления процессами интеграции бизнеса в контексте межотраслевого взаимодействия в сельском хозяйстве предполагает его контекстное значение в системе биоэкономики и определяет комплексное использование природных ресурсов и механизмов для получения качественной экологически-чистой продукции.

Данный глобальный подход к деятельности, методам ведения сельского хозяйства способен повысить многофункциональность агробизнеса и территорий.

Отрасли растениеводства и животноводства функционируют как единая циклическая структура на основе рационального сочетания их подотраслей и межотраслевого взаимодействия с целью достижения максимальной экономической эффективности производства. Растениеводческие подотрасли поставляют животноводческие корма. Животноводство, в свою очередь, способствует повышению плодородия почвы путем поставки органических удобрений, тем самым содействуя получению высоких и стабильных урожаев сельскохозяйственных культур.

Таким образом, все элементы отраслевой интеграции представляют собой сложную взаимосвязанную систему, основное назначение которой – повышение эффективности отраслей сельского

хозяйства. Однако в практическом аспекте наблюдается противоречивая ситуация. С одной стороны, только одна четвертая часть органического вещества растений употребляется для питания или в качестве сырья для промышленности, остальные три четверти – побочная продукция (солома, солома, ботва и т.д.). Эта продукция может быть использована в качестве кормовой базы для скота. С другой стороны, животноводческие комплексы перегружены навозными стоками. В то время как побочная продукция животноводства (навоз, навозная жижа) является полноценным органическим удобрением для поддержания и повышения плодородия сельскохозяйственных угодий [1, 2].

В Краснодарском крае агропромышленный комплекс относится к профилирующей отрасли экономики региона. Его удельный вес в объеме валового регионального продукта занимает 25 %.

Здесь, в контексте действующих мировых тенденций, вполне правомерна гипотеза о возможности и необходимости обеспечения действенной региональной государственной политики как фактора управленческого воздействия внешней среды, направленной на развитие межотраслевого взаимодействия локальных хозяйствующих субъектов в части предпосылок развития «круговой экономики» и как одного из ключевых факторов развития сельского хозяйства Краснодарского края.

Меры государственной поддержки сельскохозяйственным товаропроизводителям Краснодарского края оказываются в рамках государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на 2014-2020 годы. Однако развитие взаимосвязей отраслей сельского хозяйства не предусмотрено в данной программе, а концепция развития биоэкономики не реализована, в целом, во всей Российской Федерации.

Полагаем, что интеграционные связи локальных хозяйствующих субъектов в межотраслевом аспекте сельского хозяйства могут рассматриваться как фактор высокоэффективного развития на основе использования взаимовыгодных отраслей.

Политика в части развития и регулирования отраслевой интеграции в агропромышленном комплексе Краснодарского края может явиться катализатором для обеспечения роста конкурентоспособности и модернизации всей агропродовольственной цепи края.

Рабочая гипотеза исследования исходит из научного предположения о возможности и необходимости обеспечения действенной государственной и муниципальной политики в сфере сельского хозяйства региона, направленной на развитие межотраслевого взаимодействия растениеводства и животноводства как основной предпосылки развития биоэкономики, что требует развития положений концепции регулирования отраслей сельского хозяйства и разработке

мероприятий способствующих эффективному развитию отраслевой конвергенции в сельском хозяйстве Краснодарского края.

К основным базисным элементам при построении данной концепции следует отнести:

– выявление целевых значений межотраслевого взаимодействия;

– разработку направлений совершенствования механизма регулирования отраслей сельского хозяйства в Краснодарском крае на основе программно-целевого метода, предполагающих использование преимуществ отраслевого взаимо-

действия в развитии биоэкономики в АПК региона.

Таким образом, управление интеграцией бизнеса в контексте межотраслевого взаимодействия в сельском хозяйстве предполагает ее контекстное значение в системе становления биоэкономики региона на основе междисциплинарных исследований в разрезе ведения основных отраслей сельского хозяйства – растениеводства и животноводства, а также регулирующего воздействия со стороны органов власти на региональном и муниципальном уровнях и создания эффективного организационно-экономического механизма локального хозяйствующего субъекта.

Литература:

1. *Дементьева А.А.* Регулирование отраслевой конвергенции в сельском хозяйстве Краснодарского края // Молодые ученые – экономике : сборник науч. трудов по итогам конкурса научно-исследовательских работ молодых ученых. Вологда, 2018. С. 138–157.

2. *Дементьева А.А.* Отраслевая конвергенция в сельском хозяйстве // Наука, образование и инновации: сборник статей международной научно-практической конференции. 2016. С. 62–65.

3. *Нестеренко М.А.* Кластерные амбиции и биоэкономика // Животноводство Юга России. 2017. № 4(22). С. 6–10.

4. *Нестеренко М.А.* Биоэкономика: развитие и перспективы // Юга России. 2018. № 3(29). С. 34–37.

5. Bioeconomy development in EU regions Mapping of EU Member States' / regions' Research and Innovation plans & Strategies for Smart Specialisation (RIS3) on Bioeconomy: Final Report of the European Commission – February 2017. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 93 p.

6. Europe 2020 Strategy. Brussels: European Commission, 2010. 37 p.

Literature:

1. *Dementieva A.A.* Regulation of branch convergence in agriculture of Krasnodar Krai // Young scientists – economy : collection of scientific works following the results of a competition of research works of young scientists. Vologda, 2018. P. 138–157.

2. *Dementieva A.A.* Branch convergence in agriculture // Science, education and innovations: collection of articles of the international scientific and practical conference. 2016. P. 62–65.

3. *Nesterenko M.A.* Cluster ambitions and bioeconomy // Livestock production of the South of Russia. 2017. № 4(22). P. 6–10.

4. *Nesterenko M.A.* Bioeconomy: development and prospects // South of Russia. 2018. № 3(29). P. 34–37.

5. Bioeconomy development in EU regions Mapping of EU Member States' / regions' Research and Innovation plans & Strategies for Smart Specialisation (RIS3) on Bioeconomy: Final Report of the European Commission – February 2017. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 93 p.

6. Europe 2020 Strategy. Brussels: European Commission, 2010. 37 p.

Нестеренко Марина Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
nesterenko09@inbox.ru

Бережной Андрей Владимирович

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
государственного
и муниципального управления,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
bav424@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРАХ:
ЧАСТНЫЕ АСПЕКТЫ**

Аннотация. В статье раскрыты концептуальные положения государственной политики в экономической и социальной сферах Российской Федерации, где в позиции частного аспекта выделено направление развития сельских территорий, агрегирующее в себе особенности как экономической, так и социальной сферы. На основе обобщенного подхода представлена оценка развития сельских территорий Краснодарского края, выявлены социально-экономические проблемы. Определена необходимость концентрации государственной политики на косвенных мерах поддержки экономики и социальной сферы села.

Ключевые слова: государственная политика, экономическая сфера, социальная сфера, сельские территории, устойчивое развитие, косвенное воздействие, Краснодарский край, уровень жизни.

Государственная политика в экономической и социальной сферах современной России представляет собой систему принципов норм и правил, объединенных генеральной целью – обеспечение устойчивого экономического развития и повышение на этой основе уровня и качества жизни населения.

Актуальные тенденции предполагают развитие аграрной сферы страны как одного из приоритетных направлений обеспечения национальной продовольственной безопасности.

Marina A. Nesterenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Positive State
and Municipal Administration,
Kuban State Agrarian University
named of I.T. Trubilin
nesterenko09@inbox.ru

Andrey V. Berezhnoy

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Positive State
and Municipal Administration,
Kuban State Agrarian University
named of I.T. Trubilin
bav424@yandex.ru

**FEATURES OF STATE POLICY
IN ECONOMIC AND SOCIAL
SPHERES: PRIVATE ASPECTS**

Annotation. In article conceptual provisions of state policy in economic and social spheres of the Russian Federation where in a position of private aspect the direction of development of rural territories aggregating in itself features of both the economic, and social sphere is allocated are opened. On the basis of the generalized approach assessment of development of rural territories of Krasnodar Region is presented, social and economic problems are revealed. Need of concentration of state policy on indirect measures of support of economy and the social sphere of the village is defined.

Keywords: state policy, economic sphere, social sphere, rural territories, sustainable development, indirect influence, Krasnodar Region, standard of living.

Совокупность связанных между собой общественным разделением труда отраслей экономики, обеспечивающих воспроизводство продуктов питания и промышленных предметов потребления из сельскохозяйственного сырья, в соответствии с потребностями общества и спросом населения, образует отдельный сектор народного хозяйства [4], который невозможно рассматривать лишь в экономическом контексте. Здесь остро стоят вопросы формирования социальной сферы как базиса экономической, поскольку сельский уклад воспроизводства объединен с

жизненными процессами населения, занятого в агробизнесе. Следует отметить, что наряду с экономическим и социальным, здесь задействован и территориальный аспект.

Таким образом, отдельный блок внутренней государственной политики, где интегрированы и экономическая, и социальная сфера, представляет собой систему принципов, норм и правил, направленных на устойчивое развитие сельских территорий.

Понятие «устойчивое развитие сельских территорий» предполагает «цепной» процесс непрерывного длительного по времени развития с условием сохранения данной составляющей в будущем, со справедливой и качественной динамикой в экономической и социальной сферах. Суть рассматриваемого категорийного аппарата заключается в гармонизации ведения хозяйства, для обеспечения населения страны полезными и доступными продуктами при постоянном повышении качества жизни сельского населения, с условием сохранности природных ресурсов для будущих поколений, традиций, культуры, среды обитания.

Практика демонстрирует, что на сегодня решение социальных и экономических проблем сельских территорий становится, возможно при наличии многоукладного, конвергентного варианта, предусмотренного государственной политикой развития страны. При этом влияние государства должно быть с вовлечением институтов региональной и местной публичной власти, а политическое воздействие – с доминированием инструментов косвенной направленности, реализуемых в поддержку социальных вопросов села.

Согласно Концепции устойчивого развития сельских территорий РФ до 2020 года, российские регионы делятся на четыре типа и девять подтипов в зависимости от сельскохозяйственного использования, ограничений развития, характера освоения и потенциала сельской местности. В Концепции отмечено, что необходимо также разделение сельских территорий на типы внутри регионов, поскольку внутрирегиональные различия могут быть больше, чем различия между регионами. Зонирование внутри региона должно производиться при разработке программ устойчивого развития сельскохозяйственных территорий субъектов РФ [2].

Явным недостатком Концепции является то, что при разделении сельских территорий регионов РФ на типы использованы в основном показатели развития только сельскохозяйственного производства, не учитывая другие, например, иные виды экономической деятельности, социальные и экологические индикаторы.

Краснодарский край представляет собой субъект Российской Федерации, где развит агропромышленный комплекс и доминирует сельский уклад жизни. По нашему мнению, согласно классификации Концепции РФ, край входит во вторую типологическую группу «регионы с большим потенциалом социально-экономического развития,

которые обладают многофункциональной экономикой, сельским хозяйством пригородного типа»

Оценка эффективности регулирующего воздействия и реализации программно-целевого метода [1; 3] в части развития сельскохозяйственных территорий Краснодарского края показала, что по определенным направлениям достигнуты положительные результаты, но наряду с ними выделяются и существенные проблемы:

– наблюдается увеличение общего числа хозяйствующих субъектов АПК посредством роста численности малых форм хозяйствования;

– в течение последних пяти лет отмечен рост субсидий сельскохозяйственным организациям, причем с ростом субсидий на 1 га сельхозугодий, отмечается положительная динамика производственных показателей и рентабельности;

– количество крупных и средних сельскохозяйственных организаций сокращается, что приводит к «дроблению» хозяйствующих субъектов и переходу на мелкотоварное производство;

– число людей, работающих в крупных и средних сельскохозяйственных организациях, снижается, что приводит к росту безработицы на селе, переезду трудоспособного населения в город;

– велика кредиторская задолженность сельскохозяйственных организаций;

– в краевой программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции на 2013–2020 годы» не предусматриваются меры по проведению государственной поддержки развития сельскохозяйственных потребительских кооперативов;

– не предусмотрено деление внутри территорий региона по типам социо-экономического состояния;

– в социальной сфере отмечается отрицательная тенденция: сокращение числа школ, больниц, существует проблема проведения газификации жилья и обеспечения населенных пунктов питьевой водой.

Таким образом, мы полагаем, что выше перечисленное требует следующего:

– осуществление механизма субсидирования отраслей сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае нуждается в совершенствовании, потому что существующая государственная поддержка, не соответствует реальным производственным затратам и не стимулирует сельскохозяйственные организации к наращиванию объемов производства;

– в области поддержки развития кооперации должно стать создание условий для обеспечения и расширения доступности финансово-кредитных и материально-технических ресурсов, гарантии сбыта и спроса на произведенную продукцию, стимулирования экономической активности сельского населения, способствующей росту занятости и увеличению его доходов;

– для стимулирования инвестиционной активности в развитие сельскохозяйственных территорий необходим эффективный механизм структурированного привлечения финансовых средств инвесторов и снижения затрат для всех участников инвестиционной деятельности;

– необходимо определить социальные стандарты для сельских территорий Краснодарского края, и уже на их основе разрабатывать краевые целевые программы для их достижения.

Поскольку основной задачей в развитии сельских территорий является достижение равного уровня жизни между городом и сельской местностью, мы полагаем, что акцентной позицией может выступать принятие на уровне края единых социальных нормативов для сельских террито-

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 года № 598 «О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года».

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2020 года».

3. Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 05.10.2015 № 944 «Об утверждении государственной программы Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия».

4. Салий О.Н. К вопросу о государственном регулировании агропромышленного комплекса Краснодарского края / О.Н. Салий, М.А. Нестеренко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар : Наука и образование. № 12-3. с. 126–129.

рий по таким параметрам, как обеспечение жилищной площадью на одного сельского жителя 18 кв. м, полная газификация сельских населенных пунктов и сельских жилых домов, наличие центрального водоснабжения в каждом сельском населенном пункте, наличие в каждом сельском населенном пункте учреждения оказания первой медицинской помощи, детского дошкольного учреждения, начальной или средней школы, сельского клуба с библиотекой.

Таким образом, особенности разработки и реализации государственной политики на косвенных мерах поддержки развития социальной сферы села как внутреннего потенциала [4] должно явиться катализатором роста сельской экономики.

Literature:

1. The resolution of the Government of the Russian Federation of July 15, 2013 № 598 «About the federal target program «Sustainable Development of Rural Territories for 2014–2017 and until 2020».

2. The resolution of the head of administration (governor) of Krasnodar Krai of 05.10.2015 № 944 «About the approval of the state program of Krasnodar Krai «Development of agriculture and regulation of the markets of agricultural products, raw materials and food».

3. Order of the Government of the Russian Federation of November 30, 2010 № 2136-r «About the approval of the Concept of sustainable development of rural territories of the Russian Federation till 2020».

4. Saly O.N. To the question of state regulation of agro-industrial complex of Krasnodar region / O.N. Saly, M.A. Nesterenko // Humanitarian, social and economic and social sciences. Krasnodar : Science and education. № 12-3. P. 126–129.

Терещенко Любовь Викторовна
кандидат культурологии,
доцент кафедры арт-бизнеса,
туризма и рекламы,
Краснодарский государственный
институт культуры
lyubov.tereschenko@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ВНУТРЕННИМ И ВНЕШНИМ КОММУНИКАЦИЯМ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены бизнес-коммуникации как одна из важнейших частей в деятельности страховой компании и представляющие собой одну из существенных проблем менеджмента.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что коммуникация предоставляет собой средства для выработки и исполнения решений, осуществления обратной связи и корректировки целей и процедур деятельности организации в соответствии со сложившейся ситуацией. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что как руководитель, так и исполнитель должны четко понимать основные концепции и способы применения коммуникационных технологий и могли принимать важные решения относительно их использования.

В качестве объекта исследования в настоящей статье выбрана система бизнес коммуникаций в компании АО «АльфаСтрахование».

Цели исследования: комплексное изучение бизнес коммуникаций и их использования в управлении страховой компанией.

Задачи исследования: сформулировать проблемы построения бизнес коммуникаций в страховой компании.

Гипотеза исследования: бизнес коммуникации страховой компании должны соответствовать постоянно меняющимся требованиям внешней и внутренней среды.

Методы исследования: анализ, синтез и научная абстракция.

Достигнутые результаты: на основании анализа деятельности страховой компании АО «АльфаСтрахование» выявлены проблемы построения его бизнес коммуникаций.

Ключевые слова: бизнес коммуникации, внутренние каналы, внешние каналы, страховая компания.

Сегодня бизнес-коммуникация – это не только обмен информацией посредством голоса. Каждый сотрудник нашей компании во время рабочего дня использует различные каналы коммуникации: электронную почту, мобильный и стационарный телефон, интернет-чат. Ни одна

Lyubov V. Tereschenko
Candidate of Culturology
Associate Professor
of the Department of art Business,
Tourism and Advertising,
Krasnodar State Institute of Culture
lyubov.tereschenko@mail.ru

MODERN REQUIREMENTS TO INTERNAL AND EXTERNAL COMMUNICATIONS IN THE SPHERE OF INSURANCE

Annotation. In article are considered communication business as one of the major parts in activity of the enterprise and representing one of vital issues of management.

The relevance of the chosen subject is that communication provides itself means for development and execution of decisions, implementation of feedback and correction of the purposes and procedures of activity of the organization according to current situation. Proceeding from it, it is possible to draw a conclusion that both the head, and the performer have to understand accurately the main concepts and methods of application of communication technologies and could make important decisions concerning their use.

As a research object in the present article the system business of communications in the JSC Alfa-Strakhovanie company is chosen.

Research objectives: complex studying business of communications and their use in management of insurance company.

Research problems: to formulate construction problems business of communications in insurance company.

Research hypothesis: business of communication of insurance company have to conform to constantly changing requirements of external and internal environment.

Research methods: analysis, synthesis and scientific abstraction.

The achieved results: on the basis of the analysis of activity of insurance company JSC AlfaStrakhovanie construction problems its business of communications are revealed.

Keywords: communication business, internal channels, external channels, insurance company.

компания не сможет обойтись без использования эффективных методов общения между сотрудниками. Деловая коммуникация помогает устанавливать и развивать партнерские и трудовые отношения между коллегами и клиентами, подчиненными и руководителями,

она необходима на всех этапах развития нашей организации.

На рисунке 1 наглядно показана система бизнес коммуникаций действующая в компании АО «АльфаСтрахование».

Коммуникационный процесс в АО «АльфаСтрахование» начинается с формирования сообщения руководителем для своих подчиненных (приказа, постановления, решения). Отправитель сам решает, какое будет сообщение, и каким способом оно будет доставлено до получателей.

На первоначальном этапе руководитель должен сформулировать идею, которая будет лежать в основе сообщения. Для того, чтобы обмен информацией не был безрезультатным, необходимо учесть множество факторов характеризующих обстановку в целом, воспринимающую сторону и возможные последствия коммуникационного процесса. Если руководитель хочет довести информацию о результатах проделанной работы своего подчиненного, то он должен понимать, что речь идет о сильных и слабых сторонах личности работника. В таком случае он не говорит только хорошо или только плохо, а придерживается дипломатической линии.

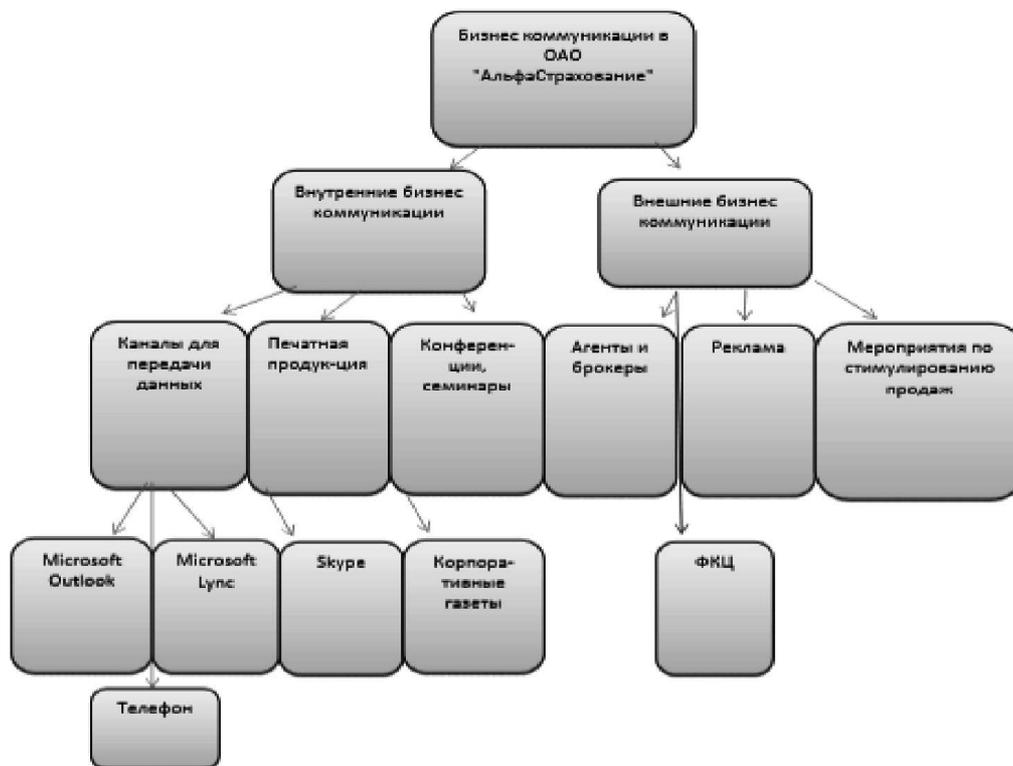

Рисунок 1 – Система бизнес коммуникаций действующая в компании АО «АльфаСтрахование»

На последующем этапе руководителю необходимо преобразовать идею в сообщение, т.е. представить ее с помощью различных символов – слов, интонации, жестов. Характерными каналами является передача речи, письменных материалов, электронные средства связи.

Информация, передаваемая по этим каналам, различается. По электронной почте производится рассылка различных приказов от департамента делопроизводства, постановки целей и задач и путей к их достижению или иная официальная информация. С помощью Microsoft Lync сотрудники компании могут общаться между собой, отправлять и получать мгновенные сообщения. При помощи программы Skype часто производятся собеседования, и согласование кандидата на вакантную должность с более высокопоставленным начальством или с отделом кадров (непосредственное собеседование проводит директор филиала, и согласовывает кандидатов в региональном центре).

В АО «АльфаСтрахование» распространенными каналами для передачи данных являются электронная почта Microsoft Outlook, электронная программа для мгновенных сообщений Microsoft Lync, и программа для видеоконференций Skype.

Для проведения анализа бизнес коммуникаций в АО «АльфаСтрахование» разработана анкета для сотрудников фирмы и проведен опрос, по результатам которого сделан вывод о процентном соотношении бизнес коммуникаций в компании.

Анкета

Какой вид коммуникаций Вы чаще всего используете в работе?

- Microsoft Outlook;
- Microsoft Lync;

- Skype;
- Телефон;
- Конференции.
- Печатная продукция (корпоративные журналы)

Первые места, исходя из результатов анкетирования, заняли такие виды коммуникации, как Microsoft Outlook (30 %) и телефон (30 %). Второе место занял Microsoft Lync (15 %). Третье место разделили между собой такие коммуникации как конференции и печатная продукция. На последнем месте находится программа Skype (5 %).

Из результатов анкетирования видно, что необходимо усовершенствовать коммуникации, происходящие на предприятии, так как даже из одного или более звена на предприятии может произойти сбой в движении важной информации, что может привести к необратимым последствиям, например несвоевременному выполнению поставленной задачи, что в свою очередь может привести к более серьезным последствиям.

Наглядно представим использование в АО «АльфаСтрахование» каналов передачи данных в процентном соотношении (рис. 2).

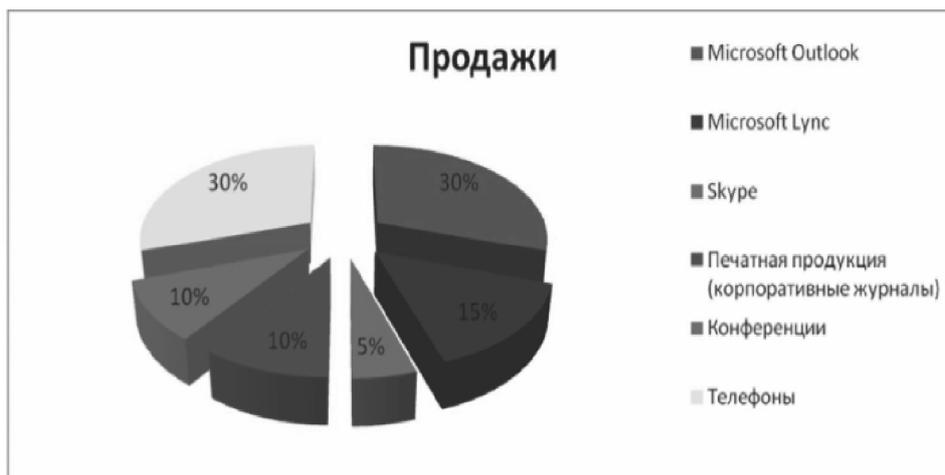

Рисунок 2 – Процентное соотношение внутренних каналов передачи данных в АО «АльфаСтрахование»

В компании АО «АльфаСтрахование» преобладают официальные коммуникации (прямые разговоры, письменные приказы).

Для понимания того, что информация поступила от отправителя к получателю (получателям), в компании АО «АльфаСтрахование» пользуются как минимум двумя каналами связи. Например, переданное сообщение по телефону подтверждается ответным письмом по электронной почте. Это необходимо для усиления контроля над ходом работы и успешным выполнением поставленной задачи. Нередко канал передачи сообщения зависит от самой информации, содержащейся в нем.

Информация в организации бывает базовой и текущей. К текущей информации относится документированная – фиксируется в документах, и недокументированная – телефонные разговоры, видео звонки и личные встречи.

Так же, основной инструмент внутренних коммуникаций в АО «АльфаСтрахование» – это специализированная пресса, журналы. АО «АльфаСтрахование» первой среди российских страховщиков приступила к выпуску собственной корпоративной газеты.

Помимо распространения печатной продукции руководство страховой компании и ее отдельных блоков организует различные встречи, семинары и совместные поездки, направленные на

то, чтобы познакомить сотрудников друг с другом и сплотить членов разнообразных подразделений и профессиональных групп.

АО «АльфаСтрахование» является крупнейшей страховой компанией на Российском рынке. Основное направление деятельности компании – продажа страховых продуктов и услуг.

На сегодняшний день АО «АльфаСтрахование» это:

- 1) Около 400 филиалов по всей России;
- 2) 30 тысяч сотрудников.

Главным приоритетом для компании является клиент, исходя из этого, ее политика строится из платежеспособности потенциального клиента и спроса на предоставляемый компанией товар.

Далее подробнее рассмотрим, как осуществляется взаимодействие АО «АльфаСтрахование» с данными сегментами.

Так как основным направлением деятельности компании является реализация страховых продуктов, то основными партнерами компании и корпоративными клиентами являются различные крупные компании, автосалоны, банки, авиакомпании, салоны сотовой связи, аэропорты агенты и брокеры. К партнерам компании относятся: Coca-Cola, Danone, Henkel, ООО ГК «Автотрасс», Маг Авто, Hyundai, Metro Cash & Carry, Nokia

Siemens Networks, S7 Airlines, Yokohama, X5 Retail Group, Авиакомпания «Россия», Авиакомпания «Якутия», Авиационная транспортная компания «Амал», Авиолон, Альфа-Банк, Аэропортовый комплекс «Домодедово», Аэрофлот, Башнефть, Волготанкер, ВымпелКом, Евросиб, ВТБ24, Евросеть, «Информационные спутниковые системы» (ИСС) имени академика М.Ф. Решетнёва», Коммерсантъ, Комсомольская правда, Магнитогорский металлургический комбинат, Международный Аэропорт Внуково, Международный Аэропорт «Шереметьево», Металлоинвест, Норильский никель, Сбербанк России, Сибур, Содексо Евразия, Связной, Оренбургские авиалинии, Банк «Открытие», Ракетно-космическая корпорация «Энергия» им. С.П. Королева, Райффайзенбанк, Россельхозбанк, Русгидро, ФГБУ «Научно исследовательский испытательный центр подготовки космонавтов имени Ю.А. Гагарина», ФГУП «Государственная корпорация по организации воздушного движения в Российской Федерации», ФГУП «Космическая связь», ТНК-ВР, Уралсиб, Уральские авиалинии, Холдинг МРСК, Энел ОГК5, Энергострой, Э.ОН Россия, Юникредит, ЮТэйр и многие другие.

Бизнес коммуникации осуществляются, в основном, по вопросам сбыта страховых продуктов, таких как полисы КАСКО, ОСАГО, ВЗР, Зеленая карта, ипотечное страхование, страхование банковских карт и мн. др. Например, в ГК Автокласс оформляются полисы обязательного страхования автогражданской ответственности и полисы КАСКО, на автомобили которые там продают.

В банках реализуется, через представителей АО «АльфаСтрахование», ипотечное страхование и страхование банковских карт.

В салонах сотовой связи «Связной» и «Евросеть» реализуются коробочные продукты «Страхование квартиры», «Дополнительная гарантия» и т.д.

К внешним бизнес коммуникациям в компании АО «АльфаСтрахование» относится и федеральный контактный центр, федеральный номер которого 8-800-333-0-999. Данным способом компания поддерживает связь, большей частью, уже с имеющимися клиентами, которые, позвонив по данному номеру, могут узнать информацию по филиалам компании, по необходимому пакету документов для приобретения страховки или наступлении страхового случая, о статусе своего обращения в страховую компанию, и иную помощь.

На рисунке 3 наглядно продемонстрированы внешние бизнес-коммуникации в процентном соотношении.

Таким образом, коммуникации являются важной составляющей успешной деятельности компании АО «АльфаСтрахование». Без коммуникации организация не может полноценно функционировать.

Внешние коммуникации в АО «АльфаСтрахование» эффективно налажены. Это подтверждают хорошо налаженные контакты с сегментами внешней среды.

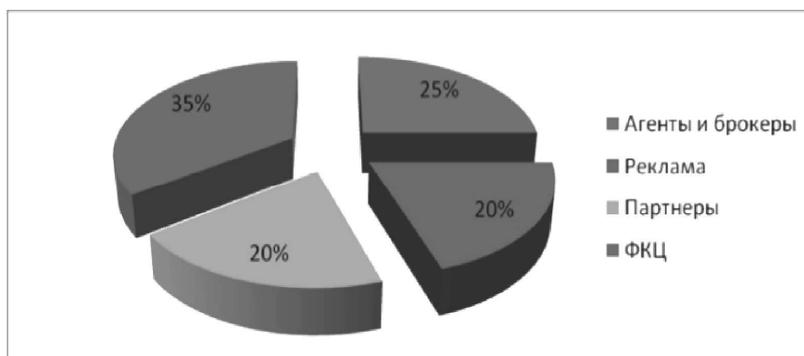

Рисунок 3 – Процентное соотношение внешних бизнес коммуникаций АО «АльфаСтрахование»

Литература:

1. Смирнов В.А. Каналы внутренних коммуникаций и воздействие внутренних коммуникаций на мотивацию // Вопросы науки и образования. 2018. № 13(25). С. 53–57.
2. Шостак Е.Н. APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 23.
3. Якупов П.В. Коммуникация: определение понятия, виды коммуникации и ее барьеры // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2016. № 10. С. 261–266.

Literature:

1. Smirnov V.A. Channels of internal communications and impact of internal communications on motivation // Questions of science and education. 2018. № 13(25). P. 53–57.
2. Shostak E.N. APRIORI. Series: Humanities. 2017. № 3. P. 23.
3. Yakupov P.V. Communication: definition of a concept, types of communication and its barriers // Bulletin of the University (State university of management). 2016. № 10. P. 261–266.

Трещеткин Богдан Станиславович
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
btreshetkin@yandex.ru

Bogdan S. Treshetkin
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
btreshetkin@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

THE MAIN PROBLEMS OF STAFFING THE CONSTRUCTION INDUSTRY

Аннотация. Статья посвящена проблемам организационно-экономического механизма совершенствования деятельности, направленной на кадровое обеспечение строительного комплекса квалифицированной и профессиональной рабочей силой. Как отмечает автор, актуальность проблемы современной студенческой молодежи, которую стоит рассматривать как одну из составных элементов социальной общности, заключается в противоречивости процессов ее самореализации, а именно в адаптации к вузовской жизни, в ценностном ориентировании и формировании социального облика.

Annotation. The article is devoted to the problems of organizational and economic mechanism of improving the activities aimed at staffing the construction complex with qualified and professional labor. As the author notes, the relevance of the problems of modern students, which should be considered as one of the constituent elements of the social community is conflicting processes its self-realization, namely adaptation to University life, giving orientation and formation of social appearance.

Ключевые слова: строительный комплекс, компетенция, профессионализм, подбор кадров, кадровое обеспечение.

Keywords: building complex, competence, professionalism, recruitment, staffing.

Строительная отрасль постоянно испытывает потребность в специализированных кадрах, поэтому на рынке труда строительной отрасли формируется спрос на работников разной квалификации, этот спрос удовлетворяется через выполняющие свои функции в обществе социальные институты. К этим социальным институтам относятся системы высшего и среднего профессионального образования, трудовая миграция, процесс найма и привлечение кадров для управления строительными организациями.

– высокие требования к квалификации и профессионализму работников на рынке труда, что расходится с действительностью;

– сокращена подготовка профильных специалистов;

– система профессиональной подготовки рабочих отсутствует;

– преподаватель не располагает знаниями в области внедрения инновационных технологий и современных материалов, поэтому не может передать знания обучающимся;

– профессиональные программы не соответствуют современным достижениям и не могут дать необходимую квалификацию будущему специалисту.

Анализ состояния строительной отрасли позволяет сделать вывод о том, что назрела необходимость модернизации, которая может быть осуществлена профессиональными и квалифицированными кадрами. Главной причиной торможения инновационного развития строительной отрасли является низкое качество трудовых ресурсов, решение этой проблемы напрямую зависит от политики государства по данному направлению.

Строительная отрасль, несмотря на трудности, которые она сегодня переживает, является приоритетной в индустриальном комплексе Российской Федерации, в связи с этим ее инновационное и технологическое развитие, в некотором роде, определяет развитие Российской Федерации в целом.

В современных условиях инновационной экономики Российской Федерации остро встают проблемы кадрового обеспечения, к ним относятся:

Современное строительство применяет инновационные технологии производства строительного

– выпускники не имеют возможность проходить производственную практику по своей профессиональной специальности;

монтажных работ, новые строительные материалы и оборудование, что обязывает проводить переаттестацию работников, однако в действительности это приводит к текучести кадров.

Проблема строительных организаций в таких условиях определяется нехваткой инженерно-технических специалистов. Строительная отрасль использует трудовые ресурсы, которые отличаются сильной неоднородностью, связанной с профессиональной подготовкой работников, местом постоянного проживания, уровнем социализации и национальностью. В сложившейся экономической ситуации нестабильного состояния отрасли, в результате снижения спроса, объем строительства сократился, поэтому возник рост безработицы для некоторой части граждан, которая работала в данной отрасли.

Кадровый потенциал строительной организации зависит и от политики по подбору кадров, которую проводит руководство организации. Строительные организации, которые поддерживают свой имидж, ценят квалифицированных сотрудников, предъявляют современные требования к квалификации нанимаемого сотрудника, а также стремятся достойно оплачивать труд и предоставляют социальные пакеты. Однако большая часть строительных организаций предпочитают использовать труд дешевой неквалифицированной рабочей силы, которые осуществляют низкое качество выполненных строительных работ [3, с. 23].

Согласно исследованиям, которые проводились Комитетом по промышленной политике и конкурентоспособности Российского союза промышленников и предпринимателей (далее РСПП), строительная отрасль не имеет большого преимущества на внешнем рынке. Исследуя внутренний рынок РСПП, выделяют строительную отрасль как конкурентоспособную. Отечественные строительные компании работают во всех направлениях отрасли, однако предлагаемые услуги не всегда соответствуют требованиям, которые выдвигает рынок [2].

Следует отметить, что отечественные строительные организации имеют потенциал, который необходимо развивать за счет освоения новых технологий и инновационных видов строительной продукции в задействованных сегментах своего присутствия. Для реализации этих планов строительные организации должны развивать свою инновационную деятельность, невзирая на финансовые сложности. Получить быстрые результаты поможет опыт зарубежных строительных компаний и совместные разработки, а также их реализация в производстве строительных материалов.

Осуществление данного потенциала требует значительного увеличения финансовых затрат на научные, исследовательские, образовательные, проектные и другие мощности, которые будут способствовать развитию отрасли в целом. В результате анализа, который был проведен РСПП, обнаружено нарушение во взаимодействии научной и образовательной среды с произ-

водственной и коммерческой, что в результате сказывается на работе всей инновационной деятельности в строительной отрасли, в связи с этим определяющими факторами, которые мешают развитию конкурентоспособности отечественных строительных организаций, являются:

- недостаток в квалифицированных управленческих кадрах и профессиональных кадрах, которые задействованы на строительных площадках;

- низкий уровень инвестиций в развитие инновационной деятельности строительной отрасли;

- отсутствие прозрачности внутри строительных организаций и строительного рынка в целом;

- не имеется информационная прозрачность, нет общей системы, в которой заказчик мог бы найти объективные данные об отечественной строительной организации, а также отсутствует информация о направлениях развития зарубежных строительных рынков;

- в связи с нехваткой квалифицированных кадров, отечественные строительные организации отстают от международных стандартов, различия в научной и технической документации, а также это касается управления процессом строительства;

- из-за отсутствия профессионального управленческого опыта в строительной отрасли, даже крупные отечественные компании не могут спрогнозировать перспективную политику в строительной отрасли и поддерживать цикл научно-технических разработок [2].

Все перечисленные факторы оказывают влияние на снижение конкурентоспособности отечественных строительных организаций. Определяющим фактором является разноплановое кадровое обеспечение строительных организаций.

Особенность кадрового обеспечения в строительной отрасли заключается в том, что этот процесс должен соответствовать ее особенностям, к которым следует отнести следующие:

- все объекты строительства могут быть признаны уникальными, в результате, для каждого объекта требуется своя проектная документация, и применяются конкретные организационные и технические решения;

- при реализации строительного процесса применяются разнообразные виды строительных работ;

- как правило, строительные работы находятся в прямой зависимости от погодных условий;

- процесс строительства имеет продолжительный цикл, обычно оно длится больше одного года;

- существует определенная сложность при проведении оценки экономической эффективности принятых организационных, технических и управленческих решений в связи с продолжи-

тельностью осуществления проектов строительства;

– в строительном процессе присутствуют значительные перерывы, которые признаются объективными, в рабочей загрузке строительных организаций, что непосредственно касается обеспечения трудовой деятельностью профессиональных строительных бригад. Данные перерывы, как правило, вызваны окончанием строительно-монтажных работы или общим завершением объекта строительства;

– строительные объекты имеют достаточно длинный жизненный цикл, даже учитывая необходимость обеспечения безопасной эксплуатации;

– компетентные управленческие кадры, на начальных стадиях проектирования и подготовки строительства, а также квалифицированные работники на производственном этапе являются гарантом последующей безопасной эксплуатации данного объекта;

– процесс строительства объекта имеет много разнообразных стадий, в результате чего в нем принимает участие большое количество специалистов, которые реализуют сложные процедуры, связанные с документооборотом, результатом которого становится сложность выявления субъекта и уровня его ответственности за принятые спорные решения;

– администрация строительной организации, которая расположена в центральных офисах, территориально отделена от самого производственного процесса, строительные объекты могут располагаться в разных частях города или даже области, региона или даже страны.

Следующая кадровая проблема строительной отрасли заключается в том, что оплата труда в разных регионах на строительных площадках может существенно отличаться. Основной критерий, который предъявляют работники – это высокая оплата труда, ради этого рабочие могут соглашаться на работу вахтовым методом на удаленной строительной площадке, однако, им квалификации, как правило, для этого не хватает, поэтому наблюдается текучесть кадров, работники часто переходят в новые строительные организации и часто меняют место работы.

Проблема дефицита квалифицированных кадров на практике решается стихийно, используя бригады рабочих, как первичный организационный элемент трудовых ресурсов строительной организации. В результате один из работников, который уже имеет опыт работы в строительной организации и обладает профессиональными качествами, формирует бригаду из своих знакомых или даже родственников, которая, заключив договор с небольшой организацией субподрядчика, будет выполнять строительные работы. Бригада выходит на рынок труда строительной отрасли и будет переходить от одной строительной орга-

низации к другой в поисках достойной заработной платы, более благоприятных условий труда, сталкиваясь с проблемами выплат по заработной плате и нарушениями условий подписанного договора.

Задача современной системы управления занятостью населения определяется необходимостью способствовать стабильности рынка труда, который находится в прямой зависимости от спроса и предложения. Специалисты по управлению кадрами, на основании проведенных маркетинговых и социологических мониторингов, должны разрабатывать и проводить комплексы своевременных мероприятий по существующей проблеме для того, что предотвратить любые диспропорции. Стратегические меры должны учитывать особенности сферы труда, в нашем случае, это специфика строительной отрасли, также адекватно реагировать на структурные изменения кадрового обеспечения. Процесс формирования кадров должен быть управляемым, так как он является частью социальной политики общества в целом [1, с. 9].

В настоящее время возникла необходимость системного взаимодействия строительной отрасли и отраслевого профессионального образования. В результате такого взаимопроникновения должен быть сформирован новый формат кадровой подготовки специалистов. Данный путь интегрирования необходим еще и потому, что реформы, которые проходят в строительной отрасли и в образовательной системе, должны реализовываться путем организации отраслевой системы непрерывного опережающего кадрового обеспечения. Такая система может существовать только, основываясь на единой инновационной, образовательной и научной базе, имеющей правовую поддержку, по подготовке и переподготовке квалифицированных кадров, учитывая при осуществлении этой деятельности, интегрированные процессы между разными уровнями профессионального образования и объединение образовательных, и профессиональных ресурсов всех образовательных учреждений строительной отрасли. Основной задачей образования многоуровневой системы является подготовка кадров, которые будут соответствовать деятельности инновационных предприятий в условиях рыночной экономики.

Таким образом, строительная отрасль в настоящих условиях находится в неблагоприятных условиях делового климата. Проблема отрасли заключается в том, что сегодня наблюдается слабый совокупный спрос на услуги строительных организаций со стороны основных заказчиков, к которым относятся: государство, корпоративный сектор и население. В то же время в настоящее время отмечается процесс небольшой стабилизации, связанный с процессами восстановления экономики. Позитивные изменения могут побудить государство, корпоративный сектор и населения увеличить свою инвестиционную активность.

Литература:

1. *Жаденова С.В.* О прогнозировании кадрового потенциала строительной отрасли на основе выпуска специалистов всех уровней строительного образования/ *Науковедение*. 2016. № 5. С. 9–15.
2. Комитеты и Комиссии Российского союза промышленников и предпринимателей. URL : <http://рспп.рф/cc/news/> (дата обращения 30.01.2019).
3. *Селютина Л.Г.* Особенности инновационно-инвестиционных процессов в современном строительстве / Л.Г. Селютина, Н.В. Митягина // Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития: Материалы научно-практической конференции. Иркутск, 2016. С. 319.

Literature:

1. *Zhadenov S.V.* On the forecasting of the personnel potential of the construction industry on the basis of graduates of specialists at all levels of construction education / *Naukovedenie*. 2016. № 5. С. 9–15.
2. Committees and Commissions of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. URL : <http://рспп.рф/cc/news/> (appeal date 01/30/2019).
3. *Selyutina L.G.* Features of innovative-investment processes in modern construction / L.G. Selyutina, N.V. Mityagina // Problems of economics and construction management in an environmentally-oriented development: Materials of the scientific-practical conference. Irkutsk, 2016. P. 319.

Туркина Диана Евгеньевна
специалист,
кафедра финансов и экономики,
Международный банковский институт
Dina_bolataeva@mail.ru

Зарецкий Алексей Андреевич
разработчик
компьютерно-ориентированных
технологий,
Московский государственный университет
alexey.zaretskiy@gmail.com

ТРИ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЗАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

■ ■ ■

Аннотация. Индустрия банковских и финансовых услуг является крупнейшим потребителем продуктов и услуг в области информационных технологий во всем мире. Даже на таких уровнях расходов, где новые продукты и услуги внедряются каждый день, существует огромное количество ручной и повторяющейся работы, которая продолжает снижать производительность. Реальность такова, что даже самое сложное программное обеспечение, будь то автоматизация маркетинга, управление взаимоотношениями с клиентами, планирование ресурсов предприятия и т.д. создает проблемы, например, когда разрозненные внутренние и внешние системы не интегрированы и создают множество ручных бизнес-процессов вокруг них. В данной статье представлены основные проблемы автоматизации бизнес-процессов в коммерческих банках. В ней дано определение автоматизации, и какое воздействие оно оказывает на саму специфику работы коммерческого банка. В работе указаны ряд отраслей банковской сферы, в которых применение автоматизации на современном этапе затруднительно. Однако процессы автоматизации банковской сферы деятельности набирают с каждым годом новые обороты, все больше роботов заменяют человеческий ресурс.

Ключевые слова: проблемы, банки, бизнес-процессы, автоматизация.

■ ■ ■

Решение проблем автоматизации бизнес-процессов напрямую влияет на эффективность и стратегические показатели коммерческих банков, что, несомненно, обеспечивает уровень прибыльности. Оптимизируя бизнес-процессы, коммерческие банки повышают свою эффективность.

Diana E. Turkina
Specialist,
Department of Finance and Economy,
International Bank Institute
Dina_bolataeva@mail.ru

Alexey A. Zaretsky
Developer
computer focused
technologies,
Moscow State University
alexey.zaretskiy@gmail.com

THREE KEY ISSUES IN THE AUTOMATION OF BUSINESS PROCESSES IN COMMERCIAL BANKS

■ ■ ■

Annotation. The banking and financial services industry is the largest consumer of products and services in the field of information technology worldwide. Even at such cost levels, where new products and services are introduced every day, there is a huge amount of manual and repetitive work that continues to reduce productivity. The reality is that even the most complex software, be it marketing automation, customer relationship management, enterprise resource planning, etc. creates problems, for example, when disparate internal and external systems are not integrated and create many manual business processes around them. This article presents the main problems of automation of business processes in commercial banks. It provides a definition of automation, and what impact it has on the very specifics of the commercial Bank. The paper identifies a number of sectors of the banking sector in which the use of automation at the present stage is difficult. However, the processes of automation of the banking sector are gaining new momentum every year, more and more robots replace human resources.

Keywords: problems, banks, business processes, automation.

■ ■ ■

Основным способом оптимизации бизнес-процессов считается компьютерная автоматизация. На современном этапе можно выделить 3 основных системы автоматизации бизнес-процессов, которые используются в коммерческих банках. Это автоматизированная банковская система (АБС), система электронного доку-

ментооборота (СЭД) и система управления отношениями с клиентами (CRM) [1, с. 125].

Среди ключевых проблем автоматизации бизнес-процессов в коммерческих банках можно выделить распределение обязанностей и ответственности между сотрудниками. Все больше коммерческих банков старается автоматизировать бизнес-процессы путем роботизации. При применении процесса роботизации следует ускорение процесса, повышение точности и качества, и сокращение персонала. Сама роботизация требует больших финансовых вложений, при этом существует проблема распределения должностей и обучения сотрудников новым обязанностям. При автоматизации рутинных операций происходит сокращение персонала, при этом оставшиеся сотрудники должны обладать существенными знаниями и иметь высокую квалификацию.

Быстро развивающиеся технологии автоматизации, включая автоматизацию роботизированных процессов и машинное обучение, могут бросить вызов существующим бизнес-моделям, основанным на «людях». В большинстве случаев, роботы могут быть обучены делать многие рабочие процессы без их знаний.

Банки и финансовые учреждения требуют, чтобы клиенты предоставляли информацию о себе и своих финансах через множество каналов (веб-сайт, физические формы, мобильные платформы, сторонние платформы и т.д.). Информация о клиентах должна проходить через внутренние процессы банка, а также процессы, которые требуют соблюдения нормативных требований различными внешними органами. Такие процессы могут включать в себя проверку данных, проверку личности, финансовые махинации, проверки по борьбе с отмыванием денег и т.д. Все это требует ввода данных и извлечения из различных внутренних и внешних систем, что приводит к трате времени на повторяющиеся задачи. Все эти процессы можно выполнить при помощи роботов [2, с. 125].

Однако рекомендуется, чтобы автоматизация осуществлялась поэтапно, с начальными реализациями, сосредоточенными только на задачах, основанных на правилах, с постепенным переходом к «умной автоматизации», где роботы будут активированы для осуществления большего количества решений на основе дополнительных наборов данных машинного обучения.

Рассматривая процессы в розничных и коммерческих банках, обнаруживается, что полномасштабная автоматизация по-прежнему незначительна в любой части бизнеса, в целом. Неудивительно, что область платежей банка является наиболее удаленной, в соответствии с исследованиями. В предоставлении финансовых услуг примерно каждое десятое бизнес-подразделение достигло полномасштабной реализации интеллектуальной автоматизации.

При этом на современном этапе имеются области, где усилия финансовых организаций не охватывают процесс автоматизации:

– фокусировка на случаях использования с высокой отдачей;

– преодоление проблем бизнеса, технологий и людей.

Однако в реализации автоматизации бизнес-процессов в коммерческих банках существует ряд проблем. Одной из них является то, что более половины организаций сосредоточены на тех случаях использования автоматизации бизнес-процессов, которые трудно решить, и имеют более медленный, чем средний срок окупаемости. Это говорит о том, что эти усилия, возможно, были бы лучше потрачены на менее сложные задачи, где ценность решения, возможно, была бы ниже, но реализация гораздо проще и эффективнее. Помимо простоты, эти варианты использования (автоматизированные процессы, автоматизация обслуживания счетов, бизнес-аналитика, отчетность и т.д.) могли бы предоставить финансовое обоснование для инвестиций в более сложные решения [3, с. 172].

Некоторые из бизнес-вопросов включают отсутствие координации между бизнес-подразделениями, отсутствие построения бизнес-кейса для реализации, а также отсутствие лидерских обязательств. Проблемы технологии включают проблемы устаревших систем, безопасности, конфиденциальности, а также отсутствие определенного метода обработки данных в организации [4, с. 69].

Вероятно, самым большим препятствием для успешной реализации инициатив автоматизации является отсутствие доступных «танталов». Ожесточенная конкуренция за таланты является частью проблемы, при этом большая часть банков указывает на то, что существует интенсивная конкуренция за таланты в то числе, среди незначительных коммерческих банков.

Таким образом, автоматизация представляет собой набор инструментов и процедур, чтобы сделать бизнес-процессы более эффективными, однако это приводит к новым проблемам:

– появления у клиентов чувства нейтрального обращения банка с ними. Это связано с тем, что автоматизация разного рода бизнес-процессов приводит к тому, что клиенты не получают должного к себе отношения, а лишь простую поддержку в виде автоматических ответов;

– отсутствия должного уровня специалистов, которые могли бы обслуживать должным образом автоматические бизнес-процессы в коммерческих банках;

– наличия разрозненных внутренних и внешних систем не интегрированных, что приводит к созданию множества ручных бизнес-процессов вокруг них.

Литература:

1. *Демин Д.А.* Проблемные вопросы внутреннего контроля в коммерческих банках // Сервис plus, 2012. № 4. С. 34–40.
2. *Досмухамедов Б.Р.* Моделирование и подходы к управлению бизнес-процессами в микрофинансовых организациях // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2013. № 2. С. 121–130.
3. *Рудакова О.С.* Особенности имитационного моделирования бизнес-процессов современной организации // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2. С. 171–177.
4. *Шилкина А.Т.* Особенности внедрения процессного подхода в коммерческом банке // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2011. № 24. С. 68–72.

Literature:

1. *Dyomin D.A.* Problematic issues of internal control in commercial banks // Plus Service. 2012, № 4. P. 34–40.
2. *Dosmukhamedov B.R.* Modeling and approaches to management of business processes in microfinance institutions // Bulletin of the Astrakhan state technical university. Series: Management, computer facilities and informatics. 2013. № 2. P. 121–130.
3. *Rudakova O.S.* Features of imitating modeling of business processes of the modern organization // Terra Economicus. 2009. T. 7. № 2. C. 171–177.
4. *Shilkina A.T.* Features of introduction of process approach in commercial bank // Bulletin of the Volga university of V.N. Tatishchev. 2011. № 24. P. 68–72.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 15.04.2019
Подписано в печать 19.04.2019
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 12,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 28

e-mail: id.yug2016@gmail.com